

**ФГБОУ ВПО
«Арзамасский государственный педагогический институт
им. А.П.Гайдара»**

**Арзамасское отделение
нижегородской областной организации
Союза Писателей России**

Арзамасская **СТОРОНА**

Альманах

Выпуск 6

**Арзамас
АГПИ
2012**

УДК 082.2
ББК 94
А 80

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Арзамасского государственного педагогического института
им. А.П. Гайдара

Редакционный совет:

Евгений Павлович Титков, главный редактор
Юрий Александрович Курдин, заместитель главного редактора
Сергей Павлович Никонов, технический и художественный редактор
Алексей Александрович Исаков, ответственный секретарь

Члены редакционного совета:

Сергей Николаевич Пяткин
Борис Сергеевич Кондратьев
Олег Евгеньевич Андреев
Юрий Владимирович Назаров (г. Сергач)

А 80 Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 6 / АГПИ им.
А.П.Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2012. 488 с.
ISBN

Альманах подготовлен к 200-летию победы в Отечественной войне
1812 года, 70-й годовщине Сталинградской битвы. Большая часть материа-
лов представлена членами Арзамасского отделения Нижегородской писа-
тельской организации Союза писателей России.

УДК 082.2
ББК 94

ISBN

© Арзамасский государственный
педагогический институт
им. А.П. Гайдара, 2012

2012

Арзамасская СТОРОНА

2012

Альманах издаётся в Арзамасском государственном педагогическом
институте им. А.П. Гайдара

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
1812	
Алексей ЭЙСНЕР. Конница	7
Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ. Гроза двенадцатого года	10
Сергей ИГОНЬКИН. С Богом, верой и штыком	32
Вячеслав ПАНКРАТОВ. В плену врагу жилось не худо	42
Воспоминания арзамасцев о 1812 годе	
М. НАЗИМОВ	47
Н. ШИПОВ	51
Борис БЫКОВ. 1812 год. Стихи	53
ПРОЗА	
Валерий КЛИМОВ. Легион чести. Роман. Окончание	59
Виктор АРЕФЬЕВ. Волк. Рассказ	125
Бандит поневоле. Рассказ	133
Ирина КУЗИНА. И была жизнь	160
ПОЭЗИЯ	
Памяти Александра ПЛОТНИКОВА	168
Памяти Владимира ТЕНЕТКОВА	171
Нина ВИНУКUROVA. Сквозь цветы	174
Дмитрий ПИГИН. Стихотворения	179
Василий АГАФОНОВ. Стихотворения	181
КНИГА В АЛЬМАНАХЕ	
Вячеслав ВАСИЛЬЕВ. Детства солнечная сторона. Очерки	185
Вячеслав ВАСИЛЬЕВ. Металл и слово. Стихотворения	207
Василий АГАФОНОВ. О Вячеславе Васильеве	214

ДИСКУССИОННАЯ СТРАНИЦА

Евгений КУЗНЕЦОВ. Время и люди. (Окончание)	221
Александр ШИРИНЯНЦ. Ещё раз о М.Н. Каткове	237

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Николай КОНЯЕВ. Благословение как исторический факт ..	252
Ненаписанный рассказ	269
Борис КОНДРАТЬЕВ, Наталия СУЗДАЛЬЦЕВА. Тайна «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского	281
Миф о русском скитальце	289
Сергей ПЯТКИН. Пушкин в прозе Б.А. Садовского	301
Елена МУСАТКИНА. О мотиве ухода в поздней лирике С. Есенина	317

ПРАВОСЛАВНЫЙ АРЗАМАС

Евгений ТИТКОВ. Крест святителя гонимой Церкви	325
Валентин СТЕПАШКИН. Рассказ о первоначальнике Саровском, старце Иоанне	360

РУССКИЙ ХРОНОГРАФ

Олег АНДРЕЕВ. Ратный подвиг русского воинства в Оте- чественной войне 1812 года	384
Валентин МЕЖЕНИН. От пиктографии до подвига Солун- ских братьев	398
	410

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Маргарита АНИКИНА. «Быть посему». К 150-летию Арза- масской Екатерининской женской гимназии	429
«Я рос в городке Арзамасе».	
К 100-летию приезда в Арзамас семьи Голиковых	438
«Сослан был под надзор поли- ции». К 110-летию арзамасской ссылки А.М. Горького	445
Светлана СКРЯБИНА. Искусных рук чудесное творение (золотное шитьё монахинь и послушниц арзамасских мона- стырей)	454
Светлана КАЗНИНА. Из арзамасского окружения А.М. Горького – сапожник А.П. Забродин	473

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

483

Дорогие читатели, сегодня я рад представить вам шестой выпуск альманаха «Арзамасская сторона». Шесть солидных томов – это уже небольшая традиция, и я не мог удержаться от того, чтобы не ухватить самое главное в ней одним ёмким сло-

вом. Это слово – Память. «Арзамасская сторона» – концентрированное выражение коллективной памяти тех, для кого профессия учёного и педагога – дело жизни. Прежде всего, хочется обратить ваше внимание на два небольших материала именно мемориального характера. Дело в том, что в этом году из жизни ушли два арзамасских поэта – учитель и ученик, Александр Плотников и Владимир Тенетков. Александр Иванович был первым нашим поэтом, творчество которого приобрело общероссийское значение. Вряд ли эту утрату удастся возместить в обозримом будущем. Владимир Тенетков ушёл, готовя новую книгу и далеко не реализовав себя. Ещё одна подборка посвящена давно ушедшему от нас поэту Вячеславу Васильеву, которому в этом году могло бы исполниться 75 и который, вполне возможно, мог встать рядом с Александром Ивановичем... С этими материалами удивительным образом перекликаются воспоминания наших земляков и краеведческие изыскания о «грозе двенадцатого года», роман, написанный потомком русского офицера, сражавшегося в первую мировую, и рассказы, в которых перед нами предстаёт судьба русского крестьянина в двадцатом веке, арзамасские страницы биографии Аркадия Гайдара и Максима Горького, трагическая судьба первоначальника Саровской пустыни и ещё многое из того, о чём русскому человеку забывать нельзя.

Евгений Тутков, ректор АГПИ им. А.П.Гайдара

1812

**АЛЕКСЕЙ
ЭЙСНЕР****1905-1984**

Окончил кадетский корпус в Сараево. В Европе зарабатывал на жизнь мойкой окон, рабочим на стройках. Был участником литературного объединения русских эмигрантов в Праге «Скит» (1922—1940). С конца 1920-х гг. стремился вернуться в СССР и в 1934 году вступил в Союз возвращения на Родину. В 1936 году защищал Республику в Испании, был бойцом 12-й Интернациональной бригады, адъютантом генерала Лукача. В 1940 году вернулся в СССР, но вскоре был арестован и приговорён по статье 58-10 к 8 годам воркутинских лагерей, а потом отправлен в «ссылку навечно» в Карагандинскую область. В 1956 году реабилитирован, вернулся в Москву.

КОННИЦА

Толпа подавит вздох глубокий,
И оборвется женский плач,
Когда, надув свирепо щеки,
Поход сыграет штаб-трубач.

Легко вонзятся в небо пики.
Чуть заскрежещут стремена.
И кто-то двинет жестом диким
Твои, Россия, племена.

И воздух станет пьян и болен,
Глотая жадно шум знамен,
И гром московских колоколен,
И храп коней, и сабель звон.

И день весенний будет страшен,
И больно будет пыль вдыхать...
И долго вслед с кремлевских башен
Им будут шапками махать.

Но вот леса, поля и села.
Довольный рев мужицких толп.
Свистя, сверкнул палаш тяжелый,
И рухнул пограничный столб.

Земля дрожит. Клубятся тучи.
Поет сигнал. Плывут полки.
И польский ветер треплет круче
Малиновые башлыки.

А из России самолеты
Орлиный клекот завели.
Как птицы, шуряты пилоты,
Впиваясь пальцами в рули.

Надменный лях коня седлает,
 Спешит навстречу гордый лях.
 Но поздно. Лишь собаки лают
 В сожженных мертвых деревьях.

Грени, суворовская слава!
 Глухая жалость, замолчи...
 Несет привычная Варшава
 На черном бархате ключи.

И ночь пришла в огне и плаче.
 Ожесточенные бойцы,
 Смеясь, насилуют полячек,
 Громят костелы и дворцы.

А бледным утром – в стремя
 снова.
 Уж конь напоен, сыт и чист.
 И снова нежно и сурово
 Зовет в далекий путь горнист.

И долго будет Польша в страхе,
 И долго будет петь труба, –
 Но вот уже в крови и прахе
 Лежат немецкие хлеба.

Не в первый раз пылают храмы
 Угрюмой, сумрачной земли,
 Не в первый раз Берлин упрямый
 Чеканит русские рубли.

На пустырях растет крапива
 Из человеческих костей.
 И варвары баварским пивом
 Усталых поят лошадей.

И пусть покой солдатам снится –
 Рожок звенит: на бой, на бой!..

И на французские границы
 Полки уводит за собой.

Опять, опять взлетают шашки,
 Труба рокочет по рядам,
 И скачут красные фуражки
 По разоренным городам.

Вольнолюбивые крестьяне
 Еще стреляли в спину с крыш,
 Когда в предутреннем тумане
 Перед разездом встал Париж.

Когда ж туман поднялся выше,
 Сквозь шорох шин и вой гудков
 Париж встревоженно услышал
 Однообразный цок подков.

Ревут моторы в небе ярком.
 В пустых кварталах стынет суп.
 И вот под Триумфальной аркой
 Раздался медный грохот труб.

С балконов жадно дети смотрят.
 В церквах трещат пуды свечей.
 Всё громче марш. И справа по
 три
 Прошла команда трубачей.

И крик взорвал толпу густую,
 И покачнулся старый мир, –
 Проехал, шашкой салютуя,
 Седой и грозный командир.

Плывут багровые знамена.
 Грохочут бубны. Кони ржут.
 Летят цветы. И эскадроны
 За эскадронами идут.

Они и в зной, и в непогоду,
 Телами засыпая рвы,
 Несли железную свободу
 Из белокаменной Москвы.

Проходят серые колонны,
 Алеют звезды шишаков.
 И вьются желтые драконы
 Манджурских бешеных полков.

И в искушенных парижанках
 Кровь закипает, как вино,
 От пулеметов на тачанках,
 От глаз кудлатого Махно.

И, пыль и ветер поднимая,
 Прошли задорные полки.
 Дрожат дома. Торцы ломая,
 Хрипя, ползут броневики.

Пал синий вечер на бульвары.
 Еще звучат команд слова.
 Уж поскакали кашевары
 В Булонский лес рубить дрова.

А в упоительном Версале
 Журчанье шпор, чужой язык.
 В камине на бараньем сале
 Чадит на шомполах шашлык.

На площадях костры бушуют.
 С веселым гиком казаки
 По тротуарам джигитуют,
 Стреляют на скаку в платки.

А в ресторанах гам и лужи.
 И девушки сквозь винный пар

О смерти молят в неуклюжих
 Руках киргизов и татар.

Гудят высокие соборы,
 В них кони фыркают во тьму.
 Черкесы вспоминают горы,
 Грустят по дому своему.

Стучит обозная повозка.
 В прозрачном Лувре свет и крик.
 Перед Венерою Милосской
 Застыл загадочный калмык...

Очнись, блаженная Европа,
 Стряхни покой с красивых век, –
 Страшнее труса и потопа
 Далекое Азии набег.

Ее поднимет страсть и воля,
 Зарей простуженный горнист,
 Дымок костра в росистом поле
 И занесенной сабли свист.

Не забывай о том походе.
 Пускай минуло много лет –
 Еще в каком-нибудь комодке
 Хранишь ты русский эполет...

Но ты не веришь. Ты спокойно
 Струишь пустой и легкий век.
 Услышишь скоро гул
 нестройный
 И скрип немзанных телег.

Молитесь, толстые прелаты,
 Мадонне розовой своей.
 Молитесь! – Русские солдаты
 Уже седлают лошадей.

СЕРГЕЙ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

Известный российский историк, философ, писатель, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат литературных премий, в том числе всероссийских премий им. Н.М. Карамзина, «Александр Невский», Большой литературной премии России. Автор более 30 научных, научно-художественных и художественных книг. Один из авторов линии учебников по истории России для 6–9 классов общеобразовательных учреждений.

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА...»

*«Гроза двенадцатого года
Настала - кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?»
(А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»)*

1

Главным «возмутителем спокойствия» в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. была Франция. Но французский император Наполеон Бонапарт хотел, чтобы Франция господствовала не только в Европе, но и во всём мире. В 1805 году Россия, Англия, Австрия, Швеция и Королевство обеих Сицилий заключили **третью антифранцузскую коалицию**. Целью коалиции было изгнание французских войск со всех завоёванных ими территорий и восстановление во Франции дореволюционных порядков. Для этого создавалась объединённая армия союзников, основной силой которой становились русские и австрийские войска.

Однако Наполеон разрушил стратегические планы союзников. Не дожидаясь объединения союзнических сил, он решил уничтожать их поодиночке. Сначала он разбил австрийцев и захватил их столицу - Вену. В ноябре 1805

года Наполеон попытался отрезать пути отхода русской армии, которая в то время находилась в Чехии, и которой командовал М.И. Кутузов. Но Кутузов смог вывести свои войска из-под удара.

Генеральное сражение между французскими и русско-австрийскими войсками состоялось 25 ноября (2 декабря - по новому стилю) 1805 года у деревни Аустерлиц (сейчас г. Славков в Чехии). Это сражение получило известность как «битва трёх императоров», поскольку французскую армию возглавлял император Наполеон, а при войсках союзников находились русский император Александр I и австрийский император Франц I.

М.И. Кутузов, назначенный командующим союзной армии, выступил против сражения с Наполеоном. Кутузов считал, что французская армия занимает гораздо более удобные позиции, что даёт большое преимущество французам. Однако император Александр I отверг возражения командующего. Выгодность французских позиций дополнялась военным гением Наполеона. Искусным маневром Наполеон разорвал русско-австрийские ряды и решительным ударом по австрийцам прорвал центр позиций союзников. Австрийцы побежали. Многочисленные проявления личного мужества русских солдат и офицеров не могли спасти русско-австрийскую армию от полного разгрома. Главная вина за поражение была возложена на М.И. Кутузова, что выводило из-под критики самого императора Александра I. Кутузова отозвали из армии.

Сразу же после Аустерлица Австрия вышла из войны и подписала с Францией сепаратный мир. Но война с Францией не закончилась.

После поражения третьей антифранцузской коалиции, Александр I стал инициатором создания новой, четвёртой антифранцузской коалиции. В неё вошли Россия, Англия, Пруссия, Саксония и Швеция.

В октябре 1806 года французы разбили прусские войска, оккупировали бóльшую часть Пруссии и заняли Берлин. В Берлине Наполеон подписал распоряжение о континентальной блокаде Англии: всем европейским странам запрещалось торговать с Англией. Таким, способом Наполеон стремился экономически ослабить одного из своих главных противников.

В ноябре 1806 года Наполеон двинул свои войска навстречу русской армии, которой сначала командовал М.Ф. Каменский, а за-

тем Л.Л. Беннигсен. Зимой 1806–1807 гг. борьба развернулась на территории Польши и Восточной Пруссии. Военные действия проходили с переменным успехом. Но в июне 1807 года в сражении под Фридландом русская армия потерпела сокрушительное поражение и отошла на свою территорию, за р. Неман. Продолжать войну в одиночку Россия более не могла. Да и Наполеон желал перемирия, ибо его армия понесла большие потери.

В июне 1807 года в г. Тильзите на р. Неман состоялись мирные переговоры между Францией и Россией. Прямо посреди Немана, который был пограничной рекой, был построен плот с большим павильоном. В этом павильоне и встретились Наполеон Бонапарт и Александр I. Переговоры они вели один на один, без участия министров своих стран. Как это ни печально, но русскому императору пришлось согласиться с большинством требований, выдвинутых Наполеоном.

В соответствии с Тильзитским мирным договором, Александр I признавал все завоевания Наполеона в Европе. На польских землях, которыми владела Пруссия, создавалось Варшавское герцогство, полностью подконтрольное Наполеону. Россия передавала Франции Ионические острова, которые освободил ещё Ф.Ф. Ушаков в ходе Средиземноморского похода. Наиболее тяжёлым условием Тильзитского мира стало присоединение России к континентальной блокаде Англии. Полное выполнение этого условия могло привести к быстрому разорению не только Англии, но и России. Ведь русские дворяне сбывали в Англию свою сельскохозяйственную продукцию, а русские купцы активно торговали английскими товарами.

Наконец, Наполеон настоял на том, чтобы Россия вступила в войну со Швецией. Исполняя это условие, в марте 1808 года Россия открыла военные действия против Швеции. Уже первые сражения принесли успех России, а к сентябрю 1808 года русские войска овладели южной и средней Финляндией и о. Готланд. В марте 1809 года два корпуса русской армии, которыми командовали М.Б. Барклай де Толли и П.И. Багратион совершили героический переход по льду Ботнического залива и заняли Аландские острова. После этого Швеция была вынуждена пойти на мирные переговоры, которые завершились в сентябре 1809 года подписанием мирного договора. По условиям этого соглашения к России отошли Финляндия и Аландские острова.

Финляндия никогда не имела собственной государственности, оставаясь на протяжении многих веков владением Швеции. Точно также могла повести себя и Россия, сделав Финляндию своей самой северной губернией. Но император Александр I поступил иначе. Он повелел принять Финляндию в состав Российской империи на правах особого великого княжества.

Великое княжество Финляндское стало наместничеством: во главе государства стоял российский император, а княжеством управлял наместник - генерал-губернатор. Столицей княжества был объявлен город Гельсингфорс (Хельсинки).

По воле императора Финляндия получила Конституцию и множество свобод, которых не имели другие регионы России. Финнам были гарантированы свобода и незыблемость их вероисповедания (лютеранства), а также коренных законов, прав и преимуществ. В Финляндии создавался парламент (сейм), имевший право принимать законы, касавшиеся внутренней жизни. Княжество имело свою казну, таможенные барьеры с Россией. Финляндию освободили от расходов на содержание русской армии, а её население не исполняло воинской повинности. Таким образом, Финляндия становилась самым свободным регионом в Российской империи.

Император Александр I пошёл на столь широкую автономию Финляндии потому, что хотел показать всей Европе себя, как монарха, который правит на основе закона и уважения традиций. Он стремился доказать европейским народам, что ценит свободу не меньше Наполеона, а даже больше.

Несмотря на то, что основные дипломатические и военные усилия России в начале XIX века были сосредоточены на европейских делах, однако России хватало сил проводить активную внешнюю политику на своих восточных границах.

Присоединение в 1801 г. Грузии к России вызвало недовольство Ирана. В 1804 году Иран выдвинул России ультиматум с требованием вывести все русские войска из Закавказья. Россия отказалась выполнить этот ультиматум. Тогда иранская армия начала наступление на Тифлис (Тбилиси). Так началась русско-иранская война 1804–1813 гг., закончившаяся Гюлистанским мирным договором: Иран признал присоединение к Российской империи Грузии, Дагестана и Северного Азербайджана.

Одновременно состоялась русско-турецкая война 1806–1812

гг., которая была спровоцирована Турцией, надеявшейся, при поддержке Наполеона, взять реванш за прошлые свои поражения. Война проходила с переменным успехом, пока в 1811 году Дунайскую армию не возглавил М.И. Кутузов. Он разбил турецкие войска под Рущуком и Слободзеей, и тем самым вынудил Турцию пойти на мирные переговоры. В мае 1812 года между Россией и Турцией был заключен *Бухарестский мирный договор*. Была определена новая русско-турецкая граница, Россия получала Бессарабию (часть территории Молдавии). На Кавказе за Россией осталась добровольно присоединившаяся к ней Западная Грузия. Кроме того, Сербии была предоставлена автономия, имевшая исключительно важное значение для успешного завершения многовековой борьбы сербского народа за независимость. Этот мирный договор был подписан за месяц до нападения Наполеона на Россию.

2

Тильзитский мир тяжёлой ношей лёг на плечи России. Во-первых, в связи с участием в континентальной блокаде, объём торговли России с Англией сократился на 43%. Это грозило скорым крахом всей экономики страны. Разными способами Россия стала нарушать блокаду Англии, вызывая тем самым нарастающее раздражение Наполеона. Во-вторых, Россия не могла согласиться с претензиями Франции на безусловную политическую гегемонию в Европе. В-третьих, значительная часть российского общества относилась к наполеоновской Франции как к врагу, а Тильзитский мир воспринимала как унижение России. Да и сам император Александр I рассматривал Тильзитский мир лишь как временную передышку. Поэтому почти сразу после Тильзита Россия начала готовиться к новой войне с Францией.

Но и Наполеон смотрел на Россию как на последнюю помеху в достижении столь чаемого им мирового господства. Он заявлял: «Через пять лет я буду господином мира; остаётся одна Россия, но я раздавлю её». Ещё в 1810 году, понимая, что мир с Россией недолговечен, Наполеон начал подготовку новой войны. Ему удалось подготовить для войны с Россией огромную армию, которую стали называть «Великой». «Великая армия» насчитывала около 600–650 тыс. человек и 1350–1370 артиллерийских орудий. В «Великой армии»

были собраны представители разных европейских народов: австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, испанцы, бельгийцы, поляки. Французы составляли менее половины общего числа армии. Фактически в войну с Россией вступила вся Европа. Весной 1812 года «Великая армия» сосредоточилась возле реки Неман.

В армии России к началу войны насчитывалось 317 тыс. человек, собранных в три армии, стоявших на большом удалении друг от друга. 1-я Западная армия под командованием военного министра, генерала М.Б. Барклая де Толли (120 тыс. человек) прикрывала петербургское направление. 2-я Западная армия генерала П.И. Баграциона (50 тыс. чел.) прикрывала московское направление. 3-я армия генерала П.А. Тормасова (44 тыс. чел.) закрывала дорогу на Киев. Эти армии дополняли три отдельных корпуса, стоявших в разных районах. Были еще Дунайская армия адмирала П.В. Чичагова в Валахии и отдельный корпус в Финляндии, но они на первом этапе войны участия в боевых действиях не принимали. Таким образом, в зоне вторжения Наполеона численность русских войск была примерно в полтора раза меньше численности «Великой армии».

Русские солдаты всегда славились выдающейся храбростью и стойкостью. Но, к сожалению, русская армия в тот момент была значительно ослаблена отсутствием единого командования. Главкомандующим армии считался М.Б. Барклай де Толли, который был замечательным, умным и храбрым военачальником. Однако он не пользовался авторитетом у солдат и офицеров. К тому же, у Барклая де Толли сложились неприязненные отношения с П.И. Баграционом, не менее талантливым военачальником.

Наполеон, обладая численным перевесом и огромным военным опытом, решил разбить русские армии поодиночке в приграничных сражениях, а затем принудить императора Александра I к позорному миру.

Война началась в ночь на 12 июня 1812 года, когда «Великая армия» перешла Неман возле г. Ковно (ныне г. Каунас в Литве). Весь ход войны распадается на два больших этапа. На первом этапе (12 июня - 12 октября) стратегическая инициатива (т.е. возможность определять место, время и способ ведения боевых действий) находилась в руках Наполеона.

Главной задачей 1-й и 2-й русских армий стало соединение сил. Наполеон хотел в первую очередь уничтожить 2-ю армию П.И.

Багратиона. Но искусным маневром Багратиону удалось оторваться от преследования. Столь же искусен оказался и Барклай де Толли. Отступая, русские армии непрерывно наносили удары по врагу, изматывали его, выказывали беспримерный героизм.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИЙ К НАЧАЛУ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ВОЙСК	РОССИЯ (в том числе части, расположенные на Дунае, Кавказе и др.)	ФРАНЦИЯ (без союзных воинских частей Австрии и Пруссии)
ПЕХОТА	283 000	360 000
КАВАЛЕРИЯ	14 000	70 000
АРТИЛЛЕРИЯ	25 000	35 000
ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО	30 000	-
ВСЕГО:	352 000	465 000

11 июля 1812 года у деревни Салтановка (южнее Могилёва), прикрывая отход 2-й армии Багратиона за Днепр, в бой с французскими войсками вступил корпус генерала Н.Н. Раевского. Французы вчетверо превосходили силы русских. Бой длился 11 часов. В самый решительный момент, когда русские солдаты дрогнули, генерал Раевский сошёл с коня и лично повёл в атаку один из полков. Рядом с Раевским в атаку шли его сыновья - 16-летний Александр и 11-летний Николай. Геройский пример командира и его детей так воодушевил солдат, что они рванулись вперед и опрокинули врага. Благодаря мужеству корпуса Раевского армия Багратиона без потерь переправилась через Днепр.

Только 22 июля 1812 года обеим армиям удалось соединиться в районе г. Смоленска. Наполеон желал генерального сражения, в котором надеялся разгромить русские войска и тем самым закончить войну. Однако осторожный Барклай де Толли вполне справедливо считал, что русская армия пока не готова к такой битве.

26 июля, объединив силы, русские войска предприняли наступление против французов. Но войска Наполеона обошли русских с фланга и 4 августа подошли к Смоленску. Город защищали корпус

генерала Н.Н. Раевского и дивизия Д.П. Неверовского. В течение целого дня продолжалось кровопролитное сражение. Французам не удалось взять город. Лишь вечером 4 августа 1-я и 2-я русские армии вернулись к Смоленску. Главнокомандующий М.Б. Барклай де Толли заменил обескровленный корпус генерала Раевского пехотным корпусом генерала Д.С. Дохтурова. И приказал армии продолжить отступление.

На следующий день, 5 августа, французы (180 тыс. человек) вновь обрушились на немногочисленные русские отряды прикрытия (20 тыс. человек). Однако защитники города выстояли ещё целый день и только в ночь на 6 августа покинули Смоленск. Вместе с армией ушли жители города. Не оставили врагу и главную святыню города - чудотворную Смоленскую икону Божией Матери.

Один из современников событий, Ф.И. Глинка, вспоминал: лишь только армия начала оставлять город, как сразу же раздались голоса: «Спасайте икону Смоленской Богородицы!» Скоро эти голоса стали всеобщим кличем, и икона была вынесена из города. «С тех пор, - писал Ф.И. Глинка, - Пресвятая Владычица последовала за войском, внимая молитвам готовящихся на славную смерть или умирающих»

Бои между русским арьергардом и французским авангардом продолжались весь день 6 августа. Русские воины так и не позволили французам догнать отступающие главные силы своей армии.

Незабываемый пример отваги выказал безымянный русский солдат. Будучи отличным стрелком, он укрылся в прибрежных деревьях на берегу Днепра и метко поражал противника. Французы обстреливали его целый день, но не смогли заставить прекратить огонь. Наконец, французы выкатили против русского стрелка пушку, разбили все деревья, в которых тот укрывался. Русский солдат продолжал стрелять и замолчал только к вечеру, после очередного пушечного выстрела. Русский солдат погиб, но даже французы были поражены его мужеством и верностью своему долгу. А о скольких подвигах таких безымянных солдат мы даже и не знаем!

Приказ М.Б. Барклая де Толли об отступление вызвал резкое неудовольствие Багратиона и всплеск недовольства в армии. Чтобы разрядить конфликтную ситуацию, Александр I назначил главнокомандующим фельдмаршала *Михаила Илларионовича Кутузова*. Немолодой полководец с честью принял назначение. Он понимал всю

сложность возложенной на него задачи. Поэтому, в надежде на помощь Божию, перед отъездом в войска он молился перед чудотворной Казанской иконой Божией Матери в Казанском соборе Санкт-Петербурга. А в войсках с радостью ждали приезда фельдмаршала. «Идёт Кутузов бить французов!», - восклицали солдаты. 17 августа М.И. Кутузов прибыл в армию.

3

Необходимо сказать несколько слов о характере начавшейся войны. Нападая на Россию, Наполеон рассчитывал на быструю победу. Но мужество русских солдат и талант военачальников не позволили Наполеону добиться желаемого. А вскоре он столкнулся ещё с одной проблемой - на войну с французским императором стал подниматься весь народ. Этого Наполеон никак не ожидал!

С первых же шагов по русской земле «Великая армия» показала себя как армия захватчиков и грабителей. Наполеоновские солдаты грабили и убивали мирных жителей, разоряли православные храмы, смотрели на русских людей как на собственных рабов. Молва о насилиях передавалась из деревни в деревню, из города в город. Кто-то из мирных жителей уходил в леса, другие следовали за русской армией вместе со всем имуществом и семьями. «Умрём, а рабами не будем!» - говорили в народе.

В ответ на насилия французов, крестьяне стали объединяться в партизанские отряды. Командовали ими отставные солдаты или же кто-то из старост, или просто отважные люди. Крестьяне нападали на небольшие французские отряды, на фуражиров, разъезжающих в поисках продовольствия и корма для лошадей.

Патриотический подъём охватил и тех жителей России, до которых огонь войны не докатился. Дворянство, купечество, городские обыватели и крестьяне жертвовали на нужды армии огромные средства. Всего в 1812 году население России пожертвовало 100 млн рублей - сумму, равную всем военным расходам империи!

Император Александр I всем сердцем поддержал патриотический порыв своего народа и выпустил Манифест о создании народного ополчения. В городах и сёлах сразу же стали создаваться ополченские отряды. Как отмечал очевидец, весь народ «превратился в

ополчение» - общая численность ополчения составила более 420 тыс. человек. Кроме того, крестьяне и мещане добровольно перевозили военные грузы, заготавливали продовольствие и фураж для армии.

Так война с Наполеоном перестала быть войной, которую вели только две армии. Она стала **народной войной**, в которой народ решил сам защищать собственную землю, собственное Отечество от ненасытных захватчиков. Поэтому уже современники стали называть эту войну - **Отечественной**, т.е. войной всего народа в защиту собственного Отечества. С тех пор, эта война так и вошла в историю России, как **Отечественная война 1812 года**.

4

Умудрённый опытом полководец, М.И. Кутузов понимал, что без генерального сражения с французами боевой дух армии и народа мог быть сломлен: так сильно было напряжение чувств, возникшее на волне патриотического подъёма. Для генерального сражения М.И. Кутузов выбрал поле возле села Бородино в 12 км к западу от Можайска и в 110 км перед Москвой. Здесь русская армия могла преградить две дороги, идущие параллельно от Смоленска на Москву, а многочисленные реки, ручьи и овраги должны были затруднить маневры противника.

М.И. Кутузов расположил свои войска на господствующих высотах. Правый фланг обороняла 1-й армия М.Б. Барклая-де-Толли. В центре русской позиции на Курганной высоте оборудовали редут для батареи на 18 орудий. На этом участке стоял корпус генерала Н.Н. Раевского. Поэтому этот участок называли Курганной батареей, или батареей Раевского.

Левое крыло русской позиции обороняла 2-я армия под командованием П.И. Багратиона. Здесь не было естественных преград. Поэтому для укрепления оборонительной линии впереди позиций армии у деревни Шевардино возвели Шевардинский редут, а на самой позиции возле деревни Семёновское построили Семёновские флешы - земляное укрепление на 36 орудий. Так как эти флешы защищали войска под командованием П.И. Багратиона, их сразу же прозвали Багратионовыми. На краю левого фланга на старой Смоленской дороге разместился корпус генерала Н.А. Тучкова.

Общая численность русской армии составляла 115 тыс. солдат

регулярной армии при 640 орудиях, 11 тыс. казаков и 28,5 тыс. плохо вооружённых и необученных ополченцев. Наполеон перед битвой располагал армией в 134 тыс. человек (из них 19 тыс. - гвардия) при 587 орудиях.

Бородинское сражение предварил бой за Шевардинский редут. Всю вторую половину дня 24 августа защитники редута сдерживали превосходящие силы противника, дав возможность русской армии подготовить боевые позиции. И только ночью русские воины по приказу отошли к основным силам. 25 августа обе стороны заканчивали подготовку к битве.

Накануне сражения главнокомандующий русской армии М.И. Кутузов распорядился устроить вдоль всей русской позиции крестный ход со Смоленской иконой Божией Матери. Современник событий Ф.И. Глинка писал: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала... Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле... Везде творилось крестное знамение, по местам слышались рыдания. Главнокомандующий, окружённый штабом, встретил икону и поклонился ей до земли».

Около шести часов утра **26 августа**, в день Сретения Владимирской иконы Божией Матери, сражение началось. Правый фланг русской позиции у с. Бородино атаковал корпус принца Е. Богарне. После полуторачасового боя русские отошли. Но главные события развернулись у Семёновских флешей и Курганной батареи. Корпуса маршалов Л. Даву, М. Нея и И. Мюрата четырежды безуспешно атаковали флешу. Польский корпус генерала И. Понятовского попытался обойти русский левый фланг, однако корпус генерала Н.А. Тучкова устоял.

Наполеон приказал атаковать Курганную батарею, но первая атака захлебнулась. Затем французы вновь трижды атаковали Семёновские флешу и были отброшены. В то же время французы второй раз атаковали Курганную батарею, захватили её, однако русские пехотинцы во главе с генералом А.П. Ермоловым после ожесточённого штыкового боя отбили батарею. Около 12 часов дня началась последняя атака на Семёновские флешу, в которую Наполеон бросил 45 тыс. человек при поддержке 400 орудий. Русское командование подтянуло сюда резервы и 300 пушек. 700 орудий с обеих сторон стреляли без остановки, да так, что пушки не выдерживали и лопались от

накала!

Повсюду русские воины проявляли чудеса героизма. Офицеры и генералы лично водили свои полки и дивизии в штыковые атаки. Во время одной из них погиб командир Ревельского полка генерал-майор Александр Алексеевич Тучков. Подняв полковое знамя, он с криком «Ребята, вперед!» ринулся на французов. Но свинцовый дождь картечи разорвал его грудь. По трагическому совпадению, в этот же самый час, во время штыковой контратаки смертельное ранение в грудь получил его старший брат генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков.

В самый разгар за Семёновские флеши в штыковую контратаку повёл свои войска и П.И. Багратион, но был тяжёло ранен и вывезен с поля боя. Воспользовавшись временным замешательством среди русских, французы захватили флеши. Новый командующий войсками левого фланга П.П. Коновницын отвёл остатки своих войск и построил их для обороны. В это время Кутузов бросил в атаку в обход левого фланга французов конницу генерала Ф.П. Уварова и казаков атамана М.И. Платова. Русская кавалерия лихо прошлась по французским тылам, и Наполеон потратил два часа на ликвидацию этой угрозы.

На левом фланге русской армии главным пунктом обороны стала дер. Семёновское. Ценой огромных потерь, положив в бою цвет своей кавалерии, французам удалось занять Семёновское. Но затем французское наступление на этом участке выдохлось. Теперь основные действия французов сосредоточились в центре. Около 14 часов дня французы в третий раз атаковали Курганную батарею и смогли её захватить. Французы понесли огромные потери, у генерала Раевского погибли почти все его солдаты. Русские организованно отошли на 800 метров и заняли вторую линию обороны. Французы попытались преследовать русских, однако их остановила русская кавалерия.

К концу дня русская армия прочно удерживала позицию от деревни Горки до старой Смоленской дороги, отойдя за день на 1–1,5 км от первоначальной позиции. С наступлением темноты Наполеон отвёл свои войска на исходные позиции к реке Колочи, оставив занятые за день столь высокой ценой русские укрепления. Предварительные подсчеты потерь русских показали невозможность продолжения битвы. М.И. Кутузов принял решение отступить.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ЦИФРАХ
СООТНОШЕНИЕ СИЛ НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

	РУССКАЯ АРМИЯ	ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ
Численность регулярной армии	112 000 - 115 000	130 000 - 134 000
Орудия	640	587 - 1 000
ПОТЕРИ		
Убитые и тяжело раненые	58 000	более 50 000
из них генералы	29	49
Пленные	700 - 1 000	1 000

Нельзя не сказать о значении Бородинского сражения. Его итоги до сих пор вызывают споры у историков разных стран. По материалам Военно-ученого архива Главного штаба России русская армия потеряла убитыми и ранеными 45,6 тыс. человек. Французы, по данным архива военного министерства Франции, потеряли 28 тыс. человек. Подсчеты потерь русской армии современными отечественными историками имеют разброс от 30 до 40 тыс. человек.

В результате Бородинского сражения русская армия сохранилась как организованная сила, а её моральный дух только окреп. По словам М.И. Кутузова, «французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердости духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за своё Отечество». Сам Наполеон, оценивая результаты Бородинского сражения, впоследствии писал: «Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех... Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

В память народа и в отечественную историю Бородинское сражение вошло как очередной пример беспримерной стойкости русских воинов.

На Бородинском поле стоит православная обитель, тесно связанная с русской историей - Спасо-Бородинский монастырь, основанный в 1838 году М.М. Тучковой, вдовой героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора А.А. Тучкова. Еще в 1818–1820 гг.

Маргарита Михайловна Тучкова на месте гибели мужа построила небольшую церковь Спаса Нерукотворного Образа и поселилась неподалёку от неё. Главной святыней храма стала полковая икона Ревельского пехотного полка, которым командовал А.А. Тучков. Этот храм стал первым молитвенным памятником на поле русской славы.

В 1838 году М.М. Тучкова приняла монашество под именем Марии и основала здесь же Спасо-Бородинский монастырь, в котором стала игуменьей. Игуменье Марии принадлежит инициатива проведения ежегодных Бородинских торжеств и круглосуточного поминовения русских воинов, которое совершалось в монастыре.

В 1929 году Спасо-Бородинский монастырь закрыли и разорили. В 1992 году монастырь был возвращен Русской Православной Церкви и возрождён как женская обитель.

5

После Бородинского сражения русская армия продолжила отступление и 1 сентября 1812 года подошла к Москве, надеясь защитить город от неприятеля. Но позиция, избранная для нового сражения, оказалась совершенно неподходящей. В тот же день в подмосковной деревне Фили в избе крестьянина А. Фролова состоялся военный совет. Решался вопрос: давать ли сражение за Москву на неудобной позиции или сдать город без боя? Между генералами, участниками совета, разгорелся ожесточённый спор, мнения разделились. Выслушав всех, М.И. Кутузов сказал: «С потеряннием Москвы не потеряна ещё Россия... Первою обязанностью поставляю сберечь армию... И самим уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю». В итоге, на совете было принято решение оставить Москву во имя спасения армии.

1 сентября 1812 года русская армия прошла через город. Вместе с армией стали уходить и московские жители. Началась спешная эвакуация раненых и имущества. Заботу об эвакуации взял на себя тогдашний московский губернатор Ф.В. Ростопчин. Ещё ранее, стремясь укрепить дух москвичей, Фёдор Васильевич рассылал по домам московских жителей специальные послания, так называемые «афиши», в которых стремился ослабить тревогу и страх перед наполеоновской армией. Одновременно он занимался вопросами продовольственного снабжения города, обеспечением порядка, организацией

народного ополчения. В ходе эвакуации Ростопчину удалось вывезти из Москвы государственное имущество, архивы и сокровища Московского Кремля. Были взорваны и сожжены склады с вооружением, лавки и магазины. К 17 часам 2 сентября 1812 года город был пуст - в нём осталось от 10 до 15 тысяч жителей (из более чем 270 тысяч).

2 сентября 1812 года тремя колоннами французы вступили в Москву. Но их не встречали ликующие толпы народа, как на то рассчитывал французский император. «Москва пуста! Какое невероятное событие!» – воскликнул Наполеон, напрасно прождав на Поклонной горе депутацию москвичей с ключами от города. Зато французов ждало народное сопротивление. Ворота Кремля французам пришлось вышибать пушечными ядрами, а в самом Кремле их встретили ружейные залпы. На улицах города постоянно завязывались стычки, при этом нередко несколько москвичей вступали в бой с явно превосходящими силами французов, идя на верную смерть. Крестьяне окрестных сил перестали поставлять в Москву продовольствие, а иноземных фуражиров убивали. За 39 дней оккупации в результате партизанских действий в городе французы потеряли около 6 000 солдат и офицеров. Чтобы не отдавать свой город врагу, москвичи уже в первую ночь вторжения устроили пожар. К 5 сентября огонь охватил практически всю Москву. У французов земля, в полном смысле этого слова, горела под ногами.

Французы пришли в Москву как завоеватели, и с первых дней пребывания в городе устроили «всеобщий грабёж». «Победители» тащили из домов и дворцов всё, что попадалось им под руку. «Великая армия» разлагалась на глазах, превращаясь в сборище грабителей и убийц.

А русскую армию французы... потеряли! Выйдя из Москвы, М.И. Кутузов четыре дня вёл армию по Рязанской дороге. На пятый день, 6 сентября, Кутузов неожиданно свернул на Калужскую дорогу, совершив знаменитый Тарутинский маневр (6-21 сентября). Маневр был выполнен так ловко, что преследовавший русскую армию противник потерял её из виду. Тем временем русская армия расположилась у с. Тарутина: отдыхала, пополнялась резервами, боеприпасами и загромождала французам дорогу на Тулу и Калугу, где располагались склады вооружения и продовольствия.

А на всей захваченной французами территории началось массовое партизанское движение. Еще в августе 1812 года, до Бородин-

ского сражения, командир батальона Ахтырского гусарского полка Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) внёс предложение о создании партизанских отрядов из армейских подразделений. Давыдов одним из первых осознал народный характер Отечественной войны. Недаром, вопреки правилам, в это время он стал даже одеваться как простой крестьянин, отпустил бороду, а на груди держал большую икону святителя Николая, веруя в её спасительную силу. М.И. Кутузов одобрил план Д.В. Давыдова. Уже вскоре отряд Давыдова принялся громить французов в их тылу. Затем русское командование создало ещё несколько воинских партизанских отрядов под командованием Ф.Ф. Винценгероде, А.Н. Сеславина, И.С. Дорохова, А.С. Фигнера, Н.Д. Кудашева.

Заодно с воинскими партизанскими отрядами били врага и крестьянские отряды, которые возникали повсеместно. Особой славой себя овеяли отряды под командованием старостихи Василисы Кожинной, Германа Курина, Семёна Архиповича. Недаром, высоко оценивая партизанские действия крестьян, М.И. Кутузов писал: «Можно без преувеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами».

Наполеон Бонапарт провёл в Москве всего 39 дней. Он видел, что «Великая армия» постепенно тает от голода и постоянных стычек с партизанами. Несколько раз он обращался к Александру I с предложениями о мире, но получал отказ. И тогда Наполеон решил отступить. 7 октября отступление началось, а в ночь на 11 октября последние французские войска покинули город. Уходя, они попытались взорвать Кремль, и частично им это даже удалось. Однако ворвавшиеся в город казаки спасли московские святыни. Из-под кремлевских строений извлекли 900 кг невзорвавшегося пороха!

Выйдя из Москвы, Наполеон попытался вести армию по Калужской дороге, а не по разорённой дотла Старой Смоленской дороге. Но русские партизаны-разведчики А.Н. Сеславин и А.С. Фигнер во время сообщили М.И. Кутузову о действиях неприятеля. Кутузов вывел русскую армию навстречу Наполеону. 12 октября 1812 года состоялось сражение при Малоярославце - одно из самых упорных в истории Отечественной войны. В течение одного дня город 8 раз переходил из рук в руки! Французам так и не дали продвинуться дальше. Наполеон вынужден был начать отступление по Старой Смоленской дороге, через разорённые самими же французами западнорус-

ские губернии.

С момента битвы при Малоярославце наступает второй этап Отечественной войны 1812 года (12 октября - 14 декабря) - стратегическая инициатива переходит в руки русского командования. М.И. Кутузов решил: в большое сражение с Наполеоном не вступать, но постоянно нападать на его войска и вынуждать их двигаться на Запад. Исключительную роль на этом этапе сыграли казачьи войска. Донские и уральские казаки вместе с башкирами, татарами и калмыками непрестанно преследовали и атаковали неприятеля. А во второй половине октября ударили жестокие морозы. Массовый падёж лошадей погубил французскую кавалерию, пришлось бросить почти все пушки. От голода солдаты «Великой армии» ели мертвечину, были и случаи людоедства.

12–17 ноября при переправе через р. Березину «Великая армия» потеряла ещё 45–50 тыс. чел. И тогда Наполеон бросил свои войска и сбежал. Ему удалось спасти только своих старых гвардейцев и ядро офицерского корпуса армии. 14 декабря последний французский отряд под командованием маршала М. Нея перешел через Неман на прусский берег. Именно этот день, **14 декабря**, считается днем окончания Отечественной войны 1812 года. «Великая армия» Наполеона была уничтожена. Дальнейшие действия русских войск, связанные с освобождением Европы от наполеоновской оккупации принято называть Заграничными походами русской армии.

6

Заграничные походы начались в конце декабря 1812 года. К середине февраля 1813 года русская армия освободила от французов всю польскую территорию на левобережье Вислы, вошла в Кёнигсберг, вышла к р. Одер и вскоре заняла Берлин. Освобождённая Пруссия вступила в союз с Россией.

Но 16 апреля 1813 года в польском городке Бунцлау (пруская Силезия) скончался главнокомандующий русской армии Михаил Илларионович Кутузов. Вслед за этим удача в битвах стала сопутствовать то объединённым русско-прусским войскам, то французам. В это время Александр I предпринял титанические усилия на дипломатическом поприще. В результате, в войну против Франции вступили Австрия и Швеция. Так возникла шестая антифранцузская коалиция.

Участником её стала и Англия. 4–6 октября 1813 года у г. Лейпцига произошло грандиозное сражение, уже современниками прозванное «Битвой народов». Наполеон потерпел поражение и был вынужден отступить к границам Франции.

В январе 1814 года союзные войска вступили на французскую территорию. В тяжёлых сражениях союзники вновь нанесли Наполеону несколько поражений и в марте 1814 года подошли к Парижу. Командующие обороной города наполеоновские маршалы капитулировали - капитуляцию Парижа 18 марта 1814 года принял русский генерал М.Ф. Орлов. На следующий день союзные войска во главе с императором Александром I вошли в город. Брошенный своими маршалами, Наполеон отрёкся от престола.

Между Францией, с одной стороны, и Россией, Австрией, Англией, Пруссией, Испанией и Швецией был подписан Парижский мир 1814 года: Франция возвращалась к границам 1792 года, в стране была возрождена монархия Бурбонов, император Наполеон сослан на о. Эльбу в Средиземном море. Год спустя, после неудачной попытки восстановить свою империю, Наполеон был отправлен на о. Святой Елены в Атлантическом океане, где и окончил свои дни.

В сентябре 1814 года представители европейских держав собрались в столице Австрии, г. Вене, для того, чтобы решить вопросы послевоенного устройства Европы. Основную роль на Венском конгрессе играли страны-победительницы, и, в первую очередь, Россия. Более того, можно сказать, что император Александр I в этот период определял судьбы европейских народов и государств.

Главным результатом Венского конгресса стало установление в Европе первой системы коллективной безопасности, или, как её стали называть, «Венской системы». Участники конгресса признали невозможность изменения границ и политического устройства одних государств без согласия на то других европейских держав. Кроме того, предусматривалась и возможность интервенции, которую обязаны были осуществлять европейские монархи, если в той или иной стране происходили какие-то события, грозившие законным властям. Одним из создателей «Венской системы» по праву можно считать императора Александра I.

Для России были благоприятны и другие решения Венского конгресса. К Российской империи присоединилось Варшавское герцогство (под названием Царства Польского). Кроме того, была ут-

верждена западная граница России, которая оставалась стабильной и мирной в течение ста лет до начала Первой мировой войны (1914 год). Наконец, решения Венского конгресса обеспечили гегемонию Российской империи на Европейском континенте в первой половине XIX века.

Чтобы обеспечить исполнение решений Венского конгресса, император Александр I предложил европейским монархам заключить Священный союз. Осенью 1815 года в него вступили сначала монархи России, Австрии и Пруссии, затем король Франции, а позже - большинство европейских монархов. Англия в Священный союз не входила, но координировала свои действия с его общей линией.

Император Александр I придавал Священному союзу большое значение. По его убеждению, европейские монархи объединились для исполнения великой цели - для защиты и утверждения единой христианской веры и монархий. Российский император надеялся, что победа над Наполеоном создала условия для созидания единой христианской Европы и единой христианской нации. Однако, как показало время, мистические мечты Александра Павловича о единой Европе, построенной на христианских началах, были утопией. Во-первых, Европа ещё была не готова к объединению, ведь у каждого государства на первом месте стояли его собственные интересы. Европейские политики воспринимали усилия Александра I как попытки России установить господство на континенте. Во-вторых, идея единой христианской нации была опасна для России, потому что наносила значительный ущерб традиционной православной вере в пользу мистического «всеобщего христианства».

7

Война досталась России очень дорого. В ходе Отечественной войны и Заграничных походов погибли более 300 тысяч человек. Общий размер материального ущерба составил более 1 млрд рублей. Не хватало рабочих рук, ведь рекрутские наборы и ополчения оторвали от работы на полях и заводах огромное число трудоспособных мужчин. Западные районы страны были сильно разорены: сожжённые города и сёла, разрушенные фабрики и заводы, погубленные поля. Особенно пострадала Москва: полуразрушенный Кремль, почти полностью выгоревшие Китай-город и Белый город.

Страна возрождалась медленно. Даже восстановление Москвы продолжалось многие годы. Преображению облика города способствовала деятельность Комиссии для строения Москвы, созданной в 1813 году. В её состав вошли не только правительственные и городские чиновники, но и архитекторы О.И. Бове, В.П. Стасов, Д.И. Жиллярди и другие. В 1816–1819 гг. под руководством архитектора О.И. Бове был отремонтирован Кремль. Но строительные работы на этом не остановились. Расчистили Красную площадь. Реку Неглинную заключили в трубу, а на этом месте разбили Кремлевский (позднее - Александровский) сад. Напротив сада в 1817 году, к пятилетию победы над Наполеоном, выстроили здание Манежа, по проекту инженера А.А. Бетанкура. Берега Москвы-реки в центре города выложили камнем и оградил чугунной решеткой. В эти же годы на месте снежных стен Белого города возникло знаменитое Бульварное кольцо. Строилось множество каменных домов, устраивались новые улицы и площади. Как это не парадоксально, но уже через 15–20 лет Москва стала ещё краше, нежели была до Отечественной войны!

ПОСЛЕДСТВИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Численность населения Российских губерний

в 1815 году по отношению к 1811 году (выборочно)

РАЙОНЫ И ГУБЕРНИИ	1815 г. («+» или «-» к 1811 г.)	1815 г. (в % к 1811 г.)
Центрально-промышленный	- 42 357 чел.	- 1,29%
Центральный земельный	- 141 202 чел.	- 4,03%
Северный	- 14 292 чел.	- 3,46%
Нижнее Поволжье	+ 145 807 чел.	+ 22,54%
Сибирь	+ 188 755 чел.	+ 27,65%
Курляндия	- 1 491 чел.	- 0,73%
Новороссия и Бессарабия	+ 209 104 чел.	+ 139,4%
Смоленская губерния	- 39 243 чел.	- 8,03%
Центральная и Западная Белоруссия и Литва	- 104 819 чел.	- 13,66%

8

Главный памятник Отечественной войне 1812 года – храм Христа Спасителя в Москве. Манифест о сооружении в Москве храма во имя Христа Спасителя был подписан императором Александром I в праздник Рождества Христова 25 декабря 1812 г. Храм изначально задумывался как мемориальный памятник в ознаменовании победы в Отечественной войне 1812 г.

В октябре 1817 г. началось строительство храма на Воробьевых горах по проекту А.Л. Витберга. Но строительство неоправданно затянулось. Новый император Николай I в 1827 году принял решение остановить затянувшееся строительство, руководствуясь не только экономическими, но и вероучительными мотивами, ибо проект Витберга не отвечал канонам православия. Для храма было выбрано новое место – у Пречистенских ворот на левом берегу Москвы-реки, на месте древнего Алексеевского монастыря. В сентябре 1839 г. началось строительство по проекту архитектора К.А. Тона, выполненному в «русско-византийском стиле». Возведение и роспись храма Христа Спасителя продолжались 44 года. Работу над скульптурами и росписью храма осуществляли крупнейшие русские художники – П.К. Клодт, А.В. Логановский, Ф.А. Бруни, Г.И. Семградский, В.И. Суриков, К.Е. Маковский и др.

26 мая 1883 года храм на заново отделанной гранитной набережной был освящен в присутствии императора Александра III. В древней столице в небеса вознесся четырехстолпный, пятиглавый собор, который стал крупнейшим церковным сооружением Москвы – высота до креста центральной главы составляла 102 метра.

Храм Христа Спасителя отличался не только своими размерами, но и глубочайшим религиозно-символическим значением. Главный престол храма был посвящен празднику Рождества Христова. На стенах храма был размещен своеобразный пантеон русских святых, заступников Святой Руси – Александр Невский, Даниил Московский, Сергей Радонежский и др. Среди горельефов были изображения чудотворных икон Божией Матери – Владимирской, Смоленской, Иверской. Кроме того, были изображены сюжеты, связанные с христианскими праздниками, приходящимися на дни решающих сражений Отечественной войны. В стены были вделаны мраморные доски с различными историческими текстами времен Отечественной вой-

ны, перечислением полков и командующих, именами убитых и награжденных.

В 1912 году у храма Христа Спасителя был открыт памятник императору Александру III (снесен в 1918 году). 5 (18) ноября 1917 года в храме Христа Спасителя Патриархом Московским и всея Руси был избран Тихон, до того бывший до того митрополитом Московским и Коломенским. Но уже через несколько лет, 5 декабря 1931 года, храм Христа Спасителя был взорван...

Народное движение за восстановление храма Христа Спасителя началось в конце 1980-х годов. Был создан Комитет по возрождению храма, который возглавил известный русский писатель Владимир Алексеевич Солоухин, начался сбор средств. В 1994 году Правительство Москвы, поддерживая стремление москвичей, приняло решение о воссоздании храма в прежних архитектурных формах. Первый камень в основание храма был заложен уже 8 января 1995 года, а ровно через год, к Рождеству 1996 года были возведены основные несущие конструкции.

Заново построенный храм Христа Спасителя изначально создавался как главный центр церковной жизни Московского Патриархата. Помимо главного храма, посвященного Рождеству Христову, здесь же устроен храм Преображения Господня с приделами, восстанавливающими посвящения престолов некогда снесенного Алексеевского монастыря. Вблизи набережной Москвы-реки сооружен деревянный шатровый храм-часовня во имя иконы Божией Матери «Державной». В стилобатной части разместился зал Церковных Соборов Русской Православной Церкви, зал заседаний Священного Синода, музей памяти павших в Отечественной войне 1812 года, другие административные помещения.

Строительство уникального комплекса храма Христа Спасителя было выполнено всего лишь за шесть лет! 19 августа 2000 года в праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Святейший Патриарх Алексей II в присутствии иерархов многих православных церквей мира, руководства России и Москвы, при стечении огромного количества православных мирян освятил храм Христа Спасителя в Москве.

СЕРГЕЙ ИГОНКИН

Выпускник исторического факультета АГ-ПИ. Работал учителем в школе, в Государственном архиве г. Арзамаса, в газете «Арзамасские новости». Автор многих краеведческих публикаций. Лауреат конкурса им. П.В. Еремеева. В этом номере «Арзамасской стороны» мы представляем вашему вниманию фрагменты из его монографии: «С Богом, верой и штыком. Нижегородцы в боевых действиях ополчения и русской армии (1812, 1813-1814, 1855 гг.)», вышедшей в Муроме в 2011 году.

С БОГОМ, ВЕРОЙ И ШТЫКОМ (фрагменты из книги)

У ряда исследователей истории Арзамаса 1812 г. можно прочитать следующее: «Арзамасцы выступали под своим знаменем». Что имели в виду авторы, писавшие эти строки, не совсем понятно. Арзамасцы входили в состав третьего пешего полка Нижегородского ополчения и, безусловно, выступали под знаменем именно этого (Нижегородского) полка. Каждый батальон полка в ополчении имел своё знамя и свой значок. В декабре 1812 г. изготавливают знамёна «за построенные в 5-ти пехотных полках по 3 в каждом, а в конном 5 значков, написанных на холсте, отдано мастеровым».

В документах комитета пожертвования, датированных январём 1813 г., имеется упоминание о пожертвовании «...статской советницы Шарлоты Густавны Захарьиной ткацкого полотна 26 аршин за употреблением на полковые значки».

Можно предположить, что выступившие в поход зимой 1812г. полки ополчения были без знамён, о чем свидетельствует архивный документ: «13 апреля 1813 г. следующие в поход 3-й пеший - 3 значка, в конный - 5 значков». Что же было изображено на полотнище?

Оно было белое: «...центральное изображение окаймлено орнаментом из золотых дубовых ветвей. На одной стороне - олень над воинской арматурой. Интересно, что этот олень, являющийся элементом Нижегородского герба, на знамени изображён с некоторыми неточностями: олень окрашен в красный цвет и с золотыми, а не чёрными, как на гербе, рогами. На другой стороне полотнища находились золотой крест, корона, императорский вензель, надпись «За Веру и Царя», литеры «Н» и «О», номер полка и батальона».

Знамя 2-го батальона 3-го пехотного полка

В экспозиции Арзамасского краеведческого музея, посвящённой Отечественной войне 1812 г., представлена копия ополченческого знамени. Подлинник не сохранился. У краеведа Н.М. Щеголькова описано «...знамя Арзамасской дружины Государственного ополчения, переданное в собор в 1815 г. начальником Дружины Фёдором Михеевичем Стремоуховым». Такого понятия как «Арзамасская дружина» не могло быть. Существовал третий пеший полк Нижегородского ополчения, в составе которого во втором батальоне и воевали арзамасцы. Копия именно этого знамени и находится в Арзамасском краеведческом музее.

Близ Арзамаса были сформированы два ополченческих полка: конный и третий пеший. В фондах Арзамасского архива есть запись об «... отношении 3-го пехотного полка начальника, полковника князя Звенигородского, об отводе в ближайших к городу селениях для трёх батальонов 3-го пехотного полка квартир».

Три батальона полка были расквартированы по разным селениям. В каждом батальоне было четыре сотни, в каждой - по 150 ратников, в составе сотни - 10 десятков по 15 воинов. Штаб полка распола-

гался в селе Борисово Поле.

Перед выступлением полка в поход у подразделения появился новый командир - подполковник Николай Яковлевич Стрелков, который начинал службу в гвардии в 1795 г., был переведён в армию в 1797 г. и получил первый офицерский чин. В третьем пешем полку проходили службу офицерами арзамасские и ардатовские дворяне, например, предводитель дворянства Арзамасского уезда Василий Григорьевич Макашов, у которого гражданский чин коллежского асессора по Табели о рангах приравнялся к восьмому классу, а при переводе в ополчение давал право дворянину служить по девятому классу капитаном. Ещё при Екатерине II В.Г. Макашов служил в армии, в 1796 г. был переведён в гвардию, получил первый офицерский чин, затем уволился из гвардии, во время войны с Наполеоном командовал первым батальоном в полку. В архивном документе за сентябрь 1812 г. упоминается об «...уволенном суда сего дворянском заседателе Афанасьеве, выбранном в военное ополчение от должности...». Вместо Ипполита Ивановича Афанасьева на должность дворянского заседателя был выбран отставной прапорщик Никанор Иванович Тряский. Имея гражданский чин губернского секретаря, что соответствовало двенадцатому классу Табели о рангах, И.И. Афанасьев вступает в полк в чине подпоручика тринадцатого класса, то есть служит офицером в звании ниже своего гражданского чина. Воинские звания были выше гражданских и придворных, из чего и следует, что И.И. Афанасьев служил на чин ниже - не поручиком, а подпоручиком. В полку служил подпоручиком брат Ипполита Ивановича - Михаил Иванович. В списках офицеров полка он значится как Афанасьев-2, а старший Афанасьев исполнял обязанности полкового адъютанта.

Михаил Михайлович Аверкеев, имея гражданский чин титулярного советника, служил в полку, был прикомандирован адъютантом в 1813 г. к бригадному начальнику Гурьеву.

В начале октября 1812 г. из Арзамасского земского суда поступил в полк канцелярист Андрей Еропкин. В полку служил арзамасский дворянин Василий Яковлевич Зубов. Он, как и Андрей Еропкин, службу начинал в чине подпрапорщика. Обязанности полкового казначея в полку исполнял заседатель уездного суда, гвардии поручик Христофор Иванович Ленштет, который в молодости служил в гвардии с 1796 г. и как арзамасский помещик владел селом Волчиха.

Как и упоминавшиеся братья Афанасьевы, в полку служили братья Алексеевцевы. Старший брат Николай Андреевич, коллежский регистратор, служил в чине прапорщика. Младший Александр Андреевич получил чин прапорщика в июле 1813 г.

Ратники ополчения 1812 года

В Арзамасском уездном суде служил Пётр Данилович Дертев, который в ополчении был заменён в должности титулярным советником Александром Аверкеевичем Венским. В начале 1813 г. из Нижегородского губернского правления в Арзамасский земской суд пришёл указ «...об отсылке сего суда канцелярских служителей канцеляриста Дертева и копииста Соловьёва... послужными списками к г<осподи>ну начальнику военного ополчения...». Коллежский регистратор Пётр Данилович Дертев был определён в третий пеший полк, а Соловьёв числился офицером конного полка.

В полку Пётр Данилович исполнял обязанности адъютанта полкового командира. В декабре 1812 г. перед выступлением полка в поход «...с позволения командующего 3-м округом военного ополчения господина генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера графа Петра Александровича Толстого отпущено в 3-й пехотный полк г<осподам> чиновникам... адъютантам на лошадей: полковому Дертеву 150, батальонным Афанасьеву 150, Павловскому 150, Алфимову 150 рублей».

Автор романа «Война и мир» Л.Н. Толстой на страницах сво-

его романа-эпопеи приводит в резких выражениях отзыв Николая Ростова об адъютантах, передающих на поле боя сообщения от командования, как о «тех штабных молодчиках, которые получают награды, ничего не делая». Между тем, исполнение адъютантских обязанностей на поле боя было сопряжено с большим риском для жизни адъютанта. Доказательство тому - упоминание об И.И. Афанасьеве и П.Д. Дертеве, которые были настоящими боевыми адъютантами, награждёнными орденами за героизм, проявленный на передовой.

Фёдор Михайлович Стремоухов, предводитель дворянства Ардатовского уезда, значился в списках офицеров полка как надворный советник, служил в гвардии в 1789 г., был переведён в армию в 1793 г., первый офицерский чин получил в том же году, а в декабре 1812 г. стал майором и командиром второго батальона третьего пешего полка. В четвёртом пешем полку служил брат Фёдора Михайловича - Пётр Михайлович Стремоухов, которому при вступлении в ополчение был выдан аттестат: «...коллежскому асессору Петру Михайлову сыну Стремоухову в том, что он в службу вступил из дворян в лейб-гвардии в Преображенском полку сержантом 1784-го марта 17, потом переведён в лейб-гвардии Семёновский полк тем же чином 1790-го марта 4 в оном произведён прапорщиком, 1792-го генваря 1-го подпоручиком, 1794-го генваря 1, уволен в отставку тем же чином... 1796-го декабря 3». Позднее Пётр Михайлович был предводителем дворянства в 1797 г. - в Семёновском, в 1798-1801 гг. - в Горбатовском, в 1804 г. - в Княгининском, Макарьевском и Ардатовском уездах. Дмитрий Стремоухов, сын Фёдора Михайловича, осенью 1812 г. числился прапорщиком, но официально получил чин прапорщика только после государева рескрипта в июле 1813 г. В этом рескрипте говорилось о пожаловании чиновников третьего округа ополчения в прапорщики.

Почему же в списках полка за 1812 г. Д.Ф. Стремоухов уже был прапорщиком? Видимо, объяснить это можно так, что будучи дворянином, не имевшим гражданского чина, в ополчении он начинал служить подпрапорщиком, или юнкером. Эта догадка подтверждается рапортом исполняющего обязанности командира третьего пешего полка князю Грузинскому: «...некоторые неслужащие дворяне пожелали вступить в военную силу... в уважение вверенного мне полка 2-го батальона командира Ф. Стремоухова, сына его Дмитрия... подпрапорщиком... предписать зачислить его ...в таком же зва-

нии службы же отца его...».

Третьим батальоном в полку командовал коллежский асессор Мельников, служил в армии с 1792 г., в гвардии - с 1796 г. Вышел в отставку в начале царствования Александра I. Сотенными (ротными) командирами служили капитан Трутень (в 1805 г. получил первый офицерский чин), капитан Никулин, штабс-ротмистр Андреев (в 1801 г. получил первый чин офицера), штабс-капитан Бухвалов (в 1807 г. получил первый офицерский чин) и др.

Начальником штаба у графа П.А. Толстого был полковник Н.Н. Муравьев - основатель Московского училища колонновожатых, которое готовило офицеров квартирмейстерской службы. В своих воспоминаниях, датированных июлем 1812 г., известный военный и общественный деятель конца XVIII - начала XIX вв. Д.М. Волконский отмечал: «Говорил я с графом Петр<ом> Алекс<андровичем> Толстым и с Муравьевым о князе Юрии, которого они берут с собою в Нижний, принимается же прапорщиком, я ему велел сделать мундир общий армейский». Кто же этот князь Юрий и какое отношение он имел к третьему пешему полку Нижегородского ополчения? Оказывается, самое прямое. В списках офицеров полка, действительно, значатся князья Волконские - поручик Александр Павлович и прапорщик Юрий Александрович, отец и сын. Прапорщик Юрий Волконский проходил службу в ополчении и был служащим квартирмейстерской части свиты Его Императорского Величества. Вполне возможно, что князь Юрий окончил упоминавшуюся школу полковника Н.Н. Муравьева. Во времена Александра I офицеры квартирмейстерской службы были в своей среде самыми образованными.

Конный полк Нижегородского ополчения состоял из пяти эскадронов. Каждый эскадрон - из 120-ти казаков и 12-ти урядников, унтер-офицеров. В полку числились 660 человек.

Место пребывания полка было около Арзамаса. Полк комплектовался воинами из многих уездов Нижегородской губернии. Например, из Арзамасской округи были набраны 70 человек. В 1812 г. за помещиками Нижегородской губернии числились 323 200 крепостных крестьян. Чтобы собрать лошадей для конного полка, было принято решение всех наличных крепостных распределить по участкам. С каждого участка должны были поставить лошадь с седлом, упряжью и фуражом. Приёмщики конского состава от участков следили за пригодностью лошадей к верховой езде и военной службе.

Восвобождении Германии в 1813-1814 гг. активно участвовали губернские ополчения России, в том числе и нижегородские полки. Столица Саксонии, союзного государства Наполеона, летом 1813 г. являлась важным пунктом на коммуникациях французских войск. В августе разыгралось сражение между союзниками и французами за обладание Дрезденом. К осени обстановка на театре военных действий была явно не в пользу Наполеона. Дрезден с блокированным гарнизоном маршала Сен-Сира остался на крайнем фланге Наполеона. Город не был стратегически важен. Сен-Сир с остатками своего гарнизона мог прорваться к Наполеону, а этого допустить было нельзя.

Первые столкновения нижегородцев-ополченцев с французскими войсками обычно связывают с блокадой столицы Саксонии - Дрездена. Изоляция Дрездена началась с 10-го по 14 октября. Шварценбергу пришлось отделить 20 000 человек, чтобы заблокировать Сен-Сир и Лёбау в изолированном Дрездене.

Шестидесятитысячная армия генерала Л.Л. Беннигсена на театре военных действий появилась в сентябре 1813 г. До непосредственной блокады Дрездена оставалось чуть больше двух недель. Именно этот временной промежуток обычно выпадает из поля зрения исследователей. Однако в архивных фондах имеется рапорт командира второго батальона третьего пешего полка майора Ф. Стрелюхова, который сообщал командиру полка подполковнику Стрелкову о действиях батальона в деле с французами. Примечательна дата рапорта - 6 октября 1813 г. Майор пишет: «5-го числа сего месяца с французами по приказанию бригадного начальника господина действительного статского советника Гурьева с вверенным мне батальоном находился в первой линии на правом фланге...» Командир батальона подал рапорт по горячим следам событий. Исходя из даты в рапорте, можно предположить, что нижегородские ополченцы дрались с французами уже в начале октября. Далее в рапорте говорится о потерях батальона: «...убитых, без вести пропавших оказалось двадцать человек...». После боевых действий «...письменные батальонные дела, как то: отчёты, провиантские книги, приходные и расходные... формулярные и арметурные, видно, достались в руки неприятеля...». В «арметурных списках» значилась информация о службе офицеров. Вероятнее всего, французы в сражении, произошедшем 5

октября 1813 г., вышли в тыл всей ополченческой бригаде, захватив батальонную и полковую канцелярию в обозе.

Обер-офицер квартирмейстерской службы А.А. Щербинин в своих воспоминаниях за начало октября 1813 г. отмечал, что армия Беннигсена заставила отступить Сен-Сира к Дрездену и начала осаду столицы Саксонии силами ополченческих корпусов П.А. Толстого.

О боевых действиях нижегородских ополченцев в начале октября 1813 г., а именно третьего пешего полка, упоминает в рапорте, датированном декабрём, прапорщик Калинин, «...чтобы господа ротные начальники непременно отдали отчёт в переменных (вверенных - ?) им ротах об убыли и расходах нижних чинов...», и сообщает, что командиром второй роты третьего батальона был подпоручик Карсаков. Прапорщик Калинин по приказанию батальонного командира Мельникова принимает командование ротой у большого подпоручика Карсакова.

Третий батальон полка в октябрьских боях был сильно измотан: «...во время бывших сражениях октября 5-го и 25-го числа оружия некоторые перебило ядрами, которые не могли выдержать сильного огня...». Батальон в результате больших потерь был расформирован, а оставшиеся ратники влились в первые два батальона. В частности, рота прапорщика Калининского оказалась в составе второго батальона, потому обер-офицер и адресовал рапорт своему новому начальнику майору Ф. Стремоухову. Нужно отметить, что в списках офицеров полка за осень 1812 г. значится прапорщик Степан Васильевич Калининский, а не Калининский.

В Саксонии доблестно воевал конный полк Нижегородского ополчения: «...октября 5, 6, 10 и 16, находясь всегда в охотниках, неустрашимостью своею весьма много содействовали к отражению неприятеля: в особенности корнет Богданов 5-го октября с отличною храбростью прикрывал орудия; он первый врубился в неприятельский фронт и был ранен саблей в голову...»

Возвращаясь к дневнику А. Щербинина, следует заметить, что в период блокады Дрездена Нижегородское ополчение осаждало столицу Саксонии вместе с союзными войсками - австрийцами: «Для усиления блокадных войск и совершенного обеспечения тыла армии отряжен был граф Клену со своим корпусом». Бои происходили в окрестностях Дрездена.

В сражении 25 октября у селения Рейхенберг нижегородские

ополченцы и среди них арзамасцы и ардаатовцы проявили себя на поле боя как доблестные воины, о чём свидетельствуют боевые награды офицеров-ополченцев третьего пешего полка. Например, командир второго батальона майор Фёдор Михайлович Стремоухов за мужество, проявленное в бою, был удостоен ордена Святой Анны второй степени. В сражении полковой командир получил ранение, и майор принял командование полком на себя. Подпоручик, полковой адъютант И.П. Афанасьев и прапорщики А. Еропкин, В. Зубов и Алексеевцев (младший) были представлены к ордену Святой Анны третьей степени. Пётр Данилович Дертев за сражения 5 и 17 октября был представлен к чину поручика и ордену Святой Анны третьей степени.

Следует отметить наиболее распространённый вид награды в эпоху Александра I - «монаршее благоволение». Именно к такой награде были представлены младшие офицеры полка.

Служащие квартирмейстеры, прапорщики, князь Ю.А. Волконский и Сохацкий получили ордена Святой Анны третьей степени. Многие обер-офицеры полка стали кавалерами этой боевой награды и были представлены к новым званиям.

В начале ноября 1813 г. осадные союзные войска принудили французов отступить с передовых позиций у Дрездена: «Сен-Сир решил оставить Дрезден и пробиваться в Торгау. С этой целью 6 ноября была произведена попытка прорыва, но она кончилась неудачей...» В своих записках А. Щербинин сообщает: «Граф Толстой с австрийским генералом Кленау заключил капитуляцию с генералом Сен-Сиром...». По договоренности между сторонами все французские войска оставляли всё вооружение и беспрепятственно уходили во Францию. Соответственно в таком же количестве пленные из войск союзников освобождались из французской неволи.

Александр I не ратифицировал статьи договора о капитуляции. Солдаты и офицеры из остатков войск маршала Сен-Сира становились пленными. По свидетельству А. Щербинина, численность пленённого французского гарнизона насчитывала 18000 человек. По другому источнику, «...голод заставил французов сдаться. 1 маршал, 32 генерала, 35 тысяч нижних чинов положили оружие...»; 94 полевые и 151 крепостные пушки достались в руки союзников».

Не следует полагать, что французы сдались только из-за голода и болезней. Активность осадных войск, в том числе и ополченцев

графа П.А. Толстого, привели к капитуляции Дрезденского гарнизона. Ратники и офицеры из ополчения так же, как и осаждающие, испытывали нехватку провианта и фуража.

Комендантом Дрездена был назначен бригадный командир граф Александр Дмитриевич Гурьев, который отличился в сражениях при Дрездене. Третий пеший полк, входивший в бригаду графа, становится частью гарнизона. В приказе, датированном декабрём 1813 г., указывалось: «...войскам, находившимся в гарнизоне в разных местах королевства Главнокомандующий всеми армиями г<осподи>н генерал от инфантерии граф Барклай-де Толли отданным приказом приписывал, чтоб... корпусные и отрядные командиры войск, под начальством его состоящим, доставляли ему немедленно именные списки всех воинских строевых чинов, действительно служивших против неприятеля в 1812 году, для истребования установленных медалей...»

Далее из документа следует предписание от Саксонского генерал-губернатора генерал-адъютанта князя Репнина всем полковым и батальонным командирам войск, находившимся в Дрездене и королевстве, доставить именные списки. Из этого следует, что офицеры и ратники ополчения наряду с наградами за осенние бои 1813 г. были кавалерами памятной медали участников Отечественной войны 1812 г.

В начале 1814 г. полки Нижегородского ополчения, но без третьего полка, участвуют в осаде города-крепости Гамбурга.

Губернские ополчения в заграничном походе русской армии 1813-1814 гг. по храбрости не уступали регулярным войскам. В боях, проявив себя с лучшей стороны, часто испытывая голод и холод, ополченцы-нижегородцы решали поставленные перед ними военные задачи.

Следует помнить, что ополчения не являлись регулярными войсками и участие ратников в крупных полевых сражениях было ограничено. В частности, ополчения брали в блокаду и осаждали крепости неприятеля.

Наличие разных задач у ополчения и регулярных войск объясняется тем, что нижние чины и офицеры регулярных полков были лучше обучены и вооружены, имели больший навык во владении тем или иным оружием и методами борьбы с противником.

ВЯЧЕСЛАВ ПАНКРАТОВ

Выпускник АГПИ, член Союзов писателей и журналистов России, лауреат премий им. А.М.Горького, П.В.Еремеева, дипломант конкурса «Золотой фонд Российской прессы», автор книг «Свет во тьме светит...», «Жребий пастыря», «За землю русскую», «За веру и Отечество», «Времена», «Поэт и старец» и др. Ниже мы публикуем один из разделов новой книги В. Панкрата «Во славу Отечества. Исторические очерки», вышедшей в 2012 году в Арзамасе.

«В ПЛЕНУ ВРАГУ ЖИЛОСЬ НЕ ХУДО»

*Как в нынешнюю войну
Успехи переменны:
У Россов Галлы в плону...
Неизвестный автор.*

У Н. М. Щеголькова читаем: «Привезли в Арзамас пленных французов, затем еще и еще... Приятно было видеть, что мы берем их в плен...». Н. И. Шипов, очевидец тех событий, пишет: «Гнали пленных французов, которые были в странных смешных костюмах: смесь русской одежды с французской и притом в изорванном, очень неприглядном виде. Мы, дети, немало смеялись над таким потешным одеянием».

По рапорту, представленному губернатором Руновским в феврале 1813 года, в Нижегородской губернии на тот момент находились генерал барон Пьер Готрэн, 10 обер-офицеров и 740 нижних чинов – причем, не только французы, но и представители 16 национальностей. К этому времени из находившихся в губернии пленных умерло 630 человек.

Известно, что 9 августа 1813 года из Тамбова в Арзамас в сопровождении подпоручика Кольванского пехотного полка Чернявского прибыла партия пленных, которая состояла из одного штаб-офицера, 48 обер-офицеров и девяти служителей. А на следующий день подпоручик 20-го егерского полка Трунов доставил другую

партию: один штаб-офицер, 25 обер-офицеров, двух офицерских жен и пятерых служителей. Их разместили по квартирам.

В «Исторических сведениях о городе Арзамасе» представлена в целом благостная картина пребывания военнопленных в нашем городе: «Пленным французам жилось в Арзамасе не дурно: они занимались кто чем мог... Какие-то живописцы расписали все потолки в доме богатого купца Корнилова, оставив по себе на долго память своей прекрасной живописью... Какой-то доктор-француз вылечил многих больных и тем заслужил признательность арзамасцев... Многие французы подделались к русским дворянам, издавна падким на все французское, и поступили к ним в гувернеры и камердинеры». Картину пребывания пленных в Арзамасе дополняют документы Центрального архива Нижегородской области.

Так, хозяева домов, где разместились французы (обывателям было все равно, к какой иной нации принадлежал пленный, - будь то испанец, португалец, баварец – их всех называли французами), жаловались, что те выкапывают у них по ночам картофель, морковь, другие овощи, хотя русское правительство обеспечивало пленных денежным довольствием. Недовольство вызывало и то, что они нарушали правила пользования огнем при приготовлении пищи: случись что, и произойдет беда непоправимая - боялись люди остаться без крова. Городничий надворный советник Даниил Афанасьевич Юрлов раз сделал внушение им, другой... Терпение его лопнуло, когда 23 августа пришел отставной солдат Семен Галанин, у которого стояли три обер-офицера: «Нет житья и покоя от этих треклятых супостатов. Нонче допились до непотребного состояния, а потом вломились в комнатку квартирантки Натальи Распопиной и намеревались сделать ей гнусный поступок. Я, было, за бабенку вступился, так один схватил меня за горло и вытолкал вон. Да только этим все не кончилось. Приперлись еще несколько человек с других квартир и по сей час продолжают гулевание».

Юрлов, прихватив с собой квартального надзирателя и унтер-офицера инвалидной команды, отправился домой к Галанину. Здесь он потребовал от пьяных французов разойтись, но те отказались, а один ударил квартального надзирателя, другие же ругались «матерными французского диалекта словами», как сказано в рапорте городничего губернатору. Тот распорядился наиболее буйных - подполковника Детона и десять обер-офицеров - немедля отправить в город

Семенов. Остальных предупредили, что случись нечто подобное еще раз, их возьмут под стражу, и они предстанут перед военным судом.

Совершенно в ином свете представил эту историю в своих мемуарах французский капитан Шерон, один из тех, кого выслали из Арзамаса. Он писал, что городничий Юрлов испытывал ненависть к французам и при первом же удобном случае продемонстрировал это (уж не ожидал ли он, что городничий станет расточать улыбки и лобызаться с теми, кто ворогом пришел в чужую страну, кто убивал русских людей?). Мемуарист и словом не обмолвился, почему Юрлов явился к ним, а только сообщает, что, мол, придя с несколькими сопровождающими, он стал оскорблять господ офицеров, а двое даже получили несколько ударов палками, но опасаясь, что их убьют или сошлют в Сибирь, они молча снесли обиду и не стали жаловаться на Юрлова, отправку же в Семенов восприняли как спасение от несносного городничего. А вот французский врач Пешке, находившийся в Арзамасе спустя три месяца после этой истории, характеризовал Д. А. Юрлова как «человека доброго».

В Семенове французы были приняты благосклонно. Здешний городничий оказался «добрым малым». Местная знать наперебой приглашала французских офицеров в свои дома. Шерон подробно описал один из таких приемов, где, казалось, встретились не представители двух воюющих народов, а старые друзья. Сначала гостям подали кофе, потом водку (ее пили все из одного кубка, пустив его по кругу, и при этом приветствовали друг друга), ее сменила полынная настойка. Потом уселись за стол: подали дыпленка, пиво и большой длинный пирог, начиненный огурцами. Застолье закончилось французским вином и пуншем. Гости и хозяйева остались довольны друг другом, можно было бы и расстаться на этом. Городничий повез французам в свой дом на угощение - здесь стол был уставлен рагу, солеными огурчиками и грибочками, донским вином, водкой, настоек. И уж потом поехали в загородный дом, где потчевали различными вареньями, арбузом, вином и пуншем... Разъехались лишь после полуночи. И все же, как ни старался городничий, не угодил он Шерону тем, что речи звучали по-русски, хотя два семеновских дворянина и говорили по-французски. Он словно забыл, что прежде в своих мемуарах писал: «В сожженных деревнях мы находили несчастных раненых, которые после нашего ухода питались плотью своих товарищей».

Через несколько дней после высылки «буйных» французов прапорщик 7-го полка Московского ополчения Степанов доставил в Арзамас из Тамбова новых пленных – один штаб-офицер, 91 обер-офицер, три офицерских жены и восемь офицерских служителей. Надолго они здесь не задержались – губернатор приказал отправить их в Княгинино, куда они и прибыли 19 сентября. В октябре – очередная партия, почти 100 человек (даже три солдатские жены), местом жительства им был определен Арзамас. В декабре через город прошли еще две крупные партии пленных, следовавшие из Витебска и Симбирск.

Как уже говорилось, пленным французам по месту проживания выдавалось денежное довольствие, размер которого определялся чином. 1 октября 1813 года арзамасский городничий доносил начальству: «Находящийся здесь военнопленный Николай Клодель почасту находится в пьянстве, в коем чинит буйные поступки, от которых хоть и был удерживаем, но остался непреклонным. А притом в списке <...> показан в числе обер-офицеров и потому получал порционные деньги наравне с другими. Ныне же по донесению знающих его обер-офицеров оказалось, что он Клодель 13 егерского полка капрал, о чем от обер-офицеров отобраны записки». Плута отправили к французскому подполковнику Баралю для предания суду за ложные показания, пьянство и буйство. В ноябре городничему Д. А. Юрлову стало известно, что Морис Августин записан как императорский курьер и получает по 50 копеек в сутки как обер-офицер. На самом же деле он был императорским конюхом, и ему было положено по 5 копеек в сутки. К тому же он «находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки с военнопленными офицерами». Императорского конюха отдали под суд.

Автор «Исторических сведений о городе Арзамасе» говорит о том, что «какой-то арзамасский чиновник попал под суд за то, что вместо покупки полушубков для пленных французов положил деньги в карман». Подтверждения этому факту обнаружить нигде не удалось. Зато нашлись документы, свидетельствующие о том, что уездная и губернская власти проявляли заботу о нуждах пленных. В августе 1812 года прибывшие в Арзамас пленные пожаловались городничему на нехватку одежды и обуви. Тот затребовал у губернских властей средства на их закупку. В ответ получил от губернатора распоряжение прислать список требуемых вещей с указанием суммы. 18

сентября арзамасский городничий доложил: требуется 3383 рубля 25 копеек по местным ценам. Губернатор А. М. Руновский посоветовал договориться с продавцами о снижении цен. 25 сентября городничий пишет, что с приближением зимы цены только растут, однако с военнопленными удалось договориться, что они будут довольствоваться следующими суммами на починку старой одежды: офицеры – по 35 рублей, офицерские служители – по 25 рублей, офицерские жены – по 15 рублей. Это позволит сэкономить 541 рубль 75 копеек. Губернатор согласился и предписал следить, чтоб деньги шли только на ремонт одежды. Однако в Арзамас приходили все новые и новые партии пленных, и выделенных прежде средств не хватало. Поэтому в ноябре Д. А. Юрлов затребовал на одежду и обувь 1 046 рублей 22 копейки.

Благодаря архиву удалось установить, как звали француза-доктора, о котором говорит Н. М. Щегольков. Это доктор Вальтер, австриец по происхождению. В декабре 1813 года он обратился к губернатору с прошением отпустить его на родину, поскольку его соплеменники уже возвращены по домам. Резолюция была следующая: по спискам Вальтер числится французом, поэтому и должен оставаться в плену пока не последует соответствующего императорского повеления. Видимо, он был хорошим доктором, если и спустя век в Арзамасе помнили о нем.

К лету 1814 года все военнопленные, кроме пожелавших остаться в России, были возвращены в свои страны.

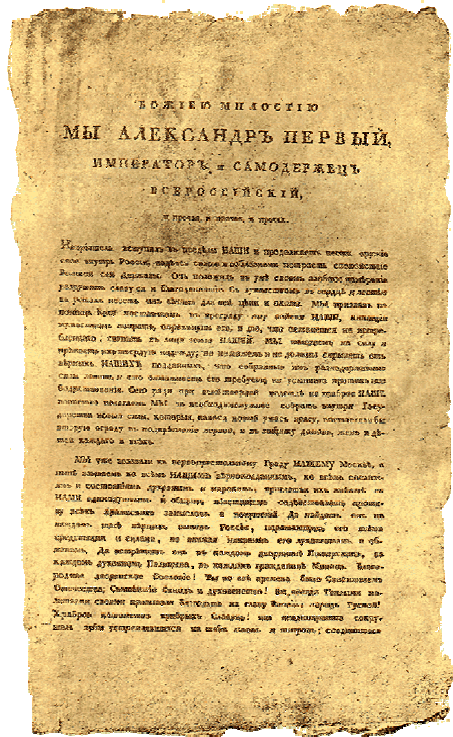
ИЗ ВОСПО- МИНАНИЙ АРЗАМАС- ЦЕВ О 1812 ГОДЕ

М. НАЗИМОВ¹

Еще с 1811 года, по объяснению матушки, небывалая в нашей солнечной системе по величине комета возбуждала в народе суеверное предвещание большой войны; но с исчезновением этой незваной гостьи, умы успокоились и все вошло в обычный порядок; с наступлением весны 1812 года, смутные слухи и газетные известия о неприязненном отношении к России Французского императора стали более и более подтверждаться и потом дошла и в Арзамас страшная весть о вступлении неприятеля в пределы Империи. В низших сословиях немедленно возникла мысль о собственной защите. Так Выездновцы выставили на мосту взятые от барского дома пушки и приготовили свои охотничьи ружья, говоря, что не дадутся живые в руки. Хотя благоразумные люди и вразумляли подобных патриотов, что нет никакой вероятности чтобы неприятель дошел до Арзамаса, но они плохо знали географию и верили и в невозможное. По пословице, у страха глаза велики; но не здесь многим из них суждено было показать свою храбрость и погибнуть за отечество, а далеко от своей родины. Вскоре пришел высочайший манифест о всеобщем государственном ополчении, с набором одного из 10 ревизских душ. Этот небывалый набор потребовал громадных

¹ Печатается по: Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожил // Русский Вестник. 1875 г. С. 83-86.

пожертвований и людьми и деньгами на обмундирование и содержание ратников, как тогда называли ополченцев. А сколько тут было горя и сколько пролито слез и говорить нечего. Представьте себе, что из 3.000 ревизских душ села Выезднова с его деревнями следовало поставить 300 человек ратников. По словам родителей моих, управление, по воле ли помещика или по собственному желанию, выставило молодцов, на которых любо было глядеть, когда их несколько дней водили в рекрутское присутствие, разумеется с ужасающим воем матерей, жен, сестер и других близких родных. Ополчения формировались по уездам. В Арзамас приехал князь Лобанов-Ростовский для осмотра ратников, и я видел их уже вполне обмундированных, стоявших на улице в стройных рядах, в серых шинелях, с ранцами на спине, в киверах с крестом и с пиками в руках. Они вышли по назначению скоро, а вслед за ними проходили через Арзамас полки казаков. Как теперь гляжу на них. Тут были и старики с большими бородами и юноши лет шестнадцати и семнадцати; ополчение их было поголовно, кто только мог носить оружие. После их прошел щегольской Уфимский гусарский полк, квартировавший где-то в уезде. При выходе его и притом на войну поговаривали, что много было пролито женских слез, и сколько было сердечных потрясений, сколько разрушенных ожиданий и надежд в будущем! Затем, по порядку природы, все начало стихать в ожидании дальнейших событий. Известия, приносимые *Московскими Ведомостями*, единственною газетой получавшейся в Арзамасе, были грустные: русская армия все отступала.

Предположений и в глуши уездного города было множество, все судили и рязали, обвиня, разумеется, вождей армии, и впоследствии послышалось слово «измена». Назначение русского генерала Кутузова главнокомандующим армией было принято восторженно и тогда ходило по рукам четверостишие вероятно арзамасского произведения:

*Барклай де-Толли
Не ретируйся боле.
Прибыл Кутузов
Резать Французов.*

В то же почти время пришла первая радостная весть о победе Русских под командою князя Витгенштейна над Французами под Полоцком и стихи:

*Хвала, хвала тебе герой,
Что град Петров спасен тобой.*

Излишне будет говорить, какое во всем нашем отечестве произвела впечатление весть о вступлении неприятеля после Бородинской битвы в первопрестольную столицу, нашу матушку Москву, разрушенную потом пожарами и грабежами. Но затем быстро следовало известие об оставлении неприятелем Москвы, об истреблении и, наконец, о совершенном изгнании его полчищ из пределов Империи русскою армией под предводительством Кутузова; а потому имя его навсегда сохранится в памяти благодарного потомства; он как бы то ни было в три месяца исполнил обет императора не положить оружия доколе хотя один неприятельский воин останется в России. Народ ликовал, благословляя в благе дарственных молебствиях Бога сокрушителя браней. Вскоре начали появляться в Арзамасе партии пленных из разноплеменных народов, которые отсылались в отдаленные губернии; их сопровождали ополченские ратники, без сомнения, мало способные для укомплектования действующей армии. В Арзамасе пленные должны были иметь отдых и получать по случаю наступления зимнего времени теплую одежду для дальнейшего следования. Я слышал после от матушки, что тогда от правительства назначено было выдавать пленным офицерам овчинные шубы и солдатам полушубки со всеми другими принадлежностями зимней одежды. Но не так распоряжались исполнители этого человеколюбивого повеления. Они распределили денга между собою по рукам, с небольшими исключениями в пользу тех кому следовало их выдать. В

такое смутное время, особенно в таком отдаленном крае, никто не думал бояться преследования правосудия. Начальник по этой обмундировке на предостережение благонамеренных лиц отвечал, что под ним пол крепко держится, а он не провалится. Но человеческие предположения не сбылись, и вероятно по доносу произведено было следствие. Виновники преданы суду, а главный из них прежде суда человеческого подвергся суду Божьему: он умер после тяжких болезненных страданий, под судом, с отобраением всего имущества. Пленные размещались по домам обывателей и получали на их счет харчи. В нашем доме было до 25 таких постояльцев. Жалко было глядеть на этих изнуренных, болезненных и оборванных людей, и на жестокое обращение с нами ратников, которые тупыми концами своих пик били их за всякую малость. Что же было в дороге, вне жилых местностей, особенно с отстающими больными, известно одному Богу. Очень помню, как эти бедные страдальцы повторяли выученные ими слова: «хлеба, соли». Сердобольная матушка старалась, сколько возможно, их накормить; но не утерпела в простоте своего сердца сказать: «Злодеи, зачем вы к нам зашли, что вам не сиделось дома?» На это один из пленных, вероятно Поляк, отвечал довольно правильным русским произношением: «А если ваш царь велит своим солдатам идти, куда бы ни было, то разве они не пойдут?» Против этого ответа не может быть возражений ни в какое время. Война - дело государственное, а не народное; народы не воюют. Некоторые пленные офицеры по болезни или по другим уважительным причинам долго оставались в Арзамасе и понимали достаточно русский язык. После взятия Парижа вздумали их поддразнивать исподтишка: «Париж проспали». Сначала они отмалчивались, но потом нашли равномерный ответ: «А вы Москву проспали; значит поквитались».

НИКОЛАЙ ШИПОВ¹

Родился я в 1802 году в слободе Выездной, близ города Арзамаса², Нижегородской губернии. Отец мой был помещичий крестьянин; имел хорошее состояние; занимался торговлею скотом, для чего ежегодно ездил в Симбирскую и Оренбургскую губернии за баранами. Он был человек грамотный, начитанный; пользовался почетом и уважением.

На шестом году от рождения меня отдали в ученье грамоте местному священнику. Как могу теперь припомнить, бабушка повела меня в церковь; отслужили молебен пророку Науму. Так обыкновенно делалось в старину. Читать я выучился скоро, и в какой-нибудь год или два «мы прошли» уже Псалтирь; но письмо мне не давалось; как ни бились, я все-таки писал старинным почерком, сходственно с родительским.

Так прошло года четыре. Наступил достопамятный 1812 год. Тут пошли разные толки о войне, а в июле месяце распространилась молва, что французы идут в Москву. Хоть и при глупом, детском разумении, но я понимал, что нам грозит какая-то беда. В последних числах августа тронулась наша матушка-белокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ехали жители из Москвы. В сентябре месяце дошла до нашей слободы весть, что Москва занята французами. Народ упал духом; торговля прекратилась, а в том числе и моего отца. Наступили большие холода. Приходило много войска; солдаты размещались по избам жителей, человек по 20 и более в каждой, отчего происходила теснота ужасная. Гнали пленных французов, которые были в старинных смешных костюмах: смесь русской одежды с французской, и притом в изорванном, очень неприглядном виде. Мы, дети, немало смеялись над таким потешным одеянием несчастных галлов. За пленными французами шли обозы раненых; везли полуживых, даже мертвых, которых хоронили человек по 50 вместе. Зима

¹ Печатается по: Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сборник / Авт. проекта Ю.А. Курдин; сост., вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 253-255.

² Арзамас - слово мордовское и означает «красная девушка» [прим. Н. Шипова].

была ужасно холодная; морозы стояли жестокие. Я очень хорошо помню, что когда мы с товарищами делали снеговую гору, то трудно было поливать ее водой - тотчас замерзала; бывало, бросишь из ковша вверх воду - она падает в виде града. Поневоле приходилось сидеть в избе, а здесь были солдаты с пленными французами. Скажу о своем доме: он был в двух жильях с пристроенною сбоку маленькою горенкою. Весь дом занимали солдаты и два офицера; семейство же наше, состоящее из четырех душ - отца, матери, меня и 15-летней сестры моей, теснилось в горенке. О каких-либо удобствах, разумеется, тут не могло быть и речи; особенно доставалось бедной моей сестре. Дело в том, что тогда существовал в крестьянском быту старинный обычай, сходный с татарским: девушка на возрасте, особенно невеста, не могла в родительском доме видеть лицом к лицу чужого мужчину, а была обязана, как скоро увидит гостя, идущего к ним во двор, или закрыться платком и выбежать в другую избу, или к соседу, или же, в случае невозможности бежать, скрыться под кровать, или даже запрятаться под перину. Моего отца посещали разные лица, и сестра каждый раз убегала к соседу, у которого не было постоя, потому что он и был в ратниках, - простудилась, получила чихотку и скоро умерла. - Впрочем, и без того в слободе за это время смертность была большая; умирали от 5 до 10 человек в день. Да, тяжелое было тогда житье для нас, а в других местах и того хуже.

Но вот прошла жестокая зима; наступил май месяц 1813 года. В слободе стало тихо, - войска не было; только вновь сформированные ратники проходили. Отец мой начал производить прежнюю торговлю...

БОРИС БЫКОВ

Родился в 1938 году в г. Горьком, войну его семья встретила в г. Николаеве. В 1961 году окончил в Горьковский сельскохозяйственный институт. В 1980-1998 гг. работал преподавателем Арзамасского сельскохозяйственного колледжа. Автор сборников стихов «Откровение», «Здесь живём», «Любимая планета».

1812 ГОД

Вы думали, на блюде
Вам поднесут ключи
И будут наши люди
Носить вам калачи.

Вы ждали, что пред вами
Покорная Москва:
- Безлюдными домами
Вас встретила она.

Вы думали: безропотно
Смирится наш народ.
Номы вам - не Европа
Совсем наоборот.

С войной пришли в Россию,
Разор кругом творя.
Вы мира запросили
У русского царя.

Вандалы - победители.
Такой вот оборот,
Захватчиков - грабителей
Не жалует народ.

Все, что вы награбили,
Вам не увезти.
Не воинами - падалью
Померзните в пути.

КУТУЗОВ

«Я счастлив, предводительствуя русскими».

(М. И. Кутузов)

Доносы в Петербург летят
 На «генерала ретирад»:
 - Он отступил с Бородина!
 - Столицу он отдал без боя!
 - В такой опасности страна,
 А он укрылся за Москвою!
 Что там решают царь и ставка?
 - Ужель ль опять удел – отставка?!
 О, нет! О, нет! – Не поражение
 Там на полях Бородина:
 - И не закончено сражение,
 И не закончена война!

А отступление – продолжение!
 Враги заплатят нам сполна!
 Они Москвою захлебнутся.
 Его когорты распадутся.
 Не мы, а он запросит мир,
 - Войны зарвавшийся кумир.
 И побегут домой вандалы,
 Победную теряя спесь.
 И многие оставят галлы
 В России славу, жизнь и честь!
 Он всё, он всё об этом знал,
 Умом военным угадал.

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

(Лиза Злотницкая - Денис Давыдов)

Шел на французов - на рожон –
 За честь России!
 Глазами вашими сражен.
 Но не витией.

Моя последняя любовь.
 Ах, Лиза! Лиза!
 Зачем Вы обманули вновь
 Мечты Дениса?

Все дело в том, что я – гусар! -
 Все дело в этом.
 В груди моей любви пожар
 И страсть поэта.

Вы отказали мне в любви.
 Какая жалость!
 Уж лучше б наше визави
 Не начиналось

Прекрасной Даме я привык
 На слово верить.
 Вы - возрождения родник
 И к счастью двери.

Уж лучше б снова с марша
в бой
 За честь Отчизны!
 Чем Вас не видеть пред собой.
 Ах, Лиза! Лиза!...

ГУСАР 1812 ГОДА

Хорошо, когда не гложет
Совесть жизни прожитой.
Хорошо, когда предложит
Встать красотка на постой.

И на гвоздь, повесив шпагу,
Сердце деве возмутить.
Хорошо, когда баклагу
Вместе с нею осушить.

Ну, конечно, ей немного,
Остальное все в себя.

Не осилишь, - Ей же, Богу,
Есть для этого друзья.

Хорошо, когда без битвы
Ты неделю поживешь.
По красоткиной молитве
Эти дни с ней проведешь.

Мир окончен. Вновь к походу
Призывает нас труба.
Но ту краткую свободу
Не забудешь никогда.

ПОКЛОНЕНИЕ

Кутузов! Мудрости оплот,
Спокойной, неподкупной воли.
В тот страшный для России год
Отечества решалась доля.
Под свод Смоленского собора
С благоговением вхожу.
И справа восхищенным
взором

Его могилу нахожу.
Не сникла перед гордым
галлом
Его седая голова.
И – гибнут пришьлые вандалы.
И вновь – свободная Москва!

НАПОЛЕОН

1

Под светлым знаменем Свободы
Творил преступные дела.
Все думали, война несла
Освобождение народам.

Пока штыки под барабан
Свободу не залили кровью.
Когда открылся тот обман,
Ты даже не повел и бровью.

На голос разума не смог
Ты во время остановиться.
Ты возмнил – военный бог, -
Что мир тобою покорится.

Расчислил: - Что, когда
возьмешь
Ты по часам и по минутам.
Что ты вселенную пройдешь
От Сарагоссы до Калькутты.

2

Ты мнил в походе на Россию:
 - Кутузов дряхл, Кутузов стар,
 Москва перед тобою выю
 Покорно склонит – новый дар
 Твоей непокоренной Славе!
 Москва сто крат тебя

восславит,

И гению заплещет мир:
 Vivat! Vivat! Vivat, кумир!
 Но ты ошибся. Русский ум
 Всегда из бед выходит

с честью.

Под нашей справедливой

местью

Затих весь твой победный
 шум.

Твои герои так трусливо
 Бежали из Москвы домой
 С добром награбленным,

толпой

Замерзшей, жалкой,

сиротливой.

Воспоминания кровавы
 У всех, тобою взятых стран...

Где же твоя былая слава,

Войною вскормленный

болван?!

БЕГСТВО

В аллюре бешеном, как вихрь,
 Сквозь ночи мрак карета мчится.
 И хлещет лошадей возница,
 Седок таинственен и тих.

То сани, то возок, карета.
 Карета, сани, вновь возок.
 И наготове пистолеты,
 У каждого взведен курок.

То снег, то чёрная дорога,
 То лес, то поле без границ.
 Одна надежда лишь на Бога
 У седока и у возниц.

Мелькают города и реки.
 Проходят страны, как в кино.
 А сзади армия: калеки,
 Повозки, пушки и ... дерьмо.

И на дорогах падаль – туши
 Облезлых, смерзшихся коней.
 В тряпьё упрятав нос и уши,
 Бредёт подобие людей.

А помните, как вы в Россию
 Въезжали резво на рысях?
 - Поработители! Витии!
 Пред вами вился славы прах.

Шли за вождём с надеждой
 тайной
 Обогатиться на войне
 В этой большой необычайно
 Богатой северной стране.

Грабители! Добро Москвы
 Вы растеряли по дороге.
 А заодно теряли вы:
 Кто честь, кто голову, кто ноги.

Вы сетуете на мороз.
Но мы ведь вас сюда не звали.
Нам ваш оставленный навоз
Потери возместит едва ли?

Как зиму нам прозимовать?
- Хлеб не растёт среди метели.
До лета как добедовать.
И – голодать – вы всё поели.

И как нам с малыми детьми
Живыми до весны остаться?
Последних кур сожрали вы
С вождём культурной вашей
нации.

Как гордо он в Москву въезжал!
Как грабил город сиротливый.
И первым в страхе он бежал
Под именем чужим трусливо.

С одной охраной день и ночь
Без армии в Париж он мчится,
Без отдыха, быстрее! Прочь!
Лишь вороньё над ним кружится.

Он вспомнил клёкоты орлов
В песках сирийских
раскалённых:
Сен Жан д'Акр, «сорок
веков»!
И гибель армий обречённых.

Всё повторилось. Там пески,
Здесь белый, белый снег
и холод!

Но тот же ужас от тоски,
Сдавившей сердце. Тот же
голод.

И стаи птиц, как там кружат,
О гибели напоминая.
Вон – на обочинах лежат
Твои герои – умирая.

А ты – бежишь! Вновь предал
их,
Герой смертей и барабана!
Что ждёт тебя? Средь волн
седых
Пустынный остров океана.

ПРОЗА

ВАЛЕРИЙ КЛИМОВ

Родился в 1960-м году в Баку. Служил в Советской Армии и МВД РФ, работал на руководящих должностях в различных сферах деятельности. Полковник милиции в отставке. Автор романов «Бакинец», повести «Крестик от Серафима». Лауреат конкурса им. П.В.Еремеева, Мы предлагаем вашему вниманию новый роман автора – «Легион чести».

ЛЕГИОН ЧЕСТИ

Роман
ОКОНЧАНИЕ
(начало в предыдущем
выпуске альманаха)

Глава 7

На следующий после ареста Софи день меня вновь вызвали к генералу Лохвицкому. В этот раз он выглядел чрезвычайно довольным и радушным. Сообщив, что мадемуазель Моррель уже созналась в своей работе на немцев, вербовке прапорщика Васнецова и организации с помощью дезинформации трагической перестрелки между 2-й и 4-й ротами 1-го батальона нашего полка, генерал не пожалел лестных слов в мой адрес и добрых десять минут восхищался моей прозорливостью и настойчивостью в достижении цели.

Однако стоило мне сказать, что, по моему мнению, рано еще ставить точку в этом деле, как он сразу нахмурился и резко спросил:

- Ну, чем Вы еще не довольны, штабс-капитан?

- Ваше превосходительство, я считаю, что в нашей бригаде по-прежнему действует высокопрофессиональный агент германской разведки, который, собственно, и руководил всей этой операцией по организации перестрелки между своими в 1-м батальоне в целях дискредитации нашего Экспедиционного корпуса в глазах общественности Франции. Мадемуазель

Моррель - всего лишь вербовщица наивного Васнецова и проводница идей этого агента. Не в ее силах придумать и осуществить весь этот план до самых мелочей, начиная с согласования с немцами времени начала имитации наступления с их стороны (в части подачи ракетами сигнала об атаке и открытия пулеметного и ружейного огня в назначенные день и час на определенном участке фронта) и заканчивая знанием паролей, позволяющих беспрепятственно добраться до офицерской землянки в роте, на участке которой намечена провокация.

- Штабс-капитан, а Вам не кажется, что Вы заигрались в сыск?
- Недовольно спросил Лохвицкий.

- Никак нет, Ваше превосходительство, - кратко ответил я, оставаясь при своем мнении.

Я хорошо помнил, как при нашей встрече в России генерал-майор Батюшин специально подчеркивал, что немецкий агент уже находится в 1-й Особой бригаде и что это - очень опытный и опасный профессионал. Молодой и романтичный Васнецов никак не вписывался в эту характеристику, данную одним из руководителей русской контрразведки, да и он сам в своем дневнике полностью описал события и обстоятельства, при которых его завербовала профессиональная соблазнительница Софи.

Что касается мадемуазель Моррель, то она не входила в штатный состав бригады и вообще появилась в поле зрения наших офицеров относительно недавно - около четырех месяцев назад, спустя месяц после нашего прибытия на фронт. Это означает только одно - коварный и опасный враг по-прежнему здесь. Он лишь затаился теперь на время но, когда ему будет нужно, обязательно нанесет новый удар.

Но я не стал всего этого говорить Лохвицкому. Зачем? По большому счету, у меня не было железных аргументов в пользу моего предположения, а без них разговаривать с генералом, который хочет поскорее перевернуть неприятную страницу в истории нашего пребывания во Франции, бесполезно.

- Напрасно Вы упрямитесь, штабс-капитан! Ваше время нахождения при моем штабе окончилось, и я не вижу причин продления Вашего присутствия здесь. Возвращайтесь в свою роту и набирайтесь сил перед новыми боями, а они, кстати, уже не за горами, - все тем же недовольным тоном закончил со мной беседу Лохвицкий.

- Слушаюсь, Ваше превосходительство! - Бесстрастно отковы-

рял я и покинул генеральский кабинет.

Пропрощавшись с адъютантским корпусом бригадного штаба (в лице капитана Регина и подпоручика Дюжева) и забрав свой чемоданчик из занимаемой мной комнаты в доме французской пожилой пары, с большим огорчением расставшейся со мной, я не спеша направился в сторону месторасположения нашего батальона.

По пути мне встретился наш бригадный медвежонок Мишка в сопровождении двух своих бессменных поводырей Васьки и Семки. Я давно его не видел и очень удивился тому, как сильно он подрос. Мишка с ходу подскочил ко мне и, стоя на задних лапах, сделал полный оборот вокруг себя. Я невольно рассмеялся и кинул ему кусок сахара, который он, как собака, поймал на лету своей уже большой пастью.

- Спасибо, Ваше благородие, - поблагодарил меня Васька за своего мохнатого подопечного.

- Он у нас, вообще-то, сытый, но больно уж сладости любит, - счел нужным пояснить при этом Семка.

- Тяжело с ним? - Спросил я у них.

- Да, что Вы, Ваше благородие. Он же - как ребенок пока, и все хлопоты с ним - не в тягость, - степенно ответил Васька.

- Вот что, братцы, возьмите-ка ему на сахарок, - я протянул солдатам десять французских франков и, на прощание осторожно коснувшись рукой медвежьего загривка, пошел своей дорогой дальше.

В батальоне меня радостно встретили мои друзья Разумовский, Мореманов и Орнаутов, жаждавшие немедленно услышать от меня хоть какие-то подробности о результатах моего сыска, но я, желая сначала проведать свою роту, перенес свой рассказ на более позднее время.

В тот же вечер мы собрались в офицерской палатке у Разумовского и изрядно напились. Нет, разумного предела мы, конечно, не перешли, но отсутствие фронтового напряжения все же сказалось.

Я в общих чертах рассказал им об итогах моего расследования, ограничившись, естественно, самоубийством Васнецова и арестом французской военной журналистки, а друзья поведали мне последние новости нашего батальона.

Дальше все прошло по обычному в таких случаях сценарию: карты, анекдоты, споры и патетические речи. До пьяного выяснения

отношений дело, однако, так и не дошло, хотя предпосылки к этому были (что-то не поделили Мореманов с Черкашиным, так и не сумевшим по-настоящему заменить нам нашего погибшего друга Лемешева), и мы далеко за полночь разошлись по своим ротам.

А вскоре меня, как и других, захватила рутинная тыловая жизнь. Главным при этом было удержать дисциплину во вверенном мне подразделении на надлежащем уровне. После фронта тишина мирной жизни расхолаживала не только рядовых солдат, но и унтер-офицерский состав, и прапорщиков, командовавших взводами, да и нас, ротных командиров, тоже. Приходилось проявлять поистине железную волю и быть примером, в первую очередь, для своих помощников, чтобы иметь моральное право требовать этого же от них в отношении рядового состава.

Так прошло около двух месяцев. Наступило Рождество Христово - первое Рождество, которое мы встречали на чужбине. Большой шатер, изготовленный полковыми умельцами из палаточного материала и подручных средств и отведенный для проведения церковной службы непосредственно в Рождество и в последующие праздничные дни, в рождественскую ночь был забит до отказа.

Службу в этой самодельной полковой церкви вел наш полковой священник, сорокапятилетний протоиерей Богословский, награжденный за личную храбрость (еще в Русско-Японскую войну) солдатским Георгиевским крестом и в честь этого носивший на груди свой пастырский крест исключительно на георгиевской ленте.

Он замечательно провел всю праздничную службу. Мы, как будто наяву, побывали на своей далекой и любимой родине. Временами, прикрыв веки, я, словно в действительности, оказывался в той небольшой городской церкви недалеко от нашего дома, куда меня с сестрой в детстве каждое воскресенье приводили наши родители. Там также приятно пахло ладаном, и также легко и торжественно было на душе.

В заключение протоиерей произнес нам трогательную проповедь о добре и зле в этом, на редкость жестоком и несправедливом мире, о нашем месте в борьбе между ними и о вечности человеческой любви. Эта проповедь произвела потрясающий эффект на всех присутствующих в нашем временном полковом храме, и мы вышли оттуда с необычайно просветленными лицами и какой-то глубокой внутренней задумчивостью.

Но едва осенив себя заключительным крестным знаменем и отойдя в темноту, окружавшую полковую церковь, мы, к нашему искреннему сожалению, вновь погружались в грешную бездну наших суетных мыслей и желаний.

Прошел еще месяц. В нашей повседневной жизни по-прежнему ничего не менялось, лишь все чаще стали говорить о близкой отправке на фронт. Но вскоре случилось событие, которое несомненно взволновало всю нашу бригаду и несколько отодвинуло на второй план наши предфронтные ожидания.

Из 3-й Особой бригады, сменившей нас осенью на фронте, пришло неожиданное известие о том, что 31 января 1917 года она подверглась внезапной газовой атаке противника. В тот день, начиная с шестнадцати часов, на позиции 6-го русского пехотного полка внезапно для всех сначала пошли волны бесцветного газа, а затем и целые облака хлора. Под прикрытием этого всепоражающего газа и массированного огня собственной артиллерии немцы в очередной раз попытались атаковать, но, получив жесткий отпор, все-таки вновь отступили. Примененный же ими газ окончательно рассеялся лишь к двадцати двум часам этого кошмарного для русских дня.

Потери, понесенные при этом 6-м русским пехотным полком, оказались очень большими: двадцать два человека погибли на месте и еще двести восемьдесят пять человек были эвакуированы в тыл с разной степенью отравления.

О возможности применения немцами газов на фронте нам говорилось еще в ноябре 1916 года. В 3-й бригаде (как и в нашей 1-й) даже был назначен особый офицер, ответственный за проведение мероприятий по обеспечению готовности личного состава к отражению подобных газовых атак. Но не все в Русском Экспедиционном Корпусе серьезно отнеслись к этой опасности. Несмотря на то, что в корпусе, как и во французских частях, еще осенью 1916 года стали появляться первые противогазы, далеко не все русские подразделения спешили своевременно обзавестись подобными защитными средствами. По роковой случайности под газовую атаку немцев попал именно тот батальон 6-го полка, которому не успели завезти противогазы (вернее, ему их привезли еще осенью, но они оказались из бракованной партии, а новые на их замену так и не доставили).

Услышав это трагическое известие, все офицеры и солдаты нашего корпуса были особо возмущены тем, что из-за чьей-то эле-

ментарной халатности в считанные часы был выведен из строя практически целый русский батальон.

Но, честно говоря, во многом пенять нам приходилось на самих себя. Еще в декабре 1916 года в обеих Особых бригадах отмечались случаи отсутствия противогазов у многих русских солдат даже при торжественных смотрах, а уж об их исправности или неисправности говорить и вовсе не приходилось. Словом, все происходило по старой русской поговорке: пока жареный петух не клюнет.

*Житель д. Иванисово Богородского уезда
Егор Елисеевич Москвичев*

Прошло еще несколько дней, и вот в одно ничем не примечательное утро к нам в роту, а точнее, ко мне, прибыл вестовой от генерал-майора Лохвицкого с приказом о немедленном прибытии к нему в штаб бригады. Оставив за себя старшим по роте одного из наиболее толковых и ответственных взводных командиров (я его оставлял и в свое прошлое двухнедельное отсутствие) и поставив об этом в известность своего батальонного командира подполковника Готурова, я без замедления отправился к Лохвицкому.

Как я и ожидал, вызов оказался связанным с недавней газовой

атакой на 3-ю бригаду. Генерал прямо сказал мне, что по просьбе генерал-майора Марушевского, командира 3-й Особой бригады, с которым он как-то поделился раскрытым мной «делом о перестрелке», направляет меня к нему для изучения и, если будет нужно, расследования обстоятельств трагедии, произошедшей с одним из батальонов 6-го полка во время газовой атаки немцев 31 января. На все про все он отвел мне одну неделю. А еще через десять минут, даже не успев толком переговорить с Региным и Дюжевым, находившимися в его приемной, я уже ехал в предоставленном мне по приказу Лохвицкого автомобиле к линии фронта.

Расследование причин отсутствия в пострадавшем батальоне исправных противогазов много времени не заняло. Они были на поверхности, и главной из них была неповоротливость французских тыловых служб. О ситуации с неисправными противогазами в этом подразделении знали с момента их привоза в батальон; причем, знали все от командиров рот этого батальона до командира 6-го полка полковника Симонова и самого командира бригады генерал-майора Марушевского включительно.

Запросы в интендантскую службу французской армии на срочную замену бракованной партии противогазов, поставленных в один из батальонов 6-го полка, высылались своевременно и неоднократно. Задержка с их исполнением была связана лишь с техническими моментами во взаимодействии французской интендантской службы и поставщиками противогазов и ни с чем более.

Гораздо сильнее меня заинтересовало то, как узнали об этом немцы, использовавшие этот пробел русской обороны в свою пользу на все сто процентов. И здесь меня ждало интересное открытие. Оказывается, накануне газовой атаки, а точнее за три дня до ее начала, 3-ю Особую бригаду посетил ни кто иной, как старший адъютант штаба нашей 1-й Особой бригады капитан Регин Михаил Петрович собственной персоной, а водителем его автомобиля был небезызвестный мне ефрейтор Силантий Шлыков – «мордастый», как его окрестил мой приятель Рохлинский.

При этом капитан Регин активно интересовался у штабных адъютантов и офицера, ответственного в 3-й бригаде за проведение мероприятий по обеспечению готовности личного состава к отражению газовых атак противника, проблемами со снабжением их бригады противогазами. Естественно, что офицеры поделились с ним оби-

дой на французских интендантов, затянувших решение вопроса о замене неисправных противогазов на исправные в одном из батальонов 6-го полка.

Мне даже стало известно, что Регин со Шлыковым, выехав из штаба 3-й бригады, зачем-то заезжали в 6-й полк, где побывали, в том числе, и на его наблюдательном пункте. Конечно, все это прикрывалось вполне правдоподобными объяснениями и просьбами со стороны капитана Регина, которого во всех штабах нашего корпуса давно воспринимали в качестве особо доверенного лица генерала Лохвицкого и от которого, в связи с этим, не считали нужным что-то скрывать.

Собрав всю необходимую мне информацию в 3-й Особой бригаде, я вместе со своим водителем немедленно выехал на нашем автомобиле в Париж. Там мне не терпелось встретиться с Савельевым, на которого я очень рассчитывал в плане получения дополнительных сведений о Регине, по которому (как и по другим адъютантам нашей бригады) я через него делал запрос в военную контрразведку Русской армии в России в мой последний приезд во французскую столицу.

Мне повезло, и я застал Алексея Семеновича дома; не пришлось ждать несколько часов его возвращения со службы. И здесь меня ожидало интересное открытие.

По полученным из России (от генерал-майора Батюшина) сведениям выходило, что Регин Михаил Петрович, он же Регин Михайль Петерович, родом из семьи обрусевших датских военных. Его отец - Петер Регин, тоже в молодости состоял на военной службе в Русской армии и дружил с небезызвестным подполковником Гриммом, который впоследствии в 1902 году был разоблачен Батюшиным как германский агент.

Соучастие самого Петера Регина в государственной измене его друга доказать тогда не удалось, но из-за скандала, связанного с этим делом, из армии ему все же пришлось уйти.

Сам же Гримм был осужден, лишен воинского чина и дворянского достоинства, прочих чинов и наград и сослан на каторжные работы в Сибирь на двенадцать лет. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Не менее интересными оказались и сведения о том, что во время пребывания Регина Михаеля Петеровича на Восточном фронте денщиком у него служил Силантий Шлыков, меткий стрелок и ку-

лачный боец, верой и правдой служивший Региным с ранней молодости и живший в их доме на правах семейного телохранителя. Выучив его на водителя, Регин впоследствии способствовал зачислению Шлыкова в Русский Экспедиционный Корпус, правда, не афишируя при этом своего близкого с ним знакомства.

Сказать, что я был шокирован этой информацией, значит, сказать неправду. Собственно говоря, я и ожидал услышать от Савельева что-то в этом духе. Просто я был поражен - насколько четко наложился эти сведения на мои недавно сформировавшиеся подозрения.

У меня как будто заново открылись глаза на все поступки и слова Регина и Шлыкова.

Я вспомнил, как внимательно посмотрел на меня старший адъютант, когда я, по прибытии в еще только формирующийся корпус, предъявил ему свое направление в 1-ю Особую пехотную бригаду, подписанное лично генерал-майором Батюшиным - руководителем контрразведывательного отделения одного из фронтов в Русской армии, вспомнил, как четко и быстро (словно, по заученному наизусть тексту) рассказывал мне Шлыков об обстоятельствах своей поездки с Васнецовым в расположение 2-го полка, сдавая с потрохами последнего.

«О, Господи! - Подумал я. - Выходит, Регин с самого начала знал, что я сопричастен к ведомству Батюшина, и держал всю ситуацию под своим контролем. В нужный момент он руками Шлыкова ликвидировал несчастного денщика поручика Ремизова, а затем и вконец запутавшегося в их сетях прапорщика Васнецова. Несомненно, такая же участь ждала бы и его сообщницу мадемуазель Моррель, если бы он вовремя узнал, что я ее вычислил. Арест Софи на его глазах стал для него полной неожиданностью, но тем не менее, он, видимо, успел знаками дать ей понять, чтобы она молчала о нем, и она, судя по всему, выполнила этот его последний приказ; хотя, может быть, и ей самой было невыгодно сдавать Регина, ведь в отместку он мог бы тогда рассказать и о ее прежних, никому не известных, злодеяниях».

Я немедленно рассказал Савельеву о сложившейся в моей голове мозаике - полной картине всей взаимосвязанной цепочки убийств и диверсий, совершенных группой капитана Регина, и Алексея Семенович, согласившись с моими выводами, обязался в самые

короткие сроки сообщить о них в Россию. Пока же он советовал мне ограничиться устным докладом Лохвицкому и поступать в соответствии с его распоряжениями.

- К сожалению, у нас пока нет прямых доказательств виновности Регина и Шлыкова, - сказал он мне напоследок.

Дорога обратно (из Парижа в штаб нашей бригады) в этот раз заняла у меня и моего водителя два дня: случилась непредвиденная поломка на самой середине нашего пути, и ремонт затянулся на целые сутки. Ночевать нам пришлось на какой-то заброшенной ферме, где было очень холодно и сыро, но, к счастью, у нас с собой был кое-какой провиант и небольшая фляжка со спиртом, которые и позволили нам достойно продержаться до утра. С рассветом же мой водитель вновь приступил к ремонту, а я, по мере своих сил и способностей, принялся усердно ему помогать.

Неизвестно, на сколько бы еще затянулась наша ремонтная эпопея, если бы не французские офицеры, проезжавшие днем на своем автомобиле аналогичной марки мимо нашей стоянки. Они, войдя в наше положение, безвозмездно отдали моему водителю необходимую ему деталь, к счастью для нас оказавшуюся в техническом чемоданчике их водителя, и, пожелав нам удачи, уехали в том же направлении, в котором предстояло ехать и нам.

Нам же пришлось провозиться еще не менее трех часов, прежде чем наконец-то завелся наш железный конь. Обрадованные, мы немедленно продолжили путь, хотя уже начинало смеркаться.

Проехав без остановок несколько десятков километров, мы в свете фар вдруг увидели впереди корпус стоявшего на обочине военного автомобиля. Подъехав ближе, я и мой водитель без труда различили тот самый автомобиль, похожий на наш, на котором ехали днем пришедшие к нам на помощь французы.

К нашему ужасу, все они были мертвы. Судя по всему, их обстреляли из-за полуразрушенного сарая, одиноко стоявшего возле дороги. Плохая, вся в рытвинах на этом участке, она не давала возможности проехать здесь на большой скорости, и медленно ползущий автомобиль был тут идеальной мишенью для стрелявшего или стрелявших.

Первым, видимо, был тяжело ранен водитель, сумевший, однако, несмотря на свое ранение, остановить автомобиль в полуметре от глубокого кювета, и лишь потом - расстреляны ехавшие в нем фран-

цузские офицеры. Последним выстрелом (в голову) водитель был добит, судя по всему, уже в упор, когда убийца (или убийцы) подошел к автомобилю на расстояние двух-трех метров. Из личных вещей убитых, на первый взгляд, ничего не было взято. Даже личное оружие несчастных офицеров и их водителя осталось нетронутым.

Убедившись, что им ничем уже помочь нельзя, мы с большой опаской продолжили свой путь дальше.

В ближайшем населенном пункте, встреченном нами по утрам следующего дня, мы сообщили об увиденном ночью и попросили передать эту информацию местной полиции или французским военным. Остаток нашего пути мы преодолели молча. Водитель у меня был человеком немногословным, а я все это время перебирал в голове варианты причин обстрела на дороге французского военного автомобиля.

Солдаты и офицеры 1-ой Особой бригады

Конечно, причин могло быть несколько (от бандитского нападения до спецвылазки германской диверсионной группы), но мне почему-то чаще всего лезла в голову мысль о том, что покушение

готовилось, возможно, на нас самих. Схожесть наших автомобилей, темнота, не позволившая рассмотреть проезжавших, и, наконец, непредвиденная задержка, благодаря которой нас опередили французы, давали серьезные основания для существования такой версии.

В раздумьях я не заметил того момента, когда наш автомобиль повернул на дорогу, ведущую к штабу бригады, и поэтому очень удивился, внезапно увидев впереди мелькнувшую крышу штабного здания. Честно говоря, я все еще находился в состоянии внутреннего смятения и не был готов к разговору с Лохвицким. Понимая это, я дал указание своему водителю повернуть в сторону месторасположения бригадного отряда связи и военно-хозяйственной службы.

В отряде я, в первую очередь, направился к автомобилю, закрепленному за Шлыковым, и обнаружил его еще теплым и грязным; при этом грязь на его корпусе очень походила на грязь, облепившую наш автомобиль. Найдя прапорщика, отвечавшего за автомобили бригады, я быстро установил, что Шлыков, приехавший сюда за полчаса до нашего приезда, отсутствовал со своим автомобилем целые сутки и выполнял при этом какое-то важное поручение капитана Регина.

Последние сомнения отпали: возле того полуразрушенного сарая у дороги шла охота именно на меня, но охотника подвели темнота и непредвиденная поломка нашего автомобиля. Тем не менее, я ясно понимал, что у Шлыкова с помощью Регина наверняка обеспечено железное алиби: и ездил-де он в другую сторону, и поручение-де выполнено им полностью и в срок.

Но, делать было нечего, и я отправился на доклад к Лохвицкому.

Генерал был в скверном расположении духа.

- Слышал, голубчик, что в России - матушке-то делается? Это же надо. Революция. Государь Император от престола отрекся, и вся власть перешла к какому-то Временному революционному правительству, язви его в душу. Совсем, народ ополоумел, Господи! - Огорошил он меня с порога.

- Виноват, Ваше превосходительство, не знал! Разрешите, однако, доложить по существу о результатах моего расследования, - тем не менее, гнул я свою линию.

- Ну, что Вы за человек такой, штабс-капитан? Мир рушится, а Вы все про свой сыск. Ну, ладно, докладывайте, - недовольно по-

морщился Лохвикий.

Я постарался как можно лаконичней и конкретней довести до него всю собранную мной информацию по «делу о газовой атаке» и моих подозрениях о причастности к германской разведке капитана Регина и ефрейтора Шлыкова, но генерал, как я и ожидал, весьма скептически отнесся ко всему мной сказанному.

- Да, Вы, батенька, с ума сошли! Подозревать Михаила Петровича в связях с германской разведкой. Это же надо додуматься! Вы, похоже, совсем заигрались в сыск, как и Ваш Батюшин. Кстати, если Вы еще не знаете: специальным постановлением Временного правительства ликвидированы контрразведывательные отделения в Русской армии, а сам генерал-майор Батюшин арестован, как один из руководителей этой структуры, в чем-то родственной жандармскому управлению, и, следовательно, являющейся «душительницей» народа и его свободы.

Офицер и унтер-офицер 1-ой Особой бригады

- Как арестован? - Пришла моя очередь изумляться сказанному генералом. - Этого не может быть. Николай Степанович - честный

человек и настоящий офицер! Ваше превосходительство, это все - наговор и клевета его врагов!

- Да, знаю, знаю, штабс-капитан! Не горячитесь! Я не меньше Вашего знаю Николая Степановича. Но сейчас ему никто не поможет, кроме трезвомыслящих людей в самом Временном правительстве, если только такие там имеются. Что же касается Ваших нелепых подозрений насчет Михаила Петровича и этого, как его, Шлыкова, то это Вы, батенька, перегнули. Устали, видимо, переутомились, вот и показалось. Возвращайтесь-ка, штабс-капитан, лучше к себе в роту, тем более что скоро, похоже, опять на фронт! - Подытожил наш разговор Лохвицкий, давая тем самым понять, что все дальнейшие возражения - совершенно бессмысленны.

- Слушаюсь, Ваше превосходительство! - Ровным голосом произнес я уставную фразу и, лихо повернувшись на каблуках, чеканным строевым шагом вышел из генеральского кабинета.

В приемной Лохвицкого, кроме Дюжева и, видимо, недавно подошедшего Регина (которого я не видел в момент своего прихода к генералу), никого не было и я, молча подойдя к столу, за которым сидел любезно улыбавшийся мне Михаил Петрович, с короткого размаха ударил своим кулаком прямо в его светящееся улыбкой лицо.

Капитан вместе со стулом с грохотом упал на пол, а я, глядя на подпоручика Дюжева, у которого от изумления широко открылся рот и вылупились глаза, громко и отчетливо сказал:

- Подпоручик, будьте так любезны, передайте этому ползающему сейчас по полу существу, что я к его услугам в любое время и в любом месте, но будет гораздо лучше, если он просто застрелится, по крайней мере, для его собственной совести!

С этими словами я спокойно вышел из приемной и отправился в свой батальон к родной 5-й роте. По пути зайдя в штаб нашего полка и разыскав там прапорщика Рохлинского, я без утайки рассказал ему обо всем произошедшем со мной с начала моего расследования «дела о газовой атаке», скрыв разве что имя и адрес моего связного Савельева. Теперь вся надежда у меня была только на Рохлинского, который уже не раз доказывал свою сметливость, храбрость и порядочность, помогая мне в моем прежнем расследовании. Прапорщик, в отличие от генерала, сразу же поверил мне и без обиняков согласился помочь.

Его задача была проста и сложна одновременно. Он должен был наладить негласную слежку за всеми перемещениями Регина и Шлыкова в ближайшие дни в направлении расположения моей роты (а, если быть точнее, моего личного местонахождения). Умница Рохлинский все понял без лишних разъяснений.

- Вы - приманка, а я - капкан на охотников за приманкой. Все ясно как Божий день, Николай Васильевич, - коротко ответил мне прапорщик, не так давно ставший называть меня по имени-отчеству вместо уставного «господин штабс-капитан».

Я ему определил в помощники водителя, с которым недавно ездил в Париж и который ради меня мог негласно приглядеть за Шлыковым, и подпоручика Дюжева, из которого при желании можно было вытянуть информацию об отъездах Регина. Кроме них, Рохлинскому в его деле по моей защите могли помочь его личные контакты с представителями отряда связи и военно-хозяйственной службы бригады. По большому счету, особо выбирать не приходилось.

Распрошавшись с Рохлинским, я со всеми предосторожностями добрался до месторасположения нашего батальона и, едва доложившись Готурову о своем прибытии, отправился отсыпаться в свою роту.

Русские и французские солдаты, 1916 год.

Собравшись вечером у Разумовского, я и три моих друга (Разумовский, Мореманов и Орнаутов) под горячительные напитки и тушенку принялись горячо обсуждать революционные перемены, охватившие нашу далекую родину. Недостаток информации с избытком компенсировался слухами и всевозможными прогнозами, но при этом все мы сходились в одном - ничего хорошего от этой революции ждать не приходится.

Под занавес нашей дружеской попойки я все-таки поведал своим друзьям о своем конфликте с Региным и моих подозрениях насчет него и его верной сторожевой собаки Шлыкова, ограничившись при этом лишь одной просьбой: отомстить им за меня, если что.

В то, что Регин вызовет меня на дуэль, я не верил. Дуэли давным-давно запрещены, и под суд из-за меня он явно не пойдет. А вот ликвидировать меня ему нужно как воздух; значит, скорее всего, за дело опять примется его любимец Шлыков со своими сильными руками и метким глазом.

Однако прошел март, наступил апрель, а от Регина - ни ответа, ни привета. Забегавший изредка в наши края Рохлинский сообщал мне одно и то же: «Регин усердно трудится на благо бригады и с глаз штабных и хозяйственных офицеров не исчезает, один куда-то выезжает и со Шлыковым почти не общается. Что касается мордастого ефрейтора, то он ведет себя тише воды, ниже травы и тоже в одиночку куда-то выезжает». Словом, в штабе бригады царит полная идиллия в отношениях моих подопечных и всех остальных.

Что касается последствий моего личного конфликта с Региным в приемной генерала, то их попросту не было. Как я и ожидал, никакого вызова на дуэль от Регина не последовало. Как мне позже передал Рохлинский, Регин объяснил Дюжеву мое поведение нервным срывом фронтовика, которого заставили заниматься не своим делом, и благородно простил меня, не доложив об этом инциденте генералу.

Прошло восемь апрельских дней, и на Западном фронте вновь усиленно заговорили пушки. Девятого апреля 1917 года началось знаменитое наступление союзнической армии под руководством французского генерала Нивеля, а тринадцатого апреля в самое пекло боев была брошена наша 1-я Особая пехотная бригада. Заняв первоначально позиции напротив селения Курси и удержав их в течение трех последующих дней, мы ранним утром 16 апреля уже сами перешли в наступление на хорошо укрепленные немецкие рубежи обо-

роны.

О масштабности наступления союзнической армии говорят следующие цифры: на участке в восемьдесят километров было сосредоточено 9 французских и 3 британские армии (то есть 90 пехотных и 10 кавалерийских дивизий); у одних только французов в сражении было задействовано 1 миллион 400 тысяч солдат и офицеров, более 5 тысяч артиллерийских орудий, для которых было завезено 33 миллиона снарядов, и 200 танков.

Задача нашей 1-й Особой бригады заключалась в том, чтобы в день атаки занять селение Курси, достигнуть железной дороги Реймс-Лион (севернее Курси) и, овладев местным стеклянным заводом, угрожать немецким защитникам Бримонского укрепленного массива их обходом с юго-запада.

Что касается 3-й Особой русской бригады, то, находясь к этому моменту в резерве 5-й французской армии, она перед самой атакой была расположена таким образом, чтобы при необходимости смогла поддержать войска 7-го французского корпуса. Таким образом, можно сказать, что обе наши русские бригады были намечены французским командованием к использованию на самых ответственных направлениях наступления Французской армии.

Начавшаяся атака союзников сначала развивалась довольно успешно, и французская пехота легко заняла первую линию окопов противника. Но дальше их атака была встречена ужасающим по плотности огнем пулеметов, которые уцелели под, казалось бы, уничтожающими всё и вся залпами французской артиллерии, и наступление замялось.

К полудню серьезный успех обозначился только на правом фланге, где наша 1-я Особая пехотная бригада овладела селением Курси. Занятая территория была сплошь усыпана трупами немецких солдат. При этом нами было взято в плен одиннадцать офицеров и шестьсот двадцать четыре солдата противника. Наши потери были также огромны: погибшими и ранеными числились двадцать восемь офицеров и свыше четырех тысяч солдат.

Однако наша бригада упорно продолжала двигаться дальше, с трудом вгрызаясь в плотную германскую оборону, и 18 апреля все-таки взяла хорошо укрепленную деревню Каррэ и местный стеклянный завод.

Поставленная перед нами задача была выполнена полностью.

Впоследствии приказом Главного командующего Французской армией на знамена 1-го и 2-го полков нашей бригады за проявленную в этих боях храбрость был прикреплен почетный французский «Военный крест с пальмовой ветвью».

Солдаты и унтер-офицеры 1-й Особой бригады

В нашем дружном офицерском коллективе 2-го батальона тоже не обошлось без потерь. За эти три дня у нас погибли два прапорщика и штабс-капитан Черкашин (бедной 8-й роте явно не везло на командиров) и были ранены еще три прапорщика (из которых один - тяжело). Солдатские потери были еще более ощутимыми: погибло и было ранено свыше четырехсот нижних чинов и унтер-офицеров (в моей роте потери составили шестьдесят человек, и это выглядело еще не так страшно на фоне потерь других рот нашего батальона).

Деятнадцатого апреля в бригаде начались сильные волнения среди нижних чинов, вызванные нашими огромными потерями (была потеряна почти половина личного состава бригады).

Батальоны, подогреваемые революционными речами представителей Солдатских комитетов, созданных в соответствии с приказом по Русской армии за № 1 от 1 марта 1917 года, резко теряли свою дисциплинированность, и Французское командование, опасаясь эмоционального взрыва в среде русских солдат и офицеров, приняло

решение о выводе остатков 1-й Особой бригады и тоже значительно потрепанной 3-й Особой бригады с передовой в глубокий тыл на переформирование. Заменить нас на передовой должна была свежая, только что подошедшая из резерва, 152-я французская дивизия.

Французы не обманули - подошли вовремя, и в ночь с 19 на 20 апреля произошла смена караула. Роты плавно, одна за другой уходили с обильно политых своей и чужой кровью позиций, уступая их тем, кому предстояло теперь их защищать.

Пришел и наш черед. Я дал команду на отход, и оставшиеся в живых солдаты и офицеры стали молча покидать недавно занятые ими окопы.

Взобравшись на бруствер последним, покинул позиции своей роты и я. Долго идти, однако, мне не пришлось. Вблизи, неожиданно для всех, разорвалась ручная граната, и меня, словно кирпичом, сильно ударило в стопу правой ноги. Я кулем упал на землю и почти тут же, сгоряча, попытался встать. Но кровь, хлынувшая в сапог, и резкая боль, от которой вмиг захолонуло сердце, заставили меня снова опуститься вниз и занять полулежачее положение.

Рана оказалась весьма серьезной. Однако крики и стоны раненых на месте разрыва гранаты заставили меня на время забыть о собственной боли и придали силы для распоряжений своим подчиненным.

Прошло еще несколько секунд, и я увидел, как в ночном сумраке, окружавшем нас со всех сторон, появились сначала бегающие лучики трех военных фонарей, а затем и сами их обладатели унтер-офицеры ближайшего ко мне взвода. Они вместе с целой группой нижних чинов моей роты тащили какого-то упирающегося и орущего благим матом человека.

- Ваше благородие! Вот он - стервец, который бросил гранату. Дозвольте душу на нем отвести! - Кричали мои бойцы.

- Подождите. Ну-ка, осветите его лицо! - Скомандовал я.

Солдаты послушно направили свет своих фонарей на захваченного ими человека, и я обомлел от неожиданности. Это был не немец, а месяц назад выбранный в Солдатский комитет бригады ефрейтор Шлыков собственной персоной.

- Братцы, не губите! Случайно вас с немцами перепутал! Случайно. Братцы! - Завопил мордастый ефрейтор.

- Врет он все! Это - германский агент! Я точно знаю. Кончайте

его, братцы! - Специально спокойным и решительным голосом приказал я.

- Нет, нет! Ваше благородие, пощадите! Я все скажу, только пощадите! Это все - Регин! Я все делал по приказу их высокоблагородия! Я - маленький человек. Пощадите, Ваше благородие! - Бился в исступлении о землю насмерть перепуганный и уже изрядно избитый моими солдатами Шлыков.

- Ладно, братцы, подождите! Вы все слышали, что он здесь только что сказал. Будете свидетелями, если вдруг я не доживу до завтрашнего утра, - дал я отбой своим подчиненным.

- Доживешь, доживешь! Я - тоже свидетель его словам, и если он потом откажется от них - своей рукой пристрелю гада, - раздался совсем рядом громкий голос запыхавшегося штабс-капитана Разумовского.

- Мишель! Ты как здесь оказался? - Обрадовался я, успокаиваясь от одного его присутствия.

- Да, мы совсем недалеко от вас ушли, а я, как услышал взрыв, так сразу почему-то подумал о тебе и бегом сюда вместе с Родькой Малиновским.

- Вовремя ты, Мишель. Вовремя! Возьми, пожалуйста, доставку этого мерзавца в штаб бригады и арест Регина на себя! Очень прошу тебя!

- О чем речь, Николая! Все будет сделано наилучшим образом. Я с Родькой и вот этими тремя твоими унтер-офицерами пойдем доставлять предателя в штаб, а ты, давай, скорей в госпиталь! Санитаров я сейчас подошлю.

Минутой позже Разумовский вместе с бойцами и Шлыковым (которого повели в буквальном смысле на аркане) скрылись в темноте. А еще через десять минут появились и санитары, которые, наскооро обработав мою раненую ногу, вместе с солдатами моей роты положили меня на носилки и унесли с места взрыва.

Прошло два часа, и я, лежа в кузове военного автомобиля, уже ехал в направлении ближайшего военного госпиталя. А еще через несколько часов я узнал, что капитану Регину удалось-таки скрыться от Разумовского в момент появления последнего в штабе бригады.

Он просто исчез, испарился из генеральской приемной за считанные секунды до того, как туда ворвались Мишель и Родька Малиновский. И никто даже не заметил, как это случилось.

Поистине, это был настоящий профессионал своего дела!

Что касается Шлыкова, то его расстреляли перед строем через два дня после моего ранения и исчезновения Регина.

Глава 8

Ранение ноги оказалось очень серьезным: стопа была практически полностью раздроблена. Учитывая это, а также то, что я являлся русским офицером и потомственным дворянином, меня отправили на излечение в один из лучших военных госпиталей, расположенный на окраине Парижа. Там мне вновь повезло: я попал в руки хорошего хирурга, который очень грамотно провел первую операцию (всего их было три, причем каждую последующую делали через два-три месяца после предыдущей), и у меня появились хорошие шансы сохранить ногу.

Госпиталь был типично французским. Русского медицинского персонала в нем почти не было. Впрочем, даже в прифронтовых госпиталях русские военврачи начали появляться лишь совсем недавно, после того, как в необходимости их пребывания на Западном фронте наконец-то удалось убедить командование Русской армии.

До этого, наши раненые (особенно, нижние чины, унтер-офицерский состав и офицеры военного времени), не знающие французского языка, очень страдали от непонимания со стороны французского медперсонала: ведь объяснить французскому врачу, что именно сейчас беспокоит раненого, и какие у него симптомы сопутствующего заболевания было практически невозможно.

Естественно, учитывая свой достаточно приличный уровень владения французским языком, я не слишком волновался за комфортность своего пребывания в местном медицинском учреждении. Но при этом у меня все же оставалось небольшое опасение, что в столь отдаленном от фронта госпитале может вообще не быть русских, и я тогда надолго останусь один на один с людьми иной ментальности.

К моей большой радости здесь волею судьбы оказались сразу двое русских: сорокалетний доктор Клейменов Александр Иванович, политэмигрант из царской России, и юная красавица - восемнадцатилетняя сестра милосердия Воронцова Наталья Павловна (Натали, как ее все здесь звали), выпускница Смольного института благородных

девиц, прекрасно образованная и великолепно владеющая французским языком.

Натали, как и я, была родом из военной семьи потомственных дворян. Ее отец, подполковник русской армии, погиб на фронте в 1914 году, в самом начале войны, а мать, активистка одного из столичных благотворительных обществ, в том же 1914 году, узнав о гибели любимого мужа, сильно заболела и потеряла всякий интерес к жизни.

После Февральской революции, лишившей их пенсионера, получаемого матерью за погибшего мужа, Натали и ее мать выехали из России и окольными (морскими) путями перебрались во Францию, а точнее, во французскую столицу, где уже шесть лет проживала ее старшая сестра, еще до войны вышедшая замуж за французского офицера.

Натали, не желая сидеть на шее у родной сестры и ее мужа, воевавшего в составе Французской армии, уже через несколько дней после своего приезда устроилась работать сестрой милосердия в мой госпиталь и к моменту моего туда попадания, успела проработать в нем всего лишь четыре свои полные смены.

Я влюбился в нее с первого взгляда, даже не зная еще, что она - русская; и сразу на задний план отошла почти непрекращающаяся боль в правой ноге и невеселые мысли о своем будущем. «Я буду ходить, и она будет моей, чего бы это мне не стоило», - раз и навсегда решил я, провожая ее взглядом при первом появлении Натали в нашей палате.

Каково же было наше с ней взаимное удивление, когда при первом же разговоре выяснилось, что мы оба - русские и, к тому же, коренные петербуржцы. После этого наш разговор невольно принял весьма доверительный характер. Раскрасневшись, Натали даже тихонько поведала мне, что в роли сестры милосердия чувствует себя еще весьма неуверенно, и поэтому просит меня запросто, по-своейски подсказывать ей, если она что-то будет делать не так, на что я, конечно, сразу же дал свое согласие.

Доктор Клейменов тоже оказался весьма свойским человеком. Он был неисправимый оптимист и шутник, обладающий, к тому же, блистательными познаниями в области истории, литературы и политологии, не считая, разумеется, его любимой медицины, где он тоже слыл большим профессионалом. Иногда (в его свободное время), за

партией в шахматы на моей прикроватной тумбочке, мы вступали с ним в открытую дискуссию по всем волнующим нас в тот период вопросам. И лишь появление в палате Натали каждый раз клало конец нашим затянувшимся спорам.

Александр Иванович, будучи человеком пронизательным, сразу же раскусил причины такой моей небывалой сговорчивости в моменты прихода в палату этой русской сестры милосердия и с восторгом одобрил мой выбор.

- Николая, эта девушка - клад для любого! Ты будешь круглым дураком, если упустишь ее, - не раз говорил он мне потом.

Я и сам чувствовал это и с каждым днем влюблялся в Натали все больше и больше. Но мне было тяжело осознавать, что я, пока что - всего лишь инвалид, прикованный к кровати, которому носят еду в постель и за которым выносят судно с его испражнениями.

Ох уж это судно. Сколько терпения, волевых усилий и хитрости мне пришлось проявить в те первые недели моего пребывания в госпитале, чтобы избежать попадания в руки Натали судна с отходами моей жизнедеятельности.

Тем радостней для меня была минута, когда я смог наконец-то взять в руки деревянные костыли и самостоятельно допрыгать на них до туалета. Именно с этого момента я вновь почувствовал свою полноценность и принялся, не скрывая, ухаживать за Натали.

Лежащие вместе со мной в палате французы тоже поощряли эти мои неуклюжие ухаживания и всячески подчеркивали мои человеческие достоинства при каждом появлении Натали. Но девушка одинаково ровно относилась ко всем своим пациентам, включая меня, и, несмотря на установившиеся между нами доверительные отношения, ничем не выдавала своих истинных чувств.

Не забывали меня здесь и мои старые друзья. Периодически (при первой же возможности попасть в Париж), ко мне приезжали Мореманов с Орнаутовым и Разумовский с Рохлинским, посвящавшие меня во все происходящие в Русском Экспедиционном Корпусе события; а эти события, судя по всему, становились все тревожней и катастрофичней.

Передислоцированные после смертоносных апрельских боев в глубокий тыл остатки 1-й и 3-й Особых пехотных бригад были сведены здесь в одно новое воинское подразделение (1-ю Особую пехотную дивизию под командованием генерал-майора Лохвицкого) и

расквартированы в военном лагере Ля-Куртин. Однако в условиях начавшегося под воздействием революционных идей упадка дисциплины в солдатской среде и усилившейся, в последнее время, глубокой неприязни между личным составом бывших 1-й и 3-й бригад из-за их разного социального состава (нижние чины 1-й бригады были выходцами из фабричных рабочих крупных городов, а нижние чины 3-й бригады - из крестьян глубинной России), это мероприятие оказалось весьма несвоевременным.

Французское военное командование, поняв это, направило русскому Временному Правительству послание с просьбой о рассмотрении возможности переправки 1-й Особой русской пехотной дивизии обратно в Россию, но Временное Правительство, опасаясь прибытия на родину сразу нескольких зараженных революционным духом полков, намеренно затянуло решение этого вопроса.

Тем временем (пока французские власти пытались решить вопрос о будущем русского подразделения во Франции), 1-я Особая дивизия продолжала стремительно разваливаться прямо у всех на глазах. Тогда, французами в Петроград (переименованный Санкт-Петербург) направляется последнее, отчаянное сообщение о том, что части 1-й Особой дивизии, поддавшись большевистской агитации, категорически отказываются подчиняться своему и французскому командованию, заявляют о нежелании сражаться на Западном фронте и требуют их немедленной отправки в Россию.

Но увы. Временным Правительством России был проигнорирован и этот отчаянный призыв о помощи.

В результате к концу лета в лагере Ля-Куртин начался настоящий военный мятеж - своеобразный предвестник будущей гражданской войны. Чтобы избежать большой крови, французы вывели из лагеря все оставшиеся верными присяге русские части и перевезли их на пятнадцать эшелонах вглубь страны - в военный лагерь Курно (около города Бордо в провинции Жиронда), а оставшихся «ля-куртинцев» окружили и изолировали от остального мира французскими войсками генерала Комби.

Третьего августа 1917 года во французский Брест из России на пароходах «Двина» и «Царица» прибыла приданная 1-й Особой дивизии 2-я Особая артиллерийская бригада во главе с генералом Беляевым. В ней дисциплина пока еще находилась на должном уровне, и французы решили использовать артиллеристов для подавления

беспорядков в Ля-Куртине, где процветало беспробудное пьянство, и множились нелады с местным населением.

Прежде, чем согласиться на это, вновь прибывшие артиллеристы выслали собственную мирную делегацию в мятежный лагерь, но осознав на месте всю бесполезность каких-либо переговоров с осмелевшими от безнаказанности мятежниками, эта делегация вернулась обратно ни с чем.

К четырнадцатому сентября 1917 года, отвергнув несколько ультиматумов Французских властей, Временного Правительства России, Верховного Главнокомандующего Русской армии генерала Корнилова и командования Русского Экспедиционного Корпуса, «ля-куртинцы» забаррикадировались в каменных казармах своего лагеря. В ответ на это Ля-Куртин, взамен французских войск, был окружен верными присяге частями 2-й Особой артиллерийской бригады и отдельными частями, наспех сформированными из добровольцев лагеря Курно.

Семнадцатого сентября мятежный лагерь впервые подвергся планомерному артиллерийскому обстрелу, за которым последовала проведенная по всем правилам военного искусства и поддержанная шквальным пулеметным огнем атака верной присяге пехоты. При этом следует особо отметить то, что французы в этом бою никоим образом не участвовали. Русские воевали против русских.

Сопrotивление «ля-куртинцев» было окончательно сломлено лишь к полудню двадцатого сентября, и при этом в некоторых местах лагеря дело доходило даже до рукопашных схваток. Из официальных данных, направленных в Петроград русским командованием 1-й Особой дивизии сразу после подавления мятежа, стало известно, что в этом несправедном бою погибли 8 и были ранены 44 мятежника, а среди атаковавших - погиб 1 и были ранены 5 солдат.

После разгрома мятежного лагеря 92 наиболее активных мятежника были заключены в военную тюрьму в городе Бордо, 300 - сосланы на остров Экс и 300 - сосредоточены в лагере Бург-Ластик, порядки которого сильно напоминали тюремный режим. Из остальных же пленных «ля-куртинцев» были сформированы 19 сводных маршевых рот, взятых под особый дисциплинарный контроль со стороны командования 1-й Особой дивизии.

Но по-настоящему поворотным событием в истории русских войск во Франции стал, однако, не день полной ликвидации мятежа,

а день, когда Временное Правительство России приняло окончательное решение о невозвращении Русского Экспедиционного Корпуса на родину до конца войны и возможности использования его французами (по собственному усмотрению) как на фронте, так и в тылу (в качестве рабочей силы).

На основании такого решения тут же вышло Постановление Военного министра Франции Ж.Клемансо о разделении русских военных на три категории: добровольцев-воинов, желающих сражаться с немцами до конца, добровольцев-рабочих, не желающих больше воевать (в которые, кстати, записалось подавляющее большинство русских военнослужащих), и тех, кто не желает ни сражаться, ни работать (таких - ожидала немедленная ссылка на принудительные работы в Северную Африку).

Русские добровольцы-рабочие

Так печально закончилось относительно недолгое существование Русского Экспедиционного Корпуса на Западном фронте.

К этому времени я уже стал пробовать ходить без костылей. Конечно, это были всего лишь робкие попытки, но и они, несмотря на болезненные ощущения, приносили мне несказанную радость. Я ходил и, значит, уже достаточно скоро мог вернуться в строй.

Единственное, что меня огорчало, так это то, что приближалось время расставания с Натали, а я так и не сумел завоевать ее сердце (по крайней мере, так мне тогда казалось). Она была настолько чиста и невинна, что я сам возле нее становился непривычно робким и скованным. Доктор Клейменов только дружески подсмеивался надо мной, видя мою нерешительность в общении с Натали.

- Николая, голубчик, ну ты предпринимай что-нибудь с ней побыстрее, а то ведь, отобьют девицу, ей Богу, отобьют! - Говорил он мне, смеясь.

Я и сам понимал, что, как говорится, время X пришло: или я решаюсь на серьезный разговор с девушкой, и пан или пропал, и тогда ее обязательно увлечет какой-нибудь выздоравливающий французский офицер, которых, кстати, в последнее время все больше стало виться вокруг нее в коридорах нашего госпиталя.

Благоприятный момент для этого настал, как всегда, неожиданно. Стоя в душе (раз в неделю выздоравливающим предоставлялась такая самостоятельная возможность), я поскользнулся на скользком полу и довольно сильно ушибся плечом, подсознательно оберегая при падении свою раненую ногу.

Присутствовавшие в душевой французы вынесли меня в раздевалку и на всякий случай крикнули кому-то в коридоре, чтобы тот вызвал кого-нибудь из медперсонала госпиталя. После этого они ушли мыться, а я, посидев пару минут на скамейке и отойдя от болевого шока, окончательно убедился, что это был всего лишь сильный ушиб; плечо исправно выполняло свои функции, а боль отступала все дальше и дальше.

В эту минуту дверь в раздевалку стремительно распахнулась, и в нее вбежали встревоженные доктор Клейменов и Натали. Ужас моего положения при этом заключался в том, что я был абсолютно гол, а до ближайшего больничного халата, висевшего на вешалке, было не менее пяти шагов.

- Что случилось? Нам крикнули, что русский офицер расшибся в душевой комнате, и мы - бегом сюда. Так, что с тобой, Николая? - Залпом выпалил доктор.

- Да ничего страшного, Александр Иванович. Просто ушиб плеча, - растерянно ответил я, старательно прикрывая обеими руками свою паховую область и стараясь не смотреть на зардевшуюся от смущения Натали.

- Нет, голубчик, на всякий случай, твое плечо надо обязательно показать хирургу! Давай, хватайся руками за наши плечи, и - прыг-скок до хирургического кабинета! - Требовательно произнес Клейменов, присаживаясь возле меня с левого края.

При этих словах глаза у Натали округлились, и она, засмущавшись еще больше и нерешительно присев возле меня с правого края, отвернула свое личико глубоко в сторону.

- Александр Иванович! Мне бы халат надеть сначала. Зачем смущать своим видом женский персонал в коридоре? - Просительным тоном обратился я к доктору.

- Ах, вот ты о чем, - наконец, уразумел Клейменов. - Так здесь женщин нет; есть медперсонал, всего лишь медперсонал.

Не успел я ему ничего на это ответить, как вдруг Натали, резво вскочив со своего места, схватила с вешалки мой больничный халат (интересно, как она распознала его среди десятка похожих на него халатов французов, моющихся сейчас в душевой?) и быстро сунула его мне в руки, по-прежнему устремив свой взгляд куда-то в сторону.

- Натали, душенька, да никто не украдет у нас это голое сокровище; ни француженки-врачи, ни француженки-сестры милосердия. А поскольку я сам - мужского пола, то, значит, Николая - твой и только твой, - перешел на шутливый тон доктор, верно оценив этот импульсивный поступок девушки.

- Александр Иванович, как Вам не стыдно! Я просто помогла ему, - покраснелась еще больше Натали.

- Ну, ладно, деточка, ладно. Я пошутил, - поднял руки вверх Клейменов.

Он уже без лишних слов помог мне подняться и надеть халат. Все это время Натали стояла к нам спиной и, прерывисто дыша, смущенно молчала.

Отведя меня к хирургу и убедившись там, что со мной ничего не случилось, Клейменов с девушкой, все еще остерегаясь за мое самочувствие, проводили меня до самой палаты и, осторожно усадив на лавочку возле ее дверей, разошлись в разные стороны.

Я тут же прижался спиной к стене и, прикрыв глаза, стал подробно вспоминать все свои ощущения в те моменты, когда, обняв правой рукой девушку за плечо, передвигался с ней по коридору в компании милейшего доктора Клейменова.

- Вам все еще больно, Николая? - Вдруг, неожиданно, раздался

возле меня голос Натали.

Я, вздрогнув, резко открыл глаза и увидел, что девушка, вернувшись обратно, присела рядом со мной и доверчиво смотрит на меня своим теплым глубоко проникающим внутрь взглядом.

- Да нет, не больно, - произнес я в ответ и осторожно взял ее за руку.

Натали отнеслась к этому на удивление спокойно и мягко, словно давно ждала от меня чего-то подобного.

- Я очень испугалась за Вас, Николая, - тихо сказала она.

И тут меня прорвало. Я сжал ее в своих объятиях и принялся осыпать ее лицо поцелуями до тех пор, пока наши губы не встретились, и только тут Натали впервые робко ответила мне своим нежным девичьим поцелуем и поглаживанием пальцами моих коротко стриженных висков. Сколько это продолжалось по времени, я не знаю. В коридоре очень долго никого не было, и мы без опаски предавались нежным поцелуям.

При первой же паузе я признался Натали в любви и предложил ей выйти за меня замуж. Девушка ответила мне взаимностью и без колебаний согласилась, признавшись, что тоже влюбилась в меня с самого первого взгляда.

Следующий месяц пролетел, как секунда. Я уже почти восстановился и вполне уверенно ходил по коридорам госпиталя и по госпитальному двору. А вскоре я уже осмелился и на выход за его пределы.

Первым же моим длительным путешествием в мир после многомесячного нахождения в больничных палатах стало посещение дома, в котором жила Натали вместе со своей матерью и сестрой, с официальным предложением руки и сердца своей избраннице.

Ее мать дала согласие на наш брак, и в одно из воскресений ноября я обвенчался с Натали в местном православном храме в присутствии ее родных (помимо матери и сестры на венчании присутствовал и муж ее сестры - боевой французский офицер, получивший ради этого события краткосрочный отпуск с фронта) и моих друзей: Разумовского, Мореманова и Орнаутова.

К сожалению, по причине сильной занятости не смог приехать Рохлинский, но зато сумел на минутку вырваться с дежурства наш доктор-хранитель Александр Иванович Клейменов.

Моя невеста очень понравилась моим друзьям, и они напере-

бой хвалили мой выбор.

Начальство госпиталя пошло мне навстречу и разрешило (начиная со дня нашего венчания) последние две недели перед моей выпиской провести вместе с Натали в доме ее сестры и матери, где нам была выделена на это время отдельная комната.

Эти две недели стали самыми счастливыми в моей жизни. Я и Натали почти не выходили из нашей комнаты, купаясь в своих чувствах. Но всему хорошему (как, впрочем, и всему плохому), рано или поздно, приходит конец. Закончились и эти две недели безмерного и безмятежного счастья. Я был официально выписан из госпиталя и должен был возвращаться в дивизию, которой уже фактически не было.

К этому времени, а на дворе стоял уже декабрь 1917 года, отношение к русским офицерам и солдатам во Франции изменилось кардинально, а если точнее, то ровно на сто восемьдесят градусов. После произошедшего в России Октябрьского переворота и провозглашенного большевиками курса на выход России из войны с Германией (с отказом от всех российских обязательств перед союзниками, в первую очередь, в лице Франции и Англии) слово «Россия», у французов, стало символом измены.

Русских военных на улицах французских населенных пунктов (если они там появлялись) обзывали предателями и трусами, плевали им вслед и предлагали побыстрее возвращаться к себе на родину, чтобы там целоваться и обниматься с немцами, ныне безнаказанно топчущими русскую землю.

Что касается нас, русских офицеров, находившихся в тот период в Париже, то нам было прямо рекомендовано не появляться в русской военной форме на столичных улицах во избежание печальных последствий.

В этот драматический момент генерал-майор Лохвицкий открыто обратился ко всем оставшимся верными присяге и воинскому долгу офицерам и солдатам бывшего Русского Экспедиционного Корпуса во Франции с призывом сформировать боеспособную войсковую единицу для эффективного противостояния германским войскам на Западном фронте.

За организацию этого русского добровольческого отряда активно взялся наш бывший командир батальона, глубоко уважаемый всеми фронтовиками, полковник Готуров (чин полковника и долж-

ность командира 2-го полка он получил еще после апрельских боев). Французы разрешили назвать этот отряд Русским Легионом (по аналогии с Иностранным легионом, уже действующим во французской армии не один десяток лет), и процесс его формирования пошел небывало быстрыми темпами.

Готуров агитировал за вступление в Легион везде, где были русские люди: в госпиталях, рабочих ротах и даже в среде русских политэмигрантов и военнослужащих Иностранного легиона русской национальности.

Лохвицкий, в свою очередь, публиковал во всех влиятельных зарубежных печатных изданиях свое знаменитое воззвание «Вперед, русские во Франции!», оканчивающееся знаменательной для славян фразой: «Мы - русские - не можем жить опозоренными. Вперед!» Своим возванием генерал добился вполне определенного успеха: для поступления в Легион стали приезжать русские добровольцы даже из Голландии, США, Италии и Индии.

Формирование Легиона чести

Сбор всех добровольцев происходил на военной базе в Лавале. Труднее всего было попасть туда, как это ни странно, именно офицерам. Легион формировался согласно французскому штатному расписанию, и количество офицерских должностей в нем было строго ог-

раничено, а на неофицерские должности офицеров не принимали. Вот такой сложился тогда парадокс!

Совместными усилиями Лохвицкого и Готурова уже к концу декабря 1917 года был сформирован первый и, как оказалось, единственный батальон Русского Легиона (попытки сформировать еще три таких батальона ни к чему не привели, а их неполный личный состав уходил впоследствии на восполнение потерь первого батальона).

Услышав про то, что наш Готуров собирает Легион русских добровольцев для продолжения войны с немцами, я и мои друзья разом, не раздумывая, поспешили к нему.

Мы не могли допустить даже мысли о том, что этот новоявленный добровольческий Легион отправится на фронт без нас. Это было бы крайне несправедливо по отношению к нам, мечтавшим всю войну любой ценой разбить ненавистного врага и дойти до его логова - Германии - страны, развязавшей эту страшную кровавую бойню в Европе.

Я, скрепя сердце, простился со своей молодой женой, с трудом сдерживавшей слезы в своих наполненных тревогой глазах, и ее родственниками, также искренне переживавшими за меня, как и сама Натали, и покинул их гостеприимный дом сразу же, как только за мной заехали мои друзья.

Дорога оказалась недолгой, и вскоре мы предстали всей своей дружной компанией пред светлыми очами незабвенного Готурова, который, увидев нас перед собой, растрогался до слез и крепко обнял по очереди каждого из приехавших.

- Вот, теперь, я точно знаю, что наш Легион дойдет до Германии! - Горячо воскликнул переполненный чувствами командир новоявленного добровольческого подразделения.

Естественно, Готуров сделал для нас исключение из правил и принял всех оптом (Разумовского, Мореманова, Орнаутова, Рохлинского и меня) в первый батальон Русского Легиона. Также к нам были зачислены наш бывший полковой батюшка Богословский и два новых военврача, одним из которых стал наш доктор-хранитель Клейменов, последовавший вслед за нами на базу в Лавале. А в новой пулеметной роте Разумовского вновь оказался наш всеобщий любимец пулеметчик Родька Малиновский, который также был очень рад встрече с нами и своим старым боевым командиром.

Так была открыта новая страница в истории русского воинства во Франции - страница, вернувшая доброе имя русским офицерам и солдатам, оставшимся до конца верными присяге и своему воинскому долгу, и вызвавшая безмерное уважение к русским со стороны французского населения и французской армии.

Глава 9

Мне навсегда врезался в память серый зимний день начала Января 1918 года, когда наш первый батальон Русского Легиона прибыл с базы на железнодорожный вокзал для отправки на фронт.

Так получилось, что в это же время туда прибыли и так называемые рабочие роты, сформированные из отказавшихся воевать солдат и офицеров уже не существующей 1-й Особой дивизии. Они оказались немного впереди нас и первыми прошли по узкой ведущей к вокзалу дороге, по обеим сторонам которой стояли многочисленные группы французов, узнавших об отъезде русских из их населенного пункта.

Удивительно, но солдат и офицеров из рабочих рот французская толпа встретила единодушным презрительным молчанием. Ни одного свиста, ни одного окрика в их адрес. Такую тишину перенести было еще сложнее, чем вполне ожидаемый в такой ситуации шквал негодующих возгласов.

И проходившие мимо французов работнички, не выдерживая этого презрения, стыдливо прятали свои лица за поднятыми воротниками шинелей. Их растерянные глаза были опущены глубоко вниз и смотрели лишь прямо перед собой. В них сквозила явная боязнь встретиться взглядом с откровенно презрительными взорами местных стариков, женщин и детей.

Но вот вслед за работничками показался наш идущий четким строевым шагом батальон, с винтовками за плечами и с лихой строевой песней на устах, и ситуация тут же кардинально изменилась. Настоящий взрыв искреннего восторга и громких аплодисментов встречает и сопровождает нашу колонну на протяжении всего пути к вокзалу.

Во главе нашего батальона - полковник Готуров на белом скакуне, а позади - вместе со своими вожатыми - наш выросший люби-

мец - медведь Мишка. Этот невероятный симбиоз коня и медведя, сопровождающих русских пехотинцев на фронт, действует на местное население вполне прогнозируемо: восторгу французов нет предела, и их приветственные крики усиливаются многократно. Мишка в ответ, позвякивая цепями, тоже довольно громко ворчит (что является признаком большого медвежьего удовлетворения), и толпа вновь заходится в оглушительных аплодисментах.

Попав на вокзал, мы все с той же лихой песней прошествовали до стоящего на отдельной железнодорожной ветке эшелона с надписью «Русский добровольческий отряд» и погрузились в предназначенные нам вагоны. Всего нас, севших тогда в этот железнодорожный состав, было: 7 офицеров, 374 унтер-офицеров и нижних чинов, 2 военврача и 1 войсковой священник. Немного, конечно, но это ведь было только начало.

Впоследствии наш отряд доукомплектованный до полноценного батальона, периодически пополнялся новыми волонтерами из числа молодых людей немногочисленной русской диаспоры во Франции и очнувшихся от дурмана революционной пропаганды солдат и офицеров, трудившихся в составе рабочих рот на строительстве военных укреплений в тылу французских войск.

Пятого января 1918 года мы, наконец-то, прибыли в прифронтовую зону и узнали, что наш первый батальон Русского Легиона прикомандирован к 4-му полку марокканских стрелков знаменитой Марокканской дивизии - лучшей ударной дивизии Вооруженных Сил Франции.

Эта дивизия, состоявшая из сводного полка Иностранного легиона, 8-го Зуавского полка, 7-го Марокканского стрелкового полка, 4-го полка марокканских стрелков и 12-го батальона мальгашских стрелков, бросалась в атаки исключительно для прорыва укрепленных позиций противника или для ликвидации неприятельских прорывов. Боевая слава этой единственной дивизии Франции, имевшей вместо порядкового номера собственное имя, стояла так высоко, что служить в ней считалось большой честью для любого солдата и офицера.

По прибытии в знаменитую дивизию, находившуюся в то время на отдыхе, нас неожиданно окружили там небывало уважительным отношением сами французские военные. Командир 4-го полка полковник Обертин 16 января 1918 года даже издал специальный

приказ по своему полку, в котором были такие строчки: «Эти русские сохраняют любовь к своей Родине и уверенность, что она воскреснет. Приказываю ввести особенно учтивый обмен честью с русскими военнослужащими. Теперь все солдаты должны первыми отдавать честь русским военным, у которых на погонах галуны и звездочки. Офицеры должны первыми обмениваться честью с русскими офицерами».

Такое уважение отчасти было вызвано еще и тем, что наш Русский Легион принял решение воевать в военной форме и под знаменем уже не существующего государства, Российской Империи, что автоматически ставило всех нас вне законов войны. Особенно ярко это выразилось после заключения Советской Россией в марте 1918 года Брест-Литовского мира с Германией, после которого в случае попадания кого-нибудь из нас в германский плен его как нелегально воюющего ждал неминуемый расстрел.

Легион чести на позициях

На следующий после нашего прибытия день начальником Марокканской дивизии генералом Доганом был проведен официальный смотр Русского Легиона. Желая произвести на него хорошее впечатление, мы еще с утра привели себя в надлежащий порядок и поэтому

без особых волнений ждали наше новое начальство. Как только прозвучала команда: «Строиться!», Легион в рекордно короткий срок выстроился ровными рядами на полковом плацу и приветствовал своего нового дивизионного командира громким уставным приветствием.

Молодцеватый вид русских добровольцев, большая часть которых имела на своей груди Георгиевские кресты за личную храбрость, произвел на французского генерала прекрасное впечатление. Обходя стройные ряды нашего Легиона, он в обязательном порядке останавливался перед офицерами и с чувством пожимал нам руки.

Дойдя, таким образом, до левого фланга выстроившегося русского батальона, генерал Доган вдруг замер в глубоком недоумении. Перед ним стояли застывший на месте Мишка и два его вытянувшихся в струнку вожатых Васька Пырклов и Семка Сорокин.

Мишка, не привыкший к расшитым золотом французским генеральским фуражкам, впился в обладателя таковой своими большими любопытными глазами. Доган, в свою очередь, сначала было тоже уставился немигающим взглядом в медвежьи глаза, но потом, после секундного колебания, неожиданно для всех широко улыбнулся и приложил руку к своей фуражке.

Окружавшие его офицеры французского штаба тут же повторили жест своего начальника. Мишка в ответ издал звук, похожий на одобрение (какой он обычно издавал, когда ему давали апельсин или небольшую бутылку коньяка, до которого он был большим охотником), и также сделал своей лапой движение, очень похожее на отдавание чести.

Восхищение Догана не знало границ!

Так Мишка в одночасье стал знаменитостью всей Марокканской дивизии и особым приказом ее начальника был поставлен на усиленное довольствие.

Настали дни нашего полного морального удовлетворения: возобновились учебные занятия, стали вновь проводиться совместные маневры и продолжилось активное изучение французских методов ведения войны.

А вскоре в дивизии были назначены и специальные военные состязания между ее полками. Начальник дивизии, понимая, что только что сформированный Русский Легион еще не имеет необходимой сплоченности, передал полковнику Готурову, что наш баталь-

он может не принимать участия в этих военных играх.

За завтраком в полевом офицерском собрании Готуров поделился этим с нами, сказав вскользь, что все же было бы, наверное, хорошо, если бы мы со своими подчиненными смогли принять участие в этих состязаниях, но, конечно, так, чтобы не осрамиться перед французами. Мы, в свою очередь, решили, на всякий случай, переговорить об этом со своими унтер-офицерами и рядовыми легионерами.

Но узнав, в чем дело, солдаты сами обступили нас со всех сторон и стали слезно просить:

- Соглашайтесь! Не бойтесь! Не подведем!

Поддавшись на их просьбы, мы решили рискнуть, и Готуров передал в штаб официальную заявку на участие нашего Легиона в традиционных военных состязаниях знаменитой французской дивизии.

Легион чести на позициях

Начались усиленные тренировки: нужно было выбрать два десятка лучших русских легионеров против нескольких сотен лучших представителей шестнадцатитысячного воинства французов - марокканцев. Наконец, мы определились со списком своих сильнейших и стали натаскивать их по отдельной программе подготовки.

И вот, настал долгожданный день военных игр. Атмосфера на них была просто потрясающая. Состязания шли одно за другим, и огромное количество зрителей без устали скандировало названия своих воинских частей. Победы же отдельных бойцов этих подразделений и вовсе вызвали неподдельный дикий восторг у их сослуживцев.

Порой казалось, что нам нечего делать на этом празднике жизни. Но вот пришла победа в одном из состязаний, во втором. И как результат к концу дня из двенадцати разных видов военно-полевых соревнований восемь первых призов, один второй и два третьих достались нашим солдатам и офицерам! Особенно отличились наши пулеметчики (среди которых по-настоящему блистал Родька Малиновский), всадив на всех дистанциях такое количество пуль в мишени, что все присутствовавшие при этом были глубоко потрясены их высоким мастерством.

Полный фурор русских в дивизии! Но при этом со стороны французов - ни зависти, ни обиды. Мы там же вместе с ними с русским размахом отпраздновали нашу военно-спортивную победу, после чего еще теснее сдружились со своими будущими боевыми товарищами.

Во французской армии в то время существовало неписанное правило: чтобы сохранить поредевшие ряды кадрового руководящего состава, несколько офицеров и унтер-офицеров из каждого батальона по очереди не ходили в бой и оставались в резерве при штабе полка.

Узнав об этом, мы - офицеры и унтер-офицеры Русского Легиона - немедленно обратились к командиру своего полка (в этот период наш Легион был уже прикомандирован к 8-му Зуавскому полку Марокканской дивизии) с настоятельной просьбой разрешить нам идти в первый бой всем вместе. Командир полка спросил об этом у начальника дивизии, и тот после некоторых колебаний все же удовлетворил нашу просьбу, поняв всю деликатность нынешнего положения русских добровольцев.

Случай проявить нашу боевую сплоченность в настоящем деле

представился достаточно скоро. В конце апреля 1918 года немцы предприняли массированную атаку на севере Франции. Эту атаку ждали давно, к ней готовились, зная, что она будет исключительно мощной и опасной. Но натиск Германской армии превзошел все ожидания. Не выдержав его, английские войска в беспорядке хлынули назад, и немцы острым клином врезались в стык между Английской и Французской армиями. Город Амьен оказался под разрушительными залпами немецких орудий.

Марокканская дивизия была немедленно поднята по тревоге и вечером 25 апреля 1918 года посажена на грузовики, а уже на рассвете следующего дня после длительного ночного переезда мы были с ходу брошены в контратаку на прорвавшегося противника.

Впоследствии, в книге «Страницы славы Марокканской дивизии» об этом бое будет написано следующее: «В наиболее критический момент, когда вся наша атакующая пехота казалась прикованной, вросшей в землю, вдруг внезапно на равнине появляется небольшая воинская часть, как бы восставшая из ничего! Она смело бросается вперед между зуавами и марокканскими стрелками со штыками, устремленными на неприятеля, и, не обращая внимания на пули и град снарядов, наносящие им страшные потери, с офицерами во главе, прорывает первый ряд неприятельских укреплений и отбрасывает его с дороги, ведущей к Амьену. Кто же эти бесстрашные храбрецы, что-то кричащие на непонятном языке, которым - невероятная вещь - удалось пройти через пространство смерти, остановившее зуавов и марокканских стрелков?! Это - русские Марокканской дивизии! Слава им и вечная память, как павшим в этом бою, так и оставшимся в живых, которые, будучи не в состоянии удержаться на занятой позиции, посчитали своей святой обязанностью под прикрытием ночи вернуться и вынести трупы своих убитых товарищей, оставшихся на неприятельской позиции».

Наши потери были велики: убито 34, ранено 76 и пропало без вести 4 легионера. Легкое осколочное ранение получил и я. В пылу боя я его сначала даже не почувствовал; от взрывов снарядов в воздух постоянно взлетали и осыпали наши атакующие ряды не только несущие смерть и увечья осколки, но и гроздь камней и достаточно увесистых комьев земли. Лишь в первоначально занятых нами неприятельских окопах находившиеся рядом со мной солдаты обратили мое внимание на порванный (в верхней части) и уже слегка про-

питанный кровью правый рукав моего офицерского кителя.

Только после этого я ощутил сильную саднящую боль в месте ранения. Но, к счастью, рана оказалась пустяковой. Осколок срезал небольшой кусочек кожи с моей руки, но не задел ни кость, ни сухожилия. Рану мне быстро продезинфицировали и перебинтовали санитары, и я, несмотря на ноющую боль, продолжил бой.

Заслуги нашего Легиона были высоко отмечены французским командованием: особо отличившийся капитан Лупанов был прямо на поле боя награжден «Орденом Почетного Легиона», а я и остальные офицеры Русского Легиона (в том числе, конечно, и мои друзья) получили французские «Военные Кресты» высших степеней.

Большое количество «Военных Крестов» низших степеней было вручено также заслужившим их по праву унтер-офицерам и рядовым легионерам нашего батальона.

На свое боевое знамя получил свою первую награду и сам Русский Легион. Это был «Военный Крест с серебряной звездочкой». В приказе о присвоении Легиону этой высокой воинской награды говорилось: «26 апреля, в неудержимом порыве, русский батальон пошел

в атаку с полным пренебрежением к смерти и, при общем восхищении, остался на занятых линиях, несмотря на контратаки и безостановочную бомбардировку».

После этого боя слава Русского Легиона моментально облетела всю Францию. Пресса воспроизвела на своих страницах приказ о нашем награждении, и французы вновь с уважением заговорили о русских.

Первый же бой нашего Легиона смыл позор Брест-Литовского «мирного» договора, и русская диаспора во Франции наконец-то вздохнула свободнее, освободившись от того неловкого смущения, в котором она пребывала все время со дня подписания этого позорного для России документа.

Тяжелые бои с участием нашего Легиона шли вплоть до 7 мая. Вместе с нами отбивали упорные атаки немцев все подразделения знаменитой дивизии. Лишь потеряв в этих боях 74 офицера и 4000 солдат, Марокканская дивизия была сменена подоспевшими свежими частями и отведена на долгожданный отдых.

Отдых был нам нужен как воздух. Требовалось пополнение, и полковник Готуров опять пустился в разъезды. Он вновь принялся разъезжать по рабочим ротам и госпиталям, разясняя солдатам простые, но в то же время поистине высокие цели Русского Легиона и агитируя их к вступлению в наш добровольческий батальон.

К сожалению, ему больше не суждено было вернуться к нам в качестве нашего военного командира. Готуров был полковником в то время, как командир 8-го Зуавского полка, которому мы подчинялись, имел чин подполковника. Это противоречило французским военным правилам, и поэтому ему запретили возвращаться в Легион. За Готуровым была оставлена идейно-возглавляющая роль нашего добровольческого батальона. В строевом отношении командование Русским Легионом (по сути, одним из батальонов 8-го Зуавского полка) перешло к его помощнику капитану Лупанову.

Эти три недели майского отдыха оказались самыми светлыми и веселыми в истории нашего Легиона. Пока вся дивизия мылась, чистилась и пополнялась, я, как и все мои друзья-офицеры, успел съездить в краткосрочный отпуск в Париж, получить пополнение и шумно повеселиться в нашей дружной компании в офицерском полевом собрании Русского Легиона на последней неделе военных каникул.

В Париже я все свое время посвятил любимой жене. Натали

была на пятом месяце беременности, и я носился вокруг нее, как встревоженная пчела вокруг своего улья. Мне было одновременно и тревожно, и радостно за нее; и ее мать и сестра лишь ободряюще улыбались, глядя, как я заботливо и трепетно ухаживаю за своей молодой супругой.

Тем не менее, я все-таки заставил себя покинуть на несколько часов наше семейное гнездышко и навестить своего старого знакомого, Алексея Семеновича Савельева. Встреча получилась очень теплой и дружеской. За чашкой горячего чая и клубничным вареньем (неизвестно откуда к нему попавшим) Алексей Семенович поведал мне много интересного об Октябрьском перевороте в России и последующей за ним полной ликвидации военной контрразведки.

Он также сообщил мне, при этом, что генерал-майор Батюшин был признан невиновным и освобожден из-под стражи еще до прихода к власти большевиков. Что с ним сейчас и где он сейчас, ему, к сожалению, пока было неизвестно.

Савельев рассказал мне также и о разворачивающейся на просторах нашей далекой родины кровавой междоусобице, в пучину которой погрузились все слои российского населения.

Российская Империя прекратила свое многовековое существование. Она развалилась на куски, контролируемые различными вооруженными формированиями: национальными, бандитствующими и так называемыми идейно-противоборствующими (главным образом, «красными» и «белыми», тоже отнюдь не однородными по своему составу).

Ушел я тогда от своего давнего знакомого в состоянии полного смятения чувств и мыслей. Рушились привычный порядок вещей и система человеческих ценностей, и не где-нибудь, а на моей родине, где еще оставались мои родители и сестра. Как они там? Что с ними там? Я, пожалуй, впервые, за эти два года моего пребывания во Франции всерьез обеспокоился судьбой моих близких в России, тем более, что писем от них я не получал аж с октября 1917 года.

Однако времени на тяжелые раздумья по поводу моей жены здесь и моих близких в Петрограде уже не оставалось. Пора было возвращаться в Легион. Незаметно пролетел последний день моего краткосрочного отпуска, и вот я уже на пути к фронту.

В Легион я прибыл одновременно с пополнением. Из русской базы в Лавале к нам прибыла сформированная из вновь поступивших

добровольцев маршевая рота с тремя офицерами и ста восемью унтер-офицерами и нижними чинами. Пополнение было встречено с восторгом. Мы вновь становились полноценным батальоном, готовым к решению любых военных задач.

Настроение поднялось, и по вечерам в офицерском полевом собрании в дружеских беседах мы стали засиживаться до глубокой ночи.

Душой нашего собрания, несомненно, был поручик Орнаутов. Обладая приятным баритоном, он под свою бережно сохраняемую его вестовым семиструнную гитару всегда охотно пел наши мелодичные, навевающие то грусть, то радость старинные русские романсы.

Слушая его, мы мысленно оказывались в нашей далекой и любимой России с ее бескрайними полями и лесами, морями и реками, деревнями и городами. Возможно поэтому, а может быть, просто потому, что он был прекрасным товарищем, Орнаутова любили все. Если он вдруг по какой-либо причине не приходил в собрание, уровень душевной теплоты в нашей компании сразу же заметно снижался.

Его близкий друг поручик Мореманов существенно дополнял Орнаутова в создании теплой дружеской атмосферы в нашем собрании. Его конек был в умении копировать манеру поведения и речи любого из увиденных им людей. При этом он делал это так талантливо и весело, что мы смеялись до слез даже над нашими собственными копиями в его исполнении.

Мореманов лишь недавно вернулся в расположение нашего Легиона. Еще перед апрельскими боями, учитывая его прекрасное владение французским языком, он был временно откомандирован в один из французских батальонов 8-го Зуавского полка (там нужно было срочно заполнить одну офицерскую вакансию).

Это, вероятно, если и не единственный, то весьма редкий случай в военной истории России, когда русский офицер в русской военной форме с золотыми погонами на плечах командовал французской частью. Да еще как командовал! Бросившись в атаку впереди своих зуавов, Мореманов, не останавливаясь, довел их до германских окопов и прорвал с наскока сразу несколько линий вражеских укреплений, за что получил уже вторую пальму на свой «Военный Крест».

Нам надолго запомнился его веселый рассказ о том, как приня-

ли его к себе зуавы, когда он впервые явился к ним со своим вестовым:

- Катался я там, господа, как сыр в масле. Вся рота наперебой старалась мне услужить. Даже мою офицерскую койку стелили так, чтобы мне было как можно мягче спать. А ром и вино наливали мне по очереди из своих отдельных бидончиков и упорно величали меня при этом капитаном, так как три звездочки на погонах у них носят не поручики (лейтенанты по их табели о рангах), а именно капитаны, что, не спорю, мне очень льстило, ну и, конечно, немного смешило.

Рассказывая об этом, Мореманов, само собой, не обошелся без привычных пародий на своих теперь уже бывших сослуживцев, правда, делая это явно любя и без излишней нарочитости.

Немало жизнерадостного смеха также вызвало у нас появление в один из вечеров в нашем собрании прапорщика Рохлинского, три дня тому назад уехавшего в свой десятидневный отпуск.

- Как?! Ты уже? - Недоуменно спросили мы у него.

Рохлинский в ответ лишь молча показал пустые карманы своих галифе и медленно развел руками. В собрании раздался оглушительный хохот, после которого рекой полилось вино, и мы, так никогда и не узнали, казино ли Монте-Карло или девицы Фоли-Бержэр облегчили его карманы за эти три дня его отсутствия. При всех наших расспросах об этом Рохлинский лишь конфузился и краснел.

Если Орнаутов у нас был душой компании, то ее головой - эталонным коллективным разумом - несомненно был штабс-капитан Разумовский. Неразговорчивый и строгий, с полным отсутствием чувства страха, он, обычно, бесконечно долго играл на полуразбитом рояле, стоявшем в помещении нашего офицерского собрания, свою единственную и излюбленную «Молитву Девы», которую вся присутствующая в тот момент офицерская молодежь должна была слушать в благоговейном молчании. Но если уж он начинал высказывать свое мнение по какому-либо насущному вопросу, то слушали его все с огромным и неподдельным интересом, так как никто лучше него не мог зреть в корень любых происходящих событий и принимать единственно правильные решения в самых экстремальных ситуациях.

Как-то вечером, когда замолкли гитара Орнаутова и рояль Разумовского, в собрании разгорелся довольно серьезный спор о будущем России. Я рассказал друзьям услышанные от Савельева подробности Октябрьского переворота и последовавшей за ним цепи собы-

тий, приведших к развалу страны и вооруженным столкновениям русских людей между собой, и искренне рассчитывал на общее, единое со мной понимание сложившейся ситуации, но, как выяснилось, я сильно ошибался. К моему сожалению, далеко не все из моих сослуживцев были готовы принять эту горькую правду о происходящем в России.

Резкость противоположных суждений, высказанных некоторыми офицерами Легиона, показала мне всю зыбкость нашего мирного сосуществования в отдельно взятом воинском подразделении вдали от раздираемой противоречиями нашей великой Родины.

Точку в этом ненужном для нашего дружного офицерского коллектива споре поставил тогда Разумовский и сделал это, как всегда, решительно и жестко:

- Родина у нас - одна на всех, а вот честь или совесть - у каждого своя. Придет время, и перед нами, возможно, тоже встанет необходимость выбора дальнейшего пути. Желая при этом каждому из вас не ошибиться в своем выборе. Но здесь и сейчас я, как самый старший среди вас по возрасту, запрещаю вам спорить и даже говорить на эту тему до полного окончания войны с немцами.

Офицеры молча подчинились и дружно перевели разговор на другую тему. Больше, по крайней мере, при мне и Разумовском, офицерская молодежь не вела каких-либо споров, основанных на идейных разногласиях.

ГЛАВА 10

В самые последние дни отдыха нашего Легиона у нас произошло событие, оставившее неприятный осадок, как у меня, так и у всех моих друзей. В один из вечеров мы обратили внимание на то, что поручик Орнаутов уже два дня беспричинно не появляется в нашем офицерском собрании. Думали - просто хандрит. Но на третий день его вестовой доложил нам, что с поручиком творится что-то неладное: лежит на походной койке с бессмысленно устремленными вдаль глазами, не ест, молчит и не хочет никого видеть.

Сердце человека, видимо, способно предчувствовать грядущее, и оно редко при этом ошибается. И если на него вдруг находит какая-то безысходность или необъяснимая тоска, то жди беды!

Капитан Лупанов, навестив по нашей просьбе Орнаутова, приказал всем оставить его пока в покое и тихо добавил, при этом:

- На его челе - печать смерти, господа!

Нам стало жутко от этих слов, и мы сразу же тихо разошлись по своим подразделениям.

В ту же ночь Марокканская дивизия была спешно поднята по тревоге. Как нам сообщили из штаба, 27 мая 1918 года немцы, бросив все свои лучшие силы в атаку, прорвали фронт Французской армии и форсированным маршем двинулись на Шато Тьерри. Пал Суассон, и дорога на Париж была открыта. До него Германской армии осталось пройти менее семидесяти километров.

И вновь на спасение французского фронта и самой французской столицы бросается знаменитая Марокканская дивизия.

Высадившись из грузовиков, мы сразу же занимаем позиции в верхней части шоссе Суассон-Париж, то есть на острие немецкой атаки. Остальные подразделения дивизии располагаются по левую и правую сторону от нас на протяжении десятикилометровой оборонительной линии.

Проходит всего несколько часов, и на нас обрушивается вся мощь Германской армии, опьяненной своими последними успехами и своим подавляющим численным превосходством. Французские части в беспорядке отступают. Начинает отходить и 8-й Зуавский полк, не выдерживая столь мощного натиска противника. Кажется, что уже все потеряно.

Но, в эту критическую минуту, командир зуавов бросает в контратаку свою последнюю надежду - наш Русский Легион. Получив от капитана Лупанова команду о наступлении, мы единой цепью выходим из леса, куда незаметно переместились перед этим, через небольшую лощину и с криком «Ура!» стремительно бросаемся на опешивших от внезапности немцев, уже было уверовавших в свою полную победу.

На моих глазах всегда спокойный и интеллигентный доктор Клейменов, охваченный общим энтузиазмом, забыв обо всем на свете, в том числе и о своем врачебном долге, подхватывает на бегу чью-то упавшую винтовку и в расстегнутом кителе военврача с диким криком на устах первым врывается в окоп, только что занятый неприятелем. Больше его уже никто живым не увидит.

Я не долго думаю о его исчезновении из моего поля зрения, так

как на меня самого уже несется здоровенный немец с винтовкой наперевес, на конце которой угрожающе поблескивает острый штык, и в моем распоряжении остается не более двух секунд для совершения каких-либо действий. Я нервно стреляю из револьвера в его сторону. Промах. Второй выстрел - и немец замятво падает у моих ног!

Бросаю взор вокруг себя и вижу, что бой повсеместно перерастает в рукопашную схватку.

Неожиданный крик с левой стороны: «Поручик Орнаутов убит!». Я бегу туда, на крик, сквозь дерущуюся, кричащую на разных языках, окончательно смешавшуюся толпу русских и немецких солдат. Кто-то сильно бьет меня прикладом по голове! Удар скользящий, и каска выдерживает, но я при этом все-таки падаю куда-то в сторону и утыкаюсь своим лицом в сапоги неподвижно лежащего на земле солдата.

Инстинкт самосохранения заставляет меня резко откатиться от него, и в тот же момент по тому месту, где я только что лежал, бьет очередь немецкий пулемет. Пять или шесть пуль впиваются в землю возле меня, вздымая одномоментные фонтанчики земляной пыли в месте своего погружения.

Боковым зрением я все же успеваю заметить пулеметчика. Он - в пятнадцати метрах от меня, за бруствером окопной линии (еще полчаса назад принадлежащей Французской армии). Не долго думая, отработанным до автоматизма движением правой руки, бросаю в его сторону свой гостинец - припасенную на всякий случай ручную гранату.

Взрыв! Пулемет замолкает навсегда, а я, поднявшись, бегу дальше вдоль ближайшего ко мне окопа.

Пробежав, таким образом, около тридцати метров, я случайно натыкаюсь на вестового Орнаутова. Вестовой лежит в луже собственной крови, насквозь прошитый пулеметной очередью. Тут же, в двух метрах от него, лежит и сам поручик: вражеская пуля угодила ему прямо в голову. Как говорится - без шансов.

Убедившись в смерти друга, я вновь переключаюсь на идущий бой. Рукопашная схватка идет уже во вражеских окопах. Прыгаю в ближайший и тут же стреляю в немецкого фельдфебеля, сидящего верхом на лежащем легионере и душащего последнего своими огромными ручищами. Фельдфебель заваливается на бок, а его еле дышащий соперник, кашляя и кряхтя, с трудом выбирается из-под

него и неопишущим по выразительности взглядом благодарит меня за спасенную ему жизнь.

Еще пять минут боя, и окопы - наши. Неприятель, хотя бы и временно, но отброшен назад, и тем самым нами деблокирован попавший в окружение батальон зуавов!

Однако, вырвавшись далеко вперед, наш батальон сам попадает в окружение. Приходится оставлять только что занятые нами окопы и с боем пробиваться назад к своим исходным позициям.

И здесь нельзя обойти молчанием настоящий подвиг подпрапорщика Дьяконова (однофамильца полковника Дьяконова, нашего бывшего командира полка). Получив пулевые ранения в грудь и левую руку, он понял, что не может быть вынесен с поля боя при прорыве из окружения, и, собрав вокруг себя группу таких же тяжелораненых бойцов, организованным огнем прикрыл отступление нашего Легиона. Дальнейшая судьба подпрапорщика и оставшихся с ним солдат - неизвестна. Судя по всему, те из них, кто не погиб в своем последнем бою, были расстреляны немцами после него.

Тяжелые испытания выпали и на долю пулеметчиков штабс-капитана Разумовского. Их постоянно перебрасывали с одного места на другое: то придавали зуавам, то - марокканцам, словом - в самое пекло боя, туда, где уже не было сил сдерживать натиск немцев. И везде их появление придавало новую энергию обороняющимся, укрепляя их боевой дух и вселяя надежду на успех в этом сражении.

«Русские с нами!» - передавалось по цепи залегших французских подразделений, и взоры всех издерганных и уставших солдат с надеждой устремлялись на наших пулеметчиков в защитных гимнастерках, одним рывком, как игрушку, бравших тяжелые пулеметы «Гочкис» себе на плечо.

И наши спецы по пулеметам ни разу не подвели своих боевых товарищей - зуавов и марокканцев; недаром же на спортивных состязаниях дивизии они завоевали все первые призы. Вот и здесь их меткие пулеметные очереди косили атакующие ряды немецкой пехоты.

Однако дорого заплатили русские пулеметчики за свое умение стрелять. Их огневые точки беспощадно подавлялись вражеской артиллерией, и к концу боя от пулеметной роты Разумовского осталось не более одного взвода.

Нельзя также не отметить как никогда ярко проявившуюся доблесть наших раненых офицеров, которые, чтобы не бросать своих

солдат в такой исключительно тяжелой для них обстановке одних среди французов, оставались, несмотря на свои тяжелые ранения, в боевом строю до самой последней возможности, и лишь после второго или третьего ранения, в уже бессознательном состоянии, выносились с поля боя своими подчиненными (а мой друг штабс-капитан Разумовский и вовсе был вынесен своими солдатами лишь после его четвертого ранения).

Потери Русского Легиона - огромны. Погибших, раненых и пропавших без вести - 290 человек - более половины личного состава. В числе легкораненых офицеров - Мореманов (пуля навывлет пробила ему левое предплечье) и Рохлинский (осколок срезал ему два пальца на кисти правой руки); да и у меня самого еще несколько дней после этого боя сильно болела голова (удар прикладом по каске явно не прошел для меня даром).

Но об отправке в госпиталь не могло быть и речи. Туда были эвакуированы только раненые солдаты и тяжелораненые офицеры (в том числе и Разумовский). Мы же пожелали остаться в батальоне; офицеры - наперечет, и не на кого оставить выживших в этом жестоким бою легионеров.

Да, потери нашего Легиона были очень велики. Но ставки на исход этого сражения были еще более высокими. Цена нашей пролитой крови - остановка немцев на подступах к Парижу и предотвращение падения французской столицы.

Благодаря выигранному нами времени успели подойти свежие французские резервы, которые наглухо перекрыли дорогу Германской армии. Далее последовали затяжные оборонительные бои, продолжавшиеся весь июнь 1918 года, после которых полностью обескровленную Марокканскую дивизию, наконец-то, вывели на отдых в Компьенские леса.

Конечно, были и награды: Разумовский был награжден «Орденом Почетного Легиона», остальные офицеры (в том числе, и я) - еще одним «Военным Крестом» более высокой степени; большое количество «Военных Крестов» низших степеней было вновь вручено и нашим рядовым легионерам.

Была и слава: французская пресса, восхищаясь нашим мужеством, особенно подчеркивала огромное число боевых наград, полученных русскими военными. Тогда же впервые французские газеты назвали Русский Легион «Легионом Чести». Название прижилось, и с

тех пор вся Франция именовала нас не иначе, как «Русским Легионом Чести».

Пятнадцатого июля немцы предприняли новую попытку прорыва со стороны Реймса, но Французская армия в это время сама уже готовилась к наступлению, накапливая силы в лесах Виллэр-Котэрэ - и на второй же день атака Германской армии захлебнулась, встретив мощный отпор французов.

А 18 июля в четыре часа утра уже Французская армия (в том числе и Марокканская дивизия с нашим Русским Легионом) вышла из леса и, оттеснив неприятеля, в десятидневных боях дошла до главной дороги Шато-Тьери.

В этих боях впервые вместе с нами принимали участие танки: маленькие «Рено» и громадные «Шнейдер», и впервые наш Легион, усиленный станковыми пулеметами, находился не в авангарде наступающих войск, а на одном из их более спокойных флангов; и, возможно, поэтому потерял убитыми и ранеными всего лишь семнадцать человек.

12. Chars d'assaut grimpant les versants d'une montagne

11. Nos Chars d'assaut grimpant un mur formidable

13. Nos Chars d'assaut évoluant parmi les rochers

14. Chars de combat traversant de grands obstacles

Renault FT 17

Август 1918 года мы встретили на отдыхе в Рэтэй. Легион, в котором осталось в строю около 100 бойцов, наконец-то, получил пополнение и прошел переформирование.

После получения достоверных сведений о расстреле немцами захваченных ими в плен наших легионеров (как лиц, ведущих нелегальную войну с Германией) французское командование в категоричной форме издало приказ о переодевании нашего батальона в форму французских колониальных войск.

В качестве некоего компромисса каждому из нас, однако, было разрешено носить на левом рукаве повязку, аналогичную трехцветному флагу Российской Империи (на которой, правда, стоял штемпель Французского правительства), и стальную каску, на которой, вместо французского герба, были выведены большие черные буквы LR (Русский Легион). Те же буквы вместо цифрового наименования полка были вышиты и на петлицах нашей новой военной формы.

Русский Легион (в качестве отдельного батальона) вошел теперь во вновь сформированную 1-ю Отдельную бригаду Марокканской дивизии и покинул славный 8-й Зуавский полк, с которым мы так много вместе выстрадали за эти неполных восемь месяцев совместных боевых действий.

Зуавы прощались с нами по-военному красиво: с оркестром, знаменной ротой и офицерами в полном составе; а когда мы стали проходить мимо них своим последним церемониальным маршем - знамя 8-го Зуавского полка и вовсе почтительно склонилось перед нами. Было очень трогательно видеть на лицах многих зуавов глубокое и искреннее сожаление по поводу нашего расставания.

После того, как наш Легион стал отдельным батальоном, то есть самостоятельной частью, французское военное руководство решило, что командование этим батальоном необходимо поручить французскому штаб-офицеру, воспитанному на доктрине французской военной школы, а, значит, способному быстрее согласовывать действия Русского Легиона с общими задачами знаменитой ударной дивизии. Нам оставалось только подчиниться.

К нашему счастью, командовать Легионом поручили боевому штаб-офицеру из Иностранного легиона майору Трамюзэ, отличному командиру и очень хорошему человеку, а его помощником назначили не менее храброго и толкового гвардии капитана Мартынова, недавно прибывшего к нам с новым пополнением.

В штаб нашего батальона, кроме них, вошли также еще четыре французских лейтенанта (один связист и три переводчика).

По-прежнему вместе с Легионом оставались военврач Шелепов (оставшийся в одиночестве после гибели доктора Клейменова) и протоиерей Богословский.

В таком обновленном составе Русский Легион Чести, как недавно стали называть нас французы, вступил в свои последние сентябрьские бои. Я, Мореманов и Рохлинский по-прежнему держались вместе, тем более что после тяжелых ранений капитана Лупанова и штабс-капитана Разумовского и прихода в Легион новых офицеров: Мартынова, двух братьев Суриных, Бориса и Павла (командиров двух строевых рот, прибывших к нам в период переформирования) и пятерых французов (включая, нашего нового командира майора Трамюэ), мы – «аборигены» Русского Легиона – оказались как бы немного в стороне. Нет, ничего плохого, мы, конечно, о вновь прибывших не думали. Просто нам всем нужно было время, чтобы притереться друг к другу и проверить нашу новую боевую спайку на прочность.

Такой шанс нам был предоставлен уже в начале сентября. Начавшая наступление на Лан 1-я армия французского генерала Манжэна, которой опять была передана Марокканская дивизия, неожиданно наткнулась на ожесточенное сопротивление немцев в районе реки Эн и массива Сэн Гобэн. Шедшая впереди всех 32-я американская дивизия (также входившая в 1-ю армию) остановилась, замялась, подалась назад и тут же была заменена на Марокканскую дивизию.

И вот в пять часов утра 2 сентября 1918 года стрелковые роты нашего Легиона в едином порыве первыми выскакивают из своих окопов и под ураганным огнем артиллерии противника бросаются вперед.

Батальонный батюшка - протоиерей Богословский - несмотря на уговоры солдат, тоже выходит вместе со всеми из окопов и идет под огнем по совершенно открытой местности. Без каски, с развевающимися по ветру седыми волосами, высоко подняв крест в правой руке, он на ходу благословляет им всех идущих в атаку воинов.

Мы проскакиваем далеко вперед, но я, повинувшись какому-то внутреннему чувству, невольно оборачиваюсь и вижу, как то место, где остановился батюшка, торопливым шагом пересекают идущие за

нами зуавы.

Невероятно, но французы-католики, пробегая мимо православного священника, тоже в едином порыве снимают с себя каски и торопливо крестятся на свой манер; ближайšie же к нему, и вовсе подбегают и наспех целуют у него в руке наш православный крест. А первые лучи восходящего в этот момент солнца окончательно придают всей этой картине поистине библейский вид.

К сожалению, уже в полдень до нас доходит ужасная весть: «Батюшка убит!»

Сначала он был тяжело ранен осколком разорвавшегося рядом с ним немецкого снаряда, а затем, прямо на санитарных носилках, был добит точной пулеметной очередью одного из круживших в небе немецких аэропланов, посыпавших сверху свинцовым огнем наши атакующие войска (впоследствии, приказом Главнокомандующего Французской армии священник Богословский был посмертно награжден «Орденом Почетного Легиона» и «Военным Крестом с пальмовой ветвью»).

В тот же день снаряд немецкой тяжелой артиллерии попал в командный пункт нашего Легиона и убил там сразу несколько человек: майора Трамюзэ, одного из французских лейтенантов и трех русских легионеров-связистов. Три остальных французских лейтенанта, также присутствовавших в тот момент на командном пункте, были тяжело ранены и отправлены в госпиталь.

Тем временем мы под командованием гвардии капитана Мартынова врываемся в укрепленный опорный пункт немцев Тэрни-Сорни и в жестокой рукопашной схватке сначала захватываем его, а затем, в течение трех последующих суток, удерживаем его, несмотря на ярые контратаки лучших немецких частей.

Неся в очередной раз огромные потери, Русский Легион Чести с энергией отчаяния защищает-таки в неоднократных штыковых схватках взятые позиции и спасает, тем самым, всю Марокканскую дивизию от нависшей над ней опасности с нашего фланга.

После гибели Трамюзэ наш батальон экстренно возглавляет майор Дюран, один из самых доблестных командиров в составе 8-го Зуавского полка, откомандированный к нам, как человек хорошо знающий нас по прежней совместной службе.

Времени на отдых нет, и уже 13 сентября измотанная в тяжелых боях Марокканская дивизия получает новый приказ - атаковать

укрепленную линию Гинденбурга (последний серьезный оплот Германской армии на Западном фронте).

Ранним утром 14 сентября мы молниеносным ударом врываемся в первую укрепленную (узловую) линию «Росиньоль», забрасываем ее ручными гранатами и, не задерживаясь, следующим же броском овладеваем в очередной штыковой схватке второй укрепленной линией «Авансэ».

Очистив от противника захваченные линии, наш Легион в едином порыве опередив даже предварительную артподготовку французской артиллерии, устремляется на последний назначенный нам объект - третью укрепленную линию «Шато (Замок) де ля Мотт» и штыковым ударом врывается в нее.

Могучее русское «Ура!», вырвавшееся одновременно из четырехсот русских глоток, настолько ошеломляет немцев, что они, не успевая оказать сопротивление, сразу же начинают сдаваться нам в плен.

Мы тут же даем в воздух означенное количество красных сигнальных ракет, чтобы предупредить свою артиллерию о том, что мы уже здесь и что стрелять по этим позициям уже не надо. Но такая быстрота нашего продвижения кажется французским артиллеристам настолько невероятной, что от них в ответ в воздух взвивается ракета условного цвета, означающая вопрос: «Где вы? Повторите сигнал!» Приходится повторить, чтобы избежать накрытия нас огнем собственной артиллерии.

В пылу боя я, сам не ожидая того, вместе с группой наших солдат ворвался в штаб германского гвардейского полка. Попадавшие нам там немецкие офицеры, как правило, сразу поднимали руки вверх и не оказывали почти никакого сопротивления, благодаря чему мы стремительно и без потерь захватили почти все помещения этого здания.

Проскочив таким же образом по одному из коридоров штаба в его самый дальний угол и уже повернув было обратно, я вдруг обратил внимание на почему-то запертую дверь одного из штабных кабинетов. Мне это показалось странным, и я, выбив ее одним ударом своей ноги, не задумываясь, вошел туда, держа наготове свой не раз проверенный в деле револьвер.

В кабинете у небольшого окна спиной ко мне неподвижно стоял какой-то немецкий офицер, который задумчиво смотрел в него и,

казалось, абсолютно не обращал на меня никакого внимания.

Я кашлянул. Немец медленно потер себе висок пальцами левой руки и не спеша повернулся ко мне лицом. В правой руке он, как и я, держал наготове свой парабеллум.

Мы оба замерли! Передо мной в немецкой военной форме стоял мой старый знакомый - бывший капитан русской армии и старший адъютант штаба 1-й Особой бригады – один из лучших агентов германской разведки Регин Михаэль Петерович.

Наше взаимное замешательство длилось, однако, не более трех секунд. Потом Регин нажал на спусковой крючок, и пуля, выпущенная из его парабеллума, сбила с меня мою форменную фуражку (каска я неосмотрительно отдал своему вестовому десятью минутами раньше, еще до того, как наткнулся на немецкий штаб).

Мой револьвер тоже не заставил себя долго ждать. Первым же своим выстрелом я поразил бывшего старшего адъютанта прямо в сердце, и Регин, не издав ни единого звука, неуклюже осел у окна, в которое, только что так долго и неотрывно смотрел.

Судьба, совершив свой невероятный зигзаг, свела нас именно там, где мы менее всего ожидали нашей встречи, и именно тогда, когда мы оказались в абсолютно равных условиях: лицом к лицу и с оружием в руках. Чем не дуэль, на которую я сам, в свое время, его вызвал? Ну а дальше, видимо, сам Бог решил: кому из нас пришел черед умереть!

Самое удивительное, что я не испытал при этом никаких чувств к своему поверженному врагу: ни ненависти, ни злорадства, ни даже простого чувства удовлетворения от свершившейся справедливости. Наш прошлогодний незримый поединок, игра человеческих нервов, сопряженная со смертельным риском для каждого из игроков, давно ушел в моем сознании на второй, если не на третий план. Слишком много крови я увидел за этот год, проведенный в Легионе, чтобы предаваться воспоминаниям годичной давности и, уж тем более тешить себя осознанием свершившегося акта мести в отношении изменника Родины.

Я просто убил очередного врага в очередном бою, и все! Как говорится - ничего личного.

Русский Легион Чести полностью выполнил свою задачу. Мы с таким успехом атаковали германские позиции, что достигли конечного рубежа на полтора часа раньше намеченного времени, пройдя

три ряда грозных железобетонных укреплений, которые в течение полутора лет были непроходимой преградой для союзнической армии. Было захвачено 700 пленных и весь штаб гвардейского германского полка. Наши же потери при этой атаке составили всего 9 убитых и 25 раненых.

Начальник Марокканской дивизии так написал об этом легендарном бое: «Батальон особо отобранных людей, непримиримая ненависть которых к врагу, в соединении с полным презрением к смерти, воодушевляла все их действия, и сама жертвенность, с которой Русский Легион выполнил свой маневр, смелость и отвага, с которыми он его осуществил под ураганным огнем противника, поразительная энергия и выносливость, проявленные им в этом бою - требуют представления Русского Легиона к заслуженной им награде».

Представление возымело действие, и наш Легион Чести получил на знамя «Военный Крест с двумя пальмовыми ветвями», а также право ношения всеми чинами батальона на своем левом плече «фуражэра» - своего рода аксельбанта - знака особого отличия во Французских вооруженных силах. Многие полки Французской армии и за четыре года войны не заслужили таких знаков.

Свою порцию наград получили и сами легионеры. Наверное, не было среди нас человека, который за время, проведенное в Легионе, остался бы без Ордена, Креста или Медали.

Георгиевский кавалер Родька Малиновский, наш лучший пулеметчик и отчаянный храбрец, вновь отличился больше других. Он в одиночку вел прицельный пулеметный огонь сразу по нескольким группам противника (оказывавшим наиболее яростное сопротивление) под сильнейшим обстрелом германской артиллерии, превратившей его боевую позицию в место, настигнутое железными осколками. За этот бой Малиновский получил свой второй французский «Военный Крест» («Круа де Гер»).

После взятия «Шато де ля Мотт» нас, как и всю Марокканскую дивизию, отвели на очередной отдых в тыл. И там, в тишине и покое мирной Франции, первой же вестью от моей милой Натали стала новость о рождении нашего первенца - дочка Машеньки - Мари или Мари (на французский манер).

Я был на «седьмом небе» от счастья - дожить до этого момента я даже и не мечтал. Конечно, тут же подкралась робкая мысль: «А, вдруг, повезет – и я останусь в живых до самого конца войны, вдруг

– воочию увижу свою жену и свою дочурку».

И сразу же безумно захотелось выжить!

В следующий раз на фронт Марокканская дивизия выдвигается лишь в последний месяц Первой Мировой войны - в ноябре 1918 года. Нам отведен там так называемый сектор Ленокур. Ведутся масштабные разведрейды и поиски (с целью захвата языков) и подготовительные мероприятия к последнему решающему наступлению. Но уже ползут слухи о переговорах и возможном перемирии, уже разгораются ранее казавшиеся несбыточными надежды.

И вот, поздним вечером 10 ноября, когда наш батальон готовится предпринять атаку в направлении Розебуа, в немецких окопах вдруг раздаются непонятные громкие крики, а в небе яркими фейерверками вспыхивают разноцветные сигнальные ракеты.

«В чем дело?» - Этот вопрос моментально охватывает всех легионеров, приготовившихся к броску из своих окопов. «Что случилось?» - Недоуменно переглядываюсь я с Моремановым и Рохлинским.

«Отменить все полученные ранее боевые приказы и ждать новых инструкций! Стрелять только в ответ на стрельбу противника!» - Приходит распоряжение из штаба дивизии.

Ждем. Нервы - на пределе. И... в пять часов сорок пять минут утра уже наступившего 11 ноября приходит, наконец, долгожданная радиограмма из штаба Главнокомандующего Французской армии: «Прекратить военные действия в одиннадцать часов утра! Стоп! Противник принял условия маршала Фоша! Конец!»

Победа! Вверх летят каски, фуражки, взлетают сигнальные ракеты, гремит многократное русское: «Ура!» Трудно описать волнение и радость, охватившее русских и французских солдат нашей дивизии. Еще труднее отразить все те противоречивые чувства, которые охватывают тогда наши сердца - сердца русских офицеров Легиона Чести. Радость? Да, наверное. Радость от того, что остались живы и дождались этого победного для нас часа. Обида? Конечно. Жгучая обида за нашу Великую Родину, принесшую столько жертв на алтарь этой Победы и оставшуюся в стороне в этот светлый для всей Европы день. Тревога? Безусловно. Тревога за раздираемую междоусобицей Россию и за нас с нашими близкими, оказавшимися на переломе исторических эпох. Вот, пожалуй, какие чувства обуревают меня и моих друзей в тот момент всеобщего ликования.

Однако роспуск нашего добровольческого батальона произошел еще не скоро. В составе Марокканской дивизии Русский Легион Чести прошел через всю Лотарингию, Эльзас и Сартр, прежде чем вошел на территорию Германии. Дойдя до Рейна, мы ненадолго остановились во Фридрихсгафене и лишь потом направились в назначенный нам для поддержания оккупационного порядка город Морш.

Перед торжественным входом в этот небольшой немецкий городок мы, по общему согласию, дружно переоделись в русскую военную форму, бережно сохраненную в офицерских чемоданчиках и солдатских вещмешках, и под русским трехцветным флагом прошли церемониальным маршем по его центральным улицам.

В полной тишине замершего в тревожном ожидании города неприлично громко звенела наша лихая строевая песня:

*Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам.
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
Так, громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежал, бежал, бежал.
Так, за Царя, за Родину, за Веру,
Мы грянем громкое: «Ура! Ура! Ура!»
Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей - врагов
Могильной засыплюсь землею?
Так, громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежал, бежал, бежал.
Так, за Царя, за Родину, за Веру,
Мы грянем громкое: «Ура! Ура! Ура!»*

Это было настоящее чудо! На берегах Рейна развевался национальный бело-сине-красный флаг Российской Империи! Слово, данное нашим Государем (а в его лице, значит, всей Россией) своим союзникам, было сдержано, пускай даже в лице такого небольшого воинского подразделения, как наш Русский Легион Чести!

И для нас в тот момент наивысшим счастьем было видеть удивленные и негодующие лица немецких жителей, внезапно осознавших, что их город покорен войсками Великой Русской Империи - той самой империи, которую они уже несколько месяцев (после уни-

зительного для русских Брест-Литовского мира) считали побежденной и похороненной навсегда.

ЭПИЛОГ

Воспоминания о событиях полувековой давности, к которым я, волею Божьей, оказался тогда причастен, вконец взволновали меня, и слезы сами собой покатались из моих уже плохо видящих глаз.

За их пеленой я уже слабо различал возвышающийся передо мной памятник павшим солдатам и офицерам Русского Экспедиционного Корпуса и Русского Легиона Чести - Храм Воскресения Христова, воздвигнутый на деньги нашей эмиграции в Сен-Илер ле Гран (в трех с половиной километрах от города Мурмелон) рядом с единственным русским воинским кладбищем во Франции (в других местах этой страны русских военнослужащих хоронили, обычно, на специальных военных участках местных кладбищ или в отдельных могилах), к которому мне, несмотря на свой семидесятилетний возраст, все-таки удалось приехать (видимо, уже, в последний раз) из своей маленькой, но уютной квартиры в Париже.

Прохладный ветерок и еще робкое солнышко ранней весны 1968 года быстро осушили следы деятельности слезных желез на моем лице, и я, немного успокоившись, в который раз стал мысленно перебирать в своей памяти имена дорогих моему сердцу людей и их судьбы после службы в Русском Легионе Чести.

Поручик Мореманов Сергей Петрович после своего возвращения в 1919 году в Россию вступил в Добровольческую армию генерала Деникина (в то время это уже были Вооруженные Силы Юга России) и через несколько месяцев погиб в бою - был зарублен красными конниками.

Прапорщик Рохлинский Валерий Алексеевич, вернувшись в Россию в том же 1919 году, выбрал иной путь и стал командиром в Красной Армии (говорят, весьма, талантливым). Погиб в самом конце Гражданской войны от пули белого офицера.

Штабс-капитан Разумовский Михаил Иванович, после долгого лечения во французском госпитале (где я его еще несколько раз успел навестить после окончания Первой Мировой войны), направился в объявившую независимость от России «Вильну Украину» с единст-

венной целью - посвятить всю оставшуюся жизнь своей семье: жене, двум детям и стареющим родителям, и не ввязываться в противоборство Красной и Белой армий. Но добраться до родимого дома в его любимом Киеве ему не было суждено. Неизвестные вооруженные люди одной из многочисленных банд, орудовавших в то время на Украине, сняли его и еще несколько лиц (похожих, по их мнению, на офицеров, пробирающихся на юг к Деникину) с поезда, на котором те ехали, и «без долгих разговоров» расстреляли их в ближайшем овраге.

Перед возвращением на Родину

Ефрейтор Родька (лучший пулеметчик Легиона Чести) - Родион Яковлевич Малиновский - по возвращении в 1919 году в Россию, вступил рядовым в Красную Армию, дослужился до начальника штаба корпуса и с 1936 по 1938 год принял участие в Гражданской войне в Испании в качестве советника Республиканской армии. Затем - был старшим преподавателем в Военной академии им. М.В.Фрунзе. Войну с Германией в 1941 году встретил в должности командира стрелкового корпуса, а окончил - командующим фронтом (в звании Маршала Советского Союза). В этой же должности принял участие и в короткой победоносной войне с Японией. В 1957 году стал Министром обороны СССР. За свою насыщенную боями и походами жизнь имел семь ранений. Умер в 1967 году. Похоронен у

Кремлевской стены на Красной площади в Москве.

В рядах Белых армий Деникина, Миллера и Колчака погибли полковник Готуров и братья Сурины - штабс-капитаны Сурин Борис и Сурин Павел.

Генерал-майор Батюшин Николай Степанович после его быстрого несправедливого ареста Временным Правительством и такого же скоропалительного освобождения в армии больше не служил вплоть до Октябрьского переворота, после которого участвовал в Гражданской войне на стороне белых. Затем - эмиграция в Сербию, преподавательская работа в Белграде и переезд в Бельгию, где он умер в доме для престарелых в 1957 году.

Генерал-майор Лохвицкий Николай Александрович остался во Франции и после своей смерти был похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Военное кладбище, Мурмелон

К сожалению, лишь единицы погибших и умерших героев Русского Экспедиционного Корпуса и Русского Легиона Чести похоронены на Военном кладбище возле Мурмелона. Могилы остальных

русских солдат и офицеров разбросаны по всей Франции, а точнее, по всему маршруту боевого пути Особых пехотных бригад и ударной Марокканской дивизии.

Заслуживает особого воспоминания и наш славный медведь Мишка. После роспуска Русского Легиона Чести он был помещен в зоопарк «Жардэн Д' Акклиматасьон» в Париже. Привыкший к свободе Мишка очень скучал по легионерам и никак не мог привыкнуть к клетке. Говорят, что он даже жалобно ревел, если вдруг слышал неподалеку русскую речь; и так продолжалось до самой его смерти.

В пятидесятых годах двадцатого века мне случайно попала в руки небольшая книжка (автора, к сожалению, уже не помню) под названием «Исповедь раскаявшейся авантюристки», в главной героине которой я с изумлением узнал давно забытую мной Софи Моррель.

Было интересно прочитать ее собственный взгляд на те далекие события. Как это ни странно, она не открыла мне ничего нового, кроме одного: Софи призналась автору этой книги, что перед арестом влюбилась в одного из русских офицеров по имени Николай, и это чувство погубило ее - оно помешало ей вовремя понять, что она разоблачена и что ей пришла пора исчезнуть из русской бригады.

Самое интересное, что даже здесь она ни словом не обмолвилась о Регине. Возможно, Софи так и не узнала о его гибели в конце войны и поэтому решила на всякий случай умолчать о нем, а, возможно, не сказав о нем, она не рассказала еще о многом интересном в ее богатой на приключения биографии.

Что касается меня самого, то после расформирования Русского Легиона Чести я вернулся в Париж к своей жене Натали и дочери Марии. С помощью сестры Натали и ее вернувшегося с войны мужа мне удалось устроиться инструктором в небольшом частном стрелковом тире; и мы вскоре переехали в свою новую (съемную) квартиру.

В 1920 году у нас родилась еще одна дочь - Ольга, и мать моей жены перебралась от своей старшей дочери к нам. Она взяла весь уход за нашими детьми (в дневное время) на себя, а Натали вновь поступила на службу в военный госпиталь, так как одной моей зарплаты нам катастрофически, не хватало.

В Россию, пока там шла Гражданская война, возвращаться не было никакого смысла: участвовать в братоубийственном военном

конфликте я не хотел. Однако в 1925 году, когда умерла мать Натали, и в России уже несколько лет, как установилось единовластие, я с женой все-таки решил вернуться на родину - в Петроград - туда, где все еще жили мои родители и моя младшая сестра.

Алексей Семенович Савельев (который до самой своей смерти в 1958 году продолжал жить и работать в Париже) помог выправить нам «старороссийские» документы о моем браке с Натали и о рождении наших дочерей, якобы, еще в царской России (слегка подкорректировав при этом даты нашего бракосочетания и рождения детей), и мы пустились в дорогу.

Возвращение в Россию прошло более-менее удачно. Мы поселились у моих родителей и сестры, никак не нарадующихся от того, что им довелось-таки увидеть и меня, и мою жену, и наших дочек - их внучат. Но недолго длилась наша общая семейная идиллия. Через год, один за другим, умерли мои родители, а сестра, выйдя замуж за местного чекиста, переехала жить к нему.

К этому времени я уже работал в обычной школе преподавателем французского языка, а Натали - медицинской сестрой в одной из городских больниц. Жизнь понемногу налаживалась, и я стал забывать Францию. В 1934 году я был назначен директором школы, а Натали, получив соответствующее образование, стала врачом.

Казалось, ничто уже не нарушит нашего тихого семейного счастья, но теплым летним вечером 1935 года наша старшая дочь Мария привела к нам в дом молодого выпускника военного училища - новоспеченного лейтенанта Красной Армии - Александра Родионова, и объявила, что выходит за него замуж.

Нам понравился этот парень, и мы не стали возражать против ее выбора. Признаться, мне даже льстило, что моя дочь будет женой русского офицера, пускай и ориентированного на иные жизненные ценности, чем мы пару десятилетий назад. Главным ведь и для него с товарищами, и для нас оставалось одно: защищать честь и свободу нашей Родины, бить неприятеля и оставаться верным своему воинскому долгу до конца!

Особенно, я растаял, когда узнал, что Александр - из потомственного казачьего рода. Я всегда искренне восхищался этими людьми за их врожденную храбрость и боевую лихость, а больше всего за их горячую нескрываемую любовь к нашей Отчизне и постоянную готовность к самопожертвованию ради нее.

Будущий зять рассказал мне, что его семья (родители и четыре сестры) живет сейчас в одном из южных портовых городов страны, куда его отец и мать, будучи молодыми, перебрались на рубеже XIX и XX веков из станицы Невинномысской, что на Ставропольщине. Его отец - Иван Петрович - потомственный кубанский казак из многодетной семьи (в которой у него было четыре брата и две сестры), чтобы не участвовать в дележе земельных наделов, решил вместе со своей молодой женой поискать счастья в далеких краях, да так и прижился на новом месте, где, впоследствии, и родился Александр. А его дед Петр - казак Хоперского полка Кубанского казачьего войска и вовсе был настоящим героем: он еще в середине XIX века был удостоен Георгиевского креста за храбрость, проявленную им в боях с превосходящими силами горцев, рвавшимися к незащищенным казачьим станицам.

Словом, я понял, что отдаю дочь в надежные руки, и мне немного полегчало на сердце. Александр получил направление к месту несения службы в свой родной южный город и уже через несколько дней, сыграв у нас небольшую свадьбу, убыл туда вместе с нашей Марией, а, вскоре, в 1936 и 1937 годах, у них родились там наши внуки: Ирина и Геннадий.

В 1937 году меня постигло страшное несчастье - внезапно умерла моя жена - моя любимая Натали (жаловавшаяся в последнее время на усилившиеся боли в сердце), и жизнь надолго потеряла для меня всякий смысл. Лишь присутствие возле меня нашей младшей дочери Ольги спасло тогда меня от тяжелого нервного расстройства и, возможно, смерти.

Тем временем над моей головой уже сгущались новые тучи. По чьему-то злому навету я попал в список так называемых «врагов народа» и был обречен на гниение в лагерях или пулю в подвалах НКВД. Меня спасло тогда одно обстоятельство: мою фамилию и адрес в черном списке случайно увидел муж моей сестры, все еще служивший в системе НКВД.

Я не знаю, что больше руководило им в тот момент - беспокойство за мою жизнь или страх за свою карьеру (или и то, и другое вместе), но он сделал тогда невозможное - задержал отправку служебного автомобиля, на котором обычно возили арестованных, на несколько часов. За это время он успел предупредить меня об опасности и снабдить деньгами с документами на чужое имя.

Наскоро простившись с дочерью Ольгой, которую моя сестра тут же отправила поездом к Марии и ее семье на юг, я тайком, по чужим документам, в тот же день навсегда покинул свой родной Санкт-Петербург - Петроград - Ленинград.

Добравшись до Архангельска и устроившись там на рыболовецкое судно, я при первом же удобном случае (заметив невдалеке иностранный корабль) незаметно покинул его и вплавь, чуть не утонув, добрался до чужого корабля. Мое знание французского и природная смекалка помогли мне найти общий язык с норвежцами (а это было норвежское рыболовецкое судно), среди которых, на мое счастье, оказался один англичанин, немного знающий французский язык, и я, в конце их длительного рыбацкого рейса, оказался в Норвегии.

Оттуда, испытав невероятные трудности и лишения, мне все-таки удалось через несколько месяцев добраться до Франции. А там с помощью все того же Савельева и семьи сестры моей покойной жены я уже навсегда осел в Париже.

В 1940 году, после оккупации Франции фашистской Германией, я вступил в ряды французского Сопротивления и боролся с немцами до полного освобождения страны от германских захватчиков. За активное участие в военных акциях боевых групп Сопротивления я был награжден сразу несколькими французскими наградами, благодаря которым у меня сейчас неплохой пенсион и вполне обеспеченная старость.

Я больше так и не женился, навсегда оставшись верным своей Натали. У меня еще в годы фашистской оккупации Франции сложился свой, достаточно большой круг друзей по Сопротивлению, среди которых, кстати, не мало русских людей, занесенных сюда со всех концов Европы несколькими волнами эмиграции. Поэтому одиноким я себя здесь никогда не чувствовал. Словом, все было бы хорошо, если бы не проходящая печаль по Натали, дикая тоска по моим дочерям Марии и Ольге и изнуряющая ностальгия по России и родному Санкт-Петербургу.

А на днях, перед поездкой к этому Храму-памятнику в Мурманске, возвышающемся сейчас передо мной, я через своих знакомых (только что побывавших туристами в том самом городе на юге СССР, в который более тридцати лет назад сначала уехали жить Мария с Александром, а затем - и Ольга), узнал последние новости о

своих родных.

Оказывается, Мария и Ольга, слава Богу, живы и здоровы, и живут по-прежнему вместе. Ольга почему-то так и не вышла замуж, посвятив свою жизнь семье родной сестры. Мой зять Александр, участвовавший в войне с немецкими фашистами с ее первого дня до последнего, вернулся домой живым и умер лишь совсем недавно (на его здоровье сильно сказались многочисленные ранения, полученные им на фронте).

У моих внуков Ирины и Геннадия уже свои семьи и свои дети, мои правнуки. В семье Ирины - две дочки Ольга и Марина, а в семье Геннадия - восьмилетний сын Алексей, продолжатель древнего казачьего рода Родионовых и не менее древнего дворянского рода Правосудовых.

Я - несказанно счастлив от этих новостей. Ведь, мне немного осталось жить на этой грешной земле. Пора туда, где ждет меня моя Натали, мои родители и мои друзья-легионеры, до конца исполнившие свой долг перед Родиной. Мы честно прожили свою жизнь (короткую или длинную), и нам не за что себя винить.

Теперь пришло время наших внуков и правнуков доказывать свою состоятельность в деле служения Отчизне и своему народу. И дай Бог им сил вынести это нелегкое бремя с той же честью и славой, с какой жили и умирали воины Русского Легиона Чести!

ВАЛЕНТИН АРЕФЬЕВ

Родился в сентябре 1946 года в с. Верхнее Талызино Теплостанского района Горьковской области. Окончил Горьковский сельхозинститут по специальности «Экономист-организатор производства». Работал в совхозе «Талызинский» инженером по охране труда, на Арзамасской войлочной фабрике им. С.М. Будённого главным инженером, директором Арзамасского пивзавода, директором Торгового дома «Алексеевский». Проживает в Арзамасе.

ВОЛК

В марте 1930 года в центральной «Правде» была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов». В ней вождь подверг резкой критике перегибы с вопросом коллективизации. Основной вывод из статьи: коллективизация – дело добровольное. Местные власти должны способствовать созданию колхозов путем разъяснений и убеждений, а не с помощью угроз и репрессий.

После этой установки несколько снизились темпы обобществления крестьянских хозяйств, однако через год краевые власти Нижегородчины приняли решение, которым целые районы (в том числе Теплостанский) объявлялись территориями «сплошной коллективизации».

Маленькие поселки – выселки Малиновка, Красный, Калиновка конечно не очень много могли поднять процент этого важнейшего для страны процесса, но тем не менее в планах они также значились.

28 февраля 1932 года на Малиновку приехали во второй половине дня двое уполномоченных от района по вопросу организации колхоза. Приезд этот был не первый, но жители поселка пока упорно сопротивлялись и не спешили. Пугать раскулачиванием здесь было некого, а учитывая, что практически здесь все родственники друг с другом, решение о создании коллективного хозяйства могло быть только на добровольном волеизъявлении.

На шесть вечера назначили собрание в доме Сорокиных, находящемся в середине Малиновки. Послали в оба конца двух молодых парней приглашать глав семей.

После прихода посыльного Василий Федорович стал собираться. Он был простужен и на улицу одевался потеплей: под шубняк кроме пиджака поддел еще меховую безрукавку, сшитую из овчины собственной выделки. В половине шестого вышел из дома и направился к Сорокиным.

За дедом увязался пес Дружок – огромных размеров дворняга, гроза всех поселковых собак, любимец Петра и его сестер.

Несколько раз хозяин пытался прогнать его домой, но тот так и не отстал.

Василий Федорович в отличие от детей не очень любил собак.

Через три дома от Арефьевых (метров через сто) жила семья Родионова Ивана Дмитриевича, мастера на все руки, грамотного, прекрасного садовода.

Человек на поселке он был известный, к его мнению прислушивались.

Во время Первой Мировой попал в плен к австрийцам. Два года прожил в работниках у бауера. Выучил немецкий язык. В 1918 году известными только ему путями вернулся домой.

Много рассказывал друзьям о жизни в той стране, об отношении к нему хозяев, о некоторых непонятных русскому человеку обычаях.

Иногда на немецком произносил выученные пословицы и поговорки чужой страны.

Рассказы Родионова живо обсуждались собеседниками. Восхищались урожайностью пшеницы у хозяина Ивана, достигавшей уже тогда 140 пудов с десятины, силой австрийских копей-битюгов, которые могли везти под две тонны груза. Во что-то не верили. Например, бывший пленный вспоминал, как ему, обычному сельскому мужику было удивительно и неприятно, когда хозяева не стеснясь прилюдно могли «пукнуть». В этом для них ничего необычного не было.

Видя, что работник стесняется так поступать, поучали: «Не делать этого – вреднее своему здоровью, а нам нужно, чтобы ты был сильным и хорошо работал».

Когда, наконец, он привык и стал подражать им – смеялись и

говорили: «Очень хорошо, очень хорошо, Иван»!

И это действительно было. В Австрии и сейчас не считается чем то неприличным если среди гуляющей по улице компании людей кто-то «испортит воздух». У каждого народа свои обычаи.

Однажды подвыпивший сосед Родионова в присутствии многих беседовавших вечером мужиков расхвастался, как он «хорошо живет». «Вот в чем хожу – хлопая кулаком по купленной подешевке на базаре кожаной тужурке», говорил «богач», если захочу и сапоги, и пальто такие же куплю».

Мужики слушали и улыбались. Все знали, что семья хвастуна живет впроголодь.

Иван Дмитриевич, выждав, когда сосед замолчит, сказал: «У австрийцев на этот счет есть короткая пословица: «Господин офицер, господин офицер! Погоны из золота, а есть нечего». Грянул хохот. Сосед надолго запомнил свой конфуз.

На поселке Родионова все, кроме жены, уважительно называли – Митрич. Пройдя немного, Василий Федорович услышал какие-то крики впереди и поспешил.

У дома Родионовых происходило что-то неладное. Как ему показалось, большая серя собака на снегу рвала человека, который захлебываясь кричал «спасите».

Дед понял, что это хозяина дома Митрич. С крыльца вторила «помогите» его жена Марья. Подбежав ближе в полосе света, падающего из окна, Василий Федорович понял, что это не собака, а здоровенный волк. С голыми руками к нему соваться нельзя, а Митрича нужно спасать. «Марья, - крикнул, брось мне топор или вилы»! Та швырнула стоящие у крыльца вилы.

Волк как будто все понял: бросил Митрича и в прыжке сбил Арефьева с ног.

Обезумевший от боли и страха Митрич вместе с женой убежали в дом. Волк, рыча и брызгая слюной, рвал на Василии Федоровиче полушубок, а потом ухватил за кисть левой руки и прокусил.

Дружок, пытаясь помочь хозяину, грыз волку спину.

Изловчившись дед подмял зверя под себя и навалившись всем телом ухватил за горло. Волк, стараясь освободиться, когтями раздирал на нем одежду, но меховая безрукавка и пиджак не всегда позволяли им добраться до тела.

Зверь и человек бились за свою жизнь с полной отдачей. Каж-

дый понимал, что ослабив на мгновение свои усилия – смерть.

Страшные рычания волка и собаки, крики человека никто не слышал. Помочь было некому.

Василий Федорович боли в прокушенной руке почти не чувствовал. После ранения на фронте в 1915 году рука осталась работоспособной, но потеряла чувствительность.

В какой-то момент надавил на горло зверя очень сильно (по крайней мере, так ему показалось) и тот начал слабеть. Но тут Дружок оказал хозяину «медвежью услугу»: сильнейшим рывком выдрал зверя из под него и сам вцепился зубами ему в горло.

Но продолжалось это недолго, тот быстро освободился от хватки собаки. Вскочив надыбки, враги, рыча, клыками и когтями терзали тела друг друга, оба не хотели уступать.

Поднявшись кое-как, Василий Федорович поднял брошенные Марьей вилы и хотел вонзить их в волка, но... они слетели с черенка.

Пытаясь помочь собаке, он со всей оставшейся силой тяжелым кленовым черенком несколько раз ударил серого разбойника по голове, тот свалился.

С трудом преодолев небольшой путь до своего дома, дед упал в сених. Ползком добрался до двери в заднюю комнату, но открыть ее сил уже не было.

Сын Петр, услышав какую-то возню, выглянул и увидел отца.

Издранная в клочья одежда, окровавленные руки и лицо привели семью в ужас. Жена и дочери заплакали, запричитали. Быстро втащили в комнату, сняли изодранную одежду, смыли кровь и как могли начали перевязывать раны.

Первыми мыслями Петра были, что отца затоптал разъярившийся их жеребец Лебедь, но отец шептал: «Волк, на улице волк».

Схватив со стены ружье – пятизарядный бердан, пули для которого сам катал из свинца, быстро одевшись, сын выскочил из дома.

У крыльца жался к ногам тяжело дышавший Дружок. Отбежав от хозяина несколько метров, пес вставал, затем снова бежал вперед, зовя таким образом его за собой.

Напряженно всматриваясь в темноту и держа наготове ружье, дошли до дома Родионовых. В падающем из окна дома свете от керосиновой лампы вдруг появился огромный зверь. Дружок рыча кинулся на него и снова надыбках начался бой.

Выбрав удачный момент, Петр выстрелил волку прямо в ухо. Уже неподвижное тело врага собака с остервенением продолжала терзать.

Петр, не зная еще что произошло с Родионовым, хотел сказать о случившемся с отцом и попросить помощи.

Войдя в дом, он остолбенел: на наваленной на полу соломе ползал на коленях хозяин. Вместо лица у него свисал, закрывая рот, окровавленный кусок мышц. За ним с большими портняжными ножницами ходила обезумевшая жена и шептала: «Иван, подожди, я все это срежу сейчас и тебе легче будет».

Петр выскочил из дома и увидел, что на помощь уже подбегают люди, видимо кто то все-таки видел случившееся и сообщил на собрание о беде.

С Родионовым же произошло следующее. Он тоже пошел к Сорокиным. Отойдя от крыльца своего дома несколько метров, был сбит с ног огромным зверем, который схватил зубами его за нос и почти сосем оторвал вместе с мышцами обеих щек.

Обезумевшую от пережитого Марью с младшим сыном отвели к соседям.

Приехавшие уполномоченные собрание больше не начинали. Нужно было спасать людей.

Как могли перевязали Митрича, запрягли двух лошадей и отправили пострадавших в участковую больницу Торгового Талызина.

Фельдшер осмотрел раненых, сделал по новой перевязки и сказал: «Их нужно срочно везти в Сергач в больницу. Там врачи, там лаборатория. Не исключено, что волк бешеный, труп его нужно взять с собой для проведения анализов. Не тяните, утром же отправляйтесь в путь».

Уровень профессионализма деревенского фельдшера был до того низок, что при перевязке Родионова он даже не попытался как то сформировать ему нос. Просто закрутил бинтом все лицо, оставив для дыхания открытым часть рта.

Около полуночи вернулись из больницы домой, а утром, лишь стало светать, Петр и старший сын Митрича Федор повезли отцов каждого на своей лошади в Сергач.

К трем часам приехали в татарское село Чембилей, которое было примерно на середине дороги. Остановились ночевать у друга Василия Федоровича – Зуфира. Друзей у деда здесь было много, все

сбежались, очень жалели товарища: «Васька волк погрыз, как жалко, говорили и предлагали разные способы лечения.

Боли у раненых были невыносимые. У Василия Федоровича несмотря на толстенную одежду кроме прокушенной руки в отдельных местах волк когтями разодрал мышцы груди до ребер.

Чтобы как-то облегчить страдания предложили выпить водки. Для Арефьева это труда не представляло, а вот Митричу пришлось влить в рот полстакана через воронку.

Правда это «обезболивающее» практически не помогло.

На следующий день рано утром выехали и в час дня уже были в Сергаче в больнице.

Узнав о случившемся, пострадавших сразу же приняли и приступили к обработке.

Осмотрев Родионова, сказали, что фельдшер, делавший перевязку. Не медик, а «коновал», «хоть бы из бумаги свернул трубочки, замотал бинтом и заложил их в ноздри носа, а вот из-за него сейчас человеку придется все снова отрывать» - говорил врач.

Услышав такое Митрич категорически отказался: «Пусть что будет – то и будет, но рвать лицо больше не дам». Его пытались убедить, что он останется без этой операции уродом – практически без носа, но он так и не согласился.

Действительно, вспоминая сейчас лицо этого человека – ужас берет.

Сын Родионова через два дня из Сергача уехал, Петр же жил целую неделю, дожидаясь результатов анализов на бешенство.

Потом ему было сообщено следующее: «Волк бешеный. Забирай его с собой. Дома обольем керосином и сожжем, что останется на скотомогильнике, зароешь в землю на глубину два метра».

По поводу пострадавших сказали, что лечение будет долгим и трудным, нужны дорогие дефицитные лекарства....

По дороге из Сергача Петр остановился перекусить и покормить коня у чайной в Уразовке. Рядом поставил лошадь какой-то татарин, та фырчала и брыкалась.

Он спросил: «Что везешь, лошадь боится». Петр показал ему волка и рассказал о случившемся. Тот начал просить: «Подари мне зверюгу. Никакой он не бешеный. Разве бы тебе отдали его, если это было бы действительно так? А вдруг ты где-нибудь выбросил бы и сколько тогда животных заразится, а от них потом люди. Я сам с

Медян, охотник много лет. Волков добыл десятка полтора, но такого огромного никогда не видел. Этот не наших краев, а сибирский, видишь у него какая большая грива!

Если отдашь – сделаю из него хорошее чучело. На всякий случай в Сергаче в лаборатории еще раз выясню бешеный или нет. У меня там знакомый работает, тоже охотник.

А сказали тебе так для того, чтобы припасали больше денег на лечение. Намекали, наверно, что нужны дефицитные и дорогие лекарства?»

Петр и сам сомневался в правдивости заключения о бешенстве зверя, и в мыслях было отъехать подальше от Сергача и где-нибудь выкинуть его в овраг.

За будущее чучело охотник силком переложил из своих саней Петру мешок овса, который вез.

Поздней все высказывания незнакомца подтвердились.

К больным за полуторамесячное лечение ездили трижды и не пустые. Для успешного излечения и «приобретения дорогих лекарств» обе семьи продали по быку-полуторалетке и перевозили врачам штук восемь бараньих туш. Кроме этого дарили сливочное масло, мед. Брали все, в этом вопросе нравы того времени мало отличаются от сегодняшних....

После приезда из больницы Василий Федорович сам стал кормить спасшего его Дружка и держал до самой глубокой старости.

Пес выдержал все повреждения, нанесенные ему волком. Через пару недель после случившегося на нем все зажило «как на собаке».

Дружок стал гордостью всей Малиновки.

...Где-то году в шестидесятом мне попалась интересная книга «Охота на волков» (автора не помню). Там действительно описываются случаи перемещения отдельных небольших волчьих стай с Урала в Поволжье России.

Не исключено, что волк этот был из такой стаи.

Митрич первое время лицо, обезображенное отсутствием носа, закрывал повязкой. Потом привык сам и к нему привыкли, но за глаза называли «безносый».

Продолжал вести хозяйство, растил двух сыновей. Правда былая веселость и активность общения исчезли. Оставался прекрасным садоводом. В суровые зимы 1941-42 годов, когда у всех полностью вымерзли сады, у него единственного на поселке сохранился, и мы,

ребятишки, изредка позволяли себе тайком пробраться туда и набрать яблок.

...В ту же жуткую ночь, когда случилась описанная здесь история, в Талызино произошло страшное убийство.

Двумя местными хулиганами-полубандитами были зарублены топором мать по кличке Курганиха и ее дочь.

Погибшая втайне приторговывала спиртным и была великолепным мастером по изготовлению самотканых холстов.

Бандиты в надежде поживиться деньгами нашли только много сотканых «новин» и взяли их, загубив при этом две жизни.

Подобное в те времена было большой редкостью (убийство с целью грабежа) для села.

Жители активно сотрудничали с милицией в поисках убийц и их быстро вычислили, но те уже пустились в бега.

К лету они снова вернулись, скрывались в окрестностях Малиновки. По ночам приходили на поселок – просили поесть. Конечно, никто их жителей не смел отказать им в этом, боялись.

Потом, осмелев, бандиты стали приходиться к мужикам и ребятишкам, пасшим «в ночном» коней. «Нам скучно одним». Здесь им то же не отказывали в еде и общении.

Кто-то из местных вычислил, где прячутся беглецы, и сообщил милиции.

Ведя ночной образ жизни, днем они отсыпались в шалаше, устроенном в местечке «мокредя» за Малиновкой.

Группа милиционеров под руководством известного тогда Отмахова окружили спящих, предложили сдаться. Те попытались схватиться за обрезы. Один был сразу же убит, второй ранен, до суда не дожил.

Когда убитого и раненого привезли в Талызино, собравшиеся селяне кричали: «Собакам – собачья смерть»!

С детских лет помню в лесу родник, за которым следили и благоустраивали, называя его Курганин.

Вполне возможно, что это название он получил в память о тех погибших женщинах.

А может это и не так...

БАНДИТ ПОНЕВОЛЕ

В конце января 1933 года на Малиновку к Арефьевым приехал двоюродный брат бабушки Ульяны Говоркин Василий Григорьевич.

Он жил в селе Марьевка. Семья не маленькая – пятеро детей. Летом обрабатывал двадцать десятин своей «вечной» земли, а по окончанию полевых работ до самой весны, когда у крестьянина были заботы в основном по уходу за домашним скотом, занимался шитьем одежды на заказ.

В округе он был портной известный.

Труд на земле, выращивание животных и ремесло портного приносили определенный доход. Семья по тем временам считалась зажиточной.

С началом коллективизации в организуемый колхоз не пошел, даже не очень лестно высказывался о первых колхозниках. Этим не угодил местным властям и попал под волну притеснений и репрессий. Сначала обложили в индивидуальном подряде непомерно высокими налогами: 300 рублей деньгами и 100 пудов хлеба, которые естественно он не выполнил. Затем в 1930 году во время известных постановлений и ликвидации кулака как класса занесен в этот список.

В число выселяемых из села не вошел, но все имущество и дом отобрали. Семью выставили на улицу. Из нажитого осталась одна швейная машина с кожаным приводом – «Зингер» и только потому, что, чувствуя надвигающуюся беду, припрятал ее у родственников.

На Марьевке он был человек уважаемый и многие сельчане, в том числе и активисты, просили за него. Семье Говоркиных разрешили жить в селе «где хотят».

Без собственного дома и практически без средств существования начали бедствовать.

Некоторое время скитались по родственникам, а потом сняли старенький полуразвалившийся домишко на краю села.

Старший сын, Федор, в детстве был сорви-голова, а после случившегося сколотил из подобных себе шайку, стал воровать и грабить.

Глава семьи, Василий Григорьевич, чтобы прокормить детей,

ходил со своей машиной по окрестным деревням, снимал у кого-нибудь угол и исполнял заказы сельчан: кому шил рубашку, кому штаны, кто-то и шубу заказывал.

Изготавливал и женскую одежду: юбки, платья, сарафаны и др. Естественно заказчик давал свой материал, как тогда говорили – отрез.

Мощная ножная машина и умение мастера позволяли его изделиям быть привлекательными и носкими.

Портной брал за свою работу всем, чем тогда могли рассчитаться крестьяне: сливочным маслом, медом, мясом, мукой и другими продуктами. Были расчеты и деньгами, но это редко.

Так, перебираясь из деревни в деревню, он обеспечивал продуктами семью, ими же платил за снимаемое жилье.

Мечтой Говоркина было подзаработать и купить какой-то домишко в родном селе.

Горько было видеть, что их бывший дом просто-напросто растаскивают, двор и сени уже отломали на дрова для отопления сельского Совета. И сделать было ничего нельзя.

Не смотря на нанесенную местными властями жестокую обиду, покидать Марьевку семья Говоркиных не хотела.

Сын, Федор, с подельниками все больше получал известность своими недобрыми делами. К нему накрепко прилепилась кличка «Говорок». Воровали в колхозах и у крестьян скот, грабили амбары и мельницы.

Банду искали по всей округе, но она была пока неуловима. Отца Федора неоднократно допрашивали по поводу сына, но он действительно не знал, где тот скрывается, и связей с ним не имел.

По просьбе портного в передней комнате отвели место под машину, поставили стол для раскроя материала и он стал работать.

Заказов на мужскую, женскую одежду было много. Глухое жужжание и перестук «Зингер» слышался с утра до полуночи.

Дети Арефьевых тянулись к мастеру, который знал много баек и небылиц, все это очень умело пересказывал.

Трое мужиков ведут неторопливую беседу о предстоящих весенних работах, о лошадях, коровах, ценах на рынке. Один собеседник глуховат «Ефим, помнишь прошлый базар с Митрополя продавали корову белоголову? Какой у нее залас (вымя), какие рога и голова – просто красавица!»

Глуховатый не расслышал, понял, что корова – безголова. «Как безголова?» - спрашивает. Те решили подшутить над собеседником. «Вот так, корова прекрасная, а головы практически нет совсем». Так убедительно все это доказывали, что глуховатый чуть не поверил. «Корова безголова. Может быть и не может быть – все сейчас может быть».

Снова про этого мужика. Едут с сыном в начале осени вдоль сжатого поля. По жнивью стоят копны из стогов. У сына слетела шапка с головы. «Тятько! Остановись, папаху потерял!» Вместо остановки отец стегает лошадь кнутом и она понеслась галопом.

Проехали с километр, встали. «Ты почему не остановился, я шапку уронил» - говорит сын. «А я понял, что Анспах в снопах». Анспах – известный в то время в округе бандит.

В редкие часы отдыха дед Василий со своим тезкой садились покурить. Много говорили о бедах, постигших портного, о незавидной доле Федьки-бандита, о том, что как ни тяни время – все равно Арефьевым и другим жителям поселка пока остающимися еще единоличниками, придется вступать в созданный колхоз. Если дальше противиться – может ведь получиться как с семьей Говоркиных.

«Сталин три года назад очень хорошо выступил о том, что нельзя силком селян загонять в колхоз, это дело добровольное, - говорил Василий Федорович. После статьи Вождя из всех трех колхозов в Талызино часть крестьян вышла. Правда, инвентарь и скот, который передали в коллективное хозяйство при вступлении, не всем вернули. А с другой стороны власти краевые Нижегородские и окружные Арзамасские спустя какой-то год после этих указаний объявляют многие районы, в том числе и наш, Теплостанский, районами «сплошной коллективизации». Вот и думай, как тут быть.

Москва далеко, а местное начальство рядом, попробуй пойти против их воли! Сейчас в малиновском колхозе 9 семей – полпоселка, вроде получается трудиться. Всей земли вместе с единоличниками около 120 десятин, лошадей – более 20 голов. Нормально можно работать с землей и в колхозе. Вступать надо, Лебеда вот только жалко отдавать, привык я к нему, думаю, лето еще подожду, а в зиму вступлю».

Портной на рассуждения собеседника никак не реагировал, чувствуется, думал о чем-то своем.

«Вот ты Василий Федорович говоришь про колхоз, я же думаю

вот о чем. Почему сейчас дети такие у многих стали, что родителей совсем не почитают. Возьми моего Федьку: сколько раз я его просил, пока еще можно было что-то исправить, прекратить его нехорошие дела и покаяться, богом просил. Все равно не послушал отца и дошел, знаешь до чего. Ведь раньше-то подобного почти не было. Дети вместе с родителями ходили в церковь, а там священник в каждой проповеди призывал к добру, к послушанию и уважению родителей, обеспечению их куском хлеба под старость. Мне кажется, что чем больше закрывается храмов, тем хуже люди относятся друг к другу. Я имею в виду не только наших детей, вообще всех. Без бога в душе злой стал человек, мало у него милосердия».

«Конечно, в чем-то ты прав – отвечал Арефьев, много сейчас в людях недоброго. Да и как по другому, видишь какие события происходят. Взять вашу семью или моего свата, Василия Ермолаевича, подумаешь баре какие! Что у тебя кроме швейной машины да лошади с коровой было? Да и у Широкова не ахти какое богатство: дом на двоих с братом, половина ветряной мельницы, парализованная жена, которую десять лет на руках как ребенка носил, да куча детей. Работал как лошадь за счет своей богатырской силы. Тебя хоть в селе оставили, а его вместе с двумя несовершеннолетними ребятишками на Урал сослали. Он и там так же работает за троих.

Не было в нашем селе настоящих кулаков-кровопийцев, все эти списки для раскулачки составлялись по злому умыслу некоторых местных активистов. Те, кто не считал так – своего мнения не высказывали, сами боялись быть названными подкулачниками».

Помолчав немного, продолжил: «Я так думаю, Василий: Сталин не знает об этих безобразиях местных властей, иначе бы он их самих вместо раскулаченных давно сослал. Не знаю, как на Марьевке, а в Талызино надо бы поставить на место некоторых, помани мое слово, придет время, и они ответят за свои злоупотребления.

А что касается неблагодарности нынешних детей – с тобой не согласен. Конечно, с разорением храмов молодежь меньше знает от священнослужителей о христианских заповедях, о добре и зле. Ну ведь родители то в первую очередь должны учить своих чад этому, разве это не так? Да и веру нашу христианскую из нас искоренить невозможно. Закрылась церковь – молись дома, воспитывай детей своих так, чтобы потом быть уверенным дожить до глубокой старости с их помощью.

Так, что зря ты молодежь теперешнюю хаешь, сами мы виноваты, что таких воспитываем. Не обижайся только, ведь в судьбе твоего Федьки ты не меньше его самого виноват, недоглядел где-то, вот в чем беда.

Раньше ведь тоже всякое было в семьях, хотя попы не только в церквях воспитывали прихожан, но и в семьях их детей учили.

Помню в Талызино жила очень дружная большая семья Курковых: родители и трое женатых детей. В Рождественскую церковь ходили регулярно всем скопом – сразу человек десять. Были очень глубоко верующими и являлись примером благочестия для всех.

Курковы жили по тем временам в достатке и могли сыновей старших отделить, но этого не делали – дети хотели жить под одной крышей друг с другом и родителями.

Перед самой войной, году в 1913, неожиданно умер Михаил Курков – глава семьи. Только справили поминки «сороковины» по отцу – начали делиться. Старшему купили отдельный домик, (деньги были на это припасены еще их отцом) средний и младший остались в большом пятистенном доме с отдельными входами.

Делили все по-братски без скандалов: землю, скот, упряжь, инвентарь, даже посуду – и ту поделили. Остались неразделенными шестидесятилетняя мать – Агафья и ступа с пестом. Вот здесь «благочестивые и примерные» дети Курковых и споткнулись. Старший и средний ступу уступают друг другу, мать – пусть будет с младшим. Тот – вам мать, мне – ступа.

Потом такое началось, что все соседи содрогнулись. Братья схватились за топоры: все трое хотят взять ступу, а мать – никто. Приходил их духовник мирить, совестил, что такое отношение к родителю – грех непрощаемый. Ничто не помогало.

Вмешалось волостное управление. Собрали сельский сход, на котором порешили согласно обычаю: мать должна доживать в семье младшего сына. Только это успокоило братьев. И то, младший года два со старшими не общался и матери запрещал это делать. Агафья их тайком навещала. Вот как бывает: вроде бы люди верующие, а от матери отвернулись».

Василий Григорьевич на обидные слова собеседника не нашелся с ответом и молча приступил к своей работе.

Быстро летело время, зима подходила к концу. Практически во всех домах Малиновки появились обновы, сшитые мастером. За эти

два месяца портной дважды навещал семью, отвозил заработанные продукты и чуть-чуть денег.

В середине марта к Говоркину пришел парень лет 25-ти, вывез его на улицу и долго там разговаривали. На вопрос, кто был, сказал: «От знакомого с Алатыря. Приглашает приехать поработать. Обещает много заказов и жить есть где. Дом у него большой, даст мне целую комнату. Дошью, что набрал, и поеду, такую работу упустить нельзя».

Дней десять доделывал заказы, новых не принимал, хотя приходившие жители окрестных селений – Красного, Калиновки, Назаровки очень его просили. Говорил: «Приеду летом, тогда всем пошью, а сейчас не могу, нет совсем времени».

Где-то числа 25 марта Говоркин стал просить Василия Федоровича: «Пусть Петр отвезет меня в субботу в Алатырь на вашем Лебеде. Я ему хорошо заплачу. Попутно что-нибудь на базар захватит, там цены приличные».

Деньги Петру очень нужны. Он недавно женился на бесприданнице, сбжавшей из ссылки с Урала красавице Александре, дочери уважаемого в Талызино справного работающего мужика, славившегося необыкновенной силой, раскулаченного в 1930 году и сосланного вместе с двумя детьми в Нижний Тагил, Широкова Василия Ермолаевича – родственника известного борца-богатыря, одного из первых авиаторов России Ивана Заикина.

В Алатырь Петр ездил уже не раз, согласился сразу же. Про себя подумал: «Дорога пока еще зимняя, хорошая, расстояние всего километров 50, почему не подработать? Тем более взять что-то на базар, продать подороже, отцу цену сказать поменьше...»

С вечера в пятницу проверили сани, сбрую, загрузили инструмент портного. Петр для продажи взял мешок пшеничной муки, столько же пшеница и с пуд ячменя для Лебеда.

Вечером спать легли пораньше, завтра нужно выехать часов в 5 утра, путь не близкий.

Утром позавтракали, запрягли накормленного рысака и, получив короткие наказания родственников, тронулись. Накатанная дорога и не очень большой груз позволяли коню идти хорошей рысцей. Сани с подрезами держали след и не шли боком на раскатах.

Проехали Митрополье, как рассвело, решили дать отдых Лебедю в селе Свягия – родине великого русского и советского математи-

ка-караблестроителя академика А.Н. Крылова.

До Алатыря планировали сделать еще пару стоянок, чтобы часов в 7-8 вечера добраться до постоянного двора.

Дорогой портной под скрип саней, фырканье лошади, веселую трескотню воробьев и сорок много рассказывал о своей семье, о непутевом Федьке. «Вот ведь, Петя, он и учился в школе неплохо, память отличная, а как быстро в уме считает! Но вот связался с сыном объездчика – первым хулиганом на Марьевке, сам таким стал.

Ведь и под раскулачку попали не только из-за того, что я в колхоз не пошел и с начальством поругался. Оба эти негодяя – Федька с другом, ради шутки бросили в дом, где шло собрание о колхозе, «дымовую» - закрученную в бумагу и зажженную целлулоидную гребенку. От зловонного дыма люди закашливались и выбегали на улицу. Еле-еле уговорили всех снова вернуться и продолжить собрание. Вот ведь что натворили хулиганье.

За этот случай их обоих арестовали и увезли в Благовенское, откуда они сбежали. И вот сейчас Федька превратился в настоящего бандита, а сын объездчика, Михей, его первый помощник. Не дна бы ему, не покрышки, сбил с пути сына» - рассказывал Говоркин. Потом надолго замолчал.

Ехали скоро. Яркое мартовское солнце создавало хорошее настроение. Лесочки, мимо которых проезжали, уже покрылись синей дымкой, что говорило о приближающейся весне.

Даже рассказ дяди Васи не испортил настроения Петру. В большом селе Мишунове, известному своей знаменитой церковью, снова остановились отдохнуть, покормить лошадь, подкрепиться самим.

Около четырех часов переехали по льду на правый берег Алатыря, сделав последнюю остановку в селе перед Сухановым лесом. До города осталось всего километров 10. Этот лес имел дурную славу. Здесь частенько шалили конокрады, воры да и бандиты также.

Прошлым летом у дороги в лесу нашли пустую телегу, а рядом – убитого хозяина. Лошадь вместе со сбруей исчезла бесследно.

Как то тревожно стало на душе у Петра после этих воспоминаний. «Дядя Вася! Давай здесь останемся ночевать, а утром часов в 5 выедем, еще на базар успеем» - просил Петр.

Говоркин был категорически против: «Нельзя, Петя, меня ждут именно сегодня вечером. Я обещал быть, ехать нам нужно обяза-

тельно».

Если бы знал Петр наперед, что их ожидает в Алатыре... Делать нечего, поехали. Начало темнеть, очень хотелось проскочить побыстрее лесную дорогу, которая тянется километра на четыре. Проехав лесом с километр Петр снова просил вернуться, но Говоркин резко вспылал: «Ты чего трусишь, со мной не пропадешь! Хватит ныть, езжай побыстрее».

В каком то тревожном предчувствии проехали еще с полкилометра. Вдруг из-за деревьев на дорогу выбегают два человека с ружьями в руках и кричат: «Стой! Стой, будем стрелять!» «Дядя Вася! Бандиты!» «Вижу Петя, гони, не останавливайся!» «Лебедь, грабят!» - крикнул Петр и резко дернул вожжами.

Приученный конь рванул с огромной скоростью прямо на стоящих на пути, те еле-еле успели отпрыгнуть с дороги. Затем со стороны лесных людей по наездникам прозвучали два выстрела, но к счастью мимо.

Глядя только вперед и управляя несущейся крупной рысью лошадь, Петр услышал два ответных выстрела из саней, оглянувшись, увидел дымящийся наган в руке у Говоркина.

Проскочив лес, остановились. Нужно дать отдохнуть Лебедю, спасшему их, да и самим прийти в себя.

«Слава богу, проехали этот проклятый лес. Я же говорил, что со мной не пропадешь» - почему-то почти шепотом произносил дядя Вася, пытаясь выглядеть спокойным. Однако голос выдавал его волнение, а руки тряслись так, что самокрутку сумел свернуть лишь с третьего раза. Дважды табак сыпал мимо бумаги.

Постояли минут тридцать и двинулись к видневшимся уже огонькам Алатыря, бывшего уездного, а вот теперь, по новому Закону, районного центра.

История возникновения этого города связана с походом Ивана Грозного на Казань в 1552 году. Здесь, на левом берегу Суры в устье реки Алатырь, у войска была очередная дневка – «стан». Царю место приглянулось, и он повелел заложить здесь крепость, которая должна защищать рубежи государства.

Во многих исторических событиях России Алатырь оставил свой след. В смутные времена Лже-Дмитрия в 1606 году город вместе с прилегающими к нему территориями присягнул самозванцу. По словам летописцев, только в конце 1609 года войско, посланное за-

конным государем, под началом Федора Шереметьева жестоко разгромило непокорных алатырцев-изменников, и это привело их к поинновению.

В период восстания под руководством Степана Разина в октябре 1670 года его атаман Максим Осипов Алатырь взял приступом, полностью разорил и сжег. Укрывшийся в церкви воевода Бутурлин вместе с семьей и знатью заживо сгорели в огне.

В конце июля 1774 года Емельян Пугачев после взятия Курмыша беспрепятственно вошел в Алатырь и двое суток находился там.

За десятки верст из всего ближайшего Присурья крестьяне везли к нему на суд и разбирательство ненавистных старост, управляющих, бурмистров и помещиков, которые не успели пуститься в бег. Разбирательство было коротким и жестоким.

После поражения Пугачеву еще раз пришлось побывать в этом городе, но уже не в качестве народного вождя, а закованного в клетке государственного преступника, которого везли по Симбирскому тракту на суд в Москву....

Путешествующая по России Екатерина Великая в июне 1767 года побывала в Алатыре, после чего наделила этот город гербом с изображением колчанов и стрел.

До Октябрьской революции (да и после нее) Алатырь – самый крупный город Присурья. Здесь хорошо развитая промышленность, особенно выделялись кожевенные, меховые, мыловаренные, суконные, лесопильные предприятия. В пригородах – десятки ветряных и водяных мельниц.

Население в преобладающем большинстве – православные, численность по тем временам очень большая – свыше 15 тысяч человек. Действовало более десятка церквей и два монастыря. Неплохо организовано просвещение: школы, училище, прогимназия, курсы для подготовки учителей начального образования, работала библиотека.

События 1905 и 1917 годов. Гражданская война, разруха, НЭП, коллективизация и раскулачивание не прошли его стороной. Здесь происходило все также как и в других местах молодого Советского государства.

К описываемому времени монастыри и почти все церкви закрылись. Начали работать советские школы и первые дошкольные

учреждения – детские сады. Возрождались старые и появлялись новые промышленные предприятия. На селе полным ходом шла коллективизация.

К 1932 году губернское и уездное деление страны было упразднено. Алатырь стал одним из 141 районных центров огромного Нижегородского края, который включал в себя кроме теперешней Нижегородской области Мордовию, Чувашию, часть Марий-Эл и другие местности.

У алатырской милиции было много работы с разными преступными элементами. Отдельная проблема – неуловимая банда Федьки-Говорка, действующая на Нижегородчине....

Около восьми вечера приехали на постоянный двор «дом крестьянина». Хотя Говоркин и говорил, что его ждут, их никто не встретил.

Огромный деревянный «крестовый» дом с пристроями по бокам с большими надворными постройками. Здесь за отдельную плату даже можно было под крышей разместить лошадей.

Перед постоянным двором много коновязей. Некоторые приехавшие оставляли лошадей прямо на улице, ослабив сбрую и дав вволю корма, который можно было купить прямо здесь. Хозяева по возможности старались на ночь укрыть коня тулупом, попоной, или же просто рогожей – чтобы не простыл. Своего первого помощника крестьянин тогда жалел и лелеял.

В целях охраны на улице около лошадей постоянно находилось несколько хозяев по очереди исполнявших эту необходимую обязанность. Конокрадов и воров в Алатыре было много.

Сначала Петр с Говоркиным поступили так: заплатили за ночлег в одной из больших комнат, лошадь оставили у коновязи, решив по очереди караулить.

Часов в десять вечера в комнату, где кроме них находилось еще человек шесть приехавших на базар мужиков, ввалилась толпа молодых лихих ребят и среди них, как оказалось, был сын Говоркина – Федор.

Петр теперь понял, почему они так спешили.

Ребята быстро договорились с хозяевами о переселении ночлежников в другие комнаты, сами остались здесь.

Федор сразу же предложил одному из ребят пойти с Петром и переставить коня с грузом во двор, под крышу. «Не бойтесь, денег с

вас за это не возьмут, а ночь хоть спокойно отдохнете с дороги» - говорил он.

Хозяева, чувствовалось по их поведению, знали, с кем имеют дело.

Порученец Федора, увидев красавца-Лебеда, тут же рассказал своим друзьям, что за конь. Те, немного посоветовавшись между собой, стали предлагать Петру поменяться лошадьми: «Мы тебе еще придачу дадим». Естественно Петр не соглашался. «Меня отец за лошадь убьет, если так сделаю. Он души не чаёт в этом коне».

Ребята начали свои предложения сопровождать угрозами: «Не поменяешься – вообще без лошади останешься, пешком пойдешь из Алатыря!»

Дядя Вася с сыном в дальнем углу комнаты о чем-то вполголоса разговаривали и не слышали происходящего.

Наконец, Говоркин-старший обратил внимание, что Петр чуть ли не плачет. Подошел, спросил, что случилось. Тот все рассказал.

Услышав от отца о задумках подельников, Федор подозвал одного из них и сказал: «Михей, это мой родственник, отстаньте от него. Если хоть пальцем только тронете – вы меня знаете, знаете, что тогда с вами будет».

После этого вся компания сразу же превратилась в лучших друзей. Заказали хороший ужин в комнату, принесли водки, вина и наперебой стали угощать отца Федора и Петра.

Поужинали, пить с ребятами ни Говоркин-отец, ни Петр не стали. После страшной дороги, неприятных разговоров с друзьями Федора Петр всю ночь почти не спал. Дядя Вася с сыном также не сомкнули глаз, постоянно ведя разговоры и споры. По обрывкам фраз можно было понять, что отец убеждает сына сдать власть, но тот не воспринимает этих увещаний....

Утром часов в 8 Петр поехал на базар, который находился всего в 10 минутах езды от места ночлега.

Говоркин не ошибся, что цены в Алатыре действительно хорошие. Пустив муку и пшено чуть дешевле базарной цены, он быстро все продал и через два часа вернулся назад.

Ребят в комнате уже не было, кроме Федора. Немного перекусив, Петр стал собираться домой. Подошел Василий Григорьевич и сказал: «Петя, спасибо, что ты так хорошо меня доставил. Я отблагодарю. Давай я тебе куплю полпуда комового сахара и полпуда сахар-

ного песка за доставку. Доволен будешь?» «Конечно доволен, да где только взять этот сахар, сам знаешь, что его сейчас просто так не купишь», – отвечал Петр.

«Это дело мое. Поедем, я тебя немного провожу, и заодно сахар купим. Назад я дойду один».

Федор на прощанье крепко пожал руку Петру и сказал: «Отец остается до лета работать. Заказов много, комната для него снята. Меня и моих ребят ты не видел. Запомни это хорошо. Выезжай с города сразу же как купите сахар. Суханов лес проезжай быстро, никому не останавливай, а еще лучше – дождись, кто-то поедет, вместе будет безопасней».

Петр, напуганный вчерашними событиями, торопился быстрее покинуть Алатырь.

Проехав с Говоркиным метров пятьсот, остановились у большого продовольственного магазина с названием «Народный», вошли в него.

Говоркин позвал заведующего: «Я новый завхоз детсада «Красный кожевник». Нужно отоварить талоны на сахар комовой полпуда и песок – столько же».

Заведующий посмотрел амбарную книгу: «Да, остатки у вас по разнорядке есть, давайте талоны, деньги, сейчас отпустим». Петр рот открыл от удивления: «Как так, дядя Вася уже завхоз детского сада?!»

Взвесили комовой сахар и песок, Говоркин подписал документы в получении, взяв в руки по мешку, направился к выходу.

В этот момент двое мужчин в штатском быстро подошли к нему с боков, один сзади: «Покупаете сахар для детсада?» «Да, у нас по разнорядке не все было выбрано». «Все понятно. Вы задержаны, пройдемте с нами». Вывели из магазина. «Петька!» - позвал дядя Вася. «Что за Петька, кто такой?» - спрашивают милиционеры. «Да я с ним приехал сюда».

Петра в месте с Говоркиным повели к лошади, привязанной у магазина. Стали делать обыск. В саях мешки из под пшена и муки, а также скрученные в рулон мучные мешки, купленные Петром на базаре утром. Осмотрели остатки ячменя для кормления коня. «Здесь в скрученных мешках ничего нет?» «Конечно нет, отвечал Петр, как купил на рынке, к ним больше не прикасался». Тряхнули рулон, на снег выпал наган... После этого оперативники тщательнейшим обра-

зом обыскали задержанных, перевернули на бок сани – не прикреплено ли что к днищу, даже хомут и седелку на лошади проверили, больше ничего не нашли.

Говоркин успел шепнуть Петру: «Ни в коем случае не говори, что наган мой. Из-за Федыки меня, да и тебя тоже обвинят в чем угодно. Сам тоже смотри не признайся, что оружие твое, не знаешь, чей и все. Иначе обоим расстрел».

Связали руки, посадили Говоркина в милицейские сани, Петра – в свои и повезли...

По дороге в милицию двое сотрудников, ехавших с Петром, оживленно вели разговор, что преступление в Тургенева раскрыто практически за двое суток: в пятницу совершен, а в воскресенье бандиты уже задержаны. Следует ожидать поощрения от начальства.

Петр с тревогой вслушивался в разговор, плохо понимая пока, какая связь между ними и каким-то преступлением в Тургенева, находящемся километрах в двадцати от Алатыря.

В милиции не дав прийти в себя – тут же на допрос в кабинет к следователям.

Начали как обычно: кто, откуда, зачем в Алатырь. Потом неожиданно один из следователей прервал дежурные вопросы и сказал: «Мы все знаем. Ты из банды Федыки-Говорка. С кем вы в пятницу ночью кроме отца Говорка убили в Тургенева мельника и увезли двадцать пудов пшеничной муки? Вас было четверо на двух подводах. Мельника прикончили двумя выстрелами из нагана, который нашли у тебя в санях. Ты еще очень молод, если признаешься и все расскажешь – оформим явку с повинной и за сотрудничество со следствием сделаем так, как будто бандиты тебя самого захватили вместе с лошастью. Тогда ты ни в чем не виноват. А если не соглашаешься – за убийство и ограбление знаешь что бывает, тем более, что это устойчивая банда Говорка. Отвести его в камеру. Пусть хорошо подумает, а мы сейчас допросим отца Говорка».

Конвоир сопроводил Петра в крохотное помещение с зарешеченным окошечком, выходящим во двор следственного изолятора, запер дверь.

Медленно тянулось время, в голову лезли мысли одна страшней другой: «Какое убийство и ограбление мельницы, ничего же этого не было. Наган тоже чужой, вот только говорить об этом нельзя. Как доказать, что не виноват, а то ведь и на самом деле посадить мо-

гут, а может и высшая мера...»

Даже в эти часы у Петра кроме боязни за свою судьбу голову сверлили мысли: как там Лебедь, накормили ли его, где он находится.

На улице стало темно, никто пока его не вызывал. На душе был очень тревожно.

Наконец, около 10 вечера снова повели на допрос. «Подумал, - спросил следователь. Отец Федьки-Говорка во всем признался и все, что нам нужно, рассказал. Вот читай протокол и подписывай. Здесь все, как мы договаривались: тебя бандиты самого силком заставили ехать на это дело. Если подпишешь – через неделю будешь дома. Нет – допрос продолжим».

Петр стал рассказывать, зачем и откуда он приехал в Алатырь, не утаив ничего, только умолчал о стрельбе по нападавшим в лесу Говоркиным и о встрече с сыном дяди Васи на постоялом дворе. «Молодец! Ловко все обрисовал! Только откуда у тебя в санях наган, из которого сделаны два выстрела, как ты это объяснишь – с ухмылкой произнес следователь. Говори правду, бандит! Мельник, которого вы убили, оставил сиротами шестерых детей, кто их будет кормить?!»

Неожиданно второй следователь сильно ударил сзади Петра по голове и начал избивать. Первый допрашивающий спустя какое-то время сказал: «Хватит ему, он все сейчас понял, давай подписывай протокол и иди спать».

Петр упорно твердил, что ничего об ограблении и убийстве не знает. О банде Говоркина слышит впервые. Он простой сын крестьянин из соседнего Теплостанского района, что легко проверить.

Стали бить еще, теперь уже оба следователя, но подписать протокол так и не заставили.

Избитого и окровавленного отвели в большую камеру, в которой уже было человек 10 заключенных. Говоркин отсутствовал, видимо поместили в другом месте.

На следующий день с утра не допрашивали. Петр стал присматриваться к сокамерникам. Тут были сельские мужики, священник, двое рабочих с кожевенного завода. Особняком держались четверо жуликов, которые легко узнаваемы по блатному жаргону.

Кормили два раза в сутки очень скромно, чтобы только не умереть с голода.

Вечером снова на допрос и опять вчерашнее требование признаться в бандитизме и битье. Но Петр уперся и стоял на своем.

Побоями и запугиванием, уговорами и посулами следователи пытались сломить молодого сельского мужика, но тот твердил: «Я не бандит. Ни в какой шайке не участвовал, Говоркина знаю как портного и родственника матери, а его сына – Федора никогда не видел. Как попал наган в мешки – не знаю».

Много раз просил следователей сказать, что с его конем, где он находится, сделали ли запрос в Теплый стан о них, сообщили или нет родителям, что он арестован. Следователи на это давали уклончивые ответы или одергивали: «Не учи нас, как вести дело, мы знаем, что делаем».

В тайне в душе он надеялся, что вот однажды утром в камере объявят: «Арефьев, к тебе с передачкой с Малиновки пришли».

Но дни шли за днями, а мечты так и не сбывались. Он все более убеждался, что по каким-то причинам семью не поставили в известность о том, что с ним произошло. Эта мысль без конца терзала его: «Почему не сообщили домой, в чем здесь причины?»

В камере все знали дела друг друга, и никто не верил в правдивость выдвинутых против Петра обвинений. Многие жалели его, делились приносимыми им передачками.

Один из рабочих-кожевников отдал Петру свои ботинки, так как в валенках постоянно находиться в камере было очень тяжело.

Блатные окрестили Петра «упором» и советовали со знанием дела подписать предлагаемый протокол. «Тебя так и так засудят, подпишешь протокол – за содействие в расследовании приговор смягчат. А так забьют тебя совсем здесь или калеккой сделают».

Но он продолжал твердо держаться на своем.

Закончился март, прошел апрель, наступил май. Как ни упрашивал Петр следователей сообщить о нем семье – ничего не помогло.

Однажды допрашивал один следователь. Петр обратился к нему со своими постоянными вопросами, тот видимо в душе может и сочувствовал подследственному: «Я не имею права говорить о том, знает семья или нет о твоих делах. Это тайна следствия. Подпишешь протокол, может приговор и смягчат. А о коне могу сказать, что он в хороших руках. За ним ухаживают, кормят. За него не беспокойся, ты о себе больше думай, а то ведь может получиться так, что конь и

не потребуете больше...»

После этого допроса Петр окончательно убедился: семья о нем ничего не знает.

За время нахождения в тюрьме дважды делали очную ставку с Говоркиным. На вопрос, о том, чей наган, отвечал: «Лошадь и сани не мои, чье оружие я не знаю. Но и напрямую не говорил, что наган принадлежит Петру: «Не знаю чей, может на постоялом дворе кто по ошибке спрятал в чужих санях».

Петр тоже не выдавал дядю Васю: «Кто положил наган в мешки – не знаю. Как купил на базаре и свернул – больше к ним не прикасался».

Вызывать на допросы стали реже, бить перестали. Где-то в десятых числах июня в камере появился новый заключенный – интеллигентного вида мужчина в очках, лет 45. Одет по сравнению с другими прилично. Представился Александром Николаевичем Прохоровым – учителем школы с Промзино. Арестовали, как он говорил, по ложному доносу, что якобы он продал с лесной делянки заготовленные для их школы дрова. Надеялся на справедливое разбирательство и скорое освобождение.

Его также водили на допросы, но не били. Частенько приносили передачи от семьи. Александр Николаевич был общительным человеком, быстро находил общий язык с сокамерниками, щедро делился передачками. С блатными не общался совсем.

Познакомился с Петром, много говорил о своей семье, о красавице-Суре, на которой расположено их село. Просил рассказать о себе, о близких, как можно больше о случившемся. «Поделишься своим горем с товарищем – на душе сразу легче будет».

Но Петр замкнулся и уже ни во что не верил.

Как то в середине июня Арефьева вызвали на ночной допрос. Пытаясь выбить нужные показания, зверски избили почти до потери сознания. В таком виде приволокли в камеру и бросили на нары. Как потом говорили заключенные, учитель требовал вызвать начальника милиции, прокурора, грозился написать письмо товарищу Сталину о творившемся на допросах. Ведь били не одного Арефьева.

Придя в себя, Петр увидел сидящего около него Александра Николаевича, стирающего мокрой тряпкой у него кровь с лица и головы. После завтрака заключенных вывели на улицу, чтобы проветрить камеру. Петра оставили, он почти не мог идти – так был слаб.

Учитель остался с ним, гулять не пошел.

«Петр! Скажи мне все начистоту, как было на самом деле у тебя, ведь забьют насмерть или покалечат. Сейчас таких случаев немало. У меня много друзей среди милиции, есть и в прокуратуре. Может, я сумею тебе чем-то помочь. Решай, ты молодой, тебе еще жить и жить» - говорил учитель.

Петр, осознавая безвыходность своего положения и видя доброе отношение, поверил ему и рассказал все без утайки о семье, о поездке в Алатырь, о стрельбе Говоркина по бандитам в лесу. Утаил лишь о встрече с Федькой на постоялом дворе.

«Ну и дурик же ты, парень! Правильно тебя здесь урки назвали упором, - жестко произносил учитель, выгораживая отца бандита, - сам себя подводишь под расстрельную статью. Ведь стоило тебе только сказать следователю, что видел, как Говоркин стрелял в лесу из нагана в ответ на выстрелы нападавших - все обвинения с тебя давно бы сняли.

Думаешь, здесь не знают, что ты действительно не бандит? Они все знают, но следователям нужно обязательно изобличить отца Федьки. Связан он все-таки с ним. И талоны на детсадовский сахар он ему дал. Накануне его ребята избили завхоза и ограбили. Видимо и документы взяли вместе с деньгами. Я вчера нечаянно подслушал на допросе у следователей об этом деле. Подумай, ведь если ты все расскажешь, как мне следователям, с Говоркина тут же снимутся обвинения в убийстве мельника и ограблении, останется только незаконное хранение оружия. А это уже совсем другая статья, да и мало ли сейчас на руках у людей наганов гуляет».

Петр внимательно вникал в строгую речь учителя и ему многое стало проясняться. Действительно, Говоркин до конца будет стоять, что оружие не его, и утопит совсем. Нужно соглашаться с учителем.

«Александр Николаевич! Я действительно навредил себе выгораживанием Говоркина, пусть он сам за себя отвечает, а меня нечего топить ни за что. Давай советуй, что нужно делать. Сам я не придумаю, только еще больше дров наломаю - говорил быстро Петр, а ты не знаешь, что стало с нашим Лебедем? Он у меня постоянно перед глазами стоит, даже снится чаще, чем семья».

«Над тобой висят такие страшные обвинения, а ты задаешь вопросы о какой-то лошади. И следователей ими замучил.

Ничего с твоим конем не случилось. Сыт, ухожен, на нем ездит

сам начальник милиции, хотя у него в распоряжении есть автомобиль. Твой рысак очень по душе пришелся старому кавалеристу, в конях он знает толк».

У Петра сразу же промелькнула мысль, что до сих пор о нем не сообщили семье только из-за коня: «Специально не ставили родных в известность, бояться, что отец Лебедея заберет».

Видимо, у Александра Николаевича был уже заранее подготовленный план по делу Арефьева, в который возможно входило и последнее избиение.

«Давай сделаем так. Ты завтра попросишься в 10 часов утра в туалет, а я договорюсь, чтобы туда в это время привели Говоркина, и вы встретитесь.

Ему смело скажешь, что видел, как он в лесу стрелял по бандитам и что он должен признаться в принадлежности оружия. Если он не признается сам, пригрози, что не будешь больше скрывать, чей наган» - учил Александр Николаевич.

На следующий день утром учителя увели на допрос....

В десять часов, как и было договорено, Петр попросился в туалет. Охранник беспрепятственно исполнил эту просьбу, хотя ранее делалось такое очень редко. За подобное заключенного обычно обругают, а будет настаивать – дадут по зубам.

В туалете лоб в лоб столкнулся с Говоркиным. «Дядя Вася, почему ты не признаешься, что твой наган, я же видел, как ты в лесу по бандитам палил! Ведь меня из-за твоего нагана засудят ни за что» - быстро говорил Петр.

«Петя, сынок! Ты тоже не признавайся, что наган твой. Если же я признаюсь – меня из-за Федьки присудят даже к высшей мере» – отвечал вполголоса тот.

Неожиданно из-за дверей быстро вышли трое, один из людей был следователь Петра. «Петька, что ты наделал, - со стоном произнес Говоркин, меня наверно расстреляют».

Но дело было сделано.... Несколько дней Петра на допрос не вызывали совсем. Учитель говорил, что если бы у следователей эта информация была ранее, Петр давно бы был дома, никакой вины за ним нет.

До конца июня допросов не было совсем. В томительном ожидании проходили дни и ночи. Александр Николаевич как мог успокаивал, говорил, что скоро домой, возможно даже суда не будет, а

дело просто прекратят.

Петр все больше убеждался, что учитель никакой не заключенный, а подсадной милиционер, таким своеобразным способом помогавший ведению следствия.

Естественно им подобная работа проводилась и с другими подследственными. Так Петр стал догадываться, что освобождение двух алатырцев-работников, арестованных за кражу 10 коровьих шкур с кожзавода, не обошлось без участия Александра Николаевича. Он с ними часто и подолгу потихоньку разговаривал, те упоминали какого-то завсклада Золотарева и обзывали его вором. Видимо рабочие были на самом деле ни при чем, разобравшись, - их отпустили.

Но по «тюремному радио» вскоре дошел слух, что в соседней камере появился новый задержанный по фамилии Золотарев, который действительно «подставил» тех двоих, хотя жуликом был сам....

Пятого июля в 10 часов вечера в камеру вошли охранники. Быстро выстроили заключенных вдоль одной из стен и приказали стоять «по стойке смирно».

Привели Говоркина, поставили рядом с ними. В камеру принесли и повесили к потолку две керосиновые десятилинейные лампы с абажурами, свет от которых с непривычки слепил глаза.

«Видимо будет суд прямо у нас в камере» - шептались заключенные. Сердце Петра учащенно забилося. Учитель как мог успокаивал: «Не бойся, все будет хорошо. Терпи, осталось немного».

Через несколько минут вошли три человека, двое в форме и один в штатском, все с портфелями. Представились выездным судом – тройной.

Как понял Петр, в тройне была лишь обвинительная сторона, защитник – адвокат отсутствовал. Не положено.

Стали рассматривать дело подсудимого Говоркина Василия Григорьевича. Перечислили его многочисленные преступления: агитация против колхозов, содействие банде сына, в деревнях, где работал, якобы собирал сведения, интересующие бандитов и передавал их им, участие в отдельных разбойных нападениях банды и многое другое.

Никаких доводов Говоркина, что когда то он был там то и не мог принимать участия в таком то преступлении, суд в расчет не принял. Дело было «состряпано» очень тщательно с расчетом на самый суровый приговор.

Он был действительно таким: за многочисленные преступления банды сына Говоркин В.Г. присуждается к высшей мере пролетарского воздействия – расстрелу.

После зачтения приговора Василий Григорьевич со стоном прошептал: «Я так и думал этим закончится. Эх, Федька, Федька...» «По делу Арефьева П.В. 1913 года рождения за отсутствием доказательств о его связях с бандой – оправдать и освободить из-под стражи».

Последние слова судьи Петр слышал как будто в полубреду. Окончательно осознал, что все закончилось и он оправдан, лишь после того, как Александр Николаевич и другие сокамерники начали поздравлять его с оправданием.

Очень жаль было дядю Васю...

А на Малиновке с момента отсутствия Петра происходило следующее.

Через три дня после их отъезда в семье начали беспокоиться, почему он не вернулся. В томительном ожидании прошла неделя, другая. Отец обратился в Теплостанскую милицию с просьбой о поиске пропавших. Там обещали связаться с Алатырем, возможно у их коллег есть какие-то сведения.

Через несколько дней через участкового милиционера передали, что в Алатыре о пропавших ничего не известно. Обещали в обоих райотделах предпринять меры для розыска.

В дальнейшем Василий Федорович неоднократно обращался в местный райотдел милиции, ответ был один: ищем мы, занимаются в Алатыре, но пока никаких следов нет, если что будет известно – тут же сообщат.

Вели поиски сами, помогали родные, знакомые. Василий Федорович пешком ходил в Свяягу. Там подтвердили, что на прекрасном орловском рысаке в марте проезжали двое, останавливались отдышаться. Дальше след исчезал.

Семья и родственники были в панике: наверно, где то убили, лошадь забрали.

Очень сильно переживала жена, беременная, перенесшая на своем еще коротком жизненном пути раскулачку, ссылку и побег из нее, а теперь вот и потеря мужа...

Родители Петра и его сестры как могли успокаивали: «Возможно, еще найдется, всякое бывает. Тебе сейчас нужно себя беречь,

ты носишь ребенка Петра».

В возвращение пропавшего уже верилось с трудом. Отец старался не пропускать ни одного базара, проходящих в Т-Талызино – километрах в шести от Малиновки.

Разговаривал со знакомыми, спрашивал незнакомых людей, приезжающих на базар, но все было тщетно. Никто ничего не мог сказать о пропавших.

С помощью родственников кое как справили весенние работы, посеялись на своих пяти десятинах. Без коня было это очень трудно. Колхозники в первую очередь делали свои работы, единоличники также старались вовремя отсеяться.

Однажды в начале июля при очередном посещении базара отец Петра подошел к группе незнакомых мужиков, торгующих лошадей. Завязался разговор, когда узнал, что они с Алатыря, сразу рассказал о своей беде. Естественно первой приметой пропавших назывался серый «в яблоках» Орловский рысак.

Алатырцы оживленно заговорили. У одного из них сын служит в милиции и говорил отцу, что у них в конце зимы задержали двух бандитов, убивших в Тугенево мельника. Эти бандиты были на сером рысаке, один из них старый, второй – совсем молодой. «А на этом коне сейчас разъезжает начальник алатырской милиции»....

Не чувствуя усталости, Василий Федорович чуть ли не бегом пустился домой. Все, что слышал, поведал семье. «Нужно немедленно отправляться в

Алатырь, может действительно это наш Петр» - говорил он.

Хотела идти мать Петра и сестра Шура, но жена твердо решила идти со свекровью сама: «Куда тебе на седьмом месяце беременности» - убеждали ее». «Нет, пойду с мамой, и не уговаривайте, все равно будет, как решила».

Василий Федорович в этот же день договорился с товарищем, чтобы подвез жену и сноху завтра хотя бы полпути, километров 20-25.

Тот проехал с ними километров тридцать и вернулся.

Заночевав у добрых людей, мать Петра и жена на утро во вторник пошли дальше пешком. Часто отдыхали, молились. Обе женщины были глубоко верующими и постоянно в своих молитвах просили Бога о заступничестве. Это давало им чувствовать и надеяться, что их сын и муж жив, жив, жив....

Вечером пришли в Алатырь. Двадцать километров пути совсем измотали женщин, выглядели они очень уставшими и печальными.

На окраине города у двоих супругов, стоящих у крыльца своего дома, попросились переночевать.

За скромным ужином поведали хозяевам о своей беде. Те сочувствовали, но знать ничего не знают: «Город большой, может и действительно пропавший здесь. Завтра утром идите прямо в милицию, а тюрьма там рядом с ней находится. Дай вам бог, чтобы все хорошо обошлось».

Утром, расспросив, как пройти до милиции, тронулись. Расстояние до отдела сказали, что километров пять. Старались идти побыстрее, как будто кто подсказывал: «Поторопитесь, поторопитесь»!

В мыслях у обеих было только одно желание – найти сына и мужа живым.

Был особенный день – 6 июля – праздник иконы Владимирской Божьей Матери. Проходя мимо церкви, упали на колени и долго молились, молились, молились. «Царица небесная, - шептали женщины, спаси и сохрани Петра, ведь он еще такой молодой». Девятого июня ему исполнилось 19 лет. Закончив молиться, с невысохшими слезами на глазах и с замиранием сердца двинулись к видневшимся зданиям милиции и следственной тюрьмы.

...Александр Николаевич утром шепнул Петру: «Я узнал, тебя сегодня освобождают. Как раз на Владимирскую, совсем скоро уже будешь дома». Петр обнялся с учителем, говорил, что всю жизнь будет помнить его помощь, даже заплакал.

И он действительно всю жизнь помнил этого человека....

В девять часов утра в камеру вошел конвоир: «Арефьев, радуйся, с вещами на выход. Сначала зайти к своему следователю за документами».

Попрощавшись с сокамерниками, взяв узел с одеждой (шубняк, шапку, валенки – в чем был арестован) и пошел уже без охранника.

При выходе из камеры все желали ему всего хорошего, даже блатные искренне пожелали «упору» добра.

Улыбаясь, следователь сказал: «Ну, Арефьев, попортил ты нам нервы своим упорством. Но все-таки ты молодец, до конца стоял за свою правду. Да, пожалуй, этим и спас себя. Сам знаешь, какое сейчас время. Не забывай и о помощи учителя, он нам много помог разобраться в твоём деле.

Так что поздравляю тебя с освобождением, ступай домой к родителям и молодой жене. На нас обиды не держи. Банда Говорка совсем обнаглела. И местные, и краевые власти требуют немедленно покончить с ней, поэтому и отношение к подозреваемым в связях с шайкой особое. Если тебе будет что-то известно о Говорке – сразу же сообщи в свою милицию, нам передадут. Об этом никто не узнает, не бойся».

Петр был безмерно рад освобождению. Какие он мог в те времена предъявить претензии следователю? Никакие, спросил лишь, как забрать коня.

Следователь посоветовал отправляться домой, а за конем нужно приезжать отцу с документами, в том числе обязательно должен иметь паспорт на лошадь (был в то время такой).

Расписавшись в необходимых бумагах и получив справку о том, что находился в следственной тюрьме и освобожден решением суда по причине невиновности, Петр покинул это страшное учреждение.

Бывают в жизни людей исключительно редкие счастливые случаи, которые за какие-то заслуги дает им Провидение.

Выйдя из ворот дома заключения с узлом в руках, Петр увидел подходящих двух женщин: мать и жену. Те сначала и не узнали его.

Слезы радости и восклицания женщин были до того искренни и волнительны, что проходящие мимо люди останавливались и с умилением смотрели на это торжество великой победы справедливости над ложью для этой семьи.

Немного успокоившись, пошли прочь от этого места. Пообедали в одной из чайных и направились в обратный путь – домой.

У церкви снова остановились и теперь уже все трое на коленях благодарили Всевышнего и Царицу Небесную за счастливое воссоединение.

С тех пор икона Владимирской Божьей Матери была особо почитаема в семье Арефьевых....

На выходе из города зашли к хозяевам, у которых ночевали. Узнав о радости ночлежников и подробностях встречи с Петром, хозяева сами прослезились. Оставляли отдохнуть до следующего дня, но семья торопилась домой.

Пожилые супруги собрали в узелок простенький набор продуктов и силком вручили их путникам, никаких денег не взяли. Про-

водили немного от города, пожелали счастливого пути и еще долго стояли, глядя им вслед.

Мир не без добрых людей... Все трое были очень уставшими, особенно Петр, сильно исхудавший в заключении.

От свежего воздуха, радости свободы и встречи с семьей у него кружилась голова. Часто останавливались, отдыхали.

Природа как будто ликовала вместе с ними. Кругом зеленели луга и поля, весело щебетали птицы. Вдоль дороги громко и пронзительно призывали друг друга чибисы, которых было множество. В той местности этих довольно крупных пернатых называли пигалицами.

С опаской прошли Суханов лес.

В этот день одолели лишь треть пути до дома и заночевали в попутной деревне. Утром продолжили двигаться.

Мать и жена задавали бесконечные вопросы о случившемся, о следствии, о жизни в тюрьме, о суде и судьбе Василия Григорьевича. Как мог, успокаивал их, естественно не говорил о методах допросов и побоях. Старался убедить мать, что ее двоюродного брата еще оправдают, т. к. он ни в каких разбойных нападениях не участвовал, да и не может отец отвечать за действия взрослого сына.

Сам Петр много спрашивал об отце, сестрах, как справились без лошади с весенними работами, не вступили ли в колхоз. Вопросы были бесконечными.

Не смотря на радость освобождения и встречу с близкими в голове постоянно была мысль, отдадут ли отцу сразу коня, или что то придумают, чтобы оставить в милиции. Сын крестьянина, с детства знающий, что без лошади не может быть нормального хозяйства, очень сильно переживал об этом. Мать и жена как могли успокаивали: «Сам живой – это главное, а лошадь, хоть и жалко ее, но это дело наживное. Да и так все равно нужно будет вступать в колхоз и коня сдавать туда».

Начиная от Липовки, километров за восемь до дома, чтобы сократить путь, пошли не дорогой, а тропинками между сел, которые срезали повороты и углы. Вечером седьмого июля, наконец, подошли к родному крыльцу.

Отец, сестры были бесконечно счастливы их появлению. Вся Малиновка через полчаса сбегалась к их дому посмотреть на возвратившегося Петра, которого почти все уже считали пропавшим. Муж-

чины радостно пожимали руку и поздравляли, женщины плакали.

Начались хлопоты по возвращению лошади. С первой попытки получить рысака не удалось. Начальник милиции предложил Василию Федоровичу взамен Лебеда любого на выбор коня из тех, что были в милиции. Потом предупредил: «Если надумаете куда-либо жаловаться о допущенной ошибке с задержанием сына – вам же будет хуже. Банда Говорка еще действует, а в деле ой как много неясного! По лошади – тоже не очень шумите, а то еще предъявим вам иск за прокорм три с лишним месяца, немалые деньги встанет».

Арефьев – отец был не робкого десятка, не испугался, упорствовал и требовал коня назад немедленно. Тогда придрались к неправильно оформленному паспорту на лошадь и предложили привезти новый документ.

Только со второй попытки Лебедь был возвращен хозяевам. Красавец-рысак был уже не тот. Его подзагнали, видимо много и быстро ездили, а ухаживали не очень хорошо.

Жизнь продолжалась. В конце августа у Петра и Александры родилась дочь, Клавдия. По осени вступили в колхоз, передав туда любимца-коня.

Говоркин В.Г., приговоренный к высшей мере, подал апелляцию о пересмотре дела, но повторного рассмотрения не дождался. При отправлении его в тюрьму города Саранска он скончался дорогой от разрыва сердца. Судьба его сына до конца не известна.

К осени 1933 года милиции удалось задержать часть банды. Федора взять пока не смогли, он хоронился по разным местам. Пытаясь уйти от преследования, некоторое время скрывался у друзей в Марьевке – родном селе. Кто-то выдал его. Ночью милиционеры окружили дом, но тот сумел ползком выбраться и спрыгнул в заброшенный сухой колодец. Преследователи не решались подойти вплотную – преступник вооружен.

Среди милиционеров был дядя Говорка, который выступил в роли переговорщика: «Федька, сдавайся, иначе уьем. Думай быстреей или бомбу сейчас тебе бросим».

Физически крепкий и расчетливый Федор не хотел умирать. Наган наготове, патронов достаточно. Лихорадочно придумывал план спасения.

Нащупал руками выступы в старом срубе колодца, пригнувшись, встал на них так, чтобы не видно было милиционерам. «Дядя,

я сдаюсь. Подойди, возьми у меня наган сам, я только тебе верю, а то я брошу его – вы меня тут же пристрелите». «Молодец, Федька, сейчас я подойду, уж дядю то, думаю, стрелять не будешь. Давай сюда наган!» Выстрелив в дядю, как на пружинах, выпрыгнул из укрытия и начал палить по преследователям, те попадали на землю не ожидая подобного. Секунды – и Говоркин растворился в темноте. Милиционеры стали оказывать помощь раненому товарищу, преследовать беглеца не решились.

Судьба еще раз свела Петра с этим человеком. Осенью этого года неожиданно в дом к Арефьевым забежал задыхавшийся Федор. «Дядя Вася! За мной гонятся, кажется, в лесу отстали. Дайте чего-нибудь с собой поесть». Быстро завязали в узелок полкаравая хлеба и кусок соленого сала. «Федор! Ты уже нас под тюрьму один раз подвел, уходи быстрее!» - торопил Василий Федорович, выпроваживая его.

Выйдя во двор, огородом добежал до коноплянника, а милиционеры уже рядом. Заметили, начали стрелять наугад по качающейся конопле, но не попали, бандит скрылся в лесу.

На этот раз судьба сжалилась над семьей Арефьевых. Милиционеры лишь спросили, чего он требовал, и на этом дело закончилось.

Потом Федор-Говорок исчез совсем. Были такие разговоры, что кто то из земляков видел этого человека перед самой войной в Иванове, работающего заведующим продовольственным магазином.

Иногда он сам помогал продавцам – мгновенно, без всяких счет в уме подсчитывал стоимость выбранных продуктов. Действительно это был Федор Говоркин или просто односельчанин вспомнил способность школяра Говоркина быстро считать и вообразил, что это он – сейчас уже никто сказать не может...

Прошло почти восемь десятков лет с описываемых здесь событий. Это действительная история, произошедшая тогда с моим отцом, родственниками и земляками. Сейчас она нам кажется нереальной. Как могло получиться, что милиция соседнего района не поставила в известность семью задержанного, почему не было запросов в Теплостанский райотдел и не давалась информация на их запросы? А может все было, только скрывалось от семьи? Неужели, как думал тогда Петр, только из-за желания кого-то не возвращать хозяевам коня?

Мы, люди двадцать первого века, подходим к этим вопросам сейчас со своими мерками, исходя из того, что сведения почти о любом человеке можно за несколько минут получить через интернет, за секунды дозвониться до любого уголка страны и даже мира.

Тогда были другие времена, другие возможности и подходы к подобным делам. Суровые тридцатые годы раскулачивания и коллективизации, жестокость законов и людей, их обеспечивающих. Зачастую просто творимые беззакония. К сожалению, все это было.

Что здесь в этой истории преобладает: нарушения законов или суровая необходимость сделать именно так в интересах следствия с целью пресечь деятельность банды?

На эти вопросы ответов нам уже не найти.

Уже после войны товарищ отца, работник милиции, рассказал ему, что якобы начальник Теплостанского райотдела был в курсе всех событий и предоставил в Алатырь необходимую информацию о семьях Арефьевых и Говоркиных, но известить близких, где Петр по договоренности с алатырским РОВД – не мог.

Скорее всего, это было именно так, а может и нет....

ИРИНА КУЗИНА

Кандидат педагогических наук, зав. кафедрой общей педагогики ГОУ ВПО «АГПИ им. А.П. Гайдара». Окончила факультет русского языка и литературы Арзамасского педагогического государственного института им. А.П. Гайдара. Тринадцать лет работала учителем русского языка и литературы. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Совершенствование речевой деятельности учащихся в процессе изучения публицистики в 10-11 классах».

И БЫЛА ЖИЗНЬ...

*Посвящается тем,
кто еще помнит, как было.
И живет, как есть.*

Из печных труб после непродолжительной летней ночи клубами вырывается дым. Устремляясь ввысь, он старается унести в бесконечность всю боль людскую и развеять ее среди серебристых, блистающих позолотой в лучах восходящего солнца легких облаков. Стоит только воздушному потоку своим дуновением их коснуться, и они несутся дальше, вбирая в себя все, что разрушает гармонию. Существование их недолгое. Кажется, что облака исчезают в небесной бесконечности, а на самом деле они просто становятся невидимыми для всего, что населяет нашу землю. Им сверху все видно...

Солнечный поток внезапно затмевает сияние звезд. Каплями перламутровой росы изумрудная трава сбрасывает с себя ночную негу. Щебетанье воробышек, соловьиные переливы, стрекот сорок наполняют звуками первый рассветный час. Осторожно, со скрипом, открываются двери домов, и на улицу в клетчатых темносиних рубахах выходят косари.

«Коси, коса, пока роса. Роса спадет – косарь уйдет»... И через несколько минут по округе раздается шарканье бруска по острию косы. В перерывах между размеренным «ших-ших», «ших-ших», «ших-ших» ровными пластами ложится трава. Бескрайнее Зеленое море ждет набега из племени детей и женщин, чтобы превратить его в сено. Все выше и выше поднимается солнце. Его палящие лучи, словно стрелки часов, отмеряют время следующего дела, которых летом в деревне делать-не переделывать.

Крик петухов, ку-дахтанье кур... Торопится в поле стадо овец. Пастухи, рассекая воздух хлыстами, собирают сонных коров в дневное путешествие по округе. Тарахтят трактора в ожидании момента, когда можно будет рвануть с места и с ветерком до заката солнца возить, обрабатывать, пахать, сеять, убирать... Все селенье, в котором есть школа, клуб, библиотека, наполняется детскими голосами и ждет вечерних посиделок...

Так было... Но было ли это?

Развалившиеся дома, зияющие черными дырками окон-глазниц, жадно всматриваются в поросшие бурьяном улицы. Их перекосенные двери давно уже никто не открывал...

Давно не входили в них люди. За некогда прочными стенами осели печи, обвалились потолки, прогнили полы. Ушла из них жизнь. Изредка какой-нибудь прохожий человек из крепкого дома, где еще

витают запах пирогов, а в печах играет огонь, окинет взором былое, и взгляд его потухает, шаг замедляется. Что видит он в покосившемся

скворечнике, прикрепленном к фронтому дома, в сломанной лавочке возле завалинки?

И видит и слышит...

Февраль. Ближе к вечеру разгулялась метель. Порывистый ветер рвет обледеневшие провода. В доме то гаснет, то потухает свет. Воцаряется темнота...

Вдруг в заледеневших окнах заиграла легким пламенем лучина. По стенам забегали людские тени. Захлопали двери двора и бани. Внезапно закончившийся снег обнажил бескрайнее небо. Серые тучи расступились, и отсвет последнего в этот день солнечного луча упал на железную крышу

дома, в котором детский крик, тонкий и протяжный, оповестил всех о начале новой жизни. Родился человек, который еще не знает, что на его веку этот дом осиротеет. И не потому, что уйдет в иной мир бабушка, мама и папа, а потому что мир, интересный, насыщенный, полный идей, тревог и тепла, уйдет из этого Богом облюбленного места. А пока... пеленки, распашонки, колыбельные песни, слезы и смех еще долго будут поддерживать дух этого дома.

Поздняя осень... Морозящий дождь монотонно капает на пожелтевшие листья. Блеянье овец напоминает о том, что пора их заставить на ночь. Спешат люди, торопятся. Последние деньки дышит стадо осенним воздухом, а там – долгая снежная зима с ее трескучими морозами, бесконечными дровами, которые превращаются в пепел так быстро, что не успевают печи напитаться жаром. Стадо овец врывается на улицы деревни. Изо всех ее закоулков слышится: «Баря! Баря! Баря!» И бегут животные на голос своего хозяина, в руках которого вкусный душистый хлеб. Хлопают ворота дворов, и относительная тишина воцаряется в деревне.

А через полчаса выходят на лавочку два немолодых человека. Смотрят в бездонное звездное небо, и нет у них даже мыслей о том, что наступит время, когда на эту лавочку они уже не выйдут. И никто на нее не сядет. Не постучат подогом в окно. И не услышит их дом смеха, перешептываний, долгих вечерних разговоров.

А пока... хлопает дверь, отпуская в бескрайнее звездное небо драгоценное тепло. На дворе дремлют овцы. В радиоприемнике куранты отсчитывают полуночный бой.

Тоскливо в начале марта смотрится узкая, заваленная снегом дорога в отдаленные селения бескрайней России. За всю зиму, дай Бог, пару раз освобождал ее трактор для старого грузовика, в котором оставшимся жителям привозили хлеб. Суг-

робы глыбами возвышаются над небольшими елками, и кажется, что вот-вот их поглотит очередной снегопад. Лесные птицы лениво перелетают с макушки на макушку деревьев, не боясь, что их идиллию нарушат человеческие голоса, рокот тракторов, стук топоров на делянке. А в самой деревне есть улицы, где фонарный столб является на долгие месяцы единственным жителем.

Уходит из этих мест жизнь, некогда кипящая и бурлящая, как горная река...

Теплые лучи весеннего солнца ласкают появившиеся проталины. Сонные курицы лениво выбирают на улицу, кудахчут, хлопают крыльями, с трудом понимая, что происходит, почему их выгоняют из теплых мест. Последним, округлив глаза, в проулке появляется петух. Его пугает рокот трактора, который «мчится» на ток за новой задачей на день. Туда же, размеренно обсуждая вечернее происшествие, шагают мужики. За деревней в полночь молодежь жгла костер, шумела, дело дошло до драки. Теперь делом чести является выясне-

ние всех обстоятельств и вычисление виновников.

Последний снег опадает быстро. Деревня готовится к посевной. На току веют зерно. Охотников, кроме земли, воды, солнца и воздуха на него много. Откуда не возьмись, появляются горлинки. Воробьишки сидят на механизмах и готовятся к атаке ржаной горы. Какие-то маленькие цветные птахи быстро хватают клювом зернышки и мчатся прочь из ангара.

Удивительное время – начало весны! Все оживает. Почки на деревьях набираются силы, чтобы выстрелить из себя липкую младенческую листву. Кажется, жизнь повторяет один и тот же виток. Совсем скоро зима захлебнется от такого натиска и испарится под теплыми обновленными лучами летнего солнца.

А пока... шумит моторчик мельницы, распугивает птичью братию. За стенами ангара томно дышит земля, ждет своей очереди. Всматривается в проселочные дороги, вслушивается и с надеждой вздыхает: совсем скоро, сегодня – завтра – послезавтра, вонзится острие плуга и начнется долгожданное преображение. Земля за зиму отдохнула, напиталась, набралась силы и приготовилась вскармливать новую жизнь. Целый день за деревней все стучит, гремит, куется. Ни минуты покоя, ни секунды отдыха... Вокруг весеннего мира природы и предметов крутится мир людей, готовый к изменениям. Стоило пережить зиму, чтобы гармонично влиться в окружающее.

Дорога в сентябре кажется бесконечной... Едешь... Едешь... На долгие мили поросшие бурьяном поля. Иногда, правда, встречаются чудесные «преобразования»: беглый взгляд выхватывает в центре заброшенности компанию молодых березок, ветром когда-то занесенных в неведомую страну. Перебирают они своей еще юной листвой и никак не могут понять: где они? почему здесь? как выбраться отсюда?

Осеннее солнце придумало новый аттракцион: почти американские горки. Лучи с разбега ныряют в просветы придорожных кустарников, скользят по отшлифованной за последние три-четыре месяца листве, набирают скорость и ударяются о стекла проезжающих машин. Особо шустрые умудряются посмотреться в зеркала, привести себя в порядок, и снова – игра с опадающей листвой.

Кажется, что такая дорога ведет в рай, но... картинка меняется: по обе стороны из небытия появляются разрушенные дома, из которых доносится жуткий стон; заброшенные колодцы, грохочущие прохудившимися

бадьями и заржавевшими цепями. Кое-где покосившиеся заборы вывалились на дороги, напоминая проезжающим о том, что надо бы снизить скорость – населённый пункт все-таки. Парадоксальный факт: табличка с названием деревни есть, а деревни – нет...

А еще совсем недавно из труб красного кирпича клубами вырывался дым, рассекая пушистые белые облака. Как по мановению волшебной палочки, открывались засовы дворов и с громким криком вальжно выходили коровы. Собиралось стадо в конце (или начале) деревни, дожидалось пастухов и под лай знакомых собак, не торопясь, переходило дорогу. Машины останавливались, выпускали своих пассажиров подышать воздухом и не мешали законным жителям селения пересекать улицу. И ни у кого из ожидающих не возникало желания «утопить» педаль газа в пол и промчатся мимо с бешеной скоростью, не позволяющей задержать взгляд на том, что сейчас требует (уже не просит, но и ни на что не надеется) внимания, помощи и немедленного вмешательства.

Еле уловимая памятью тропинка должна привести в ... воспоминания. В красивом месте, окруженном с одной стороны вспахан-

ным полем, а с другой – орешником, липами и дубами, охраняемым лесом, сияла чистотой окон деревня. Большие деревянные дома с высокими крышами холили и лелеяли своих хозяев. В садах цвели яблони и вишни. Луга радугой переливались под бездонным голубым небом.

И была жизнь...

ПОЭЗИЯ

**ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА
ИВАНОВИЧА
ПЛОТНИКОВА**

ГЕННАДИЙ ЁМКИН

ХРАНИТЕЛЬ

А.И.Плотникову

Жил человек. По мнению кого-то –
Никчемная пустая голова.
Он песни пел. И вся его забота
Была хранить и отдавать слова.

Он зерна слов нанизывал на нити
И, не скупясь, любому отдавал.
Он был - Хранитель Слова.
И в зените Его Господь за то поцеловал.

Он говорил - и снова, снова, снова
Над миром тайна пела и плыла,
Пронзало небо сказанное слово
И раскаляло солнце добела!

Он говорил - и слово вдаль летело,
Рыдало, пело, реяло, рвалось!
Спасало душу, исцеляло тело,
Оно - земную содрогало ось!

Жил человек. Свободный, словно ветер.
Хранил слова и снова раздавал.
И в них он вечно будет жить на свете,
Его Господь на то поцеловал.

ЮРИЙ НАЗАРОВ

А. И. ПЛОТНИКОВУ

Как книги
Яркая страница,
Меня в далекий
Путь зовет
Призыв,
Который ввысь
Стремится:
- Орлы, орёлики, вперёд!
Слова нам эти
В школе часто
Любил учитель
Повторять.
Они звучали
Громко, страстно -
Нельзя их было
Не понять.

В том повседневном
Школьном быте,
Будь то урок
Иль турпоход:
- Орлы! Вы в корень,
В корень зрите,
И свой ищите
В жизни брод ...
Слова запали
В душу свято,
От них свет
Мудрости идёт...
И вот уж в школе
Я ребятам:
- Орлы, орёлики, вперёд!
1976

ВАЛЕРИЙ ШАМШУРИН

ВСТРЕЧА

А.И.Плотникову

Речка Теша, а за Тешей,
Где в лугах светлым-светло,
Блеск навел денек погожий
На Абрамово-село.

Хоть не принято ни грамма,
Но видать как с высоты:
Серебрится купол храма,
И кудрявятся сады.

Облака толпятся паствой,
Льются воды не спеша...

Александр Иваныч, здравствуй,
Исповедная душа!

Мой товарищ светлоокый,
Это здесь твои края,
Твои песенные строки,
Муза прыткая твоя.

Здесь тебе хватало счастья,
Без оркестров, но сполна.
Здесь тебя любила Настя,
Всем стихам твоим верна.

И куда б ни заносило,
И куда бы ни влекло,
Вновь тебя земная сила
Выводила на село.

На Абрамове родное,
На тропинку вдоль стерни,

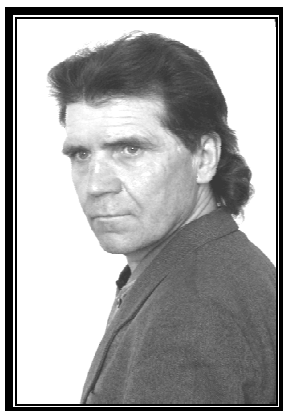
На исконное ржаное –
Все-то годы, все-то дни.

Да могло ли стать иначе
На своей земле, на ней?..
Чем щедрей ты, тем богаче.
Чем душевней, тем сильней.

ВЕСЕЛЫЙ СКАЗ ПРО АРЗАМАС

Хлебопек и богомаз,
Благостный и чинный,
По душе мне Арзамас,
Городок старинный.
Помнит он свое родство –
В том принципиален,
Не горюя оттого,
Что провинциален.
Но какой вокруг простор!
Как он привечает!..
На горе стоит собор,
Городок венчает.
А усады городка
Обвивает Теша,
Словно милого зятка
Обнимает теща.
И заезжий гость готов
В качестве радара
Застояться у прудов -
Имени Гайдара.
И, приняв решение тут,
Написать толково
Заявление в институт
Прямо на Титкова.
И зайти на площадь ту,
Где, всегда искомый,
Встал, тараня высоту,
Силуэт знакомый.

Вот он в зелени дерев,
Словно на опушке,
Не поэт, а светский лев –
Арзамасец Пушкин...
И торя дальнейший путь,
С тростью иль без трости,
Стоит, верно, заглянуть
К Плотникову в гости.
Встретит с радостью большой
И оставит на ночь
Не стареющий душой
Александр Иванович.
В той обители святой
Пили, ночь потратив,
Ступин, Курдин, Лев Толстой
И Борис Кондратьев.
И решили основать,
Зная цену слова,
Поэтическую рать
Имени Рачкова.
Речь о прочих бы пошла,
Только, право слово,
Заводить на всех дела –
Дело Кондакова.
Ну, а мне домой пылить,
Чуть лишь перекусим,
Чтоб случайно не прослыть
Арзамасским гусем.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ТЕНЕТКОВА

ПАМЯТИ ДРУГА-ПОЭТА

В ноябре минувшего года он принес мне рукопись своей новой, уже четвертой, книги. Это была именно книга, с продуманной авторской структурой, с названием, которое вполне соответствовало духу его поэзии - «В шелесте берез». В неё вошли 60 лучших, на его взгляд, последних (увы, теперь действительно последних) стихотворений. Он просил меня высказать свое мнение и написать вступительную статью. Где-то в начале января договорились о встрече. Я ждал звонка от Володи. Но позвонил уже не он... Посмертная книга Владимира Тенеткова «В шелесте берез» к лету выйдет. И не только в память о нем. Главное – это стихи, которые обязательно должны обрести читателя. А для «Арзамасской стороны» я своей волею отобрал 5 стихотворений, дающих, на мой взгляд, общее представление о поэтическом мире автора.

Б.Кондратьев

Владимир Юрьевич Тенетков родился в с. Замятино, учился в Б. Тумановской средней школе. Служил в рядах Советской армии. Работал монтажником. Печатался в газетах: «Арзамасская правда», «Земля нижегородская», в журнале «Наш Современник» и др. Автор сборников «Рябиновые костры» (2000г.), «Дорога к тебе» (2006г.). Образование высшее, филологическое. Лауреат Всероссийского Лермонтовского конкурса военно-патриотической поэзии «Люблю Отчизну я», посвященного 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.

В ШЕЛЕСТЕ БЕРЁЗ

ДЕТСТВО

Я, как и все, учился в школе,
Бежал из класса налегке,
Играл в футбол на школьном
 поле,
Любил рыбалку на реке.

И снилась мне моя деревня,
Стада в прогонах, пастухи,
И от счастливых дней,
 наверно,
Я не писал тогда стихи.

Я непослушным рос мальчишкой,
И не боялся туч и гроз,
Но иногда с хорошей книжкой
Я засыпал среди берёз.

Я слушал песни птиц и лета,
Мне было сладко и легко,
И от заката до рассвета
Не так уж было далеко.

О ДОМЕ

Люблю зимою вечера
На родине – в Замятине.
Сюда я прибыл не вчера
Из города – от матери.

В нём всё намолено на жизнь
И бабушкой, и матерью.
Два века, кажется, сошлись
Над этой древней скатертью.

Здесь каждый кустик и росток
Со мной, родным, общается.
Мой дом, глазами на восток,
В уме не умещается.

И на душе моей теплынь,
В стихи ночами просится.
Ну, а теплынь, в любую стынь,
Как скатерть не изнаосится.

В ЗЕНИТЕ

Светлое небо над нами,
Птиц пролетающих крик.
Хочется тронуть руками
Этот волнующий миг.

В этом высоком порыве
Самых пронзительных чувств
Есть ещё доброе в мире –
Мир благодатью не пуст.

Хочется снова и снова
Сердцем познать красоту,
Чтоб сокровенное слово
Птицей рвалось в высоту.

Чаще на небо смотрите,
Все предрассудки круша.
Солнце сияет в зените,
Чище от света душа.

О ВЫСОКОМ

Опять январь богат снегами,
Нет указаний на снега.
Страна проверена веками –
Не бросил Бог её пока.

И прокурлычат о высоком,
Растают вешние снега.
И напоит отменным соком
Берёза, как из родника.

Ещё хранит, а это значит -
Не всё потеряно вдали.
Надеждой полнятся удачи –
Весной вернутся журавли.

И воспарит Россия новью -
За боль великую, за грусть
Её бессмертной любовью
Вскормила праведная Русь.

В КРАСОТЕ НЕБЕС

О чём жалеть в минуты расставанья:
Настанет день – желанное придёт.
Из кладовой живого мирозданья
Никто не крал и век не украдёт.

Не надо слёз – оставьте в прошлом слёзы:
Всё до конца продумано за нас.
Но снова плачут вешние берёзы,
Когда душа взлетает на Парнас.

Зачем грустить, душа - не наша птица:
Она других, совсем нездешних мест.
И не дано нам, грешным, усомниться
Весенним утром в красоте небес.

И пусть летит, коль ей летать охота,
А не вернётся – нечего жалеть.
Наверно, там божественное что-то,
На что мы вскоре можем посмотреть.

НИНА

ВИНОКУРОВА

Родилась в г. Арзамасе в 1951 году. Доцент, кандидат филологических наук, Почетный работник высшего образования Российской Федерации, тридцать восемь лет проработавшая в АГПИ им. А.П. Гайдара, в настоящее время является художественным руководителем и режиссером-постановщиком Арзамасского Молодежного Театра. В 2011 году был издан очередной сборник стихотворений «Сквозь цветы».

СКВОЗЬ ЦВЕТЫ

ВЛЮБЛЁННЫЙ ТРИТОН

В коралловых джунглях, в неволе
стеклянной,
 Он томно зевает. Вдруг женщина, свет...
 Пятнистым брюшком ядовито-медвяным
 Её призывает... Улыбка в ответ.

Ускорили лапки свой бег, забурлила
 Вода под кораллом: играет тритон.
 А женщина пальчиком чуть погрозила
 Любуется им как обычным зверьком.

Уйдёт, и опять погрузится в дремоту
 Влюблённый тритон: он не с ней, он —
другой..

Та женщина утром пойдет на работу,
 А он будет ждать новый миг дорогой,

И слёзы тритона никто не увидит:
 В воде растворятся они, и стекло —
 Прозрачной преградой; как он
ненавидит
 Своё естество, что влюбиться могло.

Весной умрёт змея моей любви,
 Подохнет, чешуёй сверкая дивной,
 Не сказочной, мистически-призывной –
 А тусклой, словно плесень на крови.

В венце несбывшихся желаний гад,
 В кольцо свиваясь, дух испустит бренный.
 И я прошусь с предательницей тленной;
 Не знаю, будешь ты подавлен или рад...

Предчувствую любви метаморфозу,
 Но ничего поделатъ не могу!
 Я думала, тебе я помогу
 Ты помнишь, осенью...?
 Как свежи были розы!

Ночная фиалка. Ночная?
 Скромнее цветка не найдёте.
 Ночная фиалка. Не знаю,
 За что так назвали её.

Ночная фиалка... Мечтаю,
 Что Вы меня всё же поймёте.
 Ночная фиалка! Вручаю
 Ночное Вам сердце моё.

Чёрные звезды разлуки;
 Не дотянуться, не слиться.
 Степи немого пространства
 В вихрях тоски неземной;
 Вновь простираю я руки,
 Чтобы судьбе покориться
 Знаю, что нет постоянства
 В мире, но память со мной,
 Память, как друг, неотвязно
 Дарит мне встречи с любимым,
 Вновь воскрешает минуты,
 Счастья трепещущий блик.

Кто-то пророчит бессвязно,
 Что корабли плывут мимо:
 Ветром их парус раздутый
 Мнится спасеньем на миг.
 Чёрные звёзды разлуки –
 Так далеко нам, так трудно.
 Может, навеки чернеют
 Звёздные угли в пути?
 Ты протяни ко мне руки:
 Нам друг без друга безлюдно.
 Мрак расставаний рассеет
 Память. Люби и прости.

Ты - мой погребальный костёр,
 На который всхожу я без страха;
 Огонь надо мною простёр
 Объятыя из тлена и праха...
 В огнистом закате судьбы
 Не хочу я за будни цепляться;

Не слышишь ты снова мольбы,
 И ты не привык удивляться.
 Я молча всхожу на огонь,
 Не ищу, не хочу я пощады;
 Мне пламя целует ладонь...
 О, если бы знать, что ты рядом.

Там лотос озера - там сон,
 Не разбуди его, живого;
 Быть может, заколдован он,
 Молчи, не говори ни слова.
 Едва заметно лепестки
 Колюшутся над гладью водной;
 В оцепененье от тоски,
 Он - одинокий, он - холодный.
 Не разбуди его, не смей,

Он сам лучу себя откроет.
 Ты помнишь, ждал в Эдеме
 змей?
 Пусть Провиденье всё устроит.
 Увижу красоту цветка —
 Экзотику любви как чуда.
 Не дрогнет у меня рука,
 Когда срывать его я буду!..

- Забудь его, голубка! Он - не твой.
 Смотри, как ослепительны
 восходы...
 Над рощей солнечной, над головой
 Трепещет радостью любви
 природа;

Как облака на светлых небесах,
 Таят в себе надежды
 на спасенье.
 И ты, голубка, не ищи его:
 Он претворился в лепестках
 и в небе,
 Забудь, начни с начала,
 без него,
 Ведь смысл всего —
 в «насушном хлебе».

А синий колокольчик в волосах
 Ещё хранит его прикосновенье —

А почему так мучает весна?
 Вишнёвый цвет - лишь часть
 весенней дани;
 Природа празднует, раздвинув
 ложесна,

Начало недозволенных
 свиданий.
 Ах, почему я знаю наперёд,
 Что я скажу, когда тебя увижу?
 Наверно, потому что всё пройдёт,

А станем ли, теперь ещё мы ближе?
Надрезами травы сочится кровь
И с нежной зеленью мешается
пьяняще,

А наша сумасшедшая любовь
Дразнящим ландышем цветёт в
дремучей чаще.

Да, то, что мы замыслили вначале,
Не думая о завтрашней поре,
Так воплотилось в боли и печали -
Едва живу. Сирени во дворе

А ведь желал и быть хотел
счастливым.
Ночь наступает быстро,
я не сплю.

Вечерний аромат свой дарят мраку,
Над лужами раскинув лепестки...
Он не любил в ней верную собаку,
Ни разу не кормил её с руки.

Пусть будет больно. Слишком
прихотлива
Я в дружбе — значит я его
люблю.

ДА НЕ ЗАБУДУ, МОЖЕТ БЫТЬ

Forget me not, forget me not!

И в незабудках из тычинок
Свивает жало стон тоски.
Прохладой крохотных росинок –
Признаньем «Помни!» мне
близки.

Ведь плакал «блоковский
ребенок»,
Что не вернётся никогда
Назад никто. Но голос тонок
И не разгадан был тогда.

Они цветут, в траве синяя,
Как память робости моей.
Я понимаю, что не смею
Вторгаться в мир души твоей.

В цветочках памяти несмелых
Томится синяя печаль.
В губах моих оледенелых
Замёрз цветок. Но мне –
не жаль.

Распахнулись двери, листья на пороге,
Свет небес сквозь щели нитями повис,
По знакомой мне, заснеженной дороге
Полдень преподносит тайно мне сюрприз.
По дороге этой, по камням привычным
Завихрилось что-то схожее с судьбой;
Два луча, сливаясь в мысли безграничной,

Создают мне образ, связанный с тобой.
 А когда увижу, что в холодном небе
 Показались знаки нашего пути,
 Как о синей птице, как о тёплом хлебе,
 Я молю о счастье, что смогла найти.

ЛЮБИ ОПЯТЬ

Я знаю, будет этот миг,	Как истекал над розой кровью
Когда всё станет лишь казаться,	Её любивший соловей.
Когда мы сможем оторваться	Мои колючки не смертельны,
От читанных японских книг.	И ты — не будешь рисковать.
Мы искупить должны любовью	Пока порывы неподдельны,
Свои фантазии о ней,	Люби опять, люби опять.

А, вообще-то, я просто живу,	Подниму воротник пиджака
Мимоходом зарю провожаю,	И с прищуром картинно
Чуть пишу о любви наяву	богемным
И цветов по весне не сажаю.	Вновь в дорогу за счастьем.
Постигаю премудрость из книг,	Пока
А на деле ошибок до чёрта.	Не споткнусь в этом мире
И ценю каждый прожитый миг —	стоземном.
Память сердца годами не стёрта.	

Сомкнулись лилии, сплелись,	Не вычеркнешь, увы, ни дня.
Озёрной свежестью, пахнуло,	Я не хотела, но теряла,
Над головой немеет высь.	И ты помог, хоть не хотел,
Отобрала и не вернула.	И по неопытности милой
Прости меня, прости меня!	Мечтал лететь, но не взлетел:
Что любишь и любил, я знала.	Сеть лилий скользких поглотила.

ДМИТРИЙ ПИГИН

Является одним из постоянных авторов альманаха «Арзамасская сторона». Работает старшим преподавателем кафедры философии и социально-экономической теории АГПИ им. А.П.Гайдара.

СЕРДЦЕ

О чём мечталось, не сбылось,
Во что не верилось, случилось,
Но, сердце, ты надеждой билось,
Будь это радость или злость!
За безоглядность, за любовь –
За всё тебе благодаренье,
И тем утешимся в смиренье,
Что в стены бьётся столько лбов !

ЖИЗНЬ

Родился человек – и плачет,
А окружающие тут
Все улыбаются, и значит,
Для грусти повод не найдут.
Когда бы встретить час кончины
С улыбкой нам достало сил,
То не заплакать нет причины
У всех, кто понял и простил.

СЛОВО

Как многозначно Слово-Логос,
Как многоцветен Божий мир
И как ничтожна бедность слога,
К которой столь привычны мы!
О, взял Господь да вразумил бы,
Как научиться различать
За словом истинное либо
Как ладить с мудростью молчать !

ЧЕСТЬ

Премного есть достоинств разных,
Которых сразу и не счесть,
А среди не самых, может, гласных,
Но самых выстраданных – честь.

Не та, чей облик огранённый
У всех, как орден, на виду,

А та, что смотрит отстранённо
На показную суету.

ПОЗИЦИЯ

Жить не расчётом, а страстями
В благом стремлении к добру,
Не став случайными гостями
На ярком жизненном пиру.

Жить не страстями, а расчётом,
Не лезя в драку напролом,
Чтоб не остаться без зачёта
В своих борениях со злом.

КРАСОТА

Её палитра широка,
Не захватить одним примером:
Тут важно *что* и важно *как*
Ну а всего главное – *мера*.

Красиво жить не запретишь,
Коль скоро выгорело дельце.
Тем и спасётся мир, глядишь,
По уверенью куршевельца!

ВОПРОСЫ

Спроси меня, спроси его ты,
Себя спроси хоть самого:
Свобода лучше несвободы,
Но несвободы – от чего?

Так и раздумываем долго
В раскладе жизненном любом:
Не устраниться ли от долга,
Чтоб не почесть себя рабом?

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ПО-РЫНОЧНОМУ

Мораль – бесхозная константа,
Как звёзд мерцающий туман.
Уж если кто и вспомнит Канта,
То, значит, слишком пуст карман.

Кого же тут назначить в судьи
Для грешной братии людской,
Пока законы пишут люди,
А звёзды ... звёзды высоко?

РЕЦЕПТЫ ЗДОРОВЬЯ

Лечение всякий выбрать волен :
Один, чтоб делать жизнь полней,
Чужими горестями болен,
И чем сил больше, тем больней.

Другой же, вот какая штука.
Себя от лишних тягот спас
И нервы держит прозапас.
Зато ничем не болен.
Шутка!

ВАСИЛИЙ АГАФОНОВ

Родился в с. Шарапово Шатковского района. Работал заведующим сельским клубом, учился в Борском культпросветучилище. После окончания АГПИ работал в Шараповской школе, служил в армии. С 1987 года - директор Шараповской школы. Печатался в районных и областных газетах, журналах «Земля родная», «Рабоче-крестьянский корреспондент», в коллективных сборниках стихов шатковских поэтов. Выпустил свою книгу стихов «У калины».

Дорожки, пригорки, деревья,
Неброского вида родня.
Живу я в любимой деревне,
Да любит она не меня.
Есть кто-то другой, по красивей
И ростом повыше притом,
Кому не деревня, Россия -
Почти что свой собственный дом.
Без тени сомнений, без фальши,
Забросив, что были, года,
Уехать бы как-то подальше,
Вот только не знаю - куда?
Загладит неровности время,
И все же скажу без прикрас:
Дорожки, пригорки, деревья,
Ну как я там буду без вас?
Без вас я вне поля событий,
Без вас я там буду ничей,
И в снах, чтоб вас снова увидеть,
Не хватит и долгих ночей.

Оставив отчие пороги
Родных домов не без труда,
Уводят нас пути-дороги
Кого куда, кого куда.
Моя кончается дорога,
Все меньше дней моих клубок.
Пришла пора поверить в Бога,-
Простить за все лишь может Бог.
Теперь я знаю, что пора мне
За все, чем жил, платить сполна,
Что есть у нас дорога к храму,
И не кончается она.

Позвала меня дорога
 Почему?
 Не знаю сам,
 По святым местам Сарова,
 По дивеевским местам.
 Прогуляться с тихой грустью
 Вдоль Саровки неспеша, -
 Знать о чем-то очень русском
 Стосковалася душа.
 Где вы, древние истоки?

А кругом, как в темноте,
 Мир безумный,
 Мир жестокий,
 Мир высоких скоростей,
 Мир с картинками своими
 Без затирок,
 Без прикрас...
 Святый отче Серафиме,
 Моли Господа за нас.

...И впервые тяжелые двери
 Открываю, как в собственный дом.
 Позади меня –
 Годы безверья,
 Впереди –
 Сожаленья о том.
 В мире гнева,
 Предательства,
 Лести,
 Ста преград у тебя на пути

Я надену серебряный крестик,
 Защити меня,
 Защити...
 И под хор:
 Всем святым - Аллилуйя,
 Перед Спасом
 Склоненный стою...
 И серебряный крестик целую,
 Скромный крестик -
 Надежду мою.

Нам жизнь преподносит нередко
 Какой-нибудь новый сюрприз...
 Вчера был я школьный директор,
 Сегодня — простой гармонист.
 И ныне под солнцем палящим,
 На миг разбудив тишину,
 Я сяду на брошенный ящик
 И нежно меха разверну.
 Мотивчик душевный попался

И нет его будто родней,
 И бегают, бегают пальцы
 По клавишам жизни моей.
 Нехитрая жидкость в бокале,
 Огурчик,
 Просоленный шпик...
 «По диким степям
 Забайкалья»
 Поет мне наш местный мужик.

Мы - шашки.
Игральные шашки.
От светлых Ферзей вдалеке.
Мы в черных и белых рубашках
На черной и белой доске.
Рядочком
Соседка к соседке
Стоим до какой-то поры...
Для нас только черные клетки,
На всех остальных - вне игры.

И в споре суровом, упорном,
На фоне житейских проблем
Толкают нас белых на черных
И черных на белых затем.
Ходовка,
Как пушечный выстрел
В того, кто не чист или чист...
Играют в те шашки - шашисты
И кто-то их главный шашист.

Иль что-то с природой случилось,
Иль жизнь изменилась сама:
Сегодня, скажите на милость,
В селе раскупают дома.
Что с сельскою улицей будет,
Войдет ли она в колею.
Неужто опомнились люди,
Признали ошибку свою?
Неужто пора возвратиться
Пришла этим людям в село?
Открыли окошки глазницы,
Блестит на окошках стекло.
Вам «Здравствуйте»
Скажет при встрече
Любой позаброшенный дом.
И ожили старые печи,
Пахнуло село пирогом.
Пашите, сажайте и сейте,
Чтоб был урожай на столе.
Дай Бог нам хороших соседей
И радостных дней на селе!

*КНИГА
В АЛЬМАНАХЕ*

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1937 году в Арзамасе. Автор двух поэтических сборников: «Обращение к земле» и «Родник под берёзами». Публиковал стихи в местных и центральных изданиях. Умер в 1994 году.

ДЕТСТВА СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

По утрам первой просыпалась бабушка. По деревенской привычке вставать она еще затемно, подходила к окну, крестилась на крест Воскресенского собора, еле проступающего из мглы. Потом будила мою мать, провожала её на работу, а сама начинала убираться. И под руками у неё, бывало, ни ложка не звякнет, ни веник не шаркнет. Это – чтобы меня не разбудить.

Кончив уборку, она шла занимать очередь за хлебом. Мрачная тишина еще лежала в заснеженном городе. Темные подворотни и зашторенные окна домов недобро глядели на бабушку, но она уже отвыкла от страхов, и, мимо проходя, не обращала на них внимания. Зато зорко смотрела, не стоит ли где у столба колхозная лошадь, не жуёт ли душистое сенцо. Если стоит, надо потом подобрать сенные объедки – пригодятся козе. Щепка ей по дороге попадалась или чурка какая – она их брала с собой. Это – в печь пойдёт.

У магазина, ещё неоткрытого, серым клубком шевелился зябнувший люд. Бабушка подходила со щепками, зажатыми подмышкой, занимала очередь и, хорошо приметив стоящих спереди и сзади, возвращалась домой. При этом, конечно, делала крюк к столбу и не забывала прихватить ту охапку сена, что осталась после лошади.

Когда она складывала щепки подсушить за печку, одна всё-таки падала... Я просыпался. Первыми моими словами при пробуждении были:

-Баб, дай поесть.

Она горестно всплескивала руками.

-Господи, да где ж взять – то?

И откуда-то с верхней полки, из потаённого уголка доставала завёрнутый в чистую тряпицу, ещё со вчерашнего вечера припрятанный ломтик хлеба.

Это был лично её хлеб. Я знал, что мою долю я съел ещё вчера, в обед, но нимало не смущённый тем, что оставляю её голодной, я и этот ломтик съедал с невообразимой быстротой. Сама же она, как я теперь полагаю, питалась должно быть одним воздухом и запивала его простою водой.

- Чай старуха. Много ли мне надо?

Когда кончался мой завтрак, она обувала меня в свои старые чёсанки с галошами, повязывала материным старым же платком и отводила в свою очередь к магазину.

- Вот за мной, девочка, держись, - слышалось оттуда.

- Да не девочка, парнишка это.

- Ну, ныне все одинаковы.

И я вставал там, где было указано. При этом считалось, что одновременно я и гуляю и оказываю посильную помощь дому.

По возвращении бабушка наливала мне в тарелку вчерашнего супа, и – заработал! – отрезала теперь уже большой ломоть хлеба, сразу всю мою суточную норму.

- Зазяб, чай. Садись-ка, садись к столу, погрейся...

Так как жидким супом наестся было невозможно, я опять налетал на хлеб и с таким усердием, что ей скоро и от своей нормы приходилось отделять мне едва ли не половину. Да, никогда бы не подумал, что детство может быть таким прожорливым, но про наше иначе не скажешь. Таким было.

А потом мы начинали с ней топить печку. Щели в окнах и дверях постоянно веют сквознячками. Комната выстуживается быстро, а дровишки плохонькие и сырые. И потому, когда они, наконец, разгораются в печи, то хочется влезть прямо туда и отогреться уже как следует.

Бабушка ставит самовар, а я, повеселев и оттаяв у огня, прошу

её рассказать мне сказку. И она рассказывает... Сладким ужасом веет от старинных легенд и поверий. Ровно льётся голос. Поскрипывают половицы, чуть вздрагивает фикус в кадке от её шагов. И, если во время рассказа она снова подходит к окну, из которого теперь уж ясно виден весь собор, то прерывает себя и опять истово крестится:

- Господи! Прости ты нас, грешных.

Бог мирит её с тяготами нашей жизни. На праздники, или когда ей особенно тяжело, она идёт к нему в церковь, в блеск её свечей и икон, при этом бесцеремонно тянет и меня за собой. И пока она ставит свою свечу, пока кладёт поклоны и молится, я скучаю меж чёрных старух или ишу под куполами ангелов. Но ангелов там, увы, не видать.

Поздно вечером приходит с работы усталая мать. Мать с одного взгляда угадывает, как проходил наш день, кто из нас сегодня сыт, а кто голоден. Она глядит на меня укоризненно, на бабушку сердито. Но бабушку мою не так-то просто взять голыми руками. Бабушка спокойно выдерживает материн взгляд, а затем убеждённо заявляет:

- Ты что? Аль забыла? Ведь Рождество завтра. А ныне – до первой звезды говеть надо.

Когда где-нибудь на стройке я вижу, как трава выбивается из-под завалов камней, как жизнь толкает её к солнцу, а камни давят и жмут к земле – я вспоминаю своё детство.

Вот таким же и оно было. И так же, как эта трава, развивалось слабосильно, искривлённо и уродливо. И взрослые, как ни ухитрились, ничего тут поправить не могли.

Ту же бабушку опять взять.

Сколько было у неё разных заговений и постов на году - я бы теперь и сосчитать не решился. Но вся эта ложь во спасение, все невинные и суровые обманы с едой, неурядицы в быту и в жизни – не из-за того это, что наша семья, скажем, особо религиозна или живёт как-то на отличку от других семей. Нет, и другие живут не лучше.

А дело в том, что где-то неподалёку, вон там за реками, за лесами, куда солнышко садится, где земля кончается – там идёт война.

Война там идёт. Да, да, та самая, народная, священная, кровавая, жестокая или Великая Отечественная, как назовут её позднее.

Мы жили возле Ленинского сада в двухэтажном бревенчатом доме, которого теперь уже нет, но который и до сих пор остаётся для меня едва ли не самым любимым. Дом детства...

Вместе с пристроем он был похож на наседку с оттопыренным крылом. Он был стар, прост и грубо сколочен, но странное дело: потом куда бы ни забрасывала меня судьба, какие бы углы и пристанища ни приходилось обживать, всё-таки при словосочетании «родной дом» или «отчий дом» я всегда и везде представлял себе именно этот. В те грозные военные годы несколько семей приютил, обогрел и кое-как сберегал он.

Наша состояла из трёх человек. В начале рассказа я назвал всех.

Сестра умерла. От отца с фронта письма приходят уже перестали. Помнил я его смутно, и, может, лишь вечер проводов связанный с ним, виделся чуть отчётливее других событий. Да и в этом вечере, если разобраться, уже не различишь ни одежд, ни лиц – просто движутся черно-белые тени, как в полузабытом кино. Это – мы и гости.

Стол накрыт чистой скатертью. На столе – прощальное вино, патефон играет «Дан приказ - ему на запад», а взрослые пьют, поют, танцуют и разговаривают.

Когда совсем стемнело, отец взял меня на руки, поднёс к распахнутому окну, к зелёным веткам просунувшегося в него тополя. Он сказал, что вернётся скоро, и что обязательно с победой, и что Гитлера « в мешке привезём и в клетку посадим».

Вот это и запомнилось.

А потом отца не стало.

Когда же я начал несколько яснее или чуть осмысленнее сознавать себя, война уже гремела вовсю, хлеб давали по карточкам, голод и холод были обычными явлениями в семье... И почти, лишённый возможности сравнивать, я и принял всё это за нормальную жизнь.

Нормальной назвать её, конечно, нельзя. И даже ни с какими натяжками. Бешено возросшие цены на продукты с хрустом перекусывали крохотные родительские заработки тех лет. Пайки урезались по самый край.

Спички, мыло, сахар, керосин или совсем исчезли с прилавков,

или – в закутках, на рынке – настолько поднялись и вздорожали в цене, что к ним порой и подступиться было страшно.

Года через два мы, ребятишки, напрочь забыли вкус сметаны и яблок. Мы не могли вспомнить, что такое яичница и котлета. Нас тошнило с зелёной картошки, с той бурды из свёклы и капустных листьев, которая тогда называлась супом.

Словом, время было сложное и трудное. И, если бы меня спросили сейчас на чём же мы держались, то я бы ответил: а на хлебе ржаном держались да друг за друга ещё.

Хлебу тех времён мы ещё будем писать оды. Вкусный был хлеб! Вечно тёмно-бурый, тут недопеченный, там пригорелый, с неочищенной картошкой внутри, с соломинками, торчащими вкривь и вкось из боков... По теперешним понятиям есть его совершенно невозможно, но не есть нельзя, так как другого не будет. И я помню, что один только раз от него отказался.

Это уж в конце войны было. Как-то по весне поехала мать в лес за дровами и привезла мне оттуда – у лисы отняли! – булку. Белую! Царский гостинец!

Ну, понятно, что она купила её на местном рынке. Это только мне сказали так, что отняли у лисы. И от этой булки я откусил лишь один раз. Под тонкой верхней плёночкой в толщине бумажного листа были сплошные опилки.

Такая же картина с одеждой и обувью. В большинстве семей к середине войны всё довоенное добро было уже пораспродано на толкучке или обменено на продукты и ребятишкам зачастую просто не в чем было выйти на улицу. Зимы же, как назло, стояли морозными и долгими. Снегу в городе наметало по самые крыши. Окна в доме замерзали наглухо. И, если, приходила тебе охота на белый свет посмотреть, что ж, крути пальцем дырочку на заиндевелом стекле, проталивай светлый кружочек, величиной с пятак. Вот тебе и телевизор тех времён.

Проталишь и увидишь: вот ветка с нахохленной галкой на ней, вон улицы кусок, по ней полторка тарактит, а у обледенелой колонки стоит за водой длинная очередь с ведрами... Или вдруг мужик в лаптях, в замызганном полушубке прокатится по дороге в санях. В сани впряжена тощая лошадёнка. Пар от дыхания клубится над мужиком и над ней; сани скользят по наглаженной обочине... Такова

зима.

Но как только апрельское солнышко тронет окна, звякнет с крыши первая капель...

Всё! Нет нам теперь дома никакого удержу. Опостытели за зиму серые стены, вечная теснота его. Теперь во двор, на воздух, на улицу надо.

А во дворе – Борька. Работает. Снег с крыши сбрасывает. Это значит – у них с потолка потекло. В комнате, в сенях, значит, вёдра, тазы под капель подставлены.

На Борькину работу от крыльца смотрит Володька, мой ровесник, его сосед. Он – в картузике с разломанным козырьком, в сапогах, которые каши просят.

- Борь, сломай мне вон ту сосульку.

- Держи!

- Борь, а мне вон ту! – кричу я, подбегая.

- Держи и ты.

И опять заходила, зашевелилась лопата.

Даже сосредоточившийся за работой человек – и то уже вызывает к себе уважение. Человек же, у которого дело спорится и ладится в руках, играет, как говорят, - он просто прекрасен.

А у Борьки в руках и лопата поёт. Кажется, она сама чувствует, где ей надо поддеть, тронуть, пристукнуть, подтолкнуть... И вот уже громаднейшая глыба снега тяжко поехала по мокрому скату крыши и шлёп! – упала у стены прямо в лужу, радостно искрящуюся на солнце. Борька старше нас лет на 5. Мать его, как и моя, тоже до ночи пропадает на работе.

Все домашние дела ему приходится делать самому, да, кроме того, ещё и за малой сестрёнкой приглядывать. Сейчас она спит, наверное. Его мечта – поехать учиться в ФЗУ, и, может, поэтому в школе он учится плохо и неохотно. И тут уж ничего не попишешь: есть люди, у которых руки умней головы.

Борька уж и покуривать от матери тайком начинает, чтоб совсем взрослым, совсем большим казаться хотя бы в нашем кругу. Он то ли втянулся уже, то ли просто гордится этим... Но денег-то на табак где же взять?

- Эй, пацаны! – подзовёт. – Ну-ка, летите в город, да с окурков натрясите мне по пригоршне. А я вам за это лыж покатаюсь дам!

Мы и рады. По весенним размызганным тропкам бежим стремглав в сторону базара. О, славное место! Угрюмо высятся над ним серые в сосульках дома. Серая же толпа клубится и колышется у прилавков. Чего тут только нет? Очередь за газетами. Очередь за картошкой. Зажигалки продают, свистульки глиняные, веники берёзовые самосад, сено, лапти, семечки, патоки стакан... Народу - тьма! Гомон, гвалт, чиханье, сморканье, кашлянье.

Мы вытаскиваем из-под ног толкучки свою унылую добычу, осторожно ссыпаем в пригоршни горелую махру.

Тут и там шныряют разные подозрительные личности. Вот карманники стайкой промысел ведут. Вот картёжник завидев милиционера, повёл рукой над тремя картами – а как слизнуло их с растеленной газеты.

И газета исчезла, и картёжник пропал, появляется инвалид – гадалыщик, с ручным шеглом на пальце.

- Птичка гадает! Птичка гадает, сама билетики вынимает. Эй, подходите, граждане. У нас без обману.

Но вот пригоршни полны.

Борька сушит сырой и вонючий табак на печке.

- Молодцы! – говорит. – Лыжи в коридоре. По одной на каждого.

Я, наверное, прокатался бы весь день. Я до тёмного вечера не отдал бы никому этой радости скольжения, столь близкой к полёту.

Но прошла в обед сгорбленная старуха по двору, через плечо мрачно уронила:

- Смейся, смейся. Вот скоро конец света наступит.

И – угасло весёлое настроение. Молча отнесли мы лыжи на место, молча разошлись по домам... Оказалось – было солнечное затмение.

Совсем другое дело – весна развернувшаяся. И в Ленинском саду она особенно хороша. Первая изумрудная травка, наливающаяся соком берёзы, ёлки, готовые сменить хвою, омолодиться и разукраситься новенькими красными шишками... Потом золотой одуванчик появляется на припёке. А на нём смотришь, уже сидит в поисках поживы первая бабочка – крапивница, ещё в помятом, не проглаженном платье.

Но пройдет несколько дней, окутаются зелёной дымкой берё-

зы, в полную силу зацветут под ними одуванчики и другие цветы. И бабочка эта вместе с ними тоже как бы зацветёт, принарядится, похорошеет. И, словно бы вторя её ярким, обновившимся крылышкам, смотришь, и в городских садах начали распускаться яблони, вишни, сирень. Наступает лето – самая богатая на впечатления ребяческая пора.

Я просыпаюсь на рассвете и выхожу на залитый ранним солнышком двор. Там на одной петле криво повисла расхлопанная калитка, высаятся крапива и лопухи у сараев. Тёмными проломами зияет старый забор. А за забором радостной зеленью вскинулись в небеса берёзы Ленинского сада.

Ржавые прутья его ограды давно уж не помеха для нас. Быстро проскальзываешь внутрь, синё, ещё безлюдно на аллеях. Только двое раненых сидят на скамье у памятника Ленину.

- Как нога – то Николай?

- Плохо, Фёдор Иванович, плохо. Боюсь, как бы совсем не отняли.

- А я уж на деревяшке. А рука-то всё в гипсу – кость срослась неправильно.

Я перехожу от одного дерева к другому. Жадным взглядом обшариваю их стволы, забираюсь в гущу кустов и травы. Холодная роса обжигает босые ноги: бр-р... И вот награда: голубая стрекоза, как игрушечный самолетик, вертикально сидит на сизом стволе ёлки.

- А наши - то уж на запад пошли.

- Теперь пойдут. Времена другие стали.

- Да, брат...

А ствол весь облит солнцем. Ствол весь в многоцветной мозаике смолы. И прямо в пёстрых её подтёках, на шершавой коре, оцепеневшая, дремлющая тихо сидит моя стрекоза. Днём её ничем и никак не поймашь, а сейчас ранним утром – только руку протяни.

И вот уж меж сжавшихся пальцев упруго затрепетали сведённые крылья, завертелась на тонкой шейке глазастая голова с грозно жующими челюстями, хвост выгнулся дугой... Но поздно, красавица, поздно. На вот лучше муху ешь.

А на других деревьях нет стрекоз? Бывает, что и есть. Ловишь заодно и этих, потом возвращаешься домой со своей богатой добычей. А только что проснувшиеся друзья тарачат на неё глаза и зави-

дуют тебе отчаянно, жутко и неприкрыто.

Друзей у меня двое.

Лёвка с весны не расстается с ручьями и запрудами, с самодельными корабликами и лодочками. Он несколько замкнут, немногословен, деловит и физически покрепче меня и Володьки. Кораблики он тоже делает под стать себе – они прочнее и добротнее наших. Его страсть – путешествия.

Володька же – невысокий, картавый, худенький, наоборот, отличается домовитостью и хозяйственностью. Он любит мастерить всякие клетушки, закутки, разводить садики и огородики и всегда знает, где найти камней, глины, колышков и дощечек для них. Сказать коротко – он понимает домашний уют и умеет его устроить.

А я охотно отдаю свой досуг каждому из них порознь и обоим вместе, и, право же, от этого отнюдь не чувствую себя беднее. Скорее наоборот – богаче чувствую.

Я даю каждому из них по стрекозе. Мы откровенно любуемся ими, гладим, ласкаем, кормим их мухами. И не сразу, не скоро разжимаются наши пальцы, даруя свободу пленницам.

Плавится день под полуденным солнцем. Густыми испарениями дышат перегретый репейник и лебеда. И улетают наши стрекозы, искрятся, теряются в воздухе. А потом Лёвка, может быть, отдарить меня желая, говорит:

- Айда теперь, пацаны, к каланче. На пожарного смотреть будем.

- Айда!

Каланча – самое высокое сооружение города. Кепка свалится с головы, если посмотреть снизу. Извёстка на ней сера от времени, железо – коричнево от ржавчины и темны от теней опрокинутые бокалы колоколов.

А на самой верхней площадке, под тяжким навесом перекрытия, в обществе звонкогорлых стрижей и медлительных облаков, обитает загадочнейшее существо – пожарный. Пожарный – предмет нашей постоянной зависти.

Кто –то выискивал место, кто-то рассчитывал основание, кто-то рисовал и вычерчивал будущий вид каланчи. Это всё для него. Потом велась кирпичная кладка, устремлялись ввысь наклонные ле-

стницы, отделявались арки, пролёты... И это – для него тоже.

Он единовластно царит там, у самой вершины сооружения, у четырёх скруглённых оконных проёмов, глядящих на все четыре стороны света. И он в любое время может показаться в любом из них.

Снизу видно, что это вроде бы человек, но он так высоко вознесён над городом, что в туманную погоду его и разглядеть-то почти невозможно. И, тогда хочется думать, что он совсем не такой, как прочие по земле ходящие люди. Хочется думать, что у него, может, крылья есть или копыта, или ещё что-нибудь такое особенное.

Вот мы приблизились и задрали головы, и разинули рты, и долго-долго смотрим на него снизу. Мы задумываемся – а далеко ли ему оттуда видно.

- всю землю!

Неужели и вправду всю?

- Нет, не всю. Моря он не видит.

Да, пожалуй, что – то никто не говорил у нас в доме, что с нашей каланчи море видно.

- А войну?

Опять никто не знает.

- А давайте у него спросим!

- Давайте. Раз, два, три! Эй, дя – а – дь! – кричим мы хором.

И, если он со своей высоты посмотрит на нас, мы тотчас все испуганные замираем и Володька настороженно шепчет:

- Тише, тише. Сюда глядит!

Но чаще всего он на нас и не глядит вовсе. Тогда мы кричим во второй, в третий раз. Нет, опять не глядит. Что ж, все понятно: он не слышит. Не слышит – и всё. Ведь вон как до него высоко!

Или, может, мы бы в другое время спор развели, загорячились, зашумели – видит – не видит, слышит - не слышит. Но тут грянула где-то невдали походная труба, зарокотал тревожно барабан, а потом с улицы крик раздался:

- Солдаты! Солдаты идут!

Мы от каланчи да бегом на улицу. И сразу не до споров стало.

А солдаты идут на войну. С винтовками, со скатками, с котелками на боку и с настоящим боевым командиром впереди звонко стучат они ботинками по булыжной мостовой. Но громовая песня

покрывает гул шагов.

Они проходят мимо нашего дома, они поворачивают на улицу Кирова... И всё звучат шаги, ширятся, растут голоса.

Эти песни станут первыми песнями нашего детства. Мы заучиваем их тут же, на ходу, дружно подхватываем припев... И – тоже маршируем, маршируем рядом с колонной, гордо поглядывая на женщин и стариков, молча стоящих под тополями на тротуарах. Оценят ли они наш шаг, нашу выправку?

Подвернул в сторонку к забору тщедушный мужичонка с лошадей и телегой, тоже остановился, посерьёзней лицом.

Рядом с ним мелко крестится старушка, хилая, сморщенная, в землю вросшая вся.

- Батюшки, сколько народу – то идёт! Батюшки!

Поёт колонна. Пыль клубится над дорогой. Зной плывёт над городом. Плавится от зноя, течёт по ёлкам смола в Ленинском саду. Но зябко и тревожно всем, кто понимает, что сейчас творится на земле.

И, наверное, только нам, мальчишкам, в этот час и весело и гордо. Ещё бы! Что она для нас война, для мальчишек тылового города? А это место, где грохочут пушки, строчат пулемёты, скачут конники, танки рычат и в несметных количествах уничтожаются лишь наши враги.

Только враги. И – не больше.

Вот так и шло время. И, наконец, настал час, когда дом, двор, Ленинский сад и прилегающие к нему улицы - всё стало изучено, исхожено... И весь налёт поэзии, ещё недавно эти места окружавший, вдруг рассеялся и растерялся как бы сам по себе. Исчезла прелесть новизны, заманчивость недавних тайн и загадок. Каждый смутно почувствовал это. Лёвка – отчётливее других. Он же первый и нашёл выход.

Однажды тёплым летним вечером мы стояли у калитки перед нашим домом. Догорал на западе закат. Уходили в розовый, огненный разлив его деревья, крыши, пыльная дорога. И вдруг Лёвка сказал заговорщически:

- А давайте...

- Что?

Подождал, помолчал он немного, испытывая наше терпение, и

вдруг как занавес сдёрнул с тайного замысла своего.

- Ведь надо только вон за те деревья зайти, - сказал он. – Там город-то уже кончается. Давайте пойдём путешествовать за город!

Кто бы отказался?

Мы вышли рано утром, разумеется, не сказав ни слова родителям, и вскоре, в самом деле всей троицей стояли уже на уступе высокой горы, на окраине города. Там и тут у ног наших серыми грудками высились гипсовые отходы госпиталя, валялись ржавые бинты, слышался резкий, удушливый запах карболки...

Но это было тут, под ногами. Зато дальше, впереди...

Дальше прямо под горой солнечными бликами и отражённой голубизной неба светила Тёша. Виднелась мельница и с тяжёлыми кронами вётлы перед ней. Весело катился по железнодорожному мосту красноколёсый паровоз. А дорога, втиснутая между горой и рекой и ведущая туда к мосту, к вётлам, к мельнице, дорога была настолько хороша и привлекательна, что не спуститься вниз с горы и не пойти по ней было бы просто величайшей глупостью.

Мы спустились и пошли.

И с тем же любопытством, с каким сегодняшние ребятишки смотрят рисованные мультфильмы по телевизору, мы вскоре уже вблизи рассматривали эти старые вётлы с потрескавшейся бронёй коры на стволах и с фиолетовыми провалами теней в гуще листьев. Они были мрачней и выше, чем деревья в Ленинском саду. Округлые дупла дышали тьмой и сыростью. И нам казалось иногда: вот сейчас высунется оттуда колдовская чёрная, заросшая жёсткой шерстью лапа и угрожающе шевельнёт цепкими с кривыми когтями пальцами.

Но успокаивали солнце, небо, мельница, спрятавшаяся за высоченными лопухами и мирно шумящая хорошим рабочим шумом. Воробьёв и голубей над ней носились тучи. У распахнутых настежь ворот ходили мушки в холщовых рубахах, всхрапывали лошади и, обсыпанные мукой, неуклюже лежали на телегах пузатые мешки.

Мы забрели на луг – и луг накормил нас щавелём.

Мы захотели пить – и вскоре нашли чистый родничок, притаившийся в зелёной лощине под огородами.

А потом мы подошли к мосту и увидели чуть в стороне от него небольшое, заросшее камышом и осокой озерцо. Два рослых парня, мутя и бултыхая воду, прямо в штанах бродили по нему с бреднем и

вылавливали карасей.

Когда тяжёлый, пузырьём надувающийся бредень они вытаскивали на берег, медно-золотые караси очумело бились в мотне, улитки и ракушки хрустели под ногами, осока резала ловцам руки и ноги, но в общей суматохе, в радостных возгласах, в азарте удачи никто не обращал на это внимания.

Карасей парни складывали в большое ведро, улиток и ракушек милостиво разрешали брать нам, и даже солнечную кувшинку, ярко сверкавшую над тёмной водой, по нашей же просьбе один из ловцов сорвал и выкинул на берег.

Что и говорить – хорошей, обнадёживающей оказалась прогулка. Она сулила много неожиданностей и чудес в будущем. И мы от них отказываться не собирались, хотя вот этот, в первый раз, вся затея кончилась тем, что мы, в конце концов, заплутались, и только к вечеру незнакомые люди довели нас до дома.

Нет приобретений без потерь и нет потерь без приобретений. Как ни мрачны и тяжки были эти годы, каким лишениям ни подвергала всех нас, в каждом из мальчишек всё-таки теплились доброе надежды; что-то крепло, росло и закалялось, что-то утверждалось на всю жизнь. Это была самая начальная пора, крутая, может быть слишком суровая для нашего возраста, но зато с чёткими разграничениями добра и зла и с неустанной верой в победу добра над злом.

И эта победа пришла.

1 сентября 1945 года вместе со своими сверстниками я вхожу под высокие потолки одной из старейших школ города – школы имени Пушкина. Мне 8 лет. В левой руке у меня – новенький портфель, в правой – большое зелёное яблоко.

Школа встречает нас строго и чинно. Учителя, классы, парты, новые друзья, новые знакомства. И после поздравительных церемоний, после прихода в класс это простое и торжественное:

- Садитесь, дети. Начинается ваш первый урок.

Где-то в середине зимы под кружение снежинок, под потрескивание морозов за окном, буквы полегоньку начинают складываться в слова, слова – в предложения, предложения - в тексты...

И мы выучиваемся читать.

«Мороз и солнце. День чудесный...»

И хорошо сидится зимними вечерами дома за книгой под оранжевым языком самой обыкновенной керосиновой лампы. Золотое пятно света лежит на узорчатой скатерти, в комнате тишина, полумрак, и от этого всё читаемое и всё окружающее чтение приобретают какую-то особую, таинственную окраску.

Спит в углу фикус в кадке, спит картина «Московский дворик» на стене, у печки на подстилке спит котёнок, свернувшись в клубок... И бабушка уже уснула. И мать, кончив мыть посуду, тоже собирается ложиться...

- Славик, хватит керосин-то жечь, - говорит она. – И завтра будет день на твоё-то читанье.

Голос её чуть ворчлив, сказывается дневная усталость, но я знаю, что в душе она довольна, даже гордится мной и эта сердитость – показная.

- Сейчас, мам. Ещё две странички только.

Мать уснула, поверив мне на слово, а я засыпать и не собираюсь. Теперь можно читать без помех, но вот беда: керосин в лампе и вправду кончается. Я прикручиваю фитиль. Становится ещё темнее, ещё таинственнее вокруг. Только ходики за спиной стучат, только мышь грызет пол под кухонным шкафом да снаружи иногда тополь поскребёт веткой по морозному оконному стеклу. И кажется мне, что во всём городе бодрствуют сейчас лишь тополь да я, да Том Сойер, вышедший с кистью покрасить тётушкин забор.

(Через год). Вскоре я записываюсь в городскую библиотеку и всё, что удаётся там достать, прочитываю за день. Этого мне мало. Тогда я ещё записываюсь в библиотеку школьную и всё, что беру оттуда, прочитываю ещё быстрее. Но теперь хватает. Эти две книжные кладовые, к счастью, пока не неисчерпаемы и время от времени с их полок удаётся выловить то хорошую сказку, то звонкие и сразу запоминающиеся стихи.

Впрочем, не обходится и без курьёзов.

Самый забавный происходит в той же школьной библиотеке. Там на одном из плакатов среди знакомых и незнакомых писательских имён меня однажды привлекает одно незнакомое. Добролюбов. Выразительная фамилия!

Двигаясь вместе с очередью к столу библиотекаряши, я пристально смотрю на красивого мужчину в очках и чёрной бородкой. Я

у него ещё ничего не читал!

И вот очередь подошла, спрашивают – что дать...

- Мне бы Добролюбова что-нибудь! – бойко заявляю я и слова мои тонут в здоровом, бойком хохоте старшекласников.

- Ишь ты, какой! И молодой, и ранний...

Я понимаю, что допустил какую-то оплошность, но не пойму – какую и в чём.

И когда, весь красный, с совсем другой книжкой в руке, я оказываюсь наконец, на улице, то невесело думаю:

- « Вот так подвёл он меня! Ай – ай! Вот так подвёл! А ещё Добролюбов называется».

Меж тем за окнами снег летит на снег, потом ручьи сливаются с ручьями. Вот и травка зазеленела, начало сильнее пригревать солнышко. И опять пришло лето.

Ну, раз уже лето пришло, то не пора ли и нам вспомнить про своих друзей? Не пора ли выбежать к ним на улицу да кстати уж и разузнать, как они там живут, чем теперь занимаются?

А они плавать научились!

Вот так всегда происходит в жизни. Стоит лишь увлечься, устремиться вперёд по какой-то важной и неразведанной ещё дороге – глядь, другие, боковые, примыкающие к ней – и опустели, и травкой заросли. У тебя на них не хватило времени. А у друзей – хватило.

И пока ты вращался в призрачных литературных мирах, пока фантазировал и развлекался с героями любимых книжек, друзья твои жили другой – тоже живой жизнью и тоже ушли в ней вперёд. Ты стал тоже немного начитанней, а они - чуточку взрослее.

Что ж, ещё можно их догнать. И чем скорей, тем лучше.

Я немедленно откладываю книги в сторону и начинаю бегать на Тёшу при любой возможности. Наша теория плавания проста: руками гребь под себя, а ногами бултыхай что есть мочи. И много воды придётся взбултыхнуть, много...

Но вот раз выдался ветреный и холодноватый денёк. Я не изменил своему правилу – привычно отправился к месту купания. Храбро окунулся на мели, выкинул руки вперёд, бессвязно взбултыхнул ногами... И вдруг почувствовал, что лежу всем телом в этой знобящей и ненадёжной зыбкости. Неужели плыву?

Тростинка, торчащая из воды невдали, утверждающе приблизилась к глазам...

И радости моей не было предела.

Но, ребята, конечно, не поверили. К вечеру, когда погода разгулялась, они потребовали доказательств. Опять отправились на Тёшу.

Володька и Лёвка быстро переплыли на ту сторону и оттуда, с ярко-красного, освещённого закатным солнцем луча, принялись кричать мне:

- Ну, плыви сюда! Ты же научился!

- Да врёт он...

- Конечно, врёт... Ну, чего ж ты?

Испытание было жестоким, и, хоть Тёша наша под городом была тогда не ахти как широка, я вошёл в неё без страха, и, ничего. Не видя и не слыша, шёл до тех пор, пока вода не коснулась подбородка. После этого я оттолкнулся от дна ногами.

Вода тёмно заструилась у самых глаз, стало неудобно и холодно, и я боялся подумать, какая глубина развёрнута сейчас подо мною. Когда же, наконец, я осмелился оглядеться, то увидел другой берег так близко, что уже давно можно было встать на дно ногами и дойти до него вброд.

Итак, я переплыл Тёшу.

Я переплыл, меня поздравили, но трусы мои и рубашка лежали теперь на том, на «нашем» берегу. Это значит – чтобы одеться, надо было переплывать реку ещё раз.

Однако, уверенности в том, что и этот заплыв окончится благополучно у меня ещё не было. И я подумал, что хорошо бы возвратиться назад, на наш берег, ну хотя бы вон по тем мосткам у старой мельницы. Но...

Но ведь не без трусов же туда бежать, в самом деле? Да и мальчишки! Задразнят, засмеют, сожгут дотла огнём презрения.

И, устыдившись такого позора, спасая свой авторитет, я переплыл Тёшу ещё раз и, таким образом, уже окончательно и себе и другим доказал, что плавать умею.

Это уравнивает меня в правах со сверстниками. Мы снова вместе и выбрались.

Теперь со двора на берег реки. Там щедрее светит летнее солн-

це. Как игрушечные тонут в золотой дали домики пригородных сёл. А на нашей горе ходит наша коза под густыми акациями, щиплет молодую травку. И бабушка в белом платочке рядом сидит. Она караулит козу и нас заодно.

- Вы смотрите, ребяташки, не ходите к воде-то. Утопнете!

- Не утопнем, бабушка...

Много радостей дарят нам в это лето и притёшинская гора и сама Тёша. Вот где раздолье!

Здесь можно и кувыряться на траве, и бегать взапуски под гору и в гору, и в прятки поиграть, и в казаки – разбойники. Можно и камешками «блинчики печь» на воде...

А ещё тут есть ущелье. И снеговые, и дождевые ручьи немало потрудились над ним, но оставили по себе память: как шрам врубили его в гору. И, если ляжешь на край да заглянешь вниз – там на дне и туман лиловеет, и ручей гремит, как Терек на Кавказе, и цветные камушки, как горские сакли, лепятся по бурливым берегам его.

Посыплется глина со стенки – это лавина в горах. Пронесётся, подпрыгивая, меловой катышек с вершины ущелья – это черкес на коне скачет. Два крохотных жучка поднимаются на отвесный уступ – это Жилин с Костылиным из плена бегут.

А однажды вечером я увидел, как незнакомые мальчишки стали вдруг прыгать с одного из уступов туда вниз на дно ущелья. Им очень весело этим мальчишкам. Возбуждённые голоса и звонкий смех их отчётливо звучат в прохладном воздухе, заманивают пуститься на новый риск... Всё-таки я дожидаюсь, когда бабушка отвернётся, а незнакомые ребята уйдут.

И вот с замирающим сердцем я стою на том уступе. Высоко! Метра четыре надо лететь вниз. Но уж, если осмелюсь, прыгну, так будет потом чем похвалиться перед товарищами. Сегодня их нет с нами и они ещё на такое не решались.

Я делаю шаг вперёд. И при падении собственной коленкой подставляю себе хороший синяк под глазом. Слёзы выбрызгивают сами. Но тут же и высыхают. О чём плакать? Ведь как -никак, а прыгнул, не испугался всё-таки.

Школу за лето слегка подремонтировали, парты подкрасили кое-где. Школа давно перетомилась от летней тишины и, наконец, дождалась голосов, смеха, топота на лестничных площадках...

На дворе - октябрь.

И опять входит в класс Учитель.

- Видите ли, друзья мои, - говорит он. – Природа так задумала и создала человека, что, кроме умной головы, догадалась дать ему ещё и умные руки.

И с этими словами он вытягивает перед собой свои руки и сам с уважением смотрит на них, и мы смотрим тоже.

- Ум создаёт ценности духовные. Он мыслит, ищет, выдумывает, изобретает, но руки – любопытнейший инструмент! – они могут овеществить, сделать видимыми и осязаемыми те образы и предметы, которые порой лишь смутно мерещатся уму. Вот взгляните в окно.

В разнобой захлопали крышки парт. Как расколдованный, подался весь класс к окнам.

- Что же мы там видим? – продолжает Учитель, тоже подходя поближе и останавливаясь за спинами учеников.

А там – нет ничего. Там - двор пустой. И только в дальнем углу его у забора словно куча хворосту лежит и топорщится во все стороны густыми корнями.

- Саженцы! – догадывается кто-то.

- Правильно, ребята. А теперь скажите: приходилось ли вам видеть сады весной?

- Приходилось! Видели!

- Так расскажите же мне, какими они весной бывают?

- Зелёными!

- Негусто.

- Они цветут.

- Это уже поэзия.

- И птицы в них поют. И бабочки летают. И лягушки прыгают.

- Ха – ха – ха ...

- Ну, раз до юмора добрались, то можно остановиться. Так. Молодцы, ребята! – хвалит нас Учитель. – Итак, вы видели: вот какую прекрасную картину весеннего сада нарисовал нам наш коллективный разум. А руки наши способны сделать её явью, материализовать, как пишут в книгах, и создать на нашем школьном дворе точно такой же красивый сад, какой мы себе только что представили. Но что же для этого надо сделать?

- Надо саженцы посадить!

- Отлично! Очень хорошо! Вот сейчас мы этим и займёмся. Одевайтесь, ребята, пойдём во двор.

... И года через -3 сад начинает зацветать понемножку. И птицы, ещё недавно облетавшие школьный двор стороной, теперь начинают почаше присаживаться на зелёные ветки. Они щебечут, радуются, поют. Они внимательно приглядываются к укромным зелёным уголкам: а не завить ли здесь гнездо? А не остаться ли в этом саду с птенцами на целое лето?

Взрослые зачастую медлительны в своих начинаниях. Ребёнок действует быстрее.

Хватает времени на уроки. И с каждой выученной страницей ясно чувствуешь тот вершок, на который ты сумел поднять над собой вчерашним.

Хватает времени на отдых. Вытащить санки из сугроба, подняться на гору у пруда к подножьям царственных вёгл, снова с ветром в лицо, со скоростью птичьего полёта умчаться вниз. И раз, и пять, и десять.

Зимний вечер чернильно густ. Заснеженные улицы тихи. Потихоньку зажигаются огни по домам. Вон и в наших окнах зажглись тоже.

Надо домой. Есть ещё время и на то, чтобы почитать.

Чтение, книги...

В изломанных, видавших виды переплётках, с оборванными или испачканными уголками листов, с потерянными или вырванными страницами порой...

Израненные книги тех времён! Надо отдать должное. Они не стояли пустым украшательством на модных полках наших дней. Нет. Они работали, они тоже боролись за свет в душе, за солнце в разуме.

А в поле зрения класса появляется ещё один писатель. Это – Гайдар. За книгами его в классе – очередь. Читать – любую - дают только на один вечер. И в классе нет ни одного ученика, который бы осмелился нарушить столь жёсткое временное условие. Потому книги эти, может быть, не столько прочитываются, сколько проглатываются, а обсуждение или разбор их – это всё идёт потом: в переменах, после уроков, всенародно или в узком дружеском кругу, благо коллективная память не даёт пропасть ничему ценному.

Нам хочется быть похожими на гайдаровских мальчишек. Это желание возрастает ещё больше, когда из общих разговоров, из коридорной сутолоки вдруг выбивается слушок, что Гайдар-то, оказывается, и жил в нашем городе.

Что за нелепость? Я не могу этому поверить. Я глубоко и прочно убеждён, что всё больше, знаменитые писатели рождаются и живут только в Москве или в Ленинграде, например...

А тут? Да что он такое, наш Арзамас? Этот sereneкий, одноэтажный, неказистый городишко, где кроме Тёши, собора да Ленинского сада кажется ничего и примечательного нет?

А если!.. Вот было бы здорово увидеть в какой-нибудь книжке писателя прямо напечатанное «Арзамас», «Тёша», или ещё что-нибудь такое и нам знакомо!

И, когда повесть «Школа» с самых первых страниц предоставила нам такую радость, - было что-то невообразимое в классе... Празднично было!

Теперь на прогулках я начинаю попристальнее вглядываться в давно знакомые дома, сады, улицы... Он тоже их видел! Я думаю: а может вот сейчас, вот в эту самую минуту моя нога ступает в след его ноги? Разве не может быть такого?

И холодок внезапного волнения бежит по спине.

Ещё немного прошло их, первых послевоенных лет. Ещё не все раны зажили, не все рубцы зарубцевались на сердцах человеческих. Но суровые тени, как облака, сходят понемногу с лица города, небо голубеет, солнце смотрит всё ясней и улыбчивей.

И город засучивает рукава. Город одевается в рабочую спецовку. Он начинает перестраиваться на мирную жизнь.

Давно уже отменили карточки на хлеб. Давно починили калитку у нашего дома.

Закрылся госпиталь, расположенный в школе. Вылечившиеся раненые разъехались по домам, а те, кому не суждено было, навсегда уснули на старом кладбище. Но не забыты их имена, и шумят берёзы над братской их могилой.

Ленинский сад тоже начинает становиться самим собой – садом. Присыпали песком дорожки меж аллей, светло серебристой краской покрасили памятник Владимиру Ильичу, а по весне высадили цветы на вновь разбитых клумбах. И вдруг ещё новость: весь тро-

туар вокруг сада хотят заасфальтировать! Но это уже, пожалуй, побольше, чем новость. Это – событие!

Влетит ли утром птичья песня в открытую форточку и разбудит тебя – хорошо. Выйдешь во двор, встретишь друга и поговоришь с ним душевно – ещё лучше. Принесёшь ли с лесной поляны молодое деревце и посадишь его во дворе – ты словно подарок всем сделал. А дождёшь цветов или плодов с этого деревца – совсем особое чувство. Оно само начинает отдаривать тебя.

И это всё – нити. Нити, которые крепко привязывают нас к родным местам. Тут – твоя жизнь, твоя любовь, твоё дело...

И чем больше их, таких нитей, тем прочней привязка.

Вот и Борька уже работает! Как чёрная рассыпчатая каша, весело дымится у садовой ограды асфальт, зной, духота. Сдвинув кепку набекрень, Борька сильно втыкает совковую лопату в эту жирную и рыхлую массу. Вот зацепил с верхом, ловко сбросил её под скребки асфальтировщиков. Утёр пот с лица, подмигнул, улыбнулся нам.

- У нас пойдёт!..

Вручную, медленно ещё идёт у них работа. Но гладкая, горячая лента нового тротуара, уже втягивается, ползёт вдаль садовой ограды. К вечеру до поворота дошла, вот за поворотом скрывается...

Ещё куры и гуси толкуются на траве старых городских улиц. Ещё по вечерам стадо с пастбища ходит почти до центра старого города. Сладко пахнет цветущими липами, тополиным листом, молоком, прибитой дождём пылью. Но пройдёт всего-то пятнадцать лет и поднимутся за городом новые микрорайоны. Вырастут новые дома, сверкая громадами этажей. И зальёт асфальт все улицы, и нашу булыжную мостовую, ту по которой провожали мы солдат на фронт. А в квартирах появятся истинные чудеса – телевизоры, холодильники, газ, водяное отопление. Да и вода сама прямо в комнаты придёт и в холодном и в горячем виде. Но для меня как начало, как символ всех этих новшеств навсегда останется вот эта первая асфальтовая дорожка у Ленинского сада. Это она к ним повела.

Мы стоим рядом, смотрим, впитываем, вбираем в себя всё. Мы искренне завидуем Борьке и немного жалеем, что ещё не выросли такими большими, умелыми и сноровистыми как он. Осенью он поедет в ФЗУ. И через год из него получится толковый, сообразительный рабочий. В этом уже и сейчас никто не сомневается.

Пройдёт ещё немного времени – попробуем на вкус работу и мы. Я хочу рассказать об этом в заключении.

...С дровами было плохо. Мать нашла выход: запастись на зиму хворостом. И вот в погожие летние дни через город, через поле, мимо Пушкинской рощи и элеваторов мы и ходим с ней в лес осуществлять эту затею.

Налегке дорога хороша. Перед лесом в овраге струится под жёрдочками ручей. Прыскает рыба мелочь из-под ног и теряется в травянистых богажинах. Рассыпает свою яркую трель зяблик, укравшийся в зелёной листве.

Как вкусен кусок ржаного хлеба, прихваченный из дому и сдобренный земляникой, набранной, в пригоршню прямо тут же у лесной тропинки. Как заставляет трепетать сердце красноголовый подосиновик, выставившийся прямо на глаза из-под мшистого корневища осины!

Лес дурманит голову своими запахами, веселит птичьей песней, освежает прохладой разгорячённое тело.

В обед вязанки увязаны. Мы взваливаем их на спину и поворачиваем к дому. И вот она, работа, началась...

Будут подгибаться ноги от усталости, будет обжигать тяжестью плечо, долго и нудно будет тянуться перед глазами только пыльная полоса дороги. И солнце будет печь нещадно, и жажда измучит всего, а до колодца, как в русской сказке, будет далеко-далеко. Но будет ещё и голубое озерцо перед колодцем...

Мы сбрасываем хворост со спины. Мать садится на бережок, а я раздеваюсь и прыгаю в воду. Долго плыву под водой, выныриваю, наконец... И сразу всё другим становится вокруг. Свежо, радостно и усталость пропала. Попискивает жёлтая трясогузка на макушке конского щавеля. Прозрачными крылышками звенит над водою стрекоза. И зелёные кузнечики тонкими палочками взрезывают тишину летнего полдня. Да, славная вещь купание после жаркой работы. И, как ни тяжело таскать нам этот хворост из лесу, рубить его у нас во дворе я тоже люблю.

Я вычитал где-то, что у молотобойцев и лесорубов бывают обычно широкие плечи, мощные мускулы, крепкая грудь. А, вычитав, принял всё это на веру и вот теперь горю желанием обязательно стать похожим на этих богатырей.

И с удовольствием бегу с утра пораньше к нашему сараю, к

дубовой колоде, на которой и производится рубка хвороста. Я стараюсь вскидывать топор повыше и любую хворостинку разрубить с одного удара.

Через каждую четверть часа я тайком ощупываю мускулы на правой руке – не увеличиваются ли? Мускулы твердеют и набухают прямо на глазах. И тогда я вскидываю топор ещё выше, ещё сильнее ударяю по хворостине... Пригодится!

МЕТАЛЛ И СЛОВО

СТИХИ ВЯЧЕСЛАВА ВАСИЛЬЕВА

Огородили дерево забором,
чтоб от любых превратностей спасти.
Как будто запретили жить с задором,
плескать листвою, буйствовать, цвести.
А дереву свободы захотелось,
вольготной поднебесной синевы.
И вот, вверяя веткам крыльев смелость,
оно взвилось, как птица из травы.
Внизу остались просто пыль да щебень,
да тусклый холм с цветочком полевым.
Его вершина, тонущая в небо,
теперь сдружались с ветром гулевым.
А ветер льется, шутит с ней бедово.
Он - юн. Он - весь – порыв и произвол.
- Куда ж помчим?
- А хоть куда готова!
... Но помнит землю напряжённый ствол.

На стройке тот июль был труден.
 Дом рос, куда-то ввысь маня.
 И вдруг в горячке этих буден
 любовь окликнула меня.
 Любовь к ровеснице, с которой
 учились в школе год назад.
 О, черный локон, бант багровый
 и синий – синий – синий взгляд!
 В обед, в жару, в соседнем сквере
 упав на душную траву,
 я вдруг отчаянно поверил,
 что без нее не проживу.
 И дом другой с крыльцом
 веселым
 в мятущуюся глубь веков
 поплыл зеленым ледаколом
 среди подвижных облаков.

Над ним закат пылал устало,
 а у окна под сенью ив
 «Войну и мир» она листала,
 глаза на строчки уронив.
 И к ней, сюда, под клики
 птичьи,
 под грохот пушек вдалеке
 сам князь Андрей в моем об-
 личье
 бежал со знаменем в руке.
 Но смерть взрыхлила землю
 рядом
 и, вздрогнув, пал он на
 траву...
 А, между тем: «Подъем,
 ребята!» -
 со стен гремело наяву.

В поэзии, как перед бурей,
 обманчив недолгий уют.
 Пусть мысли в спокойной
 лазури
 спокойно, как чайки, плывут.

Куда я бросаюсь – не знаю.
 Где берег – не вижу, темно.
 И вдруг загорается с краю
 спасительным светом окно.

Но по сердцу – некая искра,
 и молния вспыхнула вдруг.
 И лодочку здравого смысла
 рвануло грозой из-под рук.

Все четко в нем, выпукло,
 ясно,
 и каждый предмет наяву.
 И только б оно не погасло,
 а я как-нибудь доплыву.

ГОРОД

Шпили, башенки, зелень
 и камень.
 В полусне басовито сопя
 петухами, гудками, звонками
 этот город разбудит себя.

Встанет он расторопно
 и бойко,
 станет окна и улицы мыть,
 сапожищами бухать
 на стройках,
 заводскими дымами дымить.

Станет грузы грузить у вокзала,
поезда провожать и встречать,
колыхать пестроцветье базара
и хозяйкам продукты вручать.
Весь осыпан искринками пота
и в жару, и в дождь, и в снега,
старый мастер, любую работу
он берет как быка за рога.
Даже время его не кручинит

и не трогает ветром крутым.
Сам себя он латает и чинит,
веселит и творит молодым.
Я смотрю, как, на счастье
надеясь,
в трудный день он упал
с головой.
Он у каждого у дела – умелец
и до каждого камушка – свой.

ОБРАЩЕНИЕ К ЗЕМЛЕ

Я, родившийся в ночь цвета синих чернил,
выраставший меж ливней, туманов и снега,
я, Земля, по тебе походил – побродил,
захотелось мне ясного неба.
Каждый день, каждый час, широки и сильны,
напрягаясь в едином усилье,
так и чувствую – просятся из-за спины,
вырываются шумные крылья.
От одной высоты я взлетаю к другой,
к той, с которой виднее концы и начала.
С городами, морями, лесной кутерьмой
ты, Земля, от меня побежала.
Закрывают, как шубой, тебя облака.
Ты плывешь и сверкаешь далеко-далеко.
Я один и одно понимаю пока:
без тебя на душе одиноко.
Не хватает окошек ночных, золотых,
не хватает улыбок веселых девчонок.
Даже листьев о плакучих деревьях твоих,
даже ветра, который так ласков и звонок.
Потому-то, куда б мне взлететь не пришлось,
на какую крутую орбиту не выйду,
все, что там, на тебе, сотворилось, сбылось,
ни за что не хочу потерять я из виду.

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

У ясеня густого, стройного,
такого памятного мне,
люблю сидеть в районе
Сормова
на старой, крашеной скамье.
Трамваи, люди, птицы,
домики
здесь как-то попросту живут.
В любом саду и огороδικе
стоит в цветах пчелиный
гуд.
Но вот, качнувши туч
кораблики,
басит гудок, сходя на нет.
Идут к скамье девчонки
с фабрики-
у них в одиннадцать обед.
Садятся. На жару не сердятся.
Кулёчки достают свои.

Гроза отработала слепо
и свежесть вернула земле.
Какое спокойное небо
блестит и цветет в колее!
Как в солнечных блесках
роскошна
лугов изумрудная лень!
И странно, что гибель возможна
и в этот ликующий день.
Упрямо, наклонно, опасно
мы едем над кручей как раз.
Вот снова везет, как по маслу,
и бьет о промоину нас.

И, как всегда, у ног их
вертятся,
пищат и скачут воробьи.
Девчонки смотрят, улыбаются,
бросают крошки в птичий
круг.
И воробьи здесь не пугаются
их загорелых добрых рук.
Я вижу, как один доверчивый,
широкоротный, молодой,
вдруг на ладонь садится
к девочке,
рискуя глупой головой.
И на него глядит работница,
боясь и бровью шевельнуть,
Щекотно ей, смеяться хочется,
и жалко воробья спугнуть.

И вся содрогнулась машина,
в расплесканном небе бурля,
и руки шофера пружинно
защелкнули тяжесть руля.
Он знает, что только победа
окупит рискованный труд.
И два не прервавшихся следа,
вскипая, за спину текут.
Спуск клонится, узится,
длится
и меркнет в дали голубой.
Красивые черные птицы
неслышно парят надо мной.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

К сырým окошкам листья липли.
 Учил я осень наизусть.
 И вдруг глаза твои возникли,
 и после них осталась грусть.
 Бывало, в сутолоке людной,
 в лесу, на речке, на лугу
 предполагал, что позабуду,
 а получалось – не могу.
 В душе прозрачный вальс рождался
 и душу тонко бередил.
 И где б в тот год я ни скитался -

к твоим я окнам приходил.
 То звезды в небе полыхали,
 то дождь волок за нитью нить.
 Мне эти окна помогали,
 а чем и как – не объяснить.
 Ты оживала,
 улыбалась,
 дышала,
 Зябла в холодах.
 Ты тихой музыкой осталась
 в осенних дымчатых садах.

ОКРАИНА

Мне нравятся микрорайоны,
 проспекты и площади их.
 Люблю я цветы и балконы,
 толпу у киосков любых,
 витрин и рекламы искусство,
 движение на всех скоростях...
 А вот не избавлюсь от чувства,
 что здесь я как будто в гостях.
 И память, пробившись нерезко,
 потом забирая сильней,
 от этого лоска и блеска
 потянет в места поскромней.
 Ну, здравствуй, окраина!

Дышишь?

Как козы, лужки, воробы?
 Я знаю – асфальт твой пожиже,
 пониже домишки твои.
 Но вижу, что мудрое время
 не даром проходит и здесь:
 антенн телевизорных племя
 и газ, и колонки уж есть.
 Наверно, я болен тобою.

Стекают дожди по плащу.
 Шагаю забытой тропью,
 забытое что-то ищу.
 О, память! Потянешь за нитку,
 а вытянешь целый клубок.
 Вот вижу я сад и калитку.
 За ней – невысокий дымок.
 Сквозь окна на грядки и улы
 струит золотая вода.
 Постойте! Однажды в июле
 за счастьем зашел я сюда.
 Тогда оно было смешливым,
 как бант в золотинках волос.
 И странно – ручьем
 торопливым
 до нынешних дней долилось.
 Мечта моя – лодочкой
 к устью,
 а память за ней, как весло.
 ...Неужто и вправду
 за грустью
 сюда меня сердце несло?

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПРИЗНАНИЕ

Когда и как мы очутились
на том июньском берегу,
над чем смеялись, чем гордились -
теперь сказать я не могу.
Хоть в ближний лес, хоть
на Чукотку-
хотелось плыть куда-нибудь.
Гроза прошла. Мы взяли лодку,
уселись и пустились в путь.
Цветам цвело, а птицам пелось,
и купол неба был глубок.
Мне о любви кричать
хотелось,
но я и прошептать не мог.
И там, где тень от ивы старой
на гладь воды немой легла,
я пожалел, что нет гитары-
гитара б сердцу помогла.

... В зеленом поезде в июле
она уехала на юг.
Сады с ветвей листву
отряхнули,
цветы и птицы смолкли вдруг.
И, написав в стихотворенье,
что ей лишь верен до седин,
с каким-то смутным
сожаленьем
пошел я к той реке один.
А берег был сырой и голый,
и по-сентябрьски молчалив.
Качался ветер невеселый
на невеселых ветках ив.
И плыли тучи глыбой черной,
и дождик рябь речную сек,
и не спеша другие волны
бежали на другой песок.

КОТЕЛЬНАЯ

Котельная – такая печка,
что греет весь микрорайон.
В спокойный день
прямой, как свечка
дым подпирает небосклон.
Но вдруг ударит ветер грубо,
зубами щелкнут холода...
И загудит резвей по трубам
почти кипящая вода.
Я этот труд не понаслышке
знавал в раскатистый мороз.
Сам много зим без передышки
топил котлы и вахты нес.
Не спал, старался...
И случалось,
случалось, мельком так, зимой,

идя домой, вдруг встретить
малость
уютя, созданного мной.
Там цвел в окошке за метелью
цветок с невянущим листом.
Там пела мать
над колыбелью,
над засыпающим дитем.
Я слышал – песнь почти
допета.
Ее саму уж сон долит.
Я думал – пусть ей снится
лето,
коль тут зима
и снег валит.

РАБОТА

Осел, обмяк туман непрочный.
Роса упала на траву.
Опять рассвета вкус молочный
мир ощущает наяву.
Пчеле – наполнить медом соты.
Цветку – до ягоды дозреть.
А мы должны напор работы
изведать и преодолеть.
Я б не сравнил ее с игрою,
шала восторженным перо.

Ее порой берем мы с бою,
порой на выдержку берем.
И нам асфальтом иль лугами
приятно к вечеру домой
идти с тяжелыми руками,
с победной, гордой головой.
А в небе звездно, чудно, черно.
А мир притих – и он устал...
Но распирают колос зерна,
и в домах плавится металл.

МЕТАЛЛ И СЛОВО

Дымится кузенка у леса.
То снег над ней,
то дождик льет.
Пока кузнец кует железо,
железо кузнеца кует.
Красив их спор.
Чтоб видеть это,
постой хоть зрителем в тени.
И, уходя, к трудам поэта
сравненья провод протяни.
Строка и образ. Нет, не сразу
они даются нам. С азов!
Сердца, как горн.
Рискни-ка фразу
сковать из самых красных слов!
Нет вроде мягче матерьяла,
а лишь возьмешься – нелегко!
У слова, как и у метала,
сопротивленье велико.

**ВАСИЛИЙ
АГАФОНОВ**

О ВЯЧЕСЛАВЕ ВАСИЛЬЕВЕ

В 1966 году я поступил учиться в Арзамасский государственный педагогический институт имени А.П. Гайдара. Мне двадцать лет. Пишу стихи. В своей районной газете «Заря коммунизма» (р.п.Шатки) меня иногда печатали. А вот «Арзамасская правда» не торопилась печатать мои стихи. Сказывался слабый уровень их. Постепенно я стал навещать редакцию. Познакомился и подружился с литсотрудником Евгением Терехиным. В редакцию заходили известные горьковские поэты и писатели: Юрий Адрианов, Михаил Шестериков и другие. Стал посещать литературное объединение, которым руководил Александр Иванович Плотников.

С тех пор прошло немало времени. Много стёрлось из памяти, многое вспоминается неясно и туманно. Сделать эти записи полными и четкими мне, вероятно, не удастся. Но что-то я постараюсь вспомнить и этим самым дополнить образ так рано ушедшего от нас поэта Вячеслава Лукьяновича Васильева, или просто Славы, как обычно называли его близкие ему друзья. Мне же довелось быть ему если не другом, то, по крайней мере, младшим товарищем и коллегой по перу. Знаю, что к моим творениям он относился так серьёзно, как будто мои стихи могли и впрямь стоять рядом с его хорошо отработанными стихами. Может быть, это только в моем

присутствии. Наверное, он не хотел разочаровывать меня в стихотворной работе. Видимо, такой по жизни был этот простой, неприметный, но богатый духовно и добрый человек. Помните его стихотворение «Соловей»?

В саду, где вишни в пруд смотрели,
в простой костюмчик обряжен,
рассыпав шелканье и трели,
как виртуоз, работал он...
...Что под одеждою неброской,
на все коленца тороват,
скрывался блещущий, огромный
и потрясающий талант.

Читаешь эти строки и представляешь: это как раз о самом себе. Слава Васильев - и есть тот соловей в простом костюмчике.

А нам, притихшим у березы,
нам странно было оттого,
что эти льющиеся грозы
вмещались в горле у него.

Первый раз я увидел Славу Васильева в коридоре редакции газеты «Арзамасская правда», что на Советской улице, 10. Время было зимнее, после рабочего дня. Сходились участники литературного объединения при редакции газеты. Слава был в скромненькой одежке и большой, похожей на грузинский «аэродром» кепке. Он с кем-то оживленно беседовал. Был весел. Я узнал, что это Васильев. Мне показалось, что он был слишком прост, никак не скажешь, что он поэт, званием которого я очень дорожил и очень хотел быть им. Разговор его был какой-то особенный, с придыханием, неповторимый. Я до сих пор могу копировать его речь. Иногда получается. Пришел Александр Иванович Плотников, все зашли в кабинет литсотрудника Терехина и началось обсуждение стихов, в котором активное участие принимал и Слава Васильев. Кстати, здесь я впервые увидел Николая Рачкова, у него вышла книга стихов «Колодцы». Во время того обсуждения на литобъединении я был просто наблюдателем, но я гордился и этим.

Помню, в Горьком проходил ежегодный поэтический конкурс (точное название его я забыл). Там со своими стихами выступали молодые авторы со всей области. Работала комиссия из опытных или, как я их называл, настоящих поэтов и писателей. Слава Васильев

приехал из Горького победителем, прочитав стихотворение «Первая любовь». Нам было очень приятно, что именно наш молодой поэт занял столь высокое место. Мне очень нравилось:

...предполагал, что позабуду,

а получалось - не могу.

Особенно получилась концовка стихотворения:

Ты оживала, улыбалась,

дышала, зябла в холодах.

Ты тихой музыкой осталась

в осенних дымчатых садах.

Несколько слов о житейских буднях поэта.

После окончания института я уехал из Арзамаса в свое родное село Шарапovo Шатковского района. Но мне по-прежнему была интересна литературная жизнь Арзамаса. Я следил за ней. Со Славой я не переписывался, а с Василием Ратаевым - постоянно. Ратаев - это товарищ по работе. Родом он из Хватовки, где родился Михаил Шестериков. Он тоже писал стихи. Но меньше и с большим трудом. Каждое стихотворение мы долго обсуждали, искали нужные варианты. Были и неплохие стихи. Их печатали и в Горьком, и даже в некоторых простеньких журналах Москвы («Советские профсоюзы», «Рабоче-крестьянский корреспондент» и др.) Итак, Василий Ратаев писал мне:

«Славкиным стихам нанесла поражение Валерия Воронеж - сотрудник горьковского телевидения. Сказала, что ему надо изучать словарь. Может, она и права. А только он продолжает смотреть с мрачной стороны. Как будто в жизни мало хорошего. Бьют дурака за это. Не понимает». Видимо, Слава написал что-то не по советской тематике. Никаких отклонений!

В следующем письме он мне напишет:

10 января были на Горьковской студии телевидения, записывались. Ленту смотрели. Все это шло 35 минут. (Терехин, Васильев, я, Рачков, Плотников). Психологическое сражение мы вели с составителем передачи некоей Валерией Воронеж. Она изуродовала наши стихи. Мы возмутились и не стали читать ее варианты. Редактор литпередачи перешла на нашу сторону, она боялась, что мы уедем. Она Воронеж, а мы орлята во главе с Орлом - Плотниковым. Победа оказалась за нами».

И Слава, и Ратаев работали кочегарами газовой котельной. По-

скольку вечерами мы там частенько собирались, я называл это место Стойлом Пегаса (по-есенински). В очередном письме Ратаев писал мне: «Слава работает в моем бывшем Стойле Пегаса. Пишет немного. Печатать не спешит. Привет тебе от всех. Тольки Синицына, Славы и других». А Слава работал не только в котельной. Ратаев писал мне: «Слава теперь работает в проектно. Летом ездит с бурильщиками. Так же жив, здоров».

В то время я удивлялся: почему Васильев работает в котельной, а не где-нибудь в редакции. А он, как видим, и не стремился менять место работы. Он был там своим, обжитым человеком, специалистом своего дела. Работа в котельной не мешала его поэтическому творчеству. Наоборот, приходя в эту самую котельную, при ее исправности, где надо только следить за горением газа в печи, у него было много времени, чтобы писать. Конечно, надо полагать, что стихи он писал не только в котельной. В. Васильев писал:

Котельная - такая печка,
Что грела весь микрорайон.
В спокойный день
Прямой как свечка
Дым подпирал небосклон.
...Я этот труд не понаслышке
Знавал в раскатистый мороз.
Сам много зим без передышки Топил котлы и вахту нес. Не спал, старался... И случалось,
Случалось, мельком так, зимой,
Идя домой, вдруг встретить малость
Уюта, созданного мной.

В 1969 году в Волго-Вятском книжном издательстве вышел сборник стихов молодых авторов «Старт», в ней было представлено шесть авторов, в том числе стихи Славы Васильева. На радостях я побежал в котельную на улице Калинина, чтобы поздравить автора и получить от него заветный автограф. В котельной шумели печи, было чисто, убрано. Стоял стол, покрытый скатертью. На столе отмерял время небольшой будильник, тут же был городской телефон. На ватманском листе бумаги я через эпидиаскоп увеличил портрет Васильева, который был напечатан в книге. (Впервые я увидел Васильева при галстукке) На портрете я подписал:

Тебе судьба с небес послала
И сочность строк,
И жар огня.
Ты ведь Васильев,
Ты ведь СЛАВА.
Ведь СЛАВА! Понял ты меня?
Увидев такой большой портрет, он обрадовался, а через некоторое время дал мне свой автограф на его книге:
Что тебе, мой друг, Василий,
Пожелать в сей славный час?
Чтобы - пусть не без усилий,
Но писал. И лучше нас.
В.Агафонову
От В.Васильева.
Г.Арзамас. 14 февраля 1970 г. 18 ч.25 мин.
Котельная Волгостроя.

Этой книгой я очень дорожу и берегу ее. Затем вышли его сборники «Обращение к земле» в Волго-Вятском издательстве (1976 г.) и «Родник под березами» в том же издательстве (1981 г.) С каким знакомым мне, молодому человеку, чувством написано в стихотворении «Несостоявшееся признание»:

Цветам цвелось, а птицам пелось,
и купол неба был глубок.
Мне о любви кричать хотелось,
но я и прошептать не мог.
И там, где тень от ивы старой,
на гладь воды немой легла ,
я пожалел, что нет гитары,
гитара б сердцу помогла.

Не обошлось без доброй шутки. Читая его сборники, нетрудно заметить, что часто встречающееся слово в его стихах это «дым» и все связанное с ним. Неужели оттого, что он был тесно связан с дымом, поскольку был кочегаром? Я выписал несколько строчек его стихов, где упоминается дым и получилось:

«Дымится кузенка у леса...»
«Дымок сладковатый и горький...»
«...пахнет дымком в густеющий туман»
«...и трактор, почихав дымком»

«... дым подпирает небосклон»
 «.. дымит кочегарка в трубу»
 «И вот когда в тумане, как в дыму»
 «в осенних дымчатых садах»
 «.. заводскими дымами дымить» «...в заволжских дымчатых
 лугах» и т.д.

В. Васильев

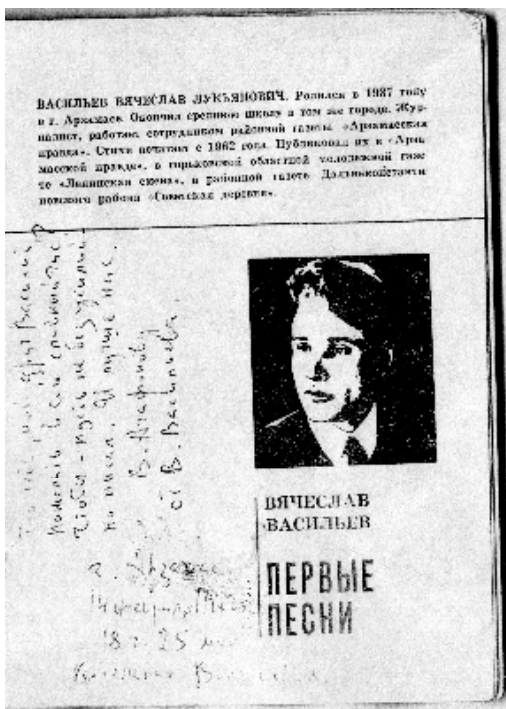
Фу ты... нету больше сил...

Как ты крепко надымил.

В. Агафонов

Слава не обиделся. Он понимал шутки.

Прошло много времени. Но при упоминании имени этого замечательного человека становится легко на сердце. И очень жалко, что так мало был вместе с ним. Думал, что впереди еще масса времени. Просто я не знал, что у него такой недлинный век.

Автограф Вячеслава Васильева

***ДИСКУССИОННАЯ
СТРАНИЦА***

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

Родился в 1931 году в г. Бор Горьковской обл. Учился на историческом отделении ГГУ им. Н.И. Лобачевского, где и преподавал с 1958 г. по 1984 г. С 1984 г. работал в Горьковском пединституте, с 1995 г. трудится в АГПИ. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы РФ. Автор многих статей и монографий, посвящённых средневековой истории Англии, Восточной Европы, этногенезу славян и русов, краеведению.

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

(окончание)

Настало время выполнить тяжёлый долг – написать «последнюю главу историю жизни русской интеллигенции».

Начнём с начала или, как говорили древние римляне, от «яйца» (ab ovo). В конце 80-х – 90-х годов прошлого столетия Россия, открыв свои границы, превратилась в площадку, на территорию которой устремились люди со всего света. Здесь были и профессиональные разведчики, и высокооплачиваемые музыканты, и агенты всевозможных бизнес-групп. Все они радостно потирали руки, с улыбкой задавали «туземцам» убийственные, как им казалось, вопросы или подавали язвительные реплики... Но не все приезжавшие в Россию были её врагами. В Москве и Киеве, Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге мне неоднократно встречались люди, с болью и сочувствием смотревшие на все происходящее в нашей стране. Эти люди спрашивали: «Где же ваш пролетарий, куда подевались ваши профсоюзы? Неужели не осталось честных коммунистов?»

Однажды в Ярославле ко мне на площади подошел англичанин, преподаватель одного из университетов Юго-Западной части острова и, отозвав в сторону, задал убийственный вопрос: «Что же молчит русская интеллигенция?» Ни у меня, ни у моих друзей, беседовавших с иностранцем, разумных ответов на эти

вопросы не было. Как и все население тогдашней вновь образованной Российской Федерации, мы не могли вынырнуть из моря эмоций, а стало быть, и дать разумное объяснение происходившему. Но время неумолимо шло вперед, и вскоре появились ответы и оценки на поставленные иностранцами и пришедшими в себя русскими, вопросы. Я не буду каталогизировать аналитические оценки, публиковавшиеся в различных изданиях, в научных беседах и т.д. Сейчас же хочется привести только одну из этих оценок. Она принадлежит моему идейному антиподу, госпоже Боннер Е.Г. Её суждения зафиксированы в интервью, которое у неё взял сотрудник радио «Свобода» Влад Тольц, и были опубликованы в журнале «Коммерсант ВЛАСТЬ» (№42 за октябрь 2011 года, страница 41).

На вопрос В. Тольца: «Изменилось что-то в идеологии просвещенного класса? В идеологии того, что раньше называлось интеллигенцией? Может быть, она исчезла?» - госпожа Боннер Е.Г. ответила: «Я давно так считаю. Когда-то был круглый стол, там были Окуджава, Искандер, ещё кто-то, советской ещё даже интеллигенции. Пропал этот слой населения России, его нет. Есть образованные, которые немножко волнуются об общественной жизни страны. Есть образованный широкий круг, который больше всего волнуется по поводу своего места в науке или литературе, или в живописи. Она в общем положении. Вот этот самый смысл интеллигенции: «от ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви» - нет его, все». Продолжая отвечать корреспонденту, госпожа Боннер Е.Г. заключает: «Интеллигенция родилась во второй половине XIX века и умерла к концу XX века. Всё. Не надо говорить о русской интеллигенции, нет её, есть точно такой же, как на западе, интеллектуально образованный слой. Но если в интеллигенции главным образом было нравственное служение, то здесь служение науке, литературе, искусству, многому хорошему, но другое...»

Мне радостно, что госпожа Боннер поддержала русских патриотов и признала факт существования в истории России особой социальной группы под названием «русская интеллигенция». Боннер права и в том, что к началу XXI века говорить (писать, рассуждать) о какой-то массовой группе патриотически настроенной, беззаветно любящей народ, говорить не приходится. Да, потомки русской интеллигенции живут в разных странах, в том числе и в России, хотя

за последние два года из 4 млн российских эмигрантов они составляют немалую часть. Госпожа Боннер Е.Г. глубоко ошибается, утверждая, что русская интеллигенция возникла во второй половине XIX века. Это не так.

Интеллигенция русская появилась на арене российской истории в конце XVIII века и вступила в полосу своего расцвета вместе с такими великими людьми России, как Добролюбов В.Г., Белинский В.Г., Некрасов А.Н. и другие. Во второй половине XIX века в состав русской интеллигенции стали рекрутироваться на добровольных началах интеллектуально развитые и общественно ответственные люди, переселившиеся в коренные русские пределы из западных губерний.

Дабы избежать обвинений в антисемитизме, сразу подчеркнем, что с уважением относимся к тем евреям, которые, приехав из-за «черты оседлости», сумели внести немалый вклад в развитие российской культуры.

Госпожа Боннер Е.Г., конечно, не ученый-историк, а потому она обошла главный вопрос: каковы причины сказочного взлета русской интеллигенции в первую половину XX века, и почему в конце того же столетия эта деятельность потерпела крах? Ответ можно найти, изучая исторические факты и анализируя причинно-следственные связи между этими фактами.

Начать придется наш рассказ с событий 1917 года. Все, с кем я общался по поводу того, как люди восприняли отречение Николая II, последовавшие за тем революционные события (т.е. Февральскую революцию), отмечают необычайный подъем народного духа весной этого года. Жизнь чем-то напоминала праздник: открывались тюрьмы, героям освободительной борьбы несли цветы, подарки. Здесь и там слышались пение «Марсельезы», «Варшавянки», а иногда и «Интернационала». Никогда ни до, ни после этого ничего подобного в России не было. Дело в том, что демократическая русская интеллигенция с падением царизма выполнила свою программу минимум: самодержавие пало, крестьяне выплатили все свои платежи государству и помещикам, церковь хотя и существовала, но находилась в состоянии глубочайшего нравственного упадка. Зато развивалось народное просвещение, расцветала борьба с пьянством. Борясь за высокую гражданственность, не только городские, но и сельские учителя ставили в школах революционные пьесы, в первую очередь

революционного романтика Шиллера. Среди изблюбленных были «Коварство и Любовь», «Разбойники». Моя мать со слезами на глазах рассказывала, как в далеком Пальце (чуть меньше 40 км от Дальнего Константинова) она с группой юных энтузиастов демонстрировала сельчанам революционную драму Шиллера (честно говоря, я забыл, какая это была драма: то ли «Разбойники», то ли «Коварство и любовь»). Более серьезные публицисты тех лет и некоторые историки последующих поколений писали, что весной 1917 года Россия за несколько дней превратилась в самую либеральную страну мира. Однако торжество свободы и демократии было недолгим. Это было связано отчасти с тем, что победители, привыкшие бороться против царской бюрократии, старорежимной аристократии, политического угодничества высших иерархов церкви и т.д. никак не могли перейти на платформу позитивных решений тех насущных и важных проблем, которые стояли перед страной. С некоторой долей смелости можем написать, что юная российская демократия играла властью, а не обеспечивала её непререкаемых функций. И вскоре безоблачные небеса демократической России стали затягиваться грозowymi тучами. По городам и весям России зашагала новая политическая сила – ленинский большевизм. Часто пишут, да и говорят, что большевики ленинского покроя – это лучшая часть, авангард российского рабочего класса. Это исторический миф. Конечно, какое-то количество пролетариев в рядах большевиков было, но основу 50-60 тысячной организации составляли профессионалы-политики. Конечно, это были люди, как минимум, грамотные, а чаще разносторонне образованные, и, как правило, люди не бедные. Сошлемся на самого Ленина, который задолго до 1917 года написал, что пролетариат способен вырасти до уровня профсоюзного, формулировать конкретные хозяйственные задачи, реже культурные и бытовые, а вот макроэкономические цели, тем более политические, должны принести неграмотным или малограмотным рабочим образованные люди из числа интеллигенции, но той её части, которая готова была порвать связи со своим окружением и стать профессиональными борцами за политическую власть, т.е. революционерами-профессионалами. Забегая вперед, обратим внимание читателя на то, что в первые годы гражданской войны большевики держались не на силе рабочих военизированных отрядов (красная гвардия), а на штыках латышских стрелков, среди которых было очень мало пролетариев. Ударными частями на восточ-

ном фронте являлись китайские наемники или, в лучшем случае, выпущенные из тюрем уголовники. Из последних, в частности, была сформирована знаменитая «железная» дивизия, которая вместе с чапаевцами разбила воинские подразделения Колчака и отбросила их за Уральские горы. К месту заметить, что отборные части Колчака были набраны из рабочих Ижевского горнопромышленного района. Командовал ими небезызвестный теперь генерал Каппель. Именно каппелевцы часто прибегали на фронте к таким благородным акциям, как психическая атака, демонстрировали не только свою воинскую доблесть, но и благородство. Однако, как и в других гражданских войнах, благородство пало под натиском грубой неразборчивой силы, которой командовали красные командиры и стоявшие за их спиной политические комиссары Троцкого и Ленина. Необходимо привести другие факты, которые показывают определенную отдаленность большевистской власти от трудового населения страны.

Обычно наши историки мало поднимают вопрос о том, что режим, установленный Лениным и его соратниками, являлся диктатурой. Об этом надо было бы не только писать и говорить, но и подчеркнуть специфику этой диктатуры. Диктатура была чрезвычайно жестокой и оправдывалась она тем, что это, дескать, диктатура большинства народа над эксплуататорским меньшинством. В последних словах заключено лукавство. Во-первых, пролетариат тогда составлял сугубое меньшинство российского населения. Во-вторых, Ленин опирался не на весь пролетариат, а на ту его наименее квалифицированную, близкую к люмпенам, часть, настроенную на приобретение материальных благ далеко не только честным трудом. Может быть даже следует написать, не столько честным трудом, а какими-то иными способами. Наш аргумент в пользу этой позиции такой: высококвалифицированные рабочие на всех предприятиях крупных городов России находились в исключительно выгодных материальных условиях. Дело доходило до того, что предприниматели доставляли их до рабочих мест на машинах (например, Путиловский завод в Петрограде). В России было трудно найти паровозного машиниста или горного мастера, который не носил бы дорогого костюма, украшенного часами на золотой или серебряной цепочке. Косвенным свидетельством нашей мысли является то, что значительная часть санкт-петербургских и московских пролетариев бежали из города в ближайшие сельские местности, а отнюдь не стояли в очере-

ди, дабы записаться в Красную Армию. Ну и следует привести слова Ленина на вопрос о том, на кого он ставит в развернувшейся в России борьбе. Он со всей определенностью сказал, что он «ставит на подлецов», т.е. на люмпенизовавшихся рабочих и превратившуюся в люмпенов сельскую бедноту, собранную большевиками в комбеды.

Следует лишний раз подчеркнуть, что в России большинство городских жителей принадлежало либо к мещанскому сословию, т.е. к мелким ремесленникам и торговцам, или к мелким служащим, для которых была недоступна чиновная карьера. Наконец, учителя во всем их разнообразии от тех, кто преподавал в начальных приходских школах до гимназий, реальных училищ и семинарий. Немало было также черновых рабочих, обслуживающих потребности более состоятельной части жителей. При малой механизации вся услуга, начиная от уборки сортиров и кончая колкой дров, производилась бедным людом, поденщиками, ютившимися в божедомках, в подвальных и чердачных помещениях комфортных домов. Близко к городской бедноте стояли отставные солдаты, полицейские и судебные чины и т.д. Вся эта масса людей подвергалась жесточайшему насилию, которое для красного словца было названо военным коммунизмом. Благодаря Ленину, жители бывшей Российской империи впервые узнали, что такое обязательная трудовая повинность; как понимать слово «уплотнить» жильцов в квартире или доме и т.д. (отошлем читателя за яркими красочными фактами к известному произведению М.Булгакова «Собачье сердце»).

Современные читатели не знают, что система военного коммунизма в ходе ленинских реформ 1921 – и последующих годов полностью не исчезла, а продолжала довлеть над многими десятками миллионов жителей страны. Вопиющим неравенством людей было так называемое лишение прав, которое возникло в горниле гражданской войны и продолжало существовать вплоть до сталинских реформ 30-х годов. Когда я был школьником, меня удивляло, почему потомки А.С.Пушкина, Д.В.Давыдова и многих других почтенных людей не имели высшего образования и работали на так называемых технических должностях в разных регионах страны. Позднее я узнал, что дворянские дети и дети некоторых других чуждых советской действительности элементов были лишены права учиться в советских ВУЗах. Потомки купцов в городах, дети кулаков в сельской местности также были «лишенцами». У них не было активного избирательного

права. Вообще, первые пятнадцать лет Советская Россия напоминала собой, упаси Бог, не демократическое государство, а скорее пронизанную корпоративными перегородками позднефеодальную империю. Добавим к этому систему принудительных административных мер по выселению и расселению граждан, пресловутую легендарную систему, раскинувшуюся от туманных Соловецких островов до «солнечного» Магадана, сведения о чем можно найти в различных источниках сочинений той эпохи (см. например, «Архипелаг ГУЛАГ А.И.Солженицина).

В этих условиях почти зверского государственного диктата русская интеллигенция разделила судьбы всех остальных соотечественников. Заметим, пожалуй, что во многом им приходилось хуже, чем другим. Порой из-за не только социальной, но и этнической ненависти к человеку «в очках» или человеку, прилично одетому. Нужна конкретика? Попробую о ней рассказать. По воле В.И.Ленина был отправлен корабль философов без права возвращения на родину. На корабль были помещены высший слой интеллигенции страны из столичных и лучших провинциальных университетов. Всего выселенных было не так уж и много всего, около 1500 человек, но среди этих 1500 оказались люди, чей вклад в мировую культуру признается сейчас и будет признаваться очень долго в будущем. Среди них Зворыкин (изобретатель телевидения), Сикорский (авиационный конструктор), философы Ильин И.А., Бердяев Н.А., Солоневич И.Л. и многие другие. Напомним, кстати, читателю, что государство «отпускало» их за их собственный счет: они должны были оплатить все издержки переезда. Если же у человека не было денег или он был «прижимистый», чтобы не отдавать деньги, то его ждало изгнание внутри страны в наиболее отдаленные, плохо снабжавшиеся местности необозримой России. Сошлюсь на один близкий мне пример. Н.П.Соколов, переводчик МИДа при царском правительстве и при временном правительстве оказался вынужденным уехать из столицы, где ему грозила голодная смерть в мало кому известное село Черновское (между Гагино и Большим Болдино) на крайнем юго-востоке Нижегородчины.

Как же ответила плохо организованная, совершенно неподготовленная к подобным действиям власти, русская интеллигенция? Ответы были разные. Кто-то сумел убежать за рубеж. Кто-то втерся в доверие и получил приличный пост в советском аппарате, но боль-

шинство жило, как жил народ, и старалось помочь этому народу в столь трудное время. Я слышал не один десяток рассказов престарелых, страдавших от туберкулеза, учителей, которые, питаясь самым скудным образом, советскими «пайками», состоявшими из пшенной или гречневой крупы вместе с пузырьком подсолнечного масла, тем не менее, старались передать детям крестьян и рабочих те знания, которые полагались в хорошей гимназии хорошим гимназистам в царской России. Хочется подчеркнуть, что отнюдь не комиссары в кожаных куртках, а самоотверженные труженики «из бывших» сумели провести в России культурную революцию, вырастить новое поколение людей, которые по своим знаниям и по своему отношению к труду, к общественному долгу не имело аналогий ни в дореволюционной России, ни в других странах мира. Имею все основания признать правильной мысль, что Великую Отечественную войну выиграла не генералы, а простой учитель. Это действительно так. В 1943-44 годы я неоднократно ездил на сельские пажити сажать и копать картошку, так вот школьники старших классов задавали одни и те же вопросы нашим командирам и пленным офицерам фашистского вермахта. Во всех этих случаях наша офицерская молодежь была намного выше немцев. Наши молодые офицерики знали и Гёте, и Шиллера, и Гейне, последнего охотно цитировали наизусть, а вермахтовцы вообще ничего не знали о Гейне (не исключено потому, что он был еврей), но и о кондовых арийцах Шиллере и Гёте ничего путного сказать не могли. Победа в ВОВ Красной Армии – это не только победа техники и работавших на этой технике людей, но и превосходство интеллекта русской молодежи, воспитанной проклятой большевиками русской интеллигенции. Забегая вперед, скажем, что без понимания высказанной мысли, трудно понять, как могло случиться, что в течение полутора десятков лет разоренная Россия сумела выйти на невиданный до того уровень развития образования, науки и техники. Хочется попросить всех осмыслить вот такой факт: в 50-годы мы не только были в области балета впереди всей Европы, но и приблизились к США и их сателлитам по другую сторону Атлантики. Дважды в Истории нового времени Россия была на первом месте по своей экономической и военной мощи. Это на рубеже 80-90 годов XVIII века (при Екатерине II) и в первую пятилетку 50-х годов при И.В.Сталине.

Однако нам предстоит вернуться назад и рассказать, чем же за-

кончилось развитие советского режима 20-х - начала 30-х годов XX столетия. Напомним читателям, что судьба общества в любой стране (большой или малой) зависит от сравнительно узкой группы лиц, занимающих господствующее политическое положение, иначе от политической элиты. Послереволюционные и 20-е годы элита в советской стране представляла собой сложную мозаику различных социально-политических группировок с весьма разноплановыми разнохарактерными интересами. Сказанное справедливо и для коммунистических кругов советской элиты, которые продолжили бороться за расширение своего политического влияния, невзирая на строжайшие решения съездов и других, более низкого уровня, партийных органов о монолитном единстве партии, о недопустимости фракционной деятельности и т.п. Об этих политических коллизиях, а иногда и правовых (судебных), написано чрезвычайно много. Мы не будем повторяться, а подчеркнем, на наш взгляд, главное: все эти группы, группочки, фракции и т.п. можно разделить на две категории - на меньшинство, которое свято верило в социализм и стремилось построить этот самый социализм с его гражданским равенством, экономической уверенностью человека, большими культурными образовательными возможностями трудовой молодежи (система рабфаков). Но существовало и большинство, которое видело в социализме не цель, а средство, которое, говоря о социальной справедливости, реально создавало всевозможные удобства для себя и своих близких, по-другому скажем, это были люди, которые жили не по закону выдуманного, доктринального, а по законам реалити-шоу. При ужасающей бедности страны эта последняя часть элиты позволяла себе много такого, чего не могли позволить себе самые высокопоставленные чиновники царского правительства. Не хочется поднимать имена, но скажем, что отдельные представители советской власти останавливались в зарубежных отелях только в королевских апартаментах. Другие изымали для себя и своих юных подруг фамильные драгоценности аристократических семей Российской империи.

Были траты и поменьше, вроде того грандиозного пира, который закатил В. Маяковский в одном из берлинских ресторанов, скупив всю продукцию ресторанной кухни для посетителей на весь вечер. Были, конечно, и попойки, и свободная любовь, и многое другое. Все это обозначалось, в частности, в сталинских сочинениях, «играми нового дворянства». В целом тенденций перевести общество

«победившего социализм» на буржуазные рельсы было очень много, даже такие благоразумные люди, как семья ученых, носившая фамилию Капица, в своих письмах хладнокровно обсуждали способ замещения старой профессуры новыми людьми. И в этом, собственно, видели весь смысл произошедшего в 1917 году и последующих годах.

Однако история распорядилась по-другому. Отнюдь не по плану советских «дворян». С середины 20-х годов политологи, экономисты, обществоведы разных профилей стали с все большей настойчивостью от года к году писать об опасностях, которые угрожали молодому постреволюционному государству. Действительно, в конце 20-х начале 30-х годов европейские государства преодолели разруху, вызванную первой Мировой войной, окрепли молодые буржуазные политические режимы в Турции (Ататюрк и его соратники), в Иране, Индии, Китае (Чан Кай Ши). Во многих странах усилился милитаризм: от Японии на востоке и до Испании на западе (Франко и его генералитет). В Италии успешно развивалось фашистское движение, в Германии одну за другой брали политические высоты национал-социалисты во главе с Гитлером. В этих условиях большинство мыслящих политически ответственных и развитых коммунистов из средних звеньев партийного советского аппарата стали выдвигать идеи об укреплении военно-государственной мощи страны, о наведении твердого порядка в общественной жизни. На волне этих настроений отнюдь не в одночасье, но довольно быстро вырос политический капитал, дотоле не слишком заметного генерального секретаря партии И. Сталина и его сторонников (Ворошилова, Вышинского, Жданова, Калинина, Молотова и др.) Наша главная мысль сводится к тому, что возникновение и победа так называемого сталинского режима не случайность, а историческая закономерность, продиктованная необходимостью защитить Советский Союз от внешних врагов и возникших тут и там в советских учреждениях примиренческих групп. Тогда это называлось пятой колонной. Её представители подумывали о наведении мостов укрепления связей с окружающим буржуазным миром. Сталинский режим с его террором, с его строжайшей юридической, а порой и чисто военной, дисциплиной совершенно справедливо объявил себя сторонником настоящего ленинского социализма и взял курс на уничтожение своих политических противников. Нужно твердо понять современным историкам и обществоведам, что если

бы те люди, которых Сталин называл «двuruшниками», «новыми дворянами» и т.д., пришли к власти, то «1991 год» у нас наступил бы в 1939 году (или годом раньше - позже). Мы далеки от мысли идеализировать политику Сталина и его министров, но их выбор, порой жесткие действия оказались оправданными в среднесрочной перспективе (на 30-40 лет), и в первую очередь потому так случилось, что их взгляды были поняты и приняты значительная часть тогдашнего грамотного населения России. Самое главное, той русской интеллигенцией, которая дожила до великих строек 30-50 годов. Было бы любопытно, если бы вместо пустых логических схем наших исторических сочинений появились конкретные сведения о тех, сейчас уже забытых или совсем мало вспоминаемых, людях, которые обеспечили невиданный за ближайшие 200 лет исторической ретроспективы подъем государства. Пока нет достаточно полных сведений, тем не менее, те выборочные материалы, которыми мы располагаем, говорят нам, что большинство решающих деяний принадлежат выходцам из различных групп российской интеллигенции, получивших образование либо в конце существования царской России, либо в первые годы Советской власти. Любая критика в адрес Сталина может быть принята и, наверное, будет принята в будущем, но каждый выступающий с критикой в этот период, должен помнить, что СССР в начале 50-х годов стал 2-ой державой в мире, не очень удаленной от планетарного лидера США. В такой позиции Россия находилась только один раз в истории - в конце правления императрицы Екатерины II, когда впереди нас была только Англия, соперничавшая с Россией на европейском континенте, а Франция была отброшена в силу начавшегося в этой королевской стране революционного кризиса, разрушившего экономику, расколовшего социум и т.д. Но вернемся, однако, к веку XX. Сейчас все забыли, что в 40-е годы превосходство Советской Армии было неоспоримым. Вся совокупность вооруженных сил Запада, включая неразоруженные фашистские дивизии (1,5 - 2 млн. человек), не могла противостоять на полях сухопутных сражений советской военной мощи. Военные стратеги Запада в 40-х годах рассуждали, сколько удастся продержаться Европе против русского солдата: две недели или больше. О победе тогда из них никто не помышлял, страна вкладывала огромные деньги не только в укрепление своей военной мощи, но также в науку и образование. Новые ВУЗы и новые факультеты стали возникать во время разгара

ВОВ (в 1943 году - организован МИФИ, в 1945 году в системе Нижегородского университета был создан радиофак, а в 1946 открыт историко-филологический факультет). Профессора и студенты стали получать достойное государственное содержание. По своим служебным окладам научные работники и руководители ВУЗов превосходили партийных и советских служащих. Всем известно, что атомная энергия использовалась в Советском Союзе более активно в ближайшие послевоенные годы (первая атомная электростанция, первый атомный ледокол). Наконец, Советский Союз первый вышел в космос, опередив США.

Заканчивая эту часть нашего рассказа, хочется остановиться на некоторых «исторических мелочах»: именно в 30-е годы по прямому указанию И. Сталина была свернута назойливая антирелигиозная пропаганда. В годы ВОВ православная церковь и другие религиозные организации вернули многое из того, чего они были лишены в годы оголтелого атеистического натиска в 20-е - начале 30-х годов.

Благодаря Сталину, троцкистская концепция коллективизации аграрной сферы страны была сильно сокращена и урезана. Следует знать, что к концу 40-х годов 10% национального валового продукта создавалась на частных, или частно-кооперативных предприятиях. Это речь идет о городе. Я сам лечил зубы у частных врачей, стригся в частных парикмахерских и т.д. Наконец, политика сталинского министра финансов Зверева позволила заметно сократить цены на продукты и товары первой необходимости (с 1947 по 1951 на 47%). И это ещё не все. При Сталине был установлен статус Русского языка, создана система всеобщей воинской повинности, подавлена уголовная преступность. Наконец, я лично и другие дети страны в 1935-36 годах впервые стали танцевать под увенчанной красной звездой елкой, а рядом с бородатым дедом Морозом появилась Снегурочка.

Прочитавший эти строки антисталинист яростно возопиет: «Автор забыл о той крови, которая была пролита в 1937 и последующих годах!». Но я должен сказать, что при отсутствии точной официальной государственной статистики по подсчетам энтузиастов замечательные ленинские выкорыши - Землячка, Бела Кун и др. убили в Крыму в 20-22 годах значительно больше людей, чем пресловутые сталинские палачи в 30-х годах. К весне 21 года все бухты южной части Крыма были забиты трупами. Сотни братских могил появились в степях и лесах цветущей Тавриды.

Сталинский режим кончился, а с ним и социализм, после того, как к власти пришли Хрущев и его единомышленники. Не в один год, конечно. Поэтому в 1959 году в одном из своих писем Б. Пастернак замечает, что те порядки, при которых страна жила долгое время, перестали существовать. Слова Пастернака нельзя соотносить с какой-то конкретной узкой проблемой в политике, экономике, культурной области и т.д. Они свидетельствуют от лица наиболее развитой части тогдашнего общества, что в стране произошло изменение самого характера жизни, целеполагания социума. Вероятно, можно сказать, что началась первая малая перестройка в стране, но она как бы открывала путь для грядущей большой. Попробуем в нескольких словах описать, в чем суть этой перестройки, тех изменений, которые пришли в Союз после гибели Сталина и разгрома его приверженцев.

Как известно, Сталин постулировал основной закон социализма таким образом: максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся на основе планомерного пропорционального развития народного хозяйства. Механизм народного хозяйства представлял из себя, по мысли сталинского правительства, многоотраслевую экономику, основанную на крупном специализированном промышленном производстве. Чтобы обеспечить функционирование этой системы, требовались строжайший контроль и учет, а также, что не менее важно, распределение материальных и культурных благ между тружениками на основе эгалитарных принципов.

По мысли министра финансов Зверева, количество денег, выплаченных населению в тот или иной год, должно соответствовать числу и стоимости тех покупок, которые население осуществило. Понятно, что стопроцентное совпадение выплат и покупок было трудно, но близкий баланс тех и других предполагалось соблюдать неукоснительно. Когда после войны фронтовики, да и некоторые труженики тыла, получили свои деньги, которые государство задолжало им по тем или иным причинам (в силу военных осложнений или даже неурядиц) в стране образовалась огромная масса так называемых «пустых» денег, которые при всем желании не на что было истратить, т.к. необходимого количества товаров в государстве просто не было.

Пришлось Сталину принять тяжелые решения: ежегодно в на-

шу страну приходил из США танкер-гигант, привозивший по доступным мне сведениям, около 20 тысяч тонн питьевого спирта. Было решено очередной танкер (он, кстати, назывался традиционно «Улыбка Рузвельта») разгрузить на вино-водочные заводы и, продав их продукцию, изъять у населения излишние деньги - излишние, конечно, с точки зрения государства. А денежная реформа 40-х годов была во многом административной мерой по изъятию накопленных наиболее состоятельной части населения денег. Были и другие меры, обеспечившие баланс в потребительской сфере и не позволявшие создавать больших накоплений денежных масс в частных руках. Сталинские власти предполагали, что Советский народ весь одновременно и постепенно будет накапливать материальный ресурс, повышать свое благосостояние, улучшать качество жизни и т.д. Подчеркнем, все это накопление должно было производиться на равных основаниях, одинаковыми темпами. Т.е. должно было сохраняться, если не абсолютное, то относительное равенство всех граждан, от служащих высших звеньев государственного аппарата до разнорабочих на городских и сельских предприятиях. Удавалось ли этого добиться полностью?

Наверное, нет. Известно, что Сталин сам лично считал гонорары наших писателей, ученых, крупных военачальников и других, но все-таки относительное равенство в сфере материальной жизни сохранялось. Чтобы утешить недовольных, им предоставлялись неограниченные возможности духовного творчества, бесплатное образование, культурные и спортивные услуги. Установка Хрущева и приверженцев хрущевской перестройки была противоположной. Появились такие лозунги, как «чем больше денег у населения, тем лучше». Почему? Деньги ищут товар и тем самым стимулируют увеличение производства. Был выдвинут лозунг: «Гармонизировать личный интерес и обязанности личности перед обществом». Внешне лозунг замечательный, но у него есть теневая сторона. Большинство личностей гармонизировали свою деятельность таким образом, что их долг обществу уменьшался, а забота о собственном кармане возрастала. Буквально через несколько лет после прихода к власти Хрущева, в стране появились первые признаки социального неравенства. По очень простой причине. Люди, которые были при власти, стали брать себе больше, а тем людям, которые зависели от них, уменьшать их потребительские возможности, в том числе и зарплату. В 1962 году

произошли первые народные бунты против хрущевской политики. В частности по стране широко распространялись слухи о Новочеркасском восстании и его зверском подавлении. В начале 60-х годов Хрущев был вынужден пойти на такие меры, как девальвация рубля, увеличение цен на продукты первой необходимости, отказаться от выплаты процентов по государственным займам.

Особо хочется сказать о таком политическом трюке. Выступая на разных рабочих собраниях, в разных городах страны, в том числе и в городе Горьком, Хрущев убедил доверчивых и юридически неграмотных тружеников в том, что их заработок должен делиться на две части: одну половину работник должен был получать в виде зарплаты на постоянной основе, а вторая половина должна была передаваться в общественные фонды, чтобы труженики могли получать бесплатно медицинское обслуживание, в том числе и в профилактических учреждениях, на льготных условиях отдыхать в санаториях, домах отдыха, иметь низкие цены на продукты первой необходимости, небольшую квартплату, дешевый проезд и т.п. Эти социально оправданные меры соблюдались Советской властью до самого её конца, а вот новые правители России в 90-е годы XX века об этой второй половине народного заработка начисто забыли, а посему оказалось, что в реальных измерениях доход трудящихся масс в России оказался едва ли не самым низким среди всех, так называемых, цивилизованных и получивилизованных стран. В конце 50-х, 60-х и последующие годы подспудно, но интенсивно шел процесс накопления капитала у большинства привилегированных слоев населения. Сейчас все знают о коллекции драгоценных камней, собранных известной певицей Л. Зыкиной, об огромных деньгах, собранных семьями Косыгина, Громыко, Брежнева и т.д. Появилась формула, что достойные люди в стране должны иметь благоустроенную квартиру в городе, дачу (желательно с сауной или баней) в селе, автомашину. Люди победнее сосредоточили внимание на покупке золотых и серебряных вещей, дорогих сервизов, мебельных гарнитуров и т.п. Наша мысль сводится к тому, что процесс накопления в нашей стране начался значительно раньше, чем сейчас об этом принято говорить и писать. 60-е годы подарили нам термин «фарцовка», «знаменитое» присловье «красиво жить не запретишь»...

В эти же годы в стране стала складываться система магазинов «Березка» для тех граждан, которые имели в своих карманах не толь-

ко советские рубли, но и более ценную иностранную валюту. Нельзя не подчеркнуть, что в 60-е и 70-е годы успешно развивалась «теневая» экономика, в частности, система «армянских» бригад по дорожному строительству, крупномасштабные операции по снабжению и оплате студенческих строительных отрядов и т.д. В условиях развивающегося легального и нелегального денежно-товарных рынков русская интеллигенция не находила себе достойного места. Тем более что к концу 60-х годов ясно обнаружилась тенденция к свертыванию дорогостоящих научных и производственных программ. На Луну мы так и не полетели, не нашлось денег для поддержки автопрома, и он в 70-е годы начал хиреть, утрачивать свои позиции, началось массовое бегство людей из деревни и сокращение в связи с этим рабочих мест в сфере аграрного производства. Властям оказались ненужными изобретенные самарскими инженерами авиадвигатели, мы отказались от космического челнока «Буран» и т.д. В конце 60-х, 70-х годах произошел уход из жизни большинства представителей русской интеллигенции. В августе 1979 года умер профессор нижегородского университета Н. П. Соколов, последний из той группы людей, которые меня учили, и с которыми я делал первые шаги в своей преподавательской и научной карьере. Вспоминается одна из бесед, в которой мне довелось участвовать (это было в конце 60-х годов). Тогда профессура историко-филологического факультета, только что пережившая спровоцированные диссидентским подпольем студенческие волнения в разных городах страны и горестно размышлявшая об этих волнениях, обсуждала вопрос: «Что будет со страной в ближайшие 20-30 лет?», «Какие будут те люди, которые придут на место этой профессуры, выходцы из советского рабочего класса, советских колхозников и т.д.?» Прогнозы были пессимистическими. Пройдет 30 лет и на одном из собраний, обращаясь к студентам ВВАГС, я осмелился сказать, что своими действиями за последние годы они превзошли самые худшие ожидания своих учителей. Несколькими годами позже группа арзамасских патриотов беседовала со знаменитым писателем В. Пикулем и задала ему вопрос: «Сколько ещё продлится Советская власть в Советском Союзе?» Великий писатель сказал: «В 1995 году будет подведена финишная черта в истории Советской власти и Советского Союза». Он ошибся на несколько лет, к сожалению, не в пользу трудящихся.

АЛЕКСАНДР ШИРИНЯНЦ

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ. Член Союза писателей России. Основные направления научных исследований – история социально-политической мысли России XIX века, история русской интеллигенции. Опубликовал более 200 работ.

ЕЩЕ РАЗ О М.Н. КАТКОВЕ

Русский публицист, философ, общественный деятель – Михаил Никифорович Катков (1(13). 11.1818 (по др. сведениям 1(13).01.1818 или 6(18).11.1817), Москва – 20.07 (1.08).1887, с. Знаменское Подольского у. Моск. губ.) родился в семье второстепенного чиновника Московского губернского правления. После ранней смерти отца был отдан в Преображенское сиротское училище. Среднее образование завершил в 1-й Московской гимназии и пансионе проф. М. Г. Павлова.

После «приготовительного курса» в 1834 г. он был зачислен на словесное отделение Московского университета, который окончил в 1838 г. со степенью кандидата. В 1839 г. выдержал магистерский экзамен, однако, диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка» защитил спустя шесть лет. Во время учебы примкнул к кружку Н. В. Станкевича, особо сблизился с М. А. Бакуниным и В. Г. Белинским. Сотрудничал в «Московском наблюдателе» (1838–1839) и «Отечественных записках» (1839–1840).

В 1840–1841 гг. Катков прослушал в Берлинском университете курс философии у Ф. Шеллинга. Возвратившись в Россию, работал домашним учителем в богатых семьях Голицыных, Римских-Корсаковых, Талызиных. С 1843 г. он занялся научной деятельностью, и в 1845 г., после защиты магистерской диссертации,

был назначен адъюнктом (помощником профессора) вновь созданной в Московском университете кафедры философии. Преподавал философию истории, логику, психологию. После правительственного распоряжения 1850 г. о прекращении преподавания «дискуссионных» предметов, в том числе и философии, Катков занял должность редактора университетской газеты «Московские ведомости», которой руководил почти 30 лет (1850–1855, 1863–1887). Впоследствии, в 1856 г. Ученый совет Московского университета утвердил Каткова в звании и. о. профессора истории русской и всеобщей литературы, но он отказался от кафедры, предпочитая редакторскую деятельность в новом общественно-политическом журнале «Русский вестник» с еженедельным приложением «Современная летопись» (1856–1887).

В начале 1860-х гг. Катков обрушился с критикой на журнал «Современник», ввел в обиход термин «нигилизм» для обозначения позиции жесткого отрицания, проповеди разрушения ради самого разрушения, высмеивания всего, что дорого каждому образованному и культурному человеку, издевательства над всякими проявлениями прогресса в русской жизни, отсутствия положительных взглядов адептов «теорий, создаваемых из ничего» – Н. Г. Чернышевского и др. «шестидесятников». Тогда же Катков добился права открытого выступления против А. И. Герцена и его «Жоколола». Все это изменило отношение правительства к Каткову, который сам недавно числился в списках неблагонадежных литераторов, и он в 1863 г. получил вместе с профессором Московского университета по кафедре римской словесности П. М. Леонтьевым (1822-1875) в аренду «Московские ведомости». В газете Катков развивал тему «польской интриги» и зарубежного влияния как источника всего русского революционного движения; поддерживал судебную и земскую реформы; ратовал за реформу среднего образования в «классическом» духе, за что подвергался цензурным преследованиям. Однако не только не пострадал, но, благодаря росту популярности газеты и журнала, приобрел небывалое общественное влияние, особенно в придворных сферах, и даже стал с 1868 г. попечителем Лицея Цесаревича Николая при Московском университете, известного больше как «катковский лицей».

В своей политической публицистике Катков развернул оригинальную аргументацию в пользу консерватизма и монархии, долгие годы реально влиявшую на политическую мысль и практику России.

Его воззрения пореформенного времени составляют содержательный момент консервативного концепта русской монархии, как он существует в отечественной политической культуре. Катков был верен духу и букве знаменитой уваровской формулы, выразившей сущность русского консерватизма в XIX веке – «православие, самодержавие, народность».

Он следует в своей политической аргументации положениям органической теории социально-политического развития: на определенном этапе развития культурно-исторического организма формируется духовный организм, складываются общественные отношения, из которых развивается государство; в народе пробуждается «самосознательный» и свободный дух, способный понять истинную религию и образование. Государство, собирая и сосредоточивая власть, создает свободное общество. Для Каткова понятия свобода и власть равнозначны и взаимосвязаны. Вопреки сложившемуся в консервативной идеологии мнению об отрицательной сущности идеи свободы и о положительном влиянии начала принуждения, Катков отстаивает идею о том, что свобода возможна только там, где присутствует власть, способная защитить личную свободу людей, и, таким образом, пытается включить «свободу» как конструктивный элемент в основы государственности и общественности. По Каткову, власть является элементом общественности, а государство — завершением системы общественной власти. Люди обретают в лице государства высшую свободу. И, таким образом, по мере «развития правильного и благоустроенного государства развивается и укрепляется в своих основах свободное общество и государственное начало, преобразуясь, согласно своему истинному назначению, определяя все яснее свойственную ему функцию, становится источником великих благодеяний, крепкой основой свободы и соединяется с ней в общем интересе»¹. Условия, необходимые для правильного функционирования государства — правильные взаимоотношения между государством и обществом, которые должны гармонично сосуществовать как единое целое и ни в коем случае не подавлять друг друга, что жизненно необ-

¹ Катков М.Н. К какой принадлежим мы партии? // Катков М. Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.230.

ходимо для свободы и власти.

Свое единство государство и общество находят в верховной власти, а именно в монархии; государство служит для защиты свободы личности, вместе с тем, общество находится в непосредственной связи с государством. Такая позиция обусловила обоснование им идеальной власти. В единовластии Катков видел исторический прогресс и процесс становления и развития государственности. К этому он добавлял, что государство не устанавливается, пока не прекращается всякое многовластие: «Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли. Никакие изменения в нашем политическом быте не могут умалить или ослабить значение этой идеи»¹.

С точки зрения Каткова политика и мораль (как обусловленная религиозным началом), исключают друг друга и совершенно несовместимы. Этот «аморализм» Каткова является реакцией на сложившуюся в России ситуацию, которая была связана с распространением неприемлемых для Каткова революционных и нигилистических течений. Трезвый анализ сложившейся политической ситуации в стране не поколебал веры Каткова в торжество монархического принципа в России: нужно исходить из того, что самодержавие незыблемо. «Россия есть до бесконечности организованная индивидуальность, своеобразная и сама себе равная»². Именно за сохранение этих основополагающих законов, которые определяли будущее развитие России, и выступил Катков.

В отличие, например, от К.С. Аксакова, в публицистике которого можно найти «постоянное противоположение государства — народу, правды внешней — права, правде внутренней — совести» и, который большое значение придавал «истинам вечным, началам любви и справедливости», хотя так же, как и Катков, был предан православию и отечеству, Катков свою преданность выражал в иных

¹ См.: Катков М.Н. Самодержавие Царя и единство Руси // Катков М. Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 67.

² Катков М.Н. Все, что противоречит основному строю русского государства, должно быть устранено из него самым решительным образом // Катков М. Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 68.

формах. Он пишет о том, что «милосердие к людям требует не полагаться, а решительного противодействия тому, что их губит»¹. Ослабление власти неизбежно порождает падение семейной, общественной, государственной дисциплины, начинается разложение, «совершаются насилия», «колеблются основы всякой нравственности», «дух растления овладевает умами», и вместо явного правительства появляются тайные, действующие тем сильнее, чем слабее действие государственной власти. Избежать такого состояния Катков предлагает с помощью «страха», утверждая, что «Страх побеждается страхом. Пагубный страх перед темными силами может быть побежден только спасительным страхом перед законною властью»².

В конечном счете, монархическая идея в интерпретации Каткова сводилась к следующим основным положениям. Монарх стоит вне частных интересов, он связывает «воедино все сословия народа». Монархия, владея самой сильной центральной властью для подавления всякой крамолы, наилучшим образом обеспечивает порядок и разрешает все социальные противоречия. Монархия, упраздняя всякую другую власть и претензии на посредничество между народом и государем различных социальных сил и институтов, дает возможность развиваться широкому народному самоуправлению и обеспечивает «народную свободу» больше, чем любой «конституционализм», «представительство» и т. п. И, наконец, монархия, «органически связанная с национальной почвой страны», с ее историей и с ее будущим — единственно возможная форма правления в России. «Если вырвать с корнем монархическое начало, — не устал повторять Катков, — оно выродится в деспотизм диктатуры, а если уничтожить аристократический элемент в обществе, его место будет занято бюрократами или демагогами, олигархией самого дурного свойства»³.

¹ Катков М.Н. По поводу приезда Императора Александра III в Москву // Катков М. Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.77.

² Катков М.Н. Необходимость усиления законной власти // Катков М. Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.318.

³ Катков М. Н. К какой принадлежим мы партии? // Катков М. Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 229.

Катков – уникальная по своим масштабам фигура русской общественной жизни второй половины XIX века. Более тридцати лет ни один сколько-нибудь значимый вопрос социально-политической или культурной жизни России не оставался без внимания Каткова, оказывавшего подчас существенное воздействие влияние на ход событий. Не удивительно, что его деятельность мало кого оставляла равнодушным – друзей и врагов он имел множество.

«Доктринер», «высокомерная, надутая натура», «литературный рагвепи», «дядя русского развития, строптивый умеритель излишеств», место которого «в больнице, бритого и под капельницей». «Нравственное падение», «полицейская карьера», «пошлая брань», «шлюзы московской клоаки» – инвективы «злейшего друга» Каткова – А.И. Герцена. Приятель последнего, еще один знаменитый русский эмигрант 1860-х гг. – «князь–рефюжье» П.В. Долгоруков, характеризовал «своенравного и дерзкого Каткова» следующим образом: «вечно беснующийся Катков, которому непременно нужно вечно лаять и всегда кого-нибудь кусать, который в своих наездах всегда идет далее самого даже правительства и всякого, кто не разделяет его мнения, объявляет государственным преступником и даже изменником отечеству». Действительно, «правительственный публицист», направление которого «прямо противоположно всем анархическим и антисоциальным теориям» (П.А.Валуев), Катков хотел играть роль «какого-то диктатора», называл себя «сторожевым» псом, который чует, если что-то неладно в доме его хозяина (А.С.Суворин).

«Злой гений», «парадирующий теперь как русский «патриот» – «борец за русскую правду», «носитель русской государственной идеи»; «переметная сума», «полицейская крыса» – «русский палладиум», «златоуст – апостол величия славы России»; «будочник русской прессы», «жрец мракобесия» – «создатель русской журналистики», «установитель русского просвещения» и т.д. и т.п. – эпитеты, которыми достаивали деятельность Каткова современники. Каждый из них, наверное, имел основания для подобных оценок. Но все же, ближе к истине слова «единомышленника Каткова в метафизике» и непримиримого противника его политических идей – Вл. С. Соловьева: «Он (Катков – *А.Ш.*) был увлечен политической страстью до ослепления и под конец потерял духовное равновесие. Но своекоры-

стным и дурным человеком он не был никогда»¹.

Во второй половине XIX века одной из важнейших тем русской политической публицистики стала проблема государственной целостности России.

В это время главными элементами сепаратистских сил являлись польские русофобы, поддерживаемые европейскими странами, остзейские бароны, стимулируемые Пруссией, а также украинские и «западно-русские» националисты, политический характер движению которых придавали польские революционные деятели.

Множество так называемых «вопросов» волновало русское общество, однако самым острым вопросом внутренней политики России на протяжении большей части XIX века был польский вопрос².

Катков, отстаивая принципы единой и неделимой России, в основе которой – русская «государственная нация», высказывался за жесткое подавление любого инакомыслия и сепаратистских устремлений на окраинах империи. Так, 24 мая 1882 г. в № 143 газеты «Московские ведомости» он писал: «Пусть припомнят золотые грамоты и попытки взволновать народ; пусть припомнят, наконец, польский мятеж³ и с тем вместе доктрину, которая тогда овладела нашей ин-

¹ Соловьев В.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т.2. М., 1989. С.634.

² В результате четырёх разделов Речи Посполитой 1768-1815 гг. польская государственность была ликвидирована, польские земли оказались поделенными между Пруссией, Австрией и Россией. Осью политической жизни польского народа стала идея национального освобождения и восстановление независимого польского государства. Целью же российской администрации была унификация Польши в составе Российской империи. Столкновение этих интересов и породило так называемый «польский вопрос», ставший одним из основных внутривнутриполитических вопросов России в XIX веке: действия польских повстанцев в 1830-1831 и 1863-1864 гг., поддержанные Францией и Великобританией, вызвали ответные меры царского правительства, сначала упразднившего автономию Королевства Польского, а к 1888 г. создавшего на бывших польских землях «Привислинский край».

³ Имеется в виду Польское восстание 1863-1864 гг., подготовленное польской и русской революционной эмиграцией. Военные действия носили характер партизанской войны против многотысячного корпуса русских войск (до 164 тыс.). В 1863 г. было 547 стычек, в 1864 - 84. Результат – жестокое поражение восставших, террор, ре-

теллигенцией – как той, которая честит себя либеральной, так и той, которая кичится титулом консервативной. Всеми овладело бешенство, как бы раздробить и ослабить Россию, как бы выкроить из нее несколько государств. Самое существование русского народа отрицалось. Важные правительственные лица не стесняясь заявляли, что русский народ есть фикция, что его не наберется и десятка миллионов, что весь он заключается только в подмосковных населенных пунктах, в пределах бывшего Московского великого княжества, что все прочее населено другими народами, которые требуется-де выделить в особые автономные политические тела, и что усилия правительства как в законодательстве, так и в администрации должны клониться не к тому, чтобы укреплять и поддерживать единство России, а к тому, напротив, чтобы все в России обособлять, выделять, отделять, ставить врознь, из каждого племенного фрагмента, никогда не имевшего самостоятельной политической жизни и никакой культуры, из каждого оттенка народного говора создавать особый язык, особую политическую национальность. [...] Сколько новых государств должно было родиться с падением России из ее развалин! Сколько, если угодно, новых корон!

В сущности же, все это были только потуги, сопровождавшие рождение польского вопроса. Нужно было подавить в русском обществе патриотизм и национальное чувство и вызвать в России центробежное стремление, для того чтобы воскресить Польшу... И вдруг, с подавлением польского мятежа, это вожденное движение приостановилось. Люди одумались, возникло русское народное чувство, сказался русский патриотизм; он сказался во всех слоях общества и в правительстве. Интрига была раскрыта, обман был уличен на всех путях его. Здравый смысл, подкрепляемый событиями, вступил в свои права; единство России стало общим лозунгом, изменническая политика *многих* национальностей спряталась пред идеей *одной* государственной национальности в России. Всем тогда стало понятно, что если России суждено жить, то в ней может быть только одна государственная национальность и что русская национальность есть не этнографический, а политический термин, что русский народ есть не племя, а исторически, из многих племенных элементов сложившееся

политическое тело»¹.

Но речь собственно не о публицистике Каткова, хотелось бы напомнить об одном эпизоде из истории далекого прошлого – когда в защиту выдающегося русского публициста был вынужден выступить не менее выдающийся русский ученый-историк.

В 1864 г. в «верхах» усилились позиции пропольской группировки. Министр внутренних дел П.А. Валуев и министр народного просвещения А.В. Головнин организовали идейное и цензурное противодействие курсу «Московских ведомостей» Каткова, в которых последний, по словам Федора Ивановича Тютчева, «озарял» и «обличал» это «охолощение русского начала»². По заказу Головнина летом 1864 г. в Брюсселе появилась очередная брошюра некоего «Д.К. Шедо-Ферроти» «Что будет с Польшей?»³. Против этого «манифеста» антирусской коалиции резко выступил Катков⁴. Тут же по-

¹ Катков М. Н. [Без названия] // Русская социально-политическая мысль X- начала XX века. Антология. Т. IV. М., 2006. С. 37.

² Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. А. И. Георгиевскому 1864-1866. 2. Женева. 6/18 октября 1864; 5. Ницца. 2/14 января 1865 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая, М., 1988. С. 382, 387.

³ Шедо-Ферроти - псевдоним публициста Федора Ивановича Фиркса (1812-1872), уроженца Остзейского края, оказавшегося за границей по ходатайству шефа жандармов и выполнявшего журналистские заказы соперничающих при русском дворе группировок. Автор целого ряда изданных по-французски и по-немецки статей и брошюр, в том числе "La question polonaise au point de vue de la Pologne, de la Russie et de l'Europe" (1863), он издал ряд статей на французском языке по вопросам внутренней русской политики, под общим заглавием "Etudes sur l'avenir de la Russie". В 8-м этюде "Que fera-t-on de la Pologne?", изданном во время польского восстания (Bruxelles, 1864) и получившем наибольшую известность, он пытался доказать, что "ультрарусские идеи московской прессы не пользуются сочувствием в народе" и что наилучшим разрешением польского вопроса было бы дарование Польше, навсегда соединенной с Россией, национального правительства по законам, свободно вотируемым польским народом. По сути, инспирированное антимуравьевской пропольской группировкой при дворе, это выступление явилось попыткой обоснования необходимости более либерального управления в Польше. Показывая опасность курса, проповедуемого «Московскими ведомостями», как возбуждающего к сопротивлению и отпору, брошюра в качестве образца выдвигала правление в Польше вел. кн. Константина Николаевича, будто бы умиротворявшее край гибкой политикой, предусматривающей некоторые уступки (в частности, предоставление Польше в будущем культурной автономии).

⁴ Критике Шедо-Ферроти Катков посвятил передовые статьи «Московских Ведомостей» №195 от 5 сентября, №196 от 6 сентября, №212 от 29 сентября и №216 от 4

следовали цензурные преследования и штрафы, готовилось закрытие «Московских ведомостей».

Лишь вмешательство императрицы Марии Александровны, а также заступничество Московского университета, руководство которого не только отказалось принять в свою библиотеку памфлет Шедо-Ферроти, но и обратилось с ходатайством в поддержку Каткова в Комитет министров, – прекратили «какие бы то ни было взыскания» в адрес «Московских ведомостей».

Позицию сторонников Каткова и его издания, обвиняемых в действиях, вызвавших «брожение в обществе», емко выразил 22 октября 1864 г. Михаил Петрович Погодин: «Московские Ведомости отнюдь не производили движения, а служили только верным отголоском, и в этом отношении принесли значительную услугу делу»¹. Более того, как считал Погодин, до печати не доходило еще многое, что обращалось в рукописях и устных сообщениях о польских событиях, многое, что свидетельствовало не в пользу поляков и пропольской партии при дворе.

Здесь же Погодин в катковском стиле резко выступил и против «охлаждения русского начала» в статье Шедо-Ферроти о Польше. В частности, он «расчелся» с тремя выходками этого господина, относящихся к самой России.

Первая «выходка» касалась якобы «варварского» отношения к католикам православных «читателей Московских Ведомостей», которые во главе с Погодиным, по утверждению Шедо-Ферроти, «пошли дальше», чем предполагали «Московские Ведомости», и восстали «даже против религиозной терпимости, которую принимал их редактор»². Свое «неисправимое варварство» в отношении к католикам

октября 1864 года.

¹ Погодин М.П. О книге Шедо-Ферроти // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С.482.

² Погодин М.П. О книге Шедо-Ферроти // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С.485-486. «Религиозная терпимость» редактора «Московских ведомостей», т.е. Каткова выразилась в том, что он выступил за введение русского языка в католическую проповедь и вероучение и предложил вернуть в Россию известного русского католика-эмигранта Владимира Сергеевича Печерина. Катков призывал «не изгонять русских людей, ставших членами хотя и чуждой нам, но признаваемой нами церкви». Против этого на страницах тех же «Московских ведомостей» энергично возражал Погодин. См.: Московские Ведомости.

Погодин в данной статье «за неимением места и времени» не счел нужным подробно объяснять, отослав читателей к «дневнику 1839 года», в котором вполне ясно обозначены истоки «неравнодушного» отношения Погодина к «русским католикам»¹.

Вторая «выходка» Шедо-Ферроти заключалась в сравнении русского и польского народов «в отношении к зрелости для конституции», в утверждении, что русский народ «разумет и одобряет» разные конституционные меры и действия. При этом, Шедо-Ферроти, по словам Погодина, «говоря о Русском народе, не обращает никакого внимания на высшие сословия, а, говоря о Польском народе, разумет только их»². Как справедливо замечает Погодин, в России «большая часть политических людей или мыслителей наших именно желают только совещательного голоса для народа, для высших его сословий, и отнюдь не простирают далее своих желаний»³.

Но наибольшее негодование Погодина вызвала третья «выходка» Шедо-Ферроти, попытавшегося приравнять Россию к Австрии, сделать «из России «сборное отечество».

Суть дела заключалась в том, что Шедо-Ферроти выразил же-

1863...№168. 2 августа; №174.10 августа.

¹ Здесь речь идет о случайной встрече в Риме перешедших в католичество двух русских женщин («старушки и девушки»), и навеянных этой встречей размышлениях Погодина, объяснившего подобные «переходы» из православия в католичество следующим образом: «...в детстве не получают эти господа и госпожи никаких понятий о религии, разве поверхностные. В молодости они грешат, увлекаясь потоком света; к старости, в чужих краях, приходят иногда в себя, и начинают думать и бояться будущей жизни – в эту-то минуту появляется ловец, услужливый Аббат, красноречивый, снисходительный, – он утешает, объясняет, убеждает, и овладевает умом и воображением бедного грешника или грешницы, которые прежде не слыхали и не имели случая ничего слышать подобного о своей церкви, верят на слово, что там и нет ничего, кроме заблуждений, не имея силы состязаться оружием слишком неравным, – и упадают в сети». Погодин, «как соотечественник и христианин» советует таким людям прежде обращения в католичество, побывать у «Русского Священника или Архиерея», посоветоваться с ним и сравнить, рассудить его сведения и сведения аббата. А вообще, при виде «русских католиков», как признается Погодин, «кровь так и бросается мне в голову!» См.: *Погодин М.П. Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М.Погодина. Часть вторая. М. 1844. С.139-140.*

² *Погодин М.П. О книге Шедо-Ферроти // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С.486.*

³ *Погодин М.П. О книге Шедо-Ферроти // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С.486.*

лание, «чтоб Государь русский не был Русским по преимуществу, а был бы одинаково Финским, Немецким, Татарским, Грузинским и проч. и проч...»¹.

В данном случае несословная русская монархия, как ее мыслили русские консерваторы, принимала черты надэтнического сообщества граждан. Эта мысль не была изобретением Шедо-Ферроти, она разделялась, как указывает Погодин, «некоторыми нашими официальными публицистами» и не была чужда М.Н. Каткову, считавшему, что «все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти – в Царе, в живом всеповеряющем олицетворении этого единства»².

Однако Шедо-Ферроти довел русскую монархическую идею до абсурда, нивелировав национальный принцип в формуле «православия, самодержавия и народности», и объявив русского государя государем всех племен и народов, населяющих Россию – то есть государем какой-то надэтнической общности. В конечном счете, подобные утверждения приводили к мысли о существовании в России не национального государства единого в духовно-религиозном и культурно-историческом отношении народа, как пытались доказать русские консерваторы в лице Погодина, а полиэтнической империи по типу «лоскутной» Австрии.

Подобные попытки представить национальную империю неким полиэтническим образованием, Погодин не приемлет, так как историческая логика, по его мнению, свидетельствует о следующем. Во-первых, «Россия есть Россия, а не Лифляндия, не Мингрия, не Даурия». Во-вторых, «Русский Государь силен тем, что он есть Государь Русский, Государь народа шестидесяти миллионного, единоплеменного, единоговерного, единогоязычного, составляющего с ним одно неразрывное целое». В-третьих, «корень его могущества, его силы, на святой Руси. Честь, слава его связана с Русским именем, с

¹ Погодин М.П. О книге Шедо-Ферроти // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С.486.

² Катков М.Н. Самодержавие царя и единство Руси // Русская социально-политическая мысль X-начала XX века. Антология. Т.IV. М., 2006. С.31.

Русскою историею, а не с какою другою». В-четвертых, «он не упал с облаков и не получил вдруг во владение эти земли все вместе! Нет, Русский Государь родился, вырос из Русской земли, он приобрел все области с Русскими людьми, Русским трудом и Русской кровью!» «Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия, – продолжает Погодин, – суть воскрилия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть святая Русь»¹.

Именно поэтому, как считает Погодин, иноплеменникам, соборанным под державою Русскою, естественно, позволительно желать безразличия (то есть – равенства, отсутствия различий, одинаковости – *АШ.*) с Русскими, и мы, по доброму и легкому своему сердцу, охотно уступаем им все политические, гражданские и экономические преимущества, но стужеваться, изгладиться пред Русским Государем безразлично с ними, и видеть в Государе не Русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которой ни один настоящий русский человек слышать не может без негодования»². Эти размышления Погодина можно интерпретировать как оригинальную попытку довольно остроумного объяснения и оправдания парадоксального факта существования Российской империи, когда жители окраин России (Финляндия, Остзейские губернии, Польша и др.) имели больше прав и свобод, чем жители метрополии. Поляки, финны и остзейцы, по логике Погодина, тем самым приближались к «величию русского народа».

В целом же, источником силы Российской империи, по убеждению русских консерваторов, являются не Польша, не Остзейские провинции и не Финляндия, как бы ни были они крепко связаны с Русью, а настоящая Русь – «живое, цельное тело, а не мозаическая сборка иноверцев и иноплеменных. К этому телу могут прилепляться прочие народные личности и тела, могут претворяться в его органическую сущность или только пользоваться его защитой, – но весь смысл бытия, вся сила, разум, историческое призвание, весь исторический *raison d'être* – заключается именно в *святой Руси...*»³.

¹ Погодин М.П. О книге Шедо-Ферроти // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С.487.

² Погодин М.П. О книге Шедо-Ферроти // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С.487.

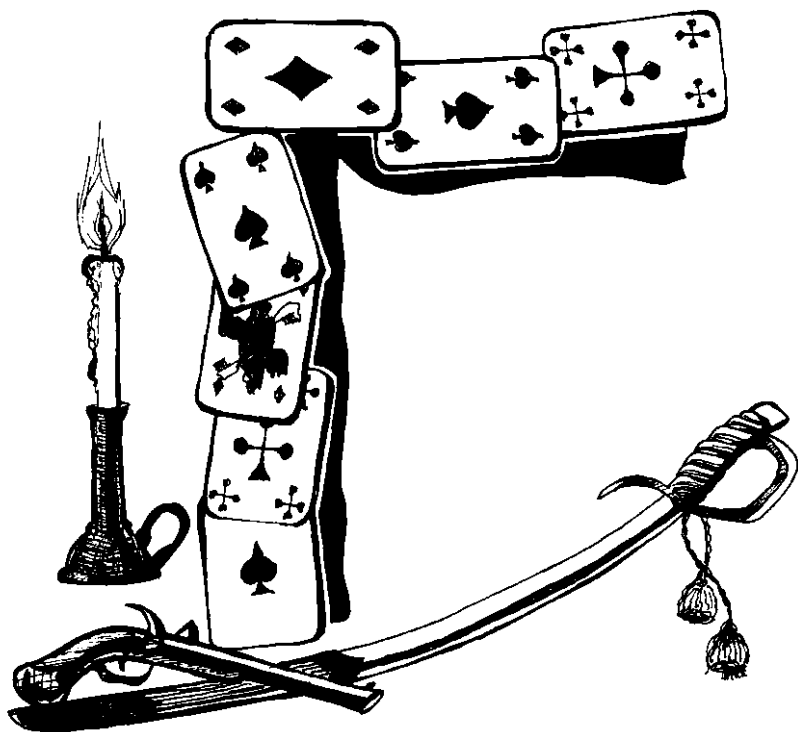
³ Аксаков И.С. Где органическая сила России? // Аксаков И.С. Отчего так нелегко

Под этими словами И.С.Аксакова без сомнений подписались бы и М.Н. Катков, и М.П. Погодин.

Однако, к сожалению, в России все произошло по пророческому предсказанию Ю.Ф. Самарина, который писал: «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиной к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. Тот день был бы началом ее разложения. В тот день возрадовались бы представители всех враждебных ей партий и народностей; Мирославский и Шедо-Ферроти, Герцен и фон-Бокк забыли бы на время свои разномыслия; они сбежались бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения Империи»¹.

живется в России? М., 2002. С.260.

¹ Самарин Ю.Ф. Всеподданнейшее письмо к Императору Александру II-му // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1890. С. XVII.

*ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ЗАМЕТКИ*

НИКОЛАЙ КОНЬЕВ

Родился в 1949 году в поселке Вознесенье на Онежском озере. Закончил Литературный институт. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом в газете, редактором на киностудии и в издательстве, заведовал отделом прозы в журнале «Нева», был главным редактором журнала «Аврора». Книги Николая Коняева отмечены премиями Василия Шукшина, Андрея Платонова, Александра Невского и многими другими.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ

Валерий Николаевич Ганичев сказал однажды, что граница нашего Отечества проходит сейчас не только по географическим рубежам, но и по нашей истории.

К этим словам можно добавить только, что на территории нашей истории уже давно идут ожесточенные сражения и сейчас мы оказались оттеснены к тем рубежам, сдать которые равносильно потере самой России.

Объявляя себя людьми «учеными и просвещенными», представители нашей атеистической интеллигенции противостоят, как они считают, темной и малообразованной массе церковной общности и не жалея сил ведут наступление на духовные смыслы нашей истории, пытаюсь опровергнуть устоявшиеся в веках исторические факты.

1

Например, каждому русскому человеку известно, что преподобный Сергей Радонежский благословил великого князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой.

А вот и нет! - утверждают «просвещенные» историки. Святой князь Дмитрий Донской уходил на битву, будучи проклятым митрополитом всея Руси Киприаном, и отлученным им от церкви, а это значит,

что Сергей Радонежский, который - стилистика автора! - «был ярым сторонником группировки Киприана, конечно, не стал бы благословлять опального князя».

Свое сенсационное открытие просвещенный историк старается «подкрепить» летописными текстами, указывая, что в соответствующих статьях летописного свода 1409 года, составленных на основе статей Рогожского летописца и Симоновской летописи, относящихся непосредственно к 1380 году, никаких упоминаний о благословении нет. Ничего не сообщают о благословении и Новгородские летописи. Само имя Сергея Радонежского в описаниях Куликовской битвы, впервые появляется в летописи: «И тогда приспе грамота от преподобного игумена Сергия от святого старца, благословенаа» - сто лет спустя после битвы! А о личном благословении, данном Сергием Радонежским Дмитрию Донскому, впервые упоминают только в начале XVI века да и то в «литературном», как подчеркивает историк, произведении «Сказания о Мамаевом побоище».

Трудно разобраться в этом жонглировании историческими сведениями. Разумеется, можно сожалеть, что какие-то события нашей истории не попали в летописный свод 1409 года, но это не значит, что они не были описаны в других летописях, и ими не мог пользоваться автор «Сказания о Мамаевом побоище».

Ну, а с выражением насчет «ярого сторонника группировки Киприана» тоже не все благополучно. Конечно, «митяевский» сюжет вносит свои оттенки в окраску XIV века, но несомненно, что подобная терминология подходящая для описания деятельности какого-нибудь политика из Временного правительства, для объяснения поступков преподобного, которого называли «игуменом земли русской», не годится. И даже не потому, что оно оскорбительно для памяти великого русского святого, а просто вся деятельность Сергея Радонежского протекала вне группировок и если его и можно называть чьим-то сторонником, то только сторонником Святой Руси.

А какой поднялся гвалт, когда праздник Казанской иконы Божией Матери был объявлен государственным праздником - днем Народного единства.

«Те, кто объявляет День народного единства искусственным праздником, - люди ученые и просвещенные, - читаем мы. - Они опираются на точное знание, на данные исторической науки. Например, ссылаются на фундаментальный труд С. М. Соловьева, в кото-

ром нет сведений о том, что 4 ноября вообще произошло что-то историческое, масштабное, определившее судьбы страны»...

Далее естественно следует обращение к летописям, которые якобы подтверждают высказанное автором «мнение исторической науки»:

«Постфактум события Смутного времени описаны в трех источниках: в «Новом летописце», в «Сказании Авраамия Палицына», в «Повести о преславных победах». Событиям 4 ноября (22 октября) в «Сказании» посвящено четыре строки, а описанию декабрьской сдачи Кремля - более двадцати. В «Новом летописце» сдача Кремля расписана еще пространнее, чем взятие Китай-города. А третий источник вообще ни слова не говорит о событиях 22 октября... Эти же церковные тексты оставляют открытым вопрос о списке с иконы Казанской Божьей Матери, якобы неразлучно пребывавшем с князем Пожарским во время действий ополчения 1612 года. Упоминание о ней сделано лишь в «Новом летописце» - и то со слов самого Дмитрия Михайловича!»

Аргументацию с подсчетом строчек трудно назвать строго научной, ну, а попытка, походя, поставить под сомнение достоверность свидетельства одного из главных участников события, князя Д.М. Пожарского, и вообще кажется заимствованной из печально-знаменитого стихотворения Джека Алтаузена.

Ну, а дальше, не давая читателю перевести дыхание, «просвещенный историк» ошарашивает безапелляционным выводом, дескать, «4 ноября 1612 года с князем Пожарским не было списка знаменитой иконы, не было и самого Пожарского ни в Москве, ни в Китай-городе, не было битв и сражений. Поляки не были изгнаны, Смутное время не кончилось».

2

Вообще-то в конце восьмого тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева совершенно определенно сказано, что 4 ноября (22 октября) 1612 года был взят Китай-город, и началась осада Кремля, в результате которой поляки и укрывшиеся в Кремле бояре вынуждены были сдать.

Почему историк пропустил описание молебна, когда перед Казанской иконой Божьей Матери, перед крестом Иринарха разъединенные политическими симпатиями и антипатиями, враждующие

друг с другом русские люди вдруг очнулись и, ощутив себя единым народом, сбросили вместе с обморочностью смуты и ярмо чужеземных захватчиков, понять можно.

Сергей Михайлович Соловьев сам признавался, что «пристальное занятие русской историей спасло от славянофильства и ввело его патриотизм в должные пределы», и он просто не мог рассказывать о чуде, как и вообще он о многом не говорит в своей обширной «Истории»...

Но именно это Чудо, сделавшее непобедимым измученный годами смуты народ, и праздновали в день Казанской иконы Божией матери. Это Чудо, уже в наше время, положено было - ну разве это тоже не Чудо?! - в основу государственного праздника - дня народного единства.

И это Чудо и стремятся опровергнуть наши воспитанные атеистической культурой «просвещенные» деятели.

В принципе, если какой-то человек, искренне убежденный, что он произошел от обезьяны, не желает расставаться со своими убеждениями - совсем не обязательно насильно вытаскивать его к свету духовности.

Но если мы верим в Бога, мы должны принять, как данность, существование духовного смысла истории. И если мы не умеем обнаружить его, это свидетельствует только о несовершенстве научного метода и ни о чем более.

Но мы как бы забываем эту истину, когда так называемые просвещенные люди стремятся распространить сумрачные законы обезьяньего мира на всю Русскую историю, на само Православие.

Натиск этот сейчас становится чрезвычайно сильным и это видно, по тому же Дню народного единства. В результате, даже государственные чиновники, которые по самой своей должности обязаны отстаивать идеологию государственного праздника, предпочитают отмалчиваться и как бы и не замечать этого Дня вообще...

Что же может противостоять этой злой, «просвещенной» агрессии?

Я считаю, что организаторы нынешних Иринарховских чтений проявили не малую смелость и дерзновение, посвятив их 400-летию благословения, данного преподобным Иринархом Дмитрию Михайловичу Пожарскому и Косме Захарьевичу Минину. Эти чтения не только восстанавливают память о великом событии русской истории,

но и выводят нас на позиции, с которых только и можем мы успешно противостоять попыткам лишить русскую историю ее духовной составляющей.

В житии преподобного Иринарха подробно описан эпизод благословения, прозвучавшего четыре столетия назад...

Загремев цепями, взял преподобный свой Поклонный крест.

- Да явит Господь милость свою, - сказал он, благословляя князя Пожарского и гражданина Минина. - Да пособит вам, очистить Москву от великия скорби.

Благословение святого - не резолюция, это не просто разрешение на то или иное деяние, это известие об исполнении полноты времен, о том, что задуманное человеком деяние совпадает с волей Божьей!

Благословение святого осуществляется в Божьем времени, которое было всегда и которое всегда будет, и действие его не ограничивается временными границами исторического события, оно растекается по всему пространству истории, достигая и нас, живущих четыре столетия спустя.

И когда вдумываешься в обращенные к Дмитрию Пожарскому слова преподобного Иринарха: «Дерзайте! Не страшитесь ничего! Бог вам в помощь!» - кажется, что эти слова обращены именно к нам, нам и сообщают эти слова силы необходимые для противостояния разрушительной агрессии «просвещенно-посвященных» деятелей.

3

Уместившись в пространстве двух лет, сходятся судьбоносные для нашей страны даты...

В 1578 году родился Дмитрий Михайлович Пожарский, будущий освободитель Москвы от поляков.

И в том же 1578 году в Ростовском Борисо-Глебском монастыре принял постриг тридцатилетний Илия, нареченный в монашестве именем Иринарх...

А на следующий, 1579 год случился в Казани большой пожар, после которого будет обретена на пепелище Чудотворная икона Божией Матери...

Три даты, три события, из которых произросло спасению нашего Отечества от разрушительной смуты, в которую ввергли его властолюбие, алчность, разврат и своеволие.

И сейчас, четыре столетия спустя, в самой одновременности этих событий различается образ русского спасения. Вот три необходимые составляющие его: Божия помощь, воинская доблесть, смирение и подвижничество...

Напомню, что самое первое чудо Казанской иконы Божией Матери - преобразование священника, отца Ермолая. Подняв с земли чудотворный образ, немолодой - ему было около пятидесяти лет - приходской батюшка, превращается вдруг в грозного святителя - патриарха Гермогена...

Тридцать три года спустя, ополчение Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского принесло Казанский образ в Москву. И когда перед штурмом Китай-города русские ратники отслужили молебен у Чудотворной иконы и приложились к кресту затворника Иринарха, тоже ведь произошло преобразование разрозненных, замученных десятилетиями непрекращающейся смуты людей в единую силу...

Подобные Чудеса не оставляют материальных следов кроме самого совершившегося Чуда, однако когда вглядываешься в череду исторических событий, обнаруживаешь, что преображающее действие Чуда закрепляется и в других, достаточно далеко отстоящих от Чуда исторических событиях и никаким своеволием не возможно изменить это.

Местное (в Москве) празднование иконе Казанской Божией Матери 22 октября (4 ноября) было установлено сразу после освобождения Москвы.

В 1648 году на праздник «чудотворных иконы Казанския, во время всеобщего пения» родился наследник престола царевич Дмитрий и царь Алексей Михайлович повелел праздновать 22 октября Казанской иконе «во всех городах по вся годы», как бы редактируя при этом и содержание самого праздника.

Но первенец царя Алексея Михайловича вскоре умер, а праздник - осеннее почитание Казанской иконы Божией Матери сделалось всенародным - остался в прежнем своем значении.

Среди списков иконы Казанской Божией Матери, получивших наибольшую известность, нужно выделить сам первообраз, который находился в Богородицком женском монастыре в Казани, и который 1904 году был украден и уничтожен...

Широкую известность получил «чудотворный список», принесённый в Москву народным ополчением, Долгое время он находился

в приходском храме Пожарских - церкви Введения на Лубянке, а в 1636 году был перенесен в Казанский собор на Красной площади.

Третий список в этом ряду - увеличенная копия Казанской иконы Богородицы, которая находится в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

4

Интересно, что на берегах Невы еще один чудотворный образ Казанской иконы Богородицы появился задолго до третьего списка, задолго до основания самого Санкт-Петербурга.

Речь идет о Шлиссельбургском образе Казанской Божьей Матери.

Образ этот, хотя и не самый знаменитый, но без сомнения самый загадочный.

Дело в том, что обрели его через несколько дней после штурма и взятия Нотебурга войсками Петра в 1702 году.

Часовой, стоявший на карауле, заметил исходящий из стены свет. Испугались, что начался пожар и стали ломать кладку. Из стены появился Младенец, простирающий руку для благословения, Богоматерь, склонившая к Сыну свою голову.

Это был замурованный в стену образ иконы Казанской Божией Матери.

Как писал последний настоятель Шлиссельбургского крепостного храма Рождества Иоанна Предтечи протоиерей Иоанн Флоринский: «Эта местная святыня, оставшаяся в иноверческой земле, могла бы исчезнуть бесследно, как исчезли самые православные церкви в Орешке с их украшениями и утварью, если бы заботливая рука одного из оставшихся в Орешке ревнителей православия не скрыла эту духовную ценность от глаз иноверных. Икона была замурована в стене древнего русского крепостного храма и здесь то она сохранялась в течении почти целого столетия. Православные ореховцы надеялись таким образом предохранить драгоценный образ небесной Владычицы от поругания иноплеменных, твердо веря, что Царица небесная Сама освободит свой образ от временного заточения и возвратит принадлежащий Ей храм и покровительствуемую Ею древнерусскую область в руки православных».

Как известно, крепость Орешек отошла к Швеции по условиям Столбовского мирного договора, заключенного в 1617 году под Тих-

вином.

Очевидно, что икона Казанской Божией Матери была доставлена в Орешек раньше. Скорее всего это произошло в промежутке между 1612 и 1617 годами. Положение на Северо-востоке Русского государства складывалось тогда критическое, Новгород и многие другие города были оккупированы шведами и, конечно же, пересылка Казанского образа Божией Матери, способствовавшего освобождению Москвы от поляков, в осажденный шведами Орешек имела мистически-символическое значение.

Очевидно, что об этом мистическом значении Иконы думали защитники Орешка, когда в 1617 году им пришлось сдать крепость шведам.

Может быть, список Казанской иконы Божьей Матери не успели вывезти из Орешка, но скорее всего, защитники замуrowали икону в надежде на то, что она поможет вернуть крепость России...

Уместно вспомнить здесь, что Тихвинскую икону Божией Матери, проплывшую 26 июня 1383 года в небе вблизи Шлиссельбурга, тоже замуrowывали в свое время в стене Пантократорской обители, чтобы спасти от еретиков-иконоборцев...

В этом повторе истории, дивным отсветом лежащем на само явление Шлиссельбургской иконы, обнаруживается глубокий мистический смысл. Шлиссельбургская икона как бы соединяет в себе две иконы, одна из которых, Тихвинская, именуется Охранительницей северных рубежей России, а другая, Казанская, Спасительницей нашего Отечества.

Тихвинскую - тогда она называлась Влахернской! - икону освободили из каменного плена через шестьдесят лет.

Шлиссельбургская икона пробыла в каменном плену девяносто лет...

5

Взятие Нотебурга (Орешка) - одна из самых ярких и значительных побед Петра I.

Подготовка к штурму была проведена тщательная, но все равно стесненные на полоске земли между крепостными стенами и водой, русские полки несли огромные потери.

И был момент, когда заколебался Петр I и послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда подполковнику

Семёновского полка князю Михаилу Голицыну отступить.

- Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий, - ответил посылному Голицын и, взобравшись на плечи солдата, стоящего на верху лестницы, залез в пролом. - Вперед, ребята!

Бесконечно длился кровопролитный бой, но шведы не выдержали.

«Неприятель от множества нашей мушкетной, так же и пушечной стрельбы в те 13 часов толь утомлен и видя последнюю отвагу тотчас ударил шамад»...

Нотебург был взят.

Сохранились списки русских солдат, павших при штурме крепости. Когда просматриваешь их, в самом звучании имен и фамилий павших героев, обнаруживаешь столько нерастраченной языком красоты, столько богатырской силы, что весь этот список звучит как музыка, как гимн России. Такое ощущение, что ты оказался в какой-то заповедной роще:

«Лейб-Гвардии Преображенского полка: Майор Давыд Гаст, капитаны: князь Иван Львов, Иван Рукин, Андрей Валбрехт. Поручики: Яков Борзов, Дмитрий Емцов, Василий Ивановский, Павел Беляев Сержанты: Андрей Ребриков, Алексей Ломакин, Семен Котенев. Рядовые: Афанасий Лобоз, Яков Тибеев, Григорий Соколов, Семен Мишуров, Иван Чесноков, Клим Варенихин, Гаврило Башмаков, Иван Писарев, Никифор Ляблицов, Козьма Фомин, Илья Кондаков, Максим Демьянов, Петр Жеребцов, Андрей Посников, Фома Следков, Василий Воробьев, Петр Булкин, Петр Белош, Стефан Тяпкин, Алексей Дубровский, Федор Оставцов, Павел Копылов, Иван Фомин, Сергей Кондратьев, Лука Александров, Петр Аксентьев, Федор Ефимов, Фрол Чурин, Ерофей Пылаев, Яков Голев, Иван Сидоров, Никифор Котловский, Прокофий Коротаев, Андрей Котенев, Савва Тихонов, Иван Злобин, Парфен Палкин, Ефим Черкашенинов, Прокофий Юрьев, Василий Чириков, Яков Бута, Григорий Пыхоцкий, Федор Булатов, Никита Ефимов, Иван Романов, Федор Путимцев, Иван Лебедев, Матвей Черкасов, Трофим Титов, Иван Чебалов, Тихон Лелнев, Яков Тихомиров, Иван Быков, Федот Коротаев, Яков Отавин, Савелий Лисицын, Иван Волк, Иван Ершов, Мирон Неустроев, Федор Беляев, Лаврентий Путилов, Семен Казаков, Федот Махов, Федор Казаков, Иван Мозалев, Петр Крюков, Антон Ремезов, Ефрем Быков, Иван Дроздов, Борис Домкин, Иван Ерофеев, Никифор Ла-

пин, Агафон Уланов, Иван Жуков, Козьма Сайников, Григорий Бровиков, Викуль Заблочкий, Козьма Носов, Мартын Дудырин, Иона Кабин, Иван Нагаев, Тимофей Жданов. Иван Иванов, Петр Шевелев, Иван Федотов, Данила Бавин, Дмитрий Соловьев, Нестор Титов, Тит Батулин, Федор Бадаев, Козьма Соболев, Семен Сербин, Пантелей Матвеев, Михайло Медведев, Агафон Толанков, Анисим Посняков, Михайло Попрытаев, Андрей Кудряков, Григорий Зыков, Матвей Полчанинов, Козьма Кузовлев, Леонтий Смольянинов. Барабанщик Никифор Панков.

Лейб-Гвардии Семеновского полка Майор Кондратий Мейер, Капитан Егор Колбин, Поручики: Федор Лихарев, князь Алексей Шаховский, Иван Дмитриев-Мамонов, капрал Гаврило Шапилов, Рядовые: Федор Струнин, Семен Борзов, Григорий Каменский. Егор Туменев, Иван Павловский, Яков Кудрявцев, Иван Данилов, Алексей Ураков, Спиридон Беляев, Иван Богатырев, Григорий Кудрявой, Василий Мартьянов, Иван Оборин, Андрей Кириллов, Никифор Коржавин, Сергей Нагаев, Федор Бычков, Зиновий Паршин, Григорий Овсянников, Иван Волох, Максим Папонов, Данило Никифоров, Дмитрий Шаров, Ларион Деделин, Терентий Белоусов, Павел Чеботарев, Федор Захаров, Леонтий Воробьев, Иван Нижегородов, Анисим Чистяков, Тимофей Стушкин, Иван Баскаков, Тимофей Борзов, Иван Никитин, Иван Зерковников, Егор Харитонов, Борис Грызлов, Михайло Осанов, Кондратий Лытков, Дмитрий Волох, Фрол Зайцев, Сидор Фролов, Федор Старичков, Данило Шатилов, Еремей Щеголев, Степан Шатаков, Ларнок Сухарев, Козьма Лукоренский, Афанасий Тороворов, Кондатий Эрнев, Константин Глазунов, Яков Ушаков, Василий Панов, Иван Дубровин, Степан Хабаров, Иван Заварзий, Козьма Федотов, Петр Братин, Тихон Казимеров, Иван Радивилов, Кондратий Манзурьев, Афанасий Фармос, Осип Абрамьев, Федор Васильев, Ефим Глазунов, Аким Короткий, Михайло Кудринс, Василий Власов, Терентий Лоботков, Иван Быстров, Семен Побегалов, Евстифей Иванов, Софрон Шемаев, Гордей Богданов, Степан Гребенкин, Кирила Соловьев, Козьма Медведев, Трофим Судоплатов, Григорий Катов, Андрей Коровин, Михайло Дбяков, Василий Мамонтов, Афанасий Подшивалов, Герасим Ротунов, Иван Сорокин, Анисим Зверев, Алексей Шабанов, Иван Волобаев, Самойло Звягин, Павел Иванов, Федор Замолнев, Михайло Шепелев, Иван Лутошный, Кирилл Беликов, Игнатий Евсеев, Никифор Минин, Артамин Морд-

винов, Василий Трубач, Матвей Соседов, Петр Безчасной, Матвей Клужетов, Роман Маслов, Василий Лыков, Дмитрий Филатов, Сергей Барков, Гаврило Осипов, Иван Приезжей, Анисим Сомароков, Данил Леонтьев, Аким Гигмонов, Афанасие Иевлев, Андрей Лебедев, Дмитрий Любимов, Петр Зверев, Григорий Зорин».

Любопытно сравнить этот список со списком шлиссельбургских арестантов, хотя бы тех же народовольцев...

«Николай Морозов, Михаил Фроленко, Михаил Тригони, Григорий Исаев, Михаил Грачевский, Савелий Златопольский, Александр Буцевич, Михаил Попов, Николай Щедрин, Егор Минаков, Мейер Геллис, Дмитрий Буцинский, Михаил Клименко, Федор Юрковский, Петр Поливанов, Людвиг Кобылянский, Юрий Богданович, Айзик Арончик, Ипполит Мышкин. Владимир Малавский, Александр Долгушин, Николай Рогачев, Александр Штротберг, Игнатий Иванов, Вера Фигнер, Людмила Волкенштейн, Василий Иванов, Александр Тиханович, Николай Похитонов, Дмитрий Суровцев, Иван Ювачев, Каллиник Мартынов, Михаил Шебалин, Василий Караулов, Василий Панкратов, Михаил Лаговский, Иван Манучаров, Людвиг Варынский, Людвиг Янович, Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов, Василий Осипанов, Александр Ульянов, Петр Шевырев, Михаил Новорусский, Иосиф Лукашевич, Петр Антонов, Сергей Иванов, Василий Конашевич, Герман Лопатин, Николай Стродворский, Борис Оржих, Софья Гинсбург, Павел Карнович Сергей Балашов, Фома Качура, Михаил Мельников, Григорий Гершуни, Егор Сазонов, Иван Кляев, Александр Васильев, Хаим Гершкович, Яков Финкельштейн, Михаил Ашенбреннер...

И хотя в этом списке немало достойных людей, но ощущение все равно такое, будто идешь не то по пожарищу, не то по старой вырубке, заросшей неведомо чем.

И что из того, что в первом списке собраны солдаты-герои, а во втором - каждый народ имеет таких преступников, каких он заслуживает, говорил тюремный врач Шлиссельбурга! - государственные преступники. Нет... В первом списке люди, принадлежащие прежней Московской Святой Руси, а во втором - люди, которые о Святой Руси не слышали и слышать не желают.

6

На радостях Петр I переименовал Нотебург в Шлиссельбург, в ключ-город. Он сказал тогда, что «сие (взятие Орешка - Н.К.) учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать».

Эти слова - слова *русского* царя.

Когда караульный солдат увидел замерцавший из-под кирпичной кладки свет Казанской иконы Божией Матери, он смотрел на этот дивный свет глазами *русского* солдата.

И явственно было явлено и царю, и солдату, как смыкаются эпохи...

В 1612 году, перед тем как пойти на штурм, молились ратники Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского перед Казанской иконой Божией Матери.

Задержавшись на девяносто лет, 1612 год пришел и в древнюю русскую крепость Орешек. И здесь, завершая освобождение Руси от иноплеменных захватчиков, явилась Казанским ликом своим Пречистая Богородица!

Мы уже говорили, что священник Ермолай, который был первым человеком, разглядевшим икону Казанской Божией Матери, превратился в святителя Гермогена.

Нам неведомо, кем стал солдат, первым увидевший Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери. Может, он погиб в бесконечных петровских войнах, а, может быть, закончил жизнь в крепостной неволе.

Другая эпоха, другое время пришло...

Как известно, скоро Петром I вообще будут запрещены чудеса на Русской земле.

Петр I - сохранились только глухие упоминания о его распоряжении поместить обретенную икону в крепостной часовне - по сути никак не отреагировал на находку, не захотел рассмотреть того великого значения, которое скрыто было в обретении Шлиссельбургской иконы Казанской Божией Матери.

Почему не захотел он увидеть этого чуда? Почему не пожелал придать значения государственного события чудесному обретению иконы Казанской Божией Матери в Шлиссельбурге. Видимо, ему не хотелось начинать историю новой столицы с Казанской иконы Божией Матери, поскольку это вызывало воспоминания и параллели, не

вмещающиеся в его новую мифологию.

Взявший Нотебург Петр I хотел считать, что он не освобождает, а завоевывает эти земли. Разница незначительная, если говорить о результате военной компании, но чрезвычайно существенная, если вернуться к духовному смыслу войны, которая велась тогда на берегах Невы.

Потом стали говорить, что Петр I прорубил окно в Европу...

На самом деле окно в Европу здесь было всегда, и требовалось только отодрать старые шведские доски, которыми это окно было заколочено.

Но Петр всё делал сам, и даже, когда он совершал то, что было предопределено всем ходом русской истории, он действовал так, как будто никакой истории не было до него, и вся она - это болезнь всех реформаторов в нашей стране! - только при нем и начинается.

И в этом и заключен ответ на вопрос, почему Петр не захотел узнать о чудесном явлении Шлиссельбургской иконы Божией Матери...

Нет, не русский Орешек освободил Петр, а взял шведскую крепость Нотебург, и тут же основал здесь свой Шлиссельбург. Как могла вместиться сюда Казанская икона Божией Матери, неведомо когда, до всяких прославлений, появившаяся здесь.

Казанская икона Божией Матери, как мы знаем, вопреки своему волею Петра все равно пришла в Санкт-Петербург. Ее привезла в Петербург вдова старшего брата и соправителя Петра I Иоанна V, царица Прасковья Федоровна, известная своим старомосковским благочестием.

Ну, а Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери почти целое столетие прождавший за кирпичной кладкой человека, который освободит здешнюю землю от неприятеля и вернет икону России, так и остался за стенами крепости.

При Романовых-Павловичах, хотя в Шлиссельбурге и устроилась тюрьма, начинается народное почитание чудотворного образа. Совершаются крестные ходы, и даже сами Государи приезжают на остров поклониться Чудотворной иконе.

Была Шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери в специально для нее выстроенной в крепости часовне, и когда привезли в Шлиссельбург каторжника Варфоломея Стояна (Федора Чайкина).

Этот человек (если можно называть человеком такого святоотца) 12 июля 1904 года вместе со своими поделщиками украл из летнего храма Богородицкого женского монастыря города Казани первообраз чудотворной Казанской Божией Матери.

Надо отдать должное полиции, преступление было раскрыто за несколько дней. Полицией удалось найти тайники, наполненные содранными с иконы драгоценностями, удалось арестовать Варфоломея Стояна.

Важные показания дала девятилетняя Евгения Кучерова.

Она показала, что накануне кражи Чайкин вместе с Ананием Комовым уходил поздно вечером из дома. Каждый имел при себе шпалеру (револьвер).

Утром девочка проснулась на рассвете и увидела, как отчим рубит секачом икону Спасителя, а Комов топором - икону Казанской Божией Матери.

Разрубленные куски иконы были сложены в железную печь, после чего бабушка (Елена Шиллинг) зажгла огонь...

От дыма она вытирала рукавом глаза, и это не понравилось Чайкину.

- Мамаша у нас сегодня плаксивая... - сказал он Комову.

Читаешь эти показания и вспоминаешь сон, приснившийся в 1579 году дочери казанского стрельца Матроне.

Прекрасным в этом сне был лик Богородицы, но дышал пламенем.

- От иконы исходило пламя, и прямо на меня, будто готовое сжечь... И голос я слышала... - Матрена наморщила лоб и повторила, стараясь не пропустить и не перепутать ни одного слова. - Если ты... не поведает... глаголов Моих... то Я... явлюсь в другом месте...

Сверстница Матроны, Евгения Кучерова через 325 лет воочию увидела это *ужасное* пламя.

Оцепенев, смотрела она, как режет отчим сияющие драгоценными камнями ризы. Потом подняла с полу откатившийся камешек с

Казанской иконы Божией Матери и сажала его в кулачке.

Показания Евгении Кучеровой помогли задержать последнего подозреваемого - «юркого, подвижного человека с плутовато-хищным выражением глаз и характерным длинным тонким носом, загнутым кверху» Анания Комова.

Он был арестован в день праздника Казанской иконы Божьей Матери.

Тем летом произошло долгожданное для России событие. 30 июля 1904 года родился наследник престола, царевич Алексей.

«Когда я буду царем, - скажет он своему наставнику, - в России не будет бедных и несчастных».

Но мы знаем, что ненавистники России помешали стать царем этому *долгожданному* царевичу, родившемуся - увы! - после того, как святотатцами уничтожена была великая святыня России...

После уничтожения Казанской иконы Божией матери начинаются и самые тяжелые поражения русско-японской войны, и Кровавое воскресенье, и вся смута 1905 года...

Странно и как-то обреченно переплетаются между собою даты тех событий...

Слушание дела в казанском окружном суде происходило в дни, когда японцы пошли на четвертый штурм Порт-Артура.

Столь схожий с героями Горького Варфоломей Стоян (Чайкин) рассказывал на суде, как сжигали они национальную святыню России. Он говорил это, и «суетливо, с гримасами всматривался в публику» своими «наглыми до дерзости глазами».

И вот так получилось, что рядом со Шлиссельбургским образом Казанской иконы Божией Матери и предстояло отбывать свой каторжный срок этому злодею.

Сохранились воспоминания В. Симоновича¹, запомнившего Варфоломея Стояна в Шлиссельбурге.

«В третьем корпусе сидел еще один известный уголовный каторжанин, по фамилии Чайкин, имевший в совокупности 43 года каторги. Этот Чайкин по количеству преступлений и смелых побегов, был на особом положении у здешней администрации. До Шлиссель-

¹ В. Симонович. В новом Шлиссельбурге. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва. 1934 г., стр. 128-129.

бургской каторги Чайкин долго в тюрьмах не засиживался, а, как говорят на уголовном жаргоне, «нарезал винта» - бежал. Откуда только он не бежал?

Бежал он с Сахалина, из разных губернских тюрем, пуская в ход смелость и ловкость, а, когда нужно было, и хитрость. Один раз бежал он, будучи вызван следователем на допрос. Видя, что надзиратель отвернулся, он снял с вешалки и одел на себя пальто и фуражку следователя и, как ни в чем не бывало, направился к калитке. Привратник, приняв Чайкина за следователя, взял под козырек и выпустил его на свободу.

Много способствовал совершению таких побегов и наружный вид Чайкина. Это был солидный мужчина, лет 42-43, выше среднего роста. широкоплечий, коренастый, с умным симпатичным лицом. С окладистой рыжей бородой. Походка, манеры, поведение – все было у Чайкина солидно. Глядя на него, невольно возникало недоумение, как мог такой человек совершить столько преступлений и побегов.

Специальностью Чайкина были по преимуществу церковные кражи. Последней была знаменитая кража иконы казанской «Божьей Матери», с которой он снял все драгоценности, а доску бросил в печку и сжег.

Это дело в свое время вызвало много шума в духовном мире. К Чайкину приезжали митрополит, известная ханжа Воронова и прокурор с увещеванием отказаться от своих показаний на следствии, где он говорил, что сжег икону. У них была цель создать новую такую же икону и объявить населению, что икона казанской Божией Матери вновь появилась. Чтобы уговорить Чайкина, ему были обещаны все земные блага, вплоть до освобождения. Но Чайкин, как человек твердый, решительный, не верующий ни в Бога, ни в чорта, категорически заявил, что он икону разрубил топором, а щепки бросил в печку и сжег.

Сидел он в третьем корпусе изолированно от всех. На дверь его одиночки повесили два замка, ключи от которых хранились в конторе, а ключ от форточки, через которую передавали пищу, находился у старшего надзирателя, присутствовавшего при ее раздаче. На прогулку и в баню Чайкина водили одного и только тогда, когда все уже отгуляют или вымоются, оставляя ему меньше времени. Перестукиваться и общаться с соседними одиночками он не имел никакой возможности, ибо администрация всегда старалась соседние с ним оди-

ночки держать свободными, а если за неимением мест и сажали кого-нибудь рядом с ним, то всегда из «сучьего кутка», с которым Чайкин ничего общего иметь не хотел. И так проходили для него дни, месяцы и долгие годы в совершенном безмолвии и одиночестве. Чайкина не били, не калечили, не ругали, но из него каждый день методически высасывали капля за каплей кровь. Он гас медленно, но верно угасал и таял, как восковая свеча. Он не кричал, не стонал, не просил и не ждал пощады. Он знал, что это ему за икону Казанской Божьей Матери, и живым из этой крепости ему уже не выйти.

Чайкина я имел возможность видеть через форточку во время раздачи пищи, ибо я сидел против его камеры. Впервые я увидел его в 1912 году. Тогда он был еще совершенно здоров, без всяких признаков болезни. Но постепенно, незаметно для самого себя, Чайкин таял. Случалось мне не видеть Чайкина две три недели, и после этого я всегда обнаруживал новые признаки его болезненного состояния.

Особенно резкую перемену в его здоровье я заметил в начале 1914 года. Раньше через форточку Чайкин со мной всегда вежливо и веселым тоном здоровался, стараясь уловить из случайных разговоров что-нибудь новое.

Теперь он выглядел совершенно апатичным и на мое «здравствуйте, товарищ Чайки!» ничего не ответил, как это было раньше, устремил на меня удивленные глаза, стараясь припомнить, кто я и как я сюда, в этот корпус, попал.

В 1914 году Чайкин окончательно заболел. Нервная система у него настолько разрушилась, что он стал требовать перевода в больницу и начал ругать с надзирателями. Начальник однако запретил брать его в больницу, а посадил больного на месяц в башенный карцер. Там он лежал с повышенной температурой, не поднимаясь с нарки, не ел, не пил, и оттуда его, почти без чувств, вынесли на носилках в больницу, где он и умер».

Ну, а Шлиссельбургская икона Казанской Божьей Матери уцелела и после пожара, который устроили на острове в феврале 1917 года освобожденные бандиты.

Последнее упоминание о ней мне удалось найти в дневнике народовольца Ивана Павловича Ювачева (Отца знаменитого Даниила Хармса), видевшего чудотворный образ 15 (28) июля 1930 года.

«Встал в 4 часа утра, - пишет в своем «дневнике» Иван Павлович. - Обедня на Афанском подворье. Поехал на Смольную пристань,

где встретил из дома отдыха экскурсантов. В восемь с половиной часов пароход с нами отправился по Неве. Сначала я сидел в нижней палубе и пил чай. Потом – наверху. Пристали к городу. Я сбегал в городской собор, в его часовню и приложился к копии иконы Божией Матери Казанской. Мне сказали, что подлинная икона из крепости в старой часовне на берегу, но я поспешил на пароход, который вскоре отправился в крепость. Как только мы вышли на берег, то бросились на траву и стали яростно закусывать хлебом, огурцами, маслом, свежими рыбными консервами. Затем осмотр тюрем. Я побывал в своей камере №23, потом был в церкви Иоанна Предтечи, где выставлены наши портреты... Я уехал раньше других в г. Шлиссельбург на военном катере, чтобы побывать в часовне на берегу, где Казанская чудотворная икона...»

Более упоминаний о Шлиссельбургском образе Казанской иконы Божией Матери обнаружить пока не удается.

Казанская икона из огня возникает и в огонь уходит, разойдясь по чудотворным спискам...

Шлиссельбургский список ее возник из каменной стены и – кто знает! - может быть вернувшись к нам и возвратится из какой-то неведомой стены.

Только, наверное, для этого надо все-таки одержать победу, на которую и благословил нас преподобный Иринарх четыреста лет назад.

НЕНАПИСАННЫЙ РАССКАЗ

Разговор о проблемах современной литературы и том незавидном положении, которое она занимает в обществе, практически уже не оказывая влияния на это общество, зачастую ограничивается сетованиями на отсутствие государственной поддержки, на трудности связанные с распространением книг, на засилие телевизионной развлекаловки, уже не столько отвлекающей наших сограждан от чтения, сколько отучающей от него.

И все это безусловно важно, но все же главные причины, по которым современная русская литература год за годом сдает свои позиции, скрыты более глубоко, и невозможно постигнуть их без анализа того, как искривление духовного информационного про-

странства приводит к смещению нравственных координат и в результате дезорганизации человека как творения Божия.

1

Откровенная официальная ложь, распространяемая в СМИ, как показывает и современный, и советский опыт, достаточно безопасна для души человека, поскольку тут же включается защитный механизм иронии и равнодушия к подобной пропаганде. Другое дело ложь, опирающаяся на незыблемые духовные авторитеты, ложь, льстящая человеку, ложь, поощряющая человеческую гордыню.

Вот простой пример.

Кажется, еще в шестидесятые годы прошлого века наша передовая интеллигенция открыла для себя слова Антона Павловича Чехова о выдавливании «из себя по каплям раба» и трансформировала их в лозунг, в девиз подлинно-интеллигентного поведения.

Образ самого Антона Павловича как бы обеспечивал безусловную правоту этих слов, защищал провозглашенный лозунг от каких-либо сомнений и недоумений.

Как вы помните, разговоры о рабе, которого надо по капле выдавливать из себя, активизировались два десятилетия назад, как раз накануне 1991 года, когда, как считается, и была сделана всероссийская попытка коллективно «выдавить из себя раба».

Прежде, чем говорить, чем завершилось это предприятие, напомним, что развернутые в лозунг слова А.П. Чехова взяты из его письма к Алексею Сергеевичу Суворину от 7 января 1889 года.

Менее известно, что слова эти достаточно беспардонно вырваны из контекста. В этом письме Антон Павлович советовал Суворину написать рассказ «о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям... дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, - напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая»...

А предшествовали этому размышления Чехова о том, *что* та-

кое чувство личной свободы и для чего это чувство необходимо писателю.

«Нужна, - писал Чехов, - возмужалость - это раз; во-вторых, необходимо *чувство личной свободы*, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу»...

Как мы видим, Чехов, во-первых, ставил возмужалость человека прежде чувства личной свободы, во-вторых, он четко определял, что это чувство должно заменить прежнее «легкомыслие, небрежность и неуважение к делу», ну, а самое главное, процесс выдавливания из себя по каплям раба Чехов предлагал Суворину провести только, как художественное исследование, и определял лишь завязку - проснувшись в одно прекрасное утро, герой рассказа чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая - но само развитие повествования и финал оставлял открытыми.

Алексей Сергеевич Суворин, кажется, так и не воспользовался сосватанным ему сюжетом, но в новейшей истории нашей страны это попыталась сделать за него продвинутая советская интеллигенция и номенклатурное диссидентство, и сейчас, двадцать лет спустя, мы видим, к чему привело обретение после августовских пертурбаций ничем не ограниченной личной свободы.

Увы...

Похоже, что выдавленным из человека оказался не тот воспитанный на чинопочитании, на поклонении чужим мыслям, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, раб, о котором писал А.П. Чехов, а раб Божий - человек, стремящийся жить по Божественному закону с его евангельскими заповедями, пусть и искаженно, но сохранявшимися и проповедуемыми и в советскую пору, хотя, разумеется, тогда и делалось все, чтобы - вспомните об изъятии первой евангельской заповеди - исказить их начальный смысл.

Недавно я был в Мурманске, где архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон подарил мне свою книгу «Смирение и прелесть»¹, в которой он приводит чрезвычайно интересное исследование, того, как менялся и продолжает меняться в мирской практике

¹ Архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон. Смирение и прелесть. (По творениям Святых Отцов), Мурманское книжное издательство, 2009.

оценочный смысл важнейших понятий нравственного состояния человека.

Слово «прелесть», например, этимологически производное от слова «лесть», обозначавшего хитрость и обман, прижившись в современном мирском обиходе, используется исключительно в положительном смысле, как очарование, обаяние, привлекательность, пленительность. Ну, а слово «смирение» употребляется в узком (отсутствии гордости, готовность к подчинению), а иногда и отрицательном смысле, или вообще исчезает из обиходных словарей.

Страшно, что переосмысление важнейших категорий христианской аскетики, разрушение их психологической устойчивости и достоверности уводит современного человека на ложные пути...

Впрочем, сейчас мы и сами видим, к чему привело усиленно внедряемое СМИ чувство личной неограниченной ничем свободы. Современная российская действительность насквозь пронизана практически неконтролируемым и не регулируемым личным и групповым эгоизмом. Создание назначенческого капитализма и непобедимой коррупции, сведение экономики страны к нефтяной трубе и распилу бюджета, превращение идеологической работы в шельмование патриотизма и откровенную русофобию, проникающую теперь уже и в сознание рядового русского обывателя, - эти последствия невиданного в мире эксперимента по коллективному выдавливанию из себя раба Божия становятся сейчас реальностью.

О последствиях, которые еще ожидают нашу страну, жутковато и думать, и тут уже не столько об увеличении ВВП надо думать, сколько о том, чтобы совместными усилиями попытаться восстановить разрушенные в обществе нравственные ориентиры.

2

Я не принадлежу к числу людей, объясняющих катастрофу 1991 года исключительно происками западных спецслужб и работой пятой колонны внутри самого СССР. Разумеется, и происки спецслужб имели место, и пятая колонна, составленная, как мы уже говорили, из продвинутой советской интеллигенции и номенклатурного диссидентства, работала весьма целеустремленно, но существовали и другие объективные причины, которые мешали противостоять надвигающемуся разрушению.

Еще в XIX веке великий знаток русского языка, составитель

«Толкового словаря», Владимир Иванович Даль печалился, что мы перестали понимать смысл народных пословиц, потому что стараниями наших классиков сильные и краткие обороты речи оказались вытесненными из письменного языка, чтобы сблизить его, для большего удобства переводов, с языками западными.

Насколько актуальна была эта мысль в XIX веке, показывает пример Николая Семеновича Лескова, юбилей которого мы праздновали (вернее не праздновали) в начале нынешнего года.

Владимир Маяковский говорил, дескать, Лесков рядом с Толстым было виден в большой телескоп. В принципе, это так, но дело тут не только в величине Л.Н. Толстого, а еще и в слепоте критиков, в той странной, выработанной в передовом обществе глухоте на самые главные русские проблемы.

Невозможно найти писателя - и Л.Н. Толстой тут не исключение, - который мог бы сравниться с Лесковым тем глубинным знанием народной русской жизни, той красотой русского языка, тем обилием положительных народных характеров, которые мы находим на страницах лесковских произведений.

Поэтому-то вопрос о том, почему «передовому» человеку надо в большой телескоп рассматривать великого русского гения, чтобы все-таки различить его, не так уж и прост. Еще труднее понять, почему весь творческий путь писателя, составляющего гордость России, протекал в атмосфере травли. «Я как столб, на который уже и люди и собаки мочатся» (письмо Н.С. Лескова П. К. Щебельскому от 18 января 1876 г.). Вопрос этот перерастает рамки биографии писателя и становится *русским* вопросом. И ответ на него - это ответ на вопросы, которые стоят и перед современным русским обществом.

Разрыв Николая Семеновича Лескова, с «передовым» русским обществом только усилился после публикации его романа «Некуда», в котором писатель сатирически изобразил быт коммуны нигилистов.

Впрочем, рассуждать об этом не интересно, поскольку от Д.И. Писарева, в нетерпеливом ожидании революции «прогуливающегося по садам российской словесности», и трудно было ожидать иной реакции.

А вот понять, почему наступил разлад Н.С. Лескова в отношениях с консерваторами и издателем «Русского вестника» М.Н. Катковым, хотелось бы.

Тем более что случилось это уже в семидесятые годы, когда Н.С. Лесковым были созданы едва ли не самые вершинные - речь идет о «Соборянах», «Запечатленном ангеле» и «Очарованном страннике» - произведения.

Вот тогда и прозвучали - «не наш»... - слова М.Н. Каткова, и великий русский гений начал себя сравнивать со столбом, «на который уже и люди и собаки мочатся».

3

Как мог стать не нашим в России, ее едва ли не самый русский писатель?

Объяснение этого парадокса содержится в словах Вл. Даля, говорившего, что стараниями наших классиков русский язык оказался более приспособленным для переводов с западных языков, чем для выражения собственных национальных мыслей. Наверное, тут и следует искать объяснение, почему Лесков оставался «не нашим» и для радикалов, и для консерваторов.

Потому и остался, что и те и другие заимствовали свои убеждения с языков европейских, и к русской действительности идеи эти оказывались неприменимы.

Впрочем, это несколько не мешало их деятельности, поскольку устройство, построенной Петром I империи, и не предполагало связи спускаемых сверху идей с интересами народных масс.

Другое дело Н.С. Лесков, которого по словам Д.П. Святополка-Мирского, «русские люди признают самым русским из русских писателей и который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть».

Лесков не выдумывал, не конструировал своих положительных героев, он создавал характеры, которые никто не мог увидеть и услышать до него, потому что эти характеры - прихожане того храма русского языка, в котором и совершал свою молитву он сам, и в который только из любопытства заглядывали его просвещенные современники.

Фундамент этого храма был заложен еще трудами равноапостольных Кирилла и Мефодия. Целое тысячелетие, миновавшее с Крещения Руси, православное мировоззрение перетекало в наш, «истинною правдой Божией» основанный язык, формируя его лексику, синтаксис и орфографию, и в результате возник Храм, оказавшийся

прочнее любого каменного строения.

Характеры положительных героев, обретаемые Н.С. Лесковым в этом храме языка, по сути, и являются осуществлением и воплощением русской национальной идеи.

И в этом и заключен ответ на вопрос, почему наступил разлад Н.С. Лескова в отношениях с консерваторами и издателем «Русского вестника» М.Н. Катковым, в этом же ответ, почему не смог сойтись Н.С. Лесков с Н.Я. Данилевским.

Либеральные и радикальные попытки интерпретировать характеры и образы Лескова предпринимались более часто, но и они не имели особого успеха.

Николай Семенович Лесков не вписывается в однолинейность схем, и поэтому не учитывается ими.

4

Мысль Даля, что русский язык оказался более приспособленным для переводов с западных языков, чем для выражения собственных национальных мыслей, достаточно точно указывает на истоки нашего 1991 года.

Конечно же, не в наших скорбных для русской славы десятилетиях, и даже не в советскую эпоху следует искать корни наших нынешних бед, но очевидно и другое. Мы видим, что с каждой сменой общественной формации в нашей стране, превращенной в страну революций, происходит не возвращение ее на свой национальный путь, а еще большее уклонение на ложную, ведущую к гибели дорогу.

И если в советскую эпоху, в минуту наивысшей опасности, руководитель страны, забывая о лживой марксистско-ленинской фразеологии, мог перейти – вспомните знаменитое: братья и сестры! - на усвоенный еще в семинарии язык спасения, то произойдет ли такое с нынешними руководителями, которые не стесняются признаваться, что они скачивают себе Гоголя из интернета - не известно.

Не известно и то, сумеем ли мы сами услышать сейчас адресованные нам спасительные слова...

В современной прозе, ориентированной, так сказать, на русско-букеровскую тусовку, проблема современного состояния страны решается сейчас в поэтике садистского гуманизма, столь характерного для этого литературного направления: Россия, слава Богу умирает, и поэтому не мешайте ей умирать.

Иногда эта мысль приобретает, как в прозе Германа Садулаева, некую чеченскую заостренность: «нам, чеченцам, с нашей повышенной пассионарностью... нужны новые жизненные пространства. И эти пространства, дарованные нам Всевышним Аллахом, да будет Он милосерден к нам - все земли России. Русский народ вымирает, каждый год коренное население России сокращается на миллион. Если русские земли не заселим мы, это сделают другие, те же китайцы...»¹, иногда, как в прозе Захара Прилепина, вроде бы вызывает протест со стороны героев...

На русофобскую проповедь преподавателя Безлетова: «Ты никак не поймешь, Саша, - здесь уже нет ничего, что могло бы устраивать. Здесь пустое место. Здесь нет даже почвы. Ни патриархальной, ни той в которой государство заинтересовано, как модно сейчас говорить, гео-поли-тически. И государства нет... Не надо ничего делать. Потому что пока рас-се-яне тихо пьют и кладут на все с прибором, все идет своим чередом. Водка остывает, картошечка жарится. А как только рас-се-яне вспомнят о своем, завалившемся под лавку величии, о судьбах Родины, о... о чем вы там все время говорите?.. тогда вы начнете пускать друг другу кровя...» - герой романа «Санька»² отвечает, дескать, не нуждается он ни в каких национальных идеях, а чуть позднее, разъяря свою позицию, он добавит, что «революция» и «Россия» - это равнозначные и равновеликие понятия. Россия не мыслима вне революции и без революции.

Критики, почему-то считают героя Прилепина типажом из народной глубинки, схожим с шукшинскими разиными и суразами, не замечая, что переполненный, как отмечается в отзывах, «жгущей его изнутри жаждой справедливости», герой нигде не работает и по сути дела паразитирует со всеми своими революционными порывами на старенькой, надрывающейся на работе матери.

Прилепин уводит, конечно, сопутствующие такому образу жизни переживания и отношения за пределы романа, а динамичная, составленная из погромов и драк с милиционерами и собровцами сюжетная линия помогает ему скрыть обман, но думается, что не

¹ Герман Садулаев. Пурга, или Миф о конце света. Повесть, рассказы. Москва Вагрус. 2008.

² Захар Прилепин. Санька. Роман. М. ООО «Издательство AdMarginen», 2007.

только этим объясняется прочность искусственно сконструированного персонажа.

Главное в том, что погружая своего героя в мир разрушенных нравственных ориентиров, автор и сам словно бы не замечая их отсутствия, ловко перенацеливает энергию народного протеста с истинных причин несчастий, на нечто второстепенное, сопутствующее этим несчастиям...

Вместо воспитания братолюбия предлагается воспитание, возвращение ненависти.

Вместо отказа от революционной мифологии, которой забивали и продолжают забивать головы, предлагается замыкание в этой мифологии.

Для меня роман «Санька» интересен именно этим незапланированным автором художественным итогом.

Увы... Когда современный человек берется выдавливать из себя раба в условиях нестесняемой никакими нравственными ограничениями свободы, он, действительно, выдавливает из себя раба Божия, человека, полностью доверяющего Богу, и, в подчинении своем Ему видящему наилучшее средство к совершенствованию, потом неизбежно выдавливает из себя и гражданина своей страны и что от него тогда остается?

Для Федора Михайловича Достоевского, например, юбилей которого мы тоже отмечали в этом году, православие было светом, освещающим тот страшный материал человеческих душ, с которым он работал. Для нынешних писателей и православие, и русский патриотизм зачастую становится только материалом, в котором они реализуют свои сумрачные идеи...

5

Тут самое время вспомнить еще об одном юбилее этого года - трехсотлетнем юбилее Михаила Васильевича Ломоносова.

Когда Вл. Даль говорил о стараниях классиков, приспособивших русский язык для удобства переводов с языков западных, он как раз Михаила Васильевича Ломоносова и имел в виду.

«Со времен Ломоносова, - писал он, - с первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодке, продолжают труд этот с насилием и все более удаляются от истинного духа язы-

ка».

Но трагедию натяжки русского языка по римско-германской колодке сам Михаил Васильевич Ломоносов и сформулировал в своей разошедшейся по историческим анекдотам просьбе императрице пожаловать его в немцы.

Понятно, что Михайло Васильевич этой просьбой обличал засыле немцев в русской науке, но содержалось в иронической просьбе великого ученого и прямое значение.

Если бы немцами назначали, Ломоносова следовало бы назначить немцем вперед Шумахеров и Миллеров. Он вполне соответствовал немецкой культуре, многое из неё перенес на русскую почву, и далеко не всегда на пользу этой самой русской почве.

Поразительно, но невозможно найти ни одной страны в мире, где само понятие патриотизма подвергалось бы такому злобному и беспощадному шельмованию, как у нас в России...

Нечистоплотные телевизионные затейщики этого порою прикрываются чуть ли не державными идеями. Дескать, если не сдерживать рост русского патриотизма, то, что станет с целостностью Российской Федерации, населенной великим множеством больших и малых народов.

При этом они забывают, что само понятие русского патриотизма распространяется на все народы, населяющие нашу страну.

Причем касается это не только коренных народов, с которыми русские люди связаны историческим, духовным и кровным родством, но и народов, появившихся в нашей стране всего несколько столетий назад. Представители этих народов, не теряя своих национальных особенностей, *в русскости* реализуются порою гораздо полнее и глубже, чем замыкаясь внутри своей национальности.

Свидетельство этому - диалог, который как-то сам по себе выстроился в нашей истории между двумя великими деятелями русской науки и литературы...

Коренной, холмогорский русак Михайло Васильевич Ломоносов просит государыню пожаловать его в немцы.

Ну, а Владимир Иванович Даль печалился, что мы перестали понимать смысл народных пословиц, и одно это только делает Владимира Ивановича Даля величайшим русским патриотом...

И что тут изменится, если вспомнить, что происходил Даль из немецкой семьи и, прожив 70 лет, только за год до смерти принял

православие, да и то для того, чтобы, как говорили, быть похороненным недалеко от дома на Ваганьковском кладбище...

Погружаясь в светоносно-духовные глубины языка, созданного православным народом, Владимир Иванович Даль через язык и воцерковился и стал православным человеком, и церковное крещение было лишь завершением того, что совершалось с ним всю его жизнь.

Но сейчас для нас важно другое...

Поразительно, но и самим своим немецким, неправославным происхождением Владимир Иванович Даль обличает бесстыдство аргументации шельмователей русского патриотизма.

6

Как же должно осуществляться противостояние валу невыраженных национальных мыслей?

Наверное, важную роль в этом могла бы сыграть литературная критика. Но вот вопрос, какие критерии необходимо заложить в фундамент литературной критики, чтобы она стала созвучной времени?

Совершенно очевидно, что литературная критика, которая относится к разрушению нравственности, как к чему-то второстепенному, и базируясь якобы на эстетических принципах, составляет различные групповые списки и рейтинги. Увы, ни о чем эти списки и рейтинги не свидетельствуют, разве только о том, как легко при анализе современной литературы подменить эстетические критерии групповыми интересами и симпатиями.

Гораздо продуктивнее выдвинуть в качестве критерия оценки художественного произведения принцип, лежащий в основе русской классической литературы, детературы православного реализма, всегда, так или иначе занимавшейся темой спасения героя своей души или погубления ее.

Можно было бы усовершенствовать это предложение принципом сформулированным Аввой Дорофеем, который предлагал достаточно простой способ определения: движется человек к Богу или же удаляется от Него. Если возрастает в человеке любовь к ближним, если сближается он с ними - он на верном пути, он приближается к Богу. Если человек удаляется от ближних, он удаляется и от Бога.

И все же созвучнее общественному восприятию будет оценка литературного произведения в соответствии с тем, удастся или не

удается его автору выразить те самые невыраженные национальные мысли, о которых говорил В.И. Даль? Или же он, подобно многочисленным предшественникам, посвящает весь свой талант лишь переводу русской жизни на иностранные языки, укладке ее в зарубежные схемы?

7

К сожалению, литература наша переживает сейчас системный кризис, обусловленный утратой русским читателем веры в возможность современного писателя прорвать глухое безязыкое отчаяние современной жизни.

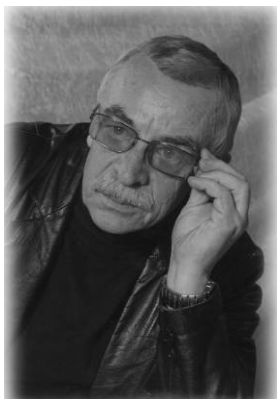
Но это не освобождает нас, так или иначе причастных к созданию литературных произведений от обязанности прилагать все силы для преодоления хаоса, захлестывающего страну, для воссоздания в общественном сознании системы нравственных координат, ограничивающих личный эгоизм и своеволие.

И если попытаться вообразить, что А.П. Чехов писал бы свое письмо не 7 января 1889 года, а столетие спустя, легко допустить, что он посоветовал бы своему адресату написать рассказ о человеке, очарованном лукавыми голосами и принявшемся капля за каплей выдавливать из себя все, что ограничивает его личную свободу. И вот в одно прекрасное утро этот человек видит себя никому не нужным посреди огромной разоренной страны. И человек этот понимает, что не о выдавливании из себя раба следовало бы думать, а о той величайшей свободе быть православным человеком, быть рабом Божиим, быть патриотом своего Отечества, которое так и было выстроено за тысячелетие его православной истории, что спасение собственной души и спасение своей Родины всегда совпадали здесь между собою.

Вполне можно допустить, что великий мастер художественной литературы А.П. Чехов, именно этот совет и дал бы сейчас своим коллегам литераторам. И уж без всякого допущения, совершенно определенно можно утверждать, что реализованная в художественном тексте эта история и стала бы событием в современной литературе.

Ноябрь, 2011

*Санкт-Петербург – Ракитное,
Келья отца Серафима (Тяпочкина)*

**БОРИС
КОНДРАТЬЕВ**

Доктор филологических наук, профессор.

**НАТАЛИЯ
СУЗДАЛЬЦЕВА**

Директор Саратовской православной гимназии. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России с 2009 года.

ТАЙНА «ПУШКИНСКОЙ РЕЧИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Свою знаменитую речь Ф.М. Достоевский, как известно, закончил словами об оставленной нам Пушкиным «некоторой великой тайне», которую «мы теперь без него разгадываем». Но построенная на разгадке Пушкина, речь Достоевского сама стала «некоторой тайной». В самом деле, вспомним обстановку, царившую в аудитории. Перед Достоевским уже выступили все представители «живой антологии» (по выражению современника) русской литературы: А.Н.Островский, К.С.Аксаков и самый ярый «оппонент» Достоевского — И.С.Тургенев. Их, особенно последнего, провожали овациями. Но то, что творилось после речи Достоевского, по свидетельству современников, да и самого писателя, не поддается объяснению. Люди впадали в экстаз, плакали, случались обмороки. С Достоевским обнялся даже Тургенев. Все примирились (хотя уже на другой день оценки речи и отношение к ней значительно изменились). Что же произошло?

Дело в том, что Достоевский не просто произнес Юбилейное слово, а в присутствии уже подготовленной предыду-

¹ Главы из новой книги: Кондратьев Б.С., Суздальцева Н.В. Пушкин и Достоевский: путь к духовной очевидности. АГПИ, 2011. 400 с.

щими ораторами и по-особому торжественно настроенной аудитории сотворил первый и все еще остающийся единственным для русского сознания Национальный Миф и свершил этим, в самом прямом смысле, мифологический ритуал общественного примирения.

Мифологическое сознание, как известно, находится за пределами рационального, текущего, конкретно-исторического, логика мифа априорна, абсолютна, она плохо согласуется с традиционными представлениями о реальности. С другой стороны, для мифотворчества характерна сопричастность. И слушатели Достоевского неизбежно становились в тот момент как бы сотворцами мифа, находились не вне, а внутри мифологического времени и пространства. Отсюда – и экстатичность, полное единение в восприятии. Естественно, что, скажем, через день, вернувшись к привычному рациональному сознанию, те же самые слушатели уже подвергли речь анализу, а значит и сомнениям.

Конечно же, наша мысль о том, что речь Достоевского есть Национальный Миф о русском народе-богоносце, центральным героем которого стал Пушкин как единственный и последний русский Пророк, является своего рода версией. Но мы попытаемся укрепить ее, доказав, что текст Пушкинской речи имеет именно мифопоэтическую структуру.

Прежде всего, рассмотрим значение речи в контексте всего События: ведь она лишь часть Праздника. Открытие памятника – Событие ритуально-мифологического характера, это – Действо, в котором соединяются время-пространство профанное (историческая дата) и сакральное (ибо памятник есть некий символ бессмертия, знак вечного духовного присутствия умершего в этом мире, а значит и знак соединения двух миров). Такое единение двух мифологических пространств, как отмечает В.Н. Топоров, «происходит лишь в сакральном центре пространства, противостоящем профаническому пространству, и в сакральной временной точке, на рубеже двух разных состояний, когда профаническая деятельность снимается и время останавливается». Но мифологическими свойствами может обладать и слово: «То же происходит и в языке. Появляются слова и высказывания, претендующие на то, чтобы быть последней инстанцией, определять все остальное, подчиняя его себе. Слово в этих условиях

выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием, актуализирует свои внеязыковые потенции».¹

И мы думаем, что Слово (речь) Достоевского и стало тем «сакральным центром» Пушкинского праздника как ритуально-мифологического действия: не случайно писатель говорит именно о Явлении нам Пушкина, причем в абсолютных категориях – как начале всего. По сути дела, Речь отвечала и на вопрос, почему явление Пушкина (в виде Памятника, как замещающего знака) произошло именно на рубеже 1880-х гг.

Исторически – это время кризисное, время борьбы двух противоборствующих сил, условно обозначенных, как «западники» и «славянофилы»; это время, которое тем самым свидетельствовало о «распаде» и «хаосе» российского общественного сознания; это время «проклятых русских вопросов» о путях развития России, вопросов, на которые не было ответов, способных удовлетворить ту и другую сторону. Но на мифологическом уровне эти исторические (профаные) события развиваются по универсальной архаической схеме: есть кризисная ситуация, «когда организованному... космическому началу угрожает превращение в непредсказуемое, хаотическое состояние», и выход из этой ситуации мыслится как «испытание-поединок» двух противоборствующих сил, как «нахождение ответа на основной вопрос существования».²

По Достоевскому, таким ответом для всех и мог стать Пушкин, но не просто как великий поэт, и не просто как метафора Протея, но собственно как мифический герой, призванный восстановить космическое равновесие бытия, ибо Пушкин для Достоевского – живое уяснение и подтверждение, что такое русский дух, куда стремятся его силы и каков его идеал.

Сама жизнь Пушкина реализуется в Речи (опубликованной вскоре в «Дневнике писателя» в качестве очерка и от этого не потерявшей свою мифопоэтическую структуру) как мифологический сюжет, в основе которого лежит конфликт двух противоборствующих

¹ *Топоров В.Н.* Ритуал. Миф. Символ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 5-6.

² *Топоров В.Н.* Ритуал. Миф. Символ. Исследования в области мифопоэтического. С. 5-6.

сил, но сил, находящихся не во вне, а внутри самого поэта: он одновременно и герой, и антигерой, он же – и поле битвы этих двух ипостасей. «Я делю деятельность нашего великого поэта, – пишет Достоевский, – на три периода. Говорю теперь не как литературный критик: касаясь творческой деятельности Пушкина, я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его и что я в этом слове разумею. Начало «Онегина», например, принадлежит, по моему, еще к первому периоду деятельности поэта, а кончается «Онегин» во втором периоде, когда Пушкин нашел уже свои идеалы в родной земле, воспринял и возлюбил их всецело своею любящей и прозорливой душой... К третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные...»

Эти выделенные Достоевским периоды деятельности Пушкина есть звенья мифологического сюжета, его развития. Пушкин первого периода являет в себе, в своей мифологической сути, образ Алеко и Онегина (они здесь, у Достоевского, не литературные персонажи, но персонификация самого поэта). Таким образом, Пушкин этого периода – мифологический скиталец, антигерой, воплощающий в себе мир, движущийся к хаосу. Пушкин третьего периода, наоборот, – уже герой-победитель, восстановивший мировую гармонию (отсюда и его «всемирная отзывчивость» и «перевоплощение своего духа в дух чужих народов», и «стремление <...> в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности»). А вот во втором периоде мифологической судьбы Пушкина находится тот самый сакральный центр, без которого мифа не существует: а именно – поединок героя и антигероя. Этот центр, на наш взгляд, следует искать в «Евгении Онегине», не случайно Достоевский связывает периодизацию пушкинского творчества именно с этим романом. И тогда имя антигероя будет Пушкин-Онегин, а героя – Пушкин-Татьяна. Достоевский подробно пересказывает нам и комментирует эпизод последней встречи Онегина и Татьяны, потому что именно здесь и происходит то испытание-поединок, от которого зависит судьба мира. Поэтому и сам общий смысл этой сцены подается Достоевским ритуально-мифологически: «Представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно челове-

ское существо, мало того – пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены... И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, остаться навеки счастливыми?»

В отказе Татьяны от любви Онегина, в ее добровольной жертве заключается для Достоевского ответ на этот мифологический вопрос и ее победа над Онегиным. Онегин и Татьяна в данном случае выступают как мифологическая оппозиция «антигерой – герой» по отношению к Идеалу, как та или иная ступень подражания. Татьяна есть подражание (по образу и подобию) Идеалу, а Онегин – пародия на Идеал. Поэтому знаменитую фразу-откровение Татьяны («Уж не пародия ли он?») здесь можно толковать как окончательное постижение сущности Онегина, как приговор. На мифологическом уровне это означает, что жертвенность Татьяны восходит у Достоевского к идеалу Христа, а отступничество Онегина символизирует отпадение от истины Антихриста. И с точки зрения развития мифологического сюжета данная оппозиция может быть рассмотрена как оппозиция исторического («Пушкин первый... отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества») и вечного («Он первый дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей») в русском сознании. Собственно, и движение самого Пушкина в рамках мифа есть движение от исторического типа к типу вечному, от пародии к Идеалу.

Во всей своей очевидности этот Идеал предстает в сакральном центре уже самой Пушкинской речи в целом (до этого мы говорили о сакральном центре Пушкинского праздника, которым явилась речь Достоевского, и о сакральном центре мифологической судьбы Пушкина). Ведь Пушкин как «невиданное и неслыханное явление» есть прежде всего явление русского духа, поэтому творимый Достоевским Миф есть миф именно о русском духе: «Я верую, в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже

все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

«Христов евангельский закон» и есть тот Идеал, тот ответ на основной и последний вопрос о восстановлении бытия. Но одновременно этот ответ предполагает и свершение в будущем последнего сакрально-ритуального действия, чтобы окончательно закончить поединок сил разрушения и созидания. И это действие, по Достоевскому, имеет три ступени на пути к завершению:

I ступень – Христос, свершивший подвиг предвечности, давший нам высший Идеал.

II ступень – Пророческое слово Пушкина, его напоминание и указание русскому человеку Вечного Идеала и пути к этому Идеалу; его окончательное слово великой гармонии, всечеловечности и всемирности.

III ступень – Будущий подвиг русского человека, свершившего первоначально подвиг примирения в самом себе и призванного явить собой напоминание и указание Вечного Идеала уже всему человечеству.

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», – сказал Гоголь. Но для Достоевского Пушкин – «единственное явление русского духа» только потому, что явление пророческое. Он единственный, первый и последний русский пророк. Но при этом каждый русский человек в духовной глубине своей есть Пушкин. Поэтому слушатель Достоевского на Пушкинском празднике и ощутил в себе эту «братскую любовь», и пережил экстатический восторг примирения, что каждый, следуя за словом и мыслью Достоевского, прошел внутренне путь мифического героя. Но ритуал призван лишь напомнить об Идеале, а не воплотить его. Поэтому речь Достоевского могла только на мгновение объединить слушателей, но не могла удержать этого единства.

«Мифическая эпоха», – как определяет ее Е.М. Мелетинский, – это эпоха первопредметов и перводействий: первый огонь, первое

копье, первый дом и т.п. <...> актам первотворения соответствуют в архаических мифологиях жившие и действовавшие в мифическое время герои, которых можно назвать первопредками-демиургами-культурными героями <...> Первопредок-демиург-культурный герой, собственно, моделирует первобытную общину в целом, отождествляемую с «настоящими людьми».¹ Пушкинская эпоха для Достоевского (а в некотором смысле и для нас, современных людей) и была такой «мифической эпохой», а Пушкин – ее культурным (мифическим) героем. Это эпоха, когда Россия наконец-то начала приходить в себя после петровских реформ и отходить от обморока-сна «осмнадцатого столетия». Началу XIX века мы обязаны первыми признаками пробуждения национального самосознания, формированием современного литературного языка, зарождением русской литературы (не как возрастания совокупности отдельных произведений разных авторов, а как единого течения с особым русским художественным мироощущением и мифологией), а также литературной критики, философии, историографии. Поистине это эпоха – «первого огня», «первого копья» и «первого дома» послепетровской России. Пушкин, как никто иной, подходил на роль демиурга этой эпохи: он и первый поэт, и критик, и журналист, и историк – и даже символично, что начал он свой путь поэта (лицейский экзамен Державину) стихотворением «Воспоминания в Царском Селе», которое было посвящено войне 1812 года.

Пушкин как мифический герой, моделирующий общество, представляет собой и законченный образ этого общества (конечную цель), и весь путь этого общества. М.Н. Виролайнен в своей интереснейшей статье «Культурный герой Нового времени» выделяет два типа культурного героя: «человек образа» и «человек пути», при этом Пушкина она считает именно «человеком пути».² Однако для Достоевского Пушкин совмещает в себе обе эти ипостаси: он и «человек пути», способствующий «освещению темной дороги нашей новым направляющим светом», и «человек образа», потому как не

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 173.

² Виролайнен М.Н. Культурный герой Нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под ред. Виролайнен М.Н. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). СПб, 1999. С. 336.

только «указывает и пророчествует», но сам уже есть «указание и пророчество», то есть «образ». Концы и начала в мифе всегда совпадают, поэтому Пушкин – первый и последний, он и начало пути, и образ, которым кончается путь. Поэтому он мифологичнее, космичнее и гармоничнее всех грядущих за ним русских писателей и поэтов, поэтому и нет в русской литературе ни одной новой темы, которая бы не была так или иначе уже замечена Пушкиным; поэтому он – «наше все». Как «человек образа» Пушкин являет собой весь русский космос в его многоликости и духовной чистоте, но как «человек пути» он пророчествует об эпохе, когда космосу будет грозить и предшествовать эпоха разрушения, когда люди будут сплошь скитальцами и антигероями, ведь он и сам герой и антигерой одновременно. И свою эпоху Достоевский переживает именно как эпоху русского скитальчества. «Русский скиталец» – это главная пушкинская тема у Достоевского. И если Пушкин – первый русский пророк, то Достоевский – первый русский человек, услышавший его пророчество, увидевший и осудивший в себе скитальца и попытавшийся противопоставить ему героя, попытавшийся найти его и в себе, и в русском обществе. Как страстно он «вымучивал» из себя такого героя, как жизненно несостоятельны и фантастичны его Сонечка Мармеладова, князь Мышкин, Алеша Карамазов, потому что не было такого героя в миру, и лишь старец Зосима (старец «не от мира сего») приближался к образу героя, способного превратить скитальчество русского антигероя в странствование. Но все это уже предчувствовал «человек пути» Пушкин, поэтому кроме «гармонической ясности» и «стройности» его произведения полны и мотивов, характерных для демифологизированного, раздвоенного кризисного сознания. «Пожалуй, бахтинские категории «диалога» и «полифонии», – отмечает М.Н. Виралайнен, – в первую очередь должны были бы быть применимы не к Достоевскому, а к Пушкину».¹ И нехитрая диалектика подсказывает: сколько пушкинских мотивов и тем мы найдем у Достоевского, столько же мотивов и тем Достоевского мы отыщем у Пушкина, потому что Достоевский берет от Пушкина только то, что интересно и близко ему самому, он узнает в Пушкине себя и свое. Именно эти «мотивы Достоевского» у Пушкина и пушкинская тра-

¹ Виралайнен М.Н. Культурный герой Нового времени С. 349.

диция у Достоевского и будут интересовать нас в ходе дальнейших размышлений. Традиция – это всегда диалог. Попробуем представить себе этот диалог между мифической эпохой (Пушкин) и эпохой демифологической (Достоевский).

МИФ О РУССКОМ СКИТАЛЬЦЕ

Еще раз вернемся к памятным событиям 6 июня 1880 года. Среди тех, кто «обнимал со слезами» автора Пушкинской речи, был и И.С. Тургенев. Однако уже через две недели этот порыв к «примирению» миновал, и явилось письмо в «Вестник Европы» М.М. Стасюлевичу с утверждением, что Речь Достоевского «всцело покоится на фальши»¹. Что же не принял (или не понял) «западник» Тургенев? Прежде всего, возведение в «апофеозу» Татьяны («ужели же одни русские жены пребывают верны своим старым мужьям?»). Далее – пафос Достоевского в утверждении русской души, «всечеловечной и всесоединяющей» («И к чему этот всечеловек, которому так неистово хлопала публика?»). И, наконец, полное отвержение, по сути дела, главной мысли писателя, на которой выстраивается весь его Миф о Пушкине: «Смирись, гордый человек». По мнению Тургенева, «Алеко Пушкина чисто байроновская фигура – а вовсе не тип современного русского скитальца». Думается, что полемичность тургеневских оценок не стоит рассматривать лишь с позиций неприятия им славянофильства. Скорее, Тургенев все-таки почувствовал мифологическую природу Речи, но не признал ее за правду: слишком близка по времени была Пушкинская эпоха; события и лица (в том числе и литературные образы) воспринимались еще конкретно-исторически и не интегрировались в категории мифологической деятельности. Хотя у самого Тургенева-художника интерес к «типу русского скитальца» наблюдался еще с первого романа: «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам!». А Рудин («Я родился перекати-полем») буквально «цитирует» Достоевского: «я смиряюсь, хочу примениться к обстоятельствам, хочу малого, хочу достигнуть цели близкой, принести хотя ничтожную пользу». Вспомним у Достоевского о необходимости смирения в себе «гордого человека»:

¹ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. -М.: Наука, 1986. Письма, Т.12, кн.2. -С. 272

«пожертвуйте для всеобщего блага всем вашим великанством; шагайте вместо семи миль по вершку; проникнитесь идеей, что если нельзя шагать дальше, то вершок все-таки больше, чем ничего». Кстати, и сам Достоевский заметил Рудина и органично ввел его в свой миф: «вполне русским был и Рудин, убежавший в Париж умирать за дело, для него совершенно, будто бы, постороннее... Да ведь именно потому-то он и русский в высшей степени, что дело, за которое он умирал в Париже, ему вовсе было не столь посторонним, как было бы англичанину или немцу, ибо дело европейское, мировое, всечеловеческое – давно уже не постороннее русскому человеку. Ведь это отличительная черта Рудина. Трагедия Рудина была, собственно, в том, что он на своей ниве работы не нашел и умер на другой ниве, но вовсе не столь чуждой ему...»

Сделанные нами наблюдения лишней раз подтверждают, что основанный на мифологеме «гордого человека» миф о русском скитальце – это не фантазия Достоевского, не «фальшь», но объективная реальность национального (в том числе, и художественного) сознания. Это и пытался доказать великий наш писатель-философ, выстроив на критике скитальчества здание своей русской идеи. Причем, не только в Пушкинской Речи: первая из двух приведенных выше цитат относится к 1861 году, а вторая (о Рудине) – к самым последним страницам «Дневника писателя» (уже после очерка о Пушкине).

Итак, что же из себя представляет, по Достоевскому, русский скиталец? Прежде всего: «отрицательный тип наш, человек, беспокоряющийся и не примиряющийся, в родную почву и в родные силы ее не верующий, Россию и себя самого <...> в конце концов отрицающий, делать с другими не желающий и искренне страдающий». Достоевский подчеркивает, что это «болезненное явление» «отыскал и отметил» именно Пушкин в Алеко и Онегине. Но поскольку это явление чисто русское, то и истоки его, видимо, можно отыскать уже в фольклоре, в позднем богатырском эпосе, например, в Василии Буслаеве. Ведь не случайно Достоевский постоянно подчеркивает «исполинство», «великанство» скитальца. Ему и скучно-то, что видит он себя спасителем всего человечества: «на меньшем он не помирится».

В христианско-православном контексте скиталец восходит к размышлениям о «широком» и «узком» пути, которые мы найдем и в знаменитой «Лестнице», и в «Слове о законе и благодати» Илариона, и в святоотеческой традиции. Собственно, и в целом мифологическая

модель, основанная на оппозиции «скиталец – странник», по своему духовному содержанию есть воплощение оппозиции «Антихрист – Христос». Так, у Иоанна Лествичника мы читаем: «Странничествуя, остерегайся праздносчитающегося и сластолюбивого беса; ибо странничество дает ему повод искушать нас».¹ И в то же время: «пмыслим о Том, Который снишел на землю в виде странника».² Для Иоанна скитальчество однозначно связано с бесовским искушением, «удовлетворением своим страстям». Странничество же – «желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчания глубины».³ Но эта мифологическая модель не существует вне мифологеми Пути, которая в основе своей безусловно оппозиционна. В святоотеческой литературе о «пути широком» и «пути узком» наиболее пространно рассуждает Тихон Задонский. «Два пути суть, – утверждает святитель, – по которым странствующие в сем мире идут до своего конца, то есть тесный и пространный».⁴ На пространном пути – «миродержец князь тьмы». Этот путь потому и широкий, что «путники его по воле своей живут, делают, что хотят». Широкий путь есть «пространство воли своей». Узкий же путь – «отвержение себе и воли своя», «тесным путем Сам шел Христос». Таким образом, широкий путь – это путь скитальца, узкий – путь странника. Если в этих координатах мы будем рассуждать о русском пути, то это будет «сужение» пространства. «Нет, широк человек, слишком даже широк, – высказывает мысль Достоевского Митя Карамазов, – я бы сузил». В художественной литературе эта мифологическая модель, пожалуй, впервые реализована в «Слове о полку Игореве»: первоначальный путь князя – широкий, именно гордыня, желание власти и славы ведет его, но плен заставляет его узреть узкий путь, которым он и возвращается в Киев, в храм Богородицы. Начав скитальцем, Игорь заканчивает странником.

Пушкин, хотя и был знаком с древнерусским памятником, вряд ли, воспринимал его именно в таком контексте. Как художник он

¹ *Лествица, возводящая на небо преподобного Иоанна Лествичника*, игумена монахов Синайской горы. М., 2000. С. 50.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 49.

⁴ *Схиархимандрит Иоанн (Маслов)*. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 1996. С. 777.

все-таки шел от западноевропейской романтической (байронической) традиции, хотя его скитальцы вырастают из русской почвы, обретаются на русском пространстве, по-русски мучаются собственным эгоизмом («страдающие эгоисты», по-Белинскому), а значит, потенциально готовы к переходу на узкий путь странничества.

В этом плане рождается у Пушкина русская интерпретация байронического типа: неприятие мира (бунт) – бегство от этого мира («паломничество» – Алеко в «степь», Онегин – в деревню) – поиск иного мира (по своему образу и подобию) – ненахождение такого мира (скука – «хандра») – мщение (расправа – насильственное изменение мира – «Всех утопить!») – Фауст, дуэль Онегина, убийство Земфиры Алеко) – расплата. Образуется круг, в эпицентре которого «гордыня». Скитальчество – и есть движение, замкнутое на собственную личность: в нем нет иной цели кроме собственного «Я» (самоцель). «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Скитальчество – праздность (и праздник) – в отличие от странника, который есть «духовный труженик».

Таковы Алеко, Онегин, Фауст (но русский – Пушкинский), Евгений («Медный всадник»). Но в них заложена и потенция разрыва круга. Это – страдание одновременно в двух своих ипостасях: страдание от неудовлетворенности (исчерпанности) собственных желаний и страстей (жажда праздника, нежелание оставлять праздник) и одновременно – страдание за других (сострадание). Сформулировано четко Белинским: «страдающий эгоист» (горячий – холодный). В этом и заключается «широкость» русского скитальца, что он способен одновременно созерцать и «идеал Мадонны», и «идеал содомский»; в этом его мучение, но здесь же и его надежда, потому что приговор еще не произнесен, его судьба до конца не определена – его скитальчество между «горячим» и «холодным» всегда может быть закончено по его же воле у одного из этих полюсов. В этом смысле знаменательны финальные строки «Евгения Онегина»:

Блажен, кто праздник жизни рано

Оставил, не допив до дна

Бокала полного вина,

Кто не дочел ее романа

И вдруг умел расстаться с ним,

Как я с Онегиным моим.

Это почти прославление Пушкиным духовного скитальчества –

блажен, кто отказался быть просто молодым, просто жить, презрел жажду жизни без цели, без идеи, кто подобно Онегину хочет «быть чем-нибудь давно». Но блажен тот, кто отказался именно от праздности, то есть и нашел эту цель, нашел по себе дело. Поэтому Пушкин, «прерывая» роман, прерывает и духовное скитальчество Онегина как праздность. В неоконченности романа заключена надежда для Онегина, а не приговор. Этот пушкинский мотив («праздник жизни», «кубок жизни») подхватит Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «...порази меня хоть все ужасы человеческого разочарования, – исповедуется Иван Карамазов Алеше, – а я все-таки захочу жить и уж как припал к этому кубку, то не оторвусь от него, пока его весь не осилю! Впрочем, к тридцати годам, наверно, брошу кубок, хоть и не допью всего и отойду... не знаю куда. Но до тридцати моих лет, знаю это твердо, все победит моя молодость – всякое разочарование, всякое отвращение к жизни». Иван – наиболее «онегинский тип» из всех скитальцев Достоевского, он, правда, все же Карамазов, а Онегин – в нем слишком много этой «карамазовской неприличной жажды жизни». Но и он ставит себе «онегинский рубеж» – предел праздности – тридцать лет.

Скиталец и у Пушкина, и у Достоевского – это, конечно же, прежде всего, национально-исторический тип, но при этом и тип мифологический. Национальное связано с рядом оппозиций, опирающихся на православное самосознание: бунт – смирение, низ (бездна) – верх (небо), «холодный» – «горячий». Историческое сосредоточено в параллельном ряду оппозиций, парадигматическим центром которых будет оппозиция Запад – Россия: индивидуализм – соборность, рационализм – «сердечность». Вспомним, например, что Пушкин отказал Чацкому в уме, но не в сердце. «Пусть он глуп – зато у него сердце доброе», – соглашался с Пушкиным и Достоевский, в другом месте, впрочем, писавший о Чацком и так: «Не понимаю я только одного: ведь Чацкий был человек очень умный. Как это умный человек не нашел себе дела? Они ведь не нашли дела, не находили дватри поколения сряду. <...> На то и ум, чтоб достичь того, чего хочешь. И если хочешь непременно одним шагом до цели пойти, так ведь это, по-моему, вовсе не ум. Это даже называется белоручничеством». Вспомним и такое высказывание Достоевского: «Чацкий – это совершенно особый тип нашей русской Европы, это тип милый, восторженный, страдающий, взывающий и к России, и к почве, а ме-

жду тем все-таки уехавший опять в Европу». Заставлял он своих героев говорить о Чацком и такие, явно злые слова: «Он тянул оброк, чтоб на него жить в Париже, слушать Кузена и кончить чаадаевским или гагаринским католицизмом. Если же он вольнодумец, то ненавистью Белинского с *tutti quanti*¹ к России. Но пуще всего то, что он и вообразить себе не мог, чтоб в России был другой мир, кроме московского, потому что он сам московский барин и помещик». Чацкий для Достоевского, пожалуй, самый первый в русской литературе тип русского скитальца (первый, потому что еще наивный и «милый» – в Алеко и Онегине от этой наивности уже и следа нет, это типы уже вполне «подпольные», близкие самому Достоевскому; Чацкий нашел свое выражение у него разве что в образе Степана Верховенского). Но в вышеприведенных высказываниях о Чацком перечислены три основные свойства скитальца как национально-исторического типа: праздность («белоручничанье»), стремление искать истину на Западе и разлад между умом и сердцем. Потому и «глуп» Чацкий, что его «большой ум» не русского склада, хотя сердце вполне русское, горячее и страдающее. Именно в сердце и заключена вся сила русского скитальца, его «исполинство» и возможное будущее предназначение. «Это фразер, говорун, но сердечный фразер и совестливо тоскующий о своей бесполезности, – оправдывает Чацкого Достоевский. – Он теперь в новом поколении переродился, и мы верим в юные силы, мы верим, что он явится скоро опять, но уже не в истерике, как на бале Фамусова, а победителем, гордым, могучим, кротким и любящим». «И зачем говорить, что он ни к чему не способен, кроме странствий? – вопрошает о судьбе русского скитальца Версиков в «Подростке». – Да разве всемирное боленье-то не великое дело».

Но и Макар Долгорукий всего лишь странствует, однако составляет явную оппозицию и Версикову, и Верховенскому и Ставрогину как странник – скитальцам, потому что он странствует по России, а они – по Европе. Странствование по Европе для Достоевского есть скитальчество, даже мысленное странствование, даже мечта уехать в Европу (или как аналог этому – в Америку), уже выдает в человеке тип скитальца (например, Иван Карамазов).

Русский скиталец стремится на Запад, потому что только на

¹ Со всеми подобными (итал.).

Западе возможен поиск Истины как процесс. Ведь он – скиталец именно по отношению к Истине, к Откровению или иначе – к Богу. «Между тем как у бл. Августина (то есть в западном богословии – Б.К., Н.С.) отношение человека к Откровению, как источнику знания, – отмечает А.Ф. Лосев, – представляется как отношение испытующего и даже сомневающегося, только еще ищущего истины исследователя, при чем жизненное знание истины определяется собственным пережитым опытом и свидетельство человеческого сознания является последним критерием при оценке, – в восточном богословии это отношение представляется как отношение ума созерцающего и воспринимающего существующую объективную истину и полагающего ее в основание своих выводов как нечто само в себе достоверное <...>. По своему содержанию восточное богословие хочет быть прежде всего развитием данных, заключающихся в Откровении, чрез применение к ним логических операций ума, а не рефлексией над опытом собственной жизни и деятельности человека».¹ Именно поэтому Достоевский и считал, что Чацкий скорее всего кончит католицизмом, как в свое время логично пришел к нему и Чаадаев. «В те немногие минуты своего существования, – продолжает свою мысль А.Ф. Лосев, – когда она (русская интеллигенция. – Б.К., Н.С.) выдавливала из себя «религиозные чувства», она большею частью относилась к религии и христианству как к более интересной сенсации; и красивый, тонкий, «психологический», извилистый и увертливый, кровяно-восполненный и в то же время юридически точный и дисциплинарно-требовательный католицизм, прекрасный, как сам сатана, – всегда был к услугам этих несчастных растленных душ».²

Однако интересно, что у Пушкина и Онегин, и Алеко странствуют по родной земле. Оттого ли, что сам поэт, всю жизнь мечтавший выехать за границу и так не получивший на это высочайшего разрешения, объехал при этом практически всю Россию, и потому для него путешествие Онегина по России было вообще знаком духовного скитальчества. Вероятно и то, что в его время путешествие в Европу не могло носить характер бегства, как во времена Достоев-

¹ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 890. Курсив автора.

² *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. С. 891.

ского. Чацкий мог быть всего лишь первой ласточкой; мог – потому что у Грибоедова нигде ни сказано, что он уехал за границу, – это мысль Достоевского. У Пушкина же Ленский ездит в Европу лишь за образованием и возвращается вовсе не скитальцем. Скитальчество не так связано у Пушкина с Европой, как у Достоевского. Герои Пушкина – скитальцы именно в родной земле. «Но вот Алеко убил, – рассуждает Достоевский в своих записных тетрадях, – что же вы думаете, он будет кричать: «Пойду искать по свету. Карету мне, карету». Дескать, люди виноваты, не я (курсив Достоевского – Б.К., Н.С.). Или, лучше сказать, Москва виновата. Нет, Алеко остается». Алеко и Онегин – это принципиально иной тип скитальца, нежели Чацкий. Чацкий – это уже почти европеец, его раздражает все русское. Онегин способен поверить в Россию, он способен на странствование по России.

Наскуча или слыть Мельмотом,
 Иль маской щеголять иной,
 Проснулся раз он патриотом
 Дождливой, скучною порой.
 Россия, господа, мгновенно
 Ему понравилась отменно,
 И решено – уж он влюблен,
 Уж Русью только бредит он!
 Уж он Европу ненавидит
 С ее политикой сухой,
 С ее развратной суетой.
 Онегин едет; он увидит
 Святую Русь: ее поля,
 Пустыни, грады и моря.

Конечно же, это всего лишь порыв, обреченный на угасание, и эту онегинскую черту Достоевский повторит в Ставрогине, который будучи разочарован и в Европе, и в России, способен на какое-то короткое время искренне возгореться верой в великое предназначение России (внушенная им Шатову идея о «народе-богоносце»: «Я не лгал, говоря как верующий», – признается при этом Ставрогин). Путешествие по России не превращает Онегина в странника, а лишь закрепляет за ним клеймо духовного скитальца. Каждый новый этап его пути вызывает в нем лишь тоску, и возвращается он «очень охлажденный». Пожалуй, теперь он ненавидит Россию так же, как и

Европу. Этот тип скитальца одинаково чужой, как и в России, так и в Европе. Здесь Онегин – почти тот же Иван Карамазов, для которого Европа – всего лишь «дорогое кладбище», но и Россия – не «земля обетованная», сомнительное мироздание, построенное на «слезинке ребенка». Такому скитальцу, в общем-то, и скитаться негде, если только в «мирах иных». И здесь история духовного скитальчества переходит у Достоевского на свой мифологический уровень и превращается в историю хождения души по мытарствам.

В записной тетради 1872-1875 гг. Достоевский зафиксировал замысел так и ненаписанного романа «Сороковины», который должен был представлять из себя некую Книгу странствий. Для любопытства приведем здесь этот набросок, как он печатается обычно в собрании сочинений писателя.

«СОРОКОВИНЫ»

Книга странствий

Мытарства 1 (2, 3, 4, 5, 6 и т.д.)

(Сатана. Вы все были обмануты.)

М<олодой> человек. Меня всего более бесит, что ко мне приставлен ты.

(Я дезорганизацион...)

Такая пустая и глупая шутка.

– Как ты глуп.

– Да ведь вы и бога принимали в виде чего-то разлитого (пролитого)».

Мытарства есть странствования души после смерти в «мирах иных» в течение сорока дней. Эти представления русского народа о загробной участи души опираются на некоторые сочинения святоотеческой литературы, среди которых в первую очередь следует назвать Видение преподобной Феодоры из византийского жития Василия Нового (X в.). Феодора проходит 20 мытарств, среди которых такие, как празднословие, ленность, воровство, гневливость и прочие человеческие пороки. На каждом мытарстве ее встречают бесы и мучают ее, предьявляя ей обвинения в том или ином несправедном поступке ее жизни, но вместе с Феодорой ходит по мытарствам и ее Ангел-хранитель, который старается защитить ее от бесов и в противовес их обвинениям вспоминает хорошие прижизненные дела Феодоры.

доры. Если человеку удастся оправдаться перед бесами, то он следует дальше, к следующему мытарству, если нет, то душа его достается бесам. Таким образом, мы видим, что хождение души по мытарствам становится возможным только после смерти человека. Но в каждом романе Достоевского присутствует этот мифологический мотив – духовной смерти героя: и Раскольников, и Ставрогин, и Иван Карамазов, и даже Подросток в мифологическом пространстве романов переходят свой «онтологический порог», испытывают момент духовной смерти. Собственно все романы писателя построены на сюжете духовного мытарства, на борьбе, тяжбе мифологических сил за душу героя, на вопросе – с кем быть окончательно, с Богом или с дьяволом. Митя Карамазов – единственный из героев, кто испытывает мытарства вроде бы наяву: три главы подряд в «Братьях Карамазовых» так и названы «Хождение души по мытарствам. Мытарство первое. Мытарство второе. Третье мытарство», и связаны они с мучениями для Мити допросов вполне земных судей, а не мифологических. Но само это сравнение душевного состояния Мити на первых допросах с посмертным состоянием души у Достоевского не может быть случайным. Убив Григория (а ведь Митя до последнего уверен, что именно он убил старика), Митя переходит тем самым свой «онтологический порог». Он, с одной стороны, «живой мертвец», потому что – убийца, а с другой, – в нем «умирает» прежний Митя, развратник и вор, потому что он вдруг осознает всю собственную ничтожность. И прощальный «пир» в Мокром есть в сознании Мити как бы и поминки по себе, приготовление к настоящей смерти, ведь закончиться все должно было «часов в пять утра», «вот тут недалеко, за околицей» выстрелом в голову. И неожиданное для Мити появление прокурора и следователей, а вместе с ними и мотива мытарств, делает саму возможность самоубийства лишней: Мите незачем стреляться – он и так духовно мертв. И неизвестно, с кем он еще будет окончательно: пойдет ли на каторгу как на искупительное страдание или останется скитальцем и сбежит в Америку.

Из вышеприведенного наброска замысла романа «Сороковины» мы видим, что Достоевский задумывал написать некого нового Фауста (Молодой человек и Сатана), но прототипом его следует считать не «Фауста» Гете, а пушкинского Фауста. У Гете Фауст просто странствует с чертом по свету, «миры иные» здесь не при чем. А вот у Пушкина помимо известной «Сцены из «Фауста»» есть стихотвор-

ный отрывок «Фауст в аду». Несомненно, замысел провести Фауста по аду возник у Пушкина не только под влиянием Гете и «Божественной комедии» Данте, но опирался и на собственно русское народное представление о загробном странствовании души по мытарствам. Согласно этим представлениям, начиная с третьего и до двадцатого дня после смерти, душа путешествует по раю, а после двадцатого и до сорокового дня пребывает в аду, наблюдая муки грешников, и на сороковой день приходит на Суд Божий, чтобы окончательно узнать свою участь. Возможно, Пушкин был знаком и с таким распространенным жанром религиозной литературы как «обмирание», – рассказами о том, как душа впавшего в летаргический сон или в глубокий обморок человека видела себя или кого-то из своих знакомых в аду, тем самым прижизненно странствовала в «мирах иных» и получала предупреждение о своей будущей участи, а значит и шанс ее исправить. Замечателен сам факт, что автограф наброска романа «Сороковины» написан в записной тетради 1872-1875 гг. на одном листе с другой записью, посвященной именно Пушкину (!). Подобное совпадение не может не носить символического характера, то есть не может быть просто совпадением.

Основная схема диалога между Молодым человеком и Сатаной в наброске замысла романа «Сороковины» реализована Достоевским в «Братьях Карамазовых» в диалогах Ивана Карамазова с чертом. Исследователями не раз отмечалось, что этот эпизод последнего романа Достоевского восходит именно к пушкинской «Сцене из «Фауста»»¹ (что вновь подтверждает нашу версию о связи замысла «Сороковин» и темы духовного мытарства с Пушкиным, тем самым, включая мифологему «хождения по мытарствам» в парадигму мифа о русском скитальце). Между Иваном Карамазовым и Фаустом Пушкина общим является отношение их природы к природе Мефистофеля. Если у Гете Фауст и Мефистофель – духовные антагонисты, воплощающие в себе противоположные стихии и стремления, то у Пушкина Фауст слит с Мефистофелем в одну стихию, они – двойники, подобно тому, как черт Ивана Карамазова есть порождение его собственной природы. Связь замысла «Сороковин» с «Братьями Кара-

¹ *Благой Д.Д.* Достоевский о Пушкине // «*Душа в заветной лире*». М., 1977; *Алексеев М.П.* Пушкин и Достоевский // *Русская литература и ее мировое значение*. Л., 1989.

мазовыми» указывает и на то, что Иван тоже совершает свое «хождение по мытарствам», но если Митя обречен все-таки, прежде всего на земные мытарства, то Иван проходит их именно в «мирах иных». Ненавдя и Россию, и Запад, он лишен реального пространства для своих скитаний, поэтому он вынужден скитаться внутри себя. И именно внутри себя он совершает свое нисхождение в ад.

Обобщая все вышесказанное, мы можем определенно сказать, что миф о русском скитальце включает в себя три этапа скитальчества и соответственно три типа скитальца:

- 1) увлечение Европой и скитальчество по Европе (включая даже условное, умозрительное);
- 2) увлечение Россией и скитальчество по России;
- 3) разочарование и в Европе, и в России – скитальчество в «мирах иных».

У скитальца, который достиг этого третьего этапа, есть лишь два окончательных пути: либо навсегда, безвозвратно уйти в «миры иные» (а это означает в контексте произведений Достоевского – сойти с ума или покончить жизнь самоубийством), либо встать на «узкий» путь странничества, изменить себя духовно, принять Истину как «нечто само в себе достоверное».

СЕРГЕЙ ПЯТКИН

Выпускник факультета русского языка и литературы АГПИ 1991 года. Доктор филологических наук, проректор по воспитательной работе, профессор кафедры литературы АГПИ. Член Союзов журналистов и писателей России. Автор и соавтор 4 монографий и более 90 статей по истории и теории русской словесности. В 2010 году издана его книга «Пушкин в художественном сознании Есенина».

ПУШКИН В ПРОЗЕ Б.А. САДОВСКОГО

Говоря о творческом наследии Бориса Александровича Садовского, представляется весьма затруднительным однозначно и четко определить его литературного кредо. Пожалуй, что с равной силой своего художнического таланта он проявил себя и как поэт, и как прозаик, и как драматург, и как мемуарист, и как литературный критик и историк русской словесности. Только вот это поистине удивительное равновесие творческого сознания Садовского разительно отличается от его судьбы, чрезвычайно насыщенной и драматическими поворотами, и трагическими изломами. Сделавшись, по собственному признанию, в начале творческого пути «ярким и убежденным “декадентом”»¹, сблизившись с кругом московских символистов (А. Белый, С.М. Соловьевым, Эллисом и др.), заслужив за свои острые и бескомпромиссные рецензии репутацию «цепного пса “Весов”» и активно публикуясь в других символистских изданиях, Садовской, вместе с тем, культурным базисом своих художественных исканий видел «золотой век» русской поэзии. В 1909 году он писал: «Причисляя себя к поэтам пушкинской школы,

¹ Садовской Б. Записки (1881-1916) / Публ. [вступ. ст. и примеч.] С. В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Рос. Архив, 1994. С. 149.

я в то же время не могу отрицать известного влияния, оказанного на меня новейшей русской поэзией, поскольку она является продолжением и завершением того, что дал нам Пушкин. С этой стороны, минуя искусственные разновидности так называемого “декадентства”, которому Муза моя по природе всегда оставалась чуждой, я примыкаю ближе всего к нео-пушкинскому течению, во главе которого должен быть поставлен Брюсов»¹.

Спустя пять лет, с этого высокого поста Брюсов будет по сути дела низложен Садовским², а на характере его осмысления взаимосвязи двух веков русской культуры появится отчетливая печать «духовного консерватизма»³.

В высшей степени показательно, что крушение самодержавной империи и катастрофу русской цивилизации Садовской прямо связывал с религиозно-эстетическими утопиями модернизма, проросшими ядовитыми растениями в исторической действительности. Равно как и то, что часть вины за катаклизмы эпохи Садовской берет на себя, осознавая свою болезнь, приковавшую его на треть века к постели, Божьим возмездием:

*Верни меня к истокам дней моих.
Я проклял путь соблазна и порока.
Многообразный мир вдали затих,
Лишь колокол взывает одиноко.
И в сердце разгорается заря
Сияньем невечернего светила.
О, вечная святыня алтаря,
О, сладкий дым церковного кадила!
Заря горит всё ярче и сильнее.
Ночь умерла и пройдены мытарства.*

¹ Садовской Б.А. Позднее утро. М., 1909. С. 2.

² «Как писатель, ему я обязан действительно очень многим... Однако ничего стыдного не вижу я в том, что с течением времени, охладев к Брюсову, как к поэту, я нашел влияние его на литературу вредным». – Садовской Б.А. Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 197. курсив мой. – С.П.

³ Выражение принадлежит самому Садовскому; употреблено в его статье «Чувство прошлого поэзии графа А. Толстого» (1906). Позднее Б. Садовской найдет более жесткое определение своей жизненной и творческой позиции – «святая реакция».

*Верни меня к истокам первых дней,
Введи меня в немеркнущее царство.
1935¹*

Имя Пушкина как олицетворение и высший символ «золотого века» русской поэзии в публицистике предреволюционных лет Садовского становится едва ли не постоянным объектом для сопоставления его с ценностными ориентирами и эстетическими тенденциями современной культуры: *«Муза Пушкина была барышней уездной; трудно распознать теперь ее целомудренные черты в крашеном облике городской блудницы. ...Пушкин был живой человек, современник Бородина и взятия Парижа, мы же, съеденные литературиной, задавленные бумагой, мы заслуженно проглотили свою Цусиму, и никакими автомобилями тут нам не помочь. Для Пушкина и его друзей живы были Казанский собор, Адмиралтейская игла и Медный всадник; для вас, господа, существует в Петербурге одна “Вена”»²* («Вена» – излюбленный петербургскими писателями ресторан в северной столице. – С.П.).

Сопоставление, как видим, не в пользу современников.

Нельзя не сказать в данной связи и о том, что подавляющая часть литературно-критических статей Садовского, опубликованных в трех авторских сборниках – «Русская Камена» (1910), «Озимь» (1915) и «Ледоход» (1916) – это «именные» очерки о поэтах «пушкинской школы» XIX века, которая у автора становится фактически синонимом «золотого века» русской литературы.

Пушкинское присутствие ощутимо и значимо – помимо, разумеется, лирики – в прозе Садовского, а диапазон такого присутствия необычайно широк и многообразен. От анекдотичного «пушкинианца» Коридолина («Наполеониды», 1924), который убеждает легковверных барышень тем, что написал две работы на темы «Знал ли Пушкин по-португальски» и «Нюхал ли Пушкин табак», до «красного» пушкиниста Осипа Шоколада – продавца пушкинского черепа, им самим же и добытого («Шестой час», 1921). От краткого упоминания о поэте в весьма неожиданном контексте: *«Бедный Маркевич!*

¹ Садовской Б.А. «Верни меня к исходу дней моих...» // Садовской Б.А. Морозные узоры: стихотворения и письма. М., 2010. С. 327.

² Садовской Б.А. Озимь: Статьи о русской поэзии. Пг., 1915. С. 26-27.

Его отпевали в той же церкви, где и Пушкина. Честь эта им вполне заслужена» («Дневник генерала», 1926)¹, до реального эпизода из жизни Пушкина, ставшего сюжетно-содержательной основой рассказа «Петербургская ворожея» (1909).

В перспективе нашего дальнейшего разговора важно подчеркнуть мысль известного исследователя и публикатора художественного наследия Садовского С.В. Шумихина о том, что «Садовской... мог называть себя пушкинистом»². Это звание в пору рождения пушкиноведения, так сказать в его эмпирический период, указывало, прежде всего, на тонкого и взыскательного знатока пушкинского творчества и биографических сведений о поэте и его окружении, собирателя, комментатора и публикатора раритетов, связанных с именем Пушкина. И в этом отношении в строгий научный зачет Садовского-пушкиниста следует занести, к примеру, разыскание альбома Д.А. Остафьева и специальную публикацию о нем³, издание – с редактурой и вступительной статьей «Опасного соседа» В.Л. Пушкина⁴ и – для полноты картины – указание Д.С. Мережковскому в статье «Оклеветанные тени» на его ошибки в датировке, адресате и авторстве ряда пушкинских высказываний в романе «Александр Первый»⁵.

Такое чувство Пушкина и к Пушкину у Садовского, выраженное в слове, кажется, провидчески утверждало в предгрозовой атмосфере национальной культуры тот спасительный образ Пушкина-поэта, к которому, будто очнувшись от революционных грез, «разом потянулись русские поэты и интеллигенты, безошибочно почувство-

¹ Садовской Б.А. Дневник генерала // Садовской Б.А. Лебединые клики. М., 1990. С. 327. Далее произведения Садовского приводятся в тексте статьи по этому изданию; ссылки на него не оговариваются.

² Шумихин С. Практика пушкинизма (1887-1999) // Новое литературное обозрение. 2000. №41. <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/41/shumih-pr.html>.

³ См.: Садовской Б.А. Новый автограф Пушкина. Находка в старинном альбоме // Лукоморье. 18 апр. 1915 г. №16. С. 10-12.

⁴ См.: Пушкин В.Л. Опасный сосед / Вступительная статья и примечания Бориса Садовского. М., 1918.

⁵ См., например: «Князь П.А. Вяземский в 1824 году приводит слова Пушкина “черт меня догадал родиться в России с душою и талантом”, сказанные Пушкиным на двенадцать лет позже, в одном из писем к жене. <...> “Словечко” о Жуковском – “славный был покойник, дай Бог ему царствия небесное” не Вяземскому принадлежит, а Пушкину».

вавшие “холод и мрак грядущих дней”»¹. Однако, как это ни странно, вектор духовного развития Б. Садовского в послереволюционное время получит совершенно противоположное направление. Пережив на рубеже 10-20-х гг. страшный по своей силе духовный кризис, ища «спасения у мудрецов» – то у Канта, то Шопенгауэра, пытаясь то закончить жизнь самоубийством, то получить испанское подданство, Садовской найдет приют своей измученной душе в ортодоксальном православии. А его больное тело в 1929 году обретет приют в подвальном помещении упраздненного большевиками московского Новодевичьего монастыря. Именно здесь суть пушкинского гения, его значение для русской культуры у Садовского, как свидетельствуют записи в его Дневнике, обретут шокирующе новый смысл: «...на пробном камне православия даже Пушкин оказывается так себе. Поэт – и только»; «Реки крови, война, миллионы бессловесных жизней, любовь к Богу, к Царю, семья, природа, – на что темно и глухо намекнул Л.Толстой, – Суворов, Ермолов, Скобелев – и тут же стишки Пушкина. И эти прыщички все заразили. Один Пушкин и больше ничего»; «Мой путь – от Фета к Филарету»².

Более того, в стихотворении «Пушкин» (1929; 1935) поэт и вообще будет объявлен Садовским то ли посланником, то ли слугой сатаны:

*Ты рассыпаешься на тысячи мгновений,
Созвучий, слов и дум.
Душе младенческой твой африканский гений
Опасен как самум.
Понятно, чьим огнем твой освящен треножник,
Когда в его дыму
Козлиным голосом хвалы поет безбожник
Кумиру твоему³.*

¹ Муравьева О.С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 124-125. Ср. с мнением А. Гордина, считавшим, что люди культуры послереволюционной поры обратились к Пушкину «как опоре и ориентиру в хаосе политическом и духовном», в нем увидели «эталон абсолютной независимости от беснования общественной стихии». – Гордин А.Я. Распад, или Переключка во мраке // Знание – Сила, 1990. №12. С. 43, 45.

² Цит. по: Шумихин С. Практика пушкинизма (1887-1999).

³ Садовской Б.А. Морозные узоры: стихотворения и письма. С. 327.

О том, что изящная формула – «*Мой путь – от Фета к Филарету*» – не осталась только дневниковой записью Садовского как отметина сиюминутного умозаключения свидетельствуют его стихи 30-х годов, написанные в псалмодической традиции и диалогически обращенные к поэтам пушкинской эпохи и своим современникам, и его поздняя проза.

Принципиально воздерживаясь от каких-либо оценок на этот счет, в заключение предваряющей части сообщения выскажем только гипотезу, требующую веской доказательной научной базы: Пушкинское имя, олицетворяющее собой «золотой век» русской литературы, является своего рода идейно-эстетическим центром художественного мира Б. Садовского. И здесь приоритеты творческого процесса во многом зависят от того, что лежит в основании – духовное сближение с Пушкиным или духовное отторжение Пушкина.

Как уже было сказано, диапазон пушкинского присутствия в прозе Б.А. Садовского отличается чрезвычайной широтой и многообразием. И каждый такой случай с научной точки зрения по-своему интересен. Мы остановимся подробнее только на тех произведениях писателя – «Петербургская ворожея», «Из бумаг князя Г.» (1909) и «Три встречи с Пушкиным» (1914). Этот выбор не случаен, поскольку названные произведения выделяются на фоне остальных тем, что Пушкин в них является одним из главных действующих лиц, и, соответственно, представляют собой исключительный художественный материал для первоначальных оценок и суждений относительно места и роли Пушкина в эпических опытах Садовского дореволюционного периода творчества. Называя прозу Садовского этих лет «эпическими опытами», мы, в первую очередь, хотим подчеркнуть то, что вся она по большому счету – сплошная стилизация, отмеченная нарочитой приверженностью автора «золотому веку». Все это не было откровением для современников писателя и стало аксиомой для редких современных исследователей. Избираемые Садовским стилизаторские регистры – «подражания, калькирование внелитературных форм повествования из бытового ряда, копиистика деловых бумаг,

архивных документов, семейных хроник»¹ – требовали от него широчайшей эрудиции как в области истории языка, так и в области литературных и околотрутературных фактов изображаемой им эпохи. И таким эрудитом, как и талантливым художником, Садовской, несомненно, был, что вкуне, кстатн говоря, приводило нередкно и к созданию «побочного продукта» в виде разного рода литературных мистификаций, которые ввели в заблуждение не одного уважаемого литературоведа².

К такому роду мистификаций (если бы не объявленное авторство³) с достаточным на то основанием можно было бы отнести два из трех интересующих нас эпических опытов Б. Садовского – «Из бумаг князя Г.» и «Три встречи с Пушкиным».

В каждом из них, как, впрочем, и в «Петербургской ворожее», авторское повествование, акцентированное устаревшими метафорами, риторическими оборотами, референтными отношениями языкового материала пушкинской эпохи, как бы растворяет в себе сложный парафразный синтез воспоминаний современников о Пушкине и его окружении, произведений самого Пушкина. Все это и создает иллюзию почти документальной подлинности названных опытов как новонайденных документов середины XIX века.

«Из бумаг князя Г.» – это сюжетно выдержанный монтажный текст, состоящий из дневниковых записей, отдельных писем, фрагмента семейного альбома; «Три встречи с Пушкиным» – мемуарное свидетельство анонимного современника поэта.

Центральный эпизод первого рассказа по сути своей реконструкция возможных событий, связанных с присутствием Пушкина на собрании литераторов в доме Соболевского 20 декабря 1826 года.

Из «Дневника» М.П. Погодина известно, что Пушкин накануне

¹ Голышко Д. «Bagatelle». Анализ творчества Бориса Садовского. <http://www.sadovskoi.ru/author/dmitriy-golynko.html>.

² Мистификации Б. Садовского связаны со стихотворениями и письмами Некрасова, Степняка-Кравчинского, Есенина, Блока. Некоторые из них до недавнего времени считались оригинальными произведениями названных авторов.

³ Объявленное авторство рассказа «Две главы из неизданных записок» (1910) впрочем «не помешало» норвежскому слависту Гейру Хетсо принять этот рассказ за опубликованный Садовским отрывок из действительно существующих записок соученика Е.А. Боратынского по Пажемскому корпусу.

этого дня приехал из Михайловского в Москву и действительно поселился у Соболевского, в доме Ринкевича на Собачьей площадке, где жил несколько месяцев. Непосредственно о 20-ом декабря у Погодина записано: «К Соболевскому. Пушкин приехал в самом деле, и в журнале принимает такое же участие, как я, дает все, читал с ним корректуры, и он согласился переменить слово по моему (услан)»¹.

Сам Соболевский, много позднее вспоминая тот московский период в жизни Пушкина и не упоминая конкретных дат, писал: «Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич в ... (как называется тулуп с мехом сверху??) (Прим. В печатном тексте: “в самоедском ер-гаке”) <...> Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, вы, я и другие знаменитые мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!!»².

Персонал интересующего нас эпизода у Садовского практически полностью совпадает с мемуарным персоналом. Расхождение – в именах Одоевского, Хомякова, Мельгунова, Титова, которые с полным правом можно отнести к категории «другие знаменитые мужи».

Погодин у Садовского, как и в своем «Дневнике», хлопочет о судьбе «нарождающегося» «Московского вестника». «...цыганский шум, оживление и хохот», «речи ... кипели, как пламя, пенились умом», «спор возгорелся с сильнейшим ожесточением», «с жаром ... рукоплескали», – так рассказчик у Садовского передает атмосферу собрания литераторов, словно переводя в живые картины и детализируя эмоции собравшихся, что у Соболевского обозначено лаконичным указанием: «...где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!!».

А вот как происходит появление в тексте Пушкина и знакомство с ним героя рассказа: «...вижу: в глубине камина сидит человек,

¹ Погодин М. П. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1-2. Т. 2. С. 22. Приводимые здесь и далее воспоминания современников о Пушкине были опубликованы большей частью во второй половине XIX века и, вне всякого сомнения, были известны Б. Садовскому.

² Соболевский С.А. Квартира Пушкина в Москве: (Письмо к редактору) // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 11.

согнувшись, в меховой одежде, и проворно щелкает орехи. Сперва было я принял его за большую обезьяну. Когда же все громко начали смеяться, неведомый проказник выпрыгнул из камина и подбежал к нам. Тут все принялись с ним здороваться, а Соболевский сказал: “Полно, Пушкин, дурачиться; пойдя переоденься: сейчас гости будут”. Тогда уж я догадался, что передо мной находится творец “Руслана и Людмилы”. Дмитрий тотчас представил меня Пушкину. <...> От Пушкина примерно несло вином. На нем был меховой еркак и туфли. Совершенная обезьяна».

Эта сцена – несомненный художественный вымысел Садовского, который совпадает с воспоминанием Соболевского только в одной, но весьма выразительной и значительной детали странного пушкинского гардероба – еркаке. Однако, в целом, фантазия Садовского остается, так сказать, в границах дозволенного, если под дозволенным в данном случае понимать сам образ жизни Пушкина во время своего обитания у Соболевского. Так, уже упомянутый Погодин в своем «Дневнике» в записи от 28 декабря 1826 года после посещения Пушкина не без горечи заметит: «Досадно, что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове»¹.

О «съезжей» на квартире Соболевского, где хозяин «бранится и дерется по-прежнему» и «шпионы, драгуны, <- - - -> и пьяницы толкутся ... с утра до вечера», поведает сам Пушкин в письме П.П. Каверину от 18 февраля 1827 года². А 5 марта того же года Александр Александрович Волков, начальник второго округа московского корпуса жандармов, о котором упоминает Погодин и который, кстати, является одним из участников литературного собрания у Садовского, донесет Бенкендорфу о беспорядочном образе жизни Пушкина³.

Не выглядит чем-то исключительным и сравнение у Садовского Пушкина с обезьяной⁴. Такие сравнения не редкость в мемуарной

¹ Погодин М. П. Из «Дневника». С. 22.

² Пушкин А.С., Соболевский С.А. Письмо Каверину П.П., 18 февраля 1827 г. Москва // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937-1959. Т. 13. Переписка, 1815-1827. С. 319.

³ Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 64

⁴ Ср.: «Итальянец Гальяни имел в то время в Твери ресторан или гостиницу, которая

литературе о поэте, и особенно для той ее части, где передаются впечатления от первых встреч с Пушкиным, как это и происходит в рассказе «Из бумаг князя Г».

Вместе с тем мы склонны считать, что у Садовского в этих сравнениях отзываются и строки поэтического автопортрета Пушкина из его лицейского стихотворения, написанного на французском языке. Финальная строфа в русском переводе, напомним, звучит так:

*Суций бес в проказах,
Суцая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветренности –
Да, таков Пушкин¹.*

«Vrai singe par sa mine» («Суцая обезьяна лицом») можно перевести на русский и как «совершенная обезьяна лицом». Но дело даже не в этом. То, каким предстает Пушкин у Садовского, – это действительно «суций бес в проказах». А «меховой ергак» в равной мере служит усилению ассоциаций Пушкин-бес и Пушкин-обезьяна.

В большей степени парафразный синтез мемуарных источников и стихотворения Пушкина очевиден в рассказе Садовского «Три встречи с Пушкиным», где описывается вторая встреча рассказчика с поэтом, случившаяся в Пскове. Хотя год рассказчиком и не указан, вероятнее всего эта встреча происходит летом 1825 года. В воспоминаниях о Пушкине есть целый корпус текстов, повествующих о пребывании поэта в Святых горах и псковской ярмарке именно в тот год. И практически в каждом из этих текстов Пушкин удивляет очевидцев своим внешним видом так, что его не сразу и узнают: русская рубашка, подпоясанная ремнем (лентой), соломенная широкополая шляпа (картуз), «не брит, не стрижен»². Не узнает Пушкина и рассказчик у Садовского: «Незнакомец одет был в белый армяк на-распашку; летний картуз небрежно покрывал ему голову; кудрявая борода

считалась тогда лучшею. В ней останавливались обыкновенно более состоятельные проезжающие. <...> Здесь-то неоднократно и бывал Пушкин. Одна современница Пушкина передавала нам, что однажды ее муж, тогда еще молодой человек 16-ти лет, встретил здесь Пушкина и рассказывал об этом так: “Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги, и глотает персики. Как он напомнил мне обезьяну!”». – Колосов В.И. Пушкин в Тверской губернии. Русская старина, 1888. Т. 60. С. 85. Курсив мой. – С.П.

¹ Пушкин А.С. Mon portrait: («Vous me demandez mon portrait...») // Указ. собр. соч. Т. 1. С. 90; 499.

² См., например, воспоминания П.В. Киреевского, Л.И. Софийского, Ал. Н. Вульфа.

вилась на щеках и подбородке».

Согласимся, что описание Пушкина у Садовского настолько является коррелятивным по отношению к мемуарным портретам поэта на псковской ярмарке, насколько коррелятивны друг другу сами эти портретные описания в разных воспоминаниях современников о Пушкине. А это, безусловно, усиливает художественную достоверность изображенного, вступившей в «сложный симбиоз с эмпирической истиной»¹.

Занятие, за которым застаёт рассказчик пока еще для него незнакомца, – игра с детьми в бабки – в мемуарной литературе о Пушкине не встречается. Однако ключевые слова в описании процесса игры («метко», «припадая на колено и журуя глаз», «пошел прочь») прямо указывают на источник заимствования – стихотворение Пушкина «На статую играющего в бабки»:

*Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился..... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре².*

Схожую картину мы можем наблюдать в одном из фрагментов «Петербургской ворожеи», где Пушкин-Сверчок грозит кулаком бующему императору Николаю Первому. Эта сцена невольно заставляет вспомнить известное место из «Медного всадника», послужившего, на наш взгляд, художественным источником изображенной картины у Садовского. Ср.:

Б.А. Садовской «Петербургская ворожея».

«Сверчком вдруг овладело буйство. Внезапно вскочив на носу, он поднял руку, кулаком угрожая сидевшему на террасе. В тот же миг Вася схватил проворно Сверчка за ворот и пригнул головой к скамье. Черкес быстро поймал брошенные было весла и вдвоем с лодочником пустился грести изо всей силы.

– С ума сошел: ты всех нас этак погубишь, – сказал Вася...».

А.С. Пушкин «Медный всадник».

¹ Вацуро В.Э. Послесловие к роману «Пшеницы и плевела» // Новый мир», 1993. №11. <http://www.sadovskoi.ru/article/posleslovie-k-romanu-pshenicy-i-plevela.html>.

² Пушкин А.С. На статую играющего в бабки: («Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено...») // Указ. собр. соч. Т. 3, кн. 1. С. 435.

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, *пальцы сжав*,
Как *обуянный* силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!...»¹.

Однако, несмотря на эти параллели, для художественной оптики рассказов Садовского не характерно присутствие самодостаточных и взаимосвязанных друг с другом изобразительных проекций – Пушкин в жизни и Пушкин в мире своего творчества. Отмеченные выше случаи пушкинских реминисценций, органично сочетающихся с парафразами мемуарных источников, служат у Садовского, в первую очередь, созданию художественно достоверного образа Пушкина-поэта как лица исторического, не *съеденного литературициной, не задавленного бумагой*.

Пушкин на конной прогулке, Пушкин, играющий в бабки, Пушкин в гробу, – это все, что остается в памяти рассказчика о трех встречах с поэтом.

Пушкин – проказник, так и не ставший участником горячих литературных споров о предназначении поэзии, – таков поэт в рассказе «Из бумаг князя Г.». И, что интересно, высокий образ поэта, читающего свои стихи, молитвенно прославляющего творчество, заражающего своими идеями публику, в этом рассказе есть. Только имя ему – Дмитрий Веневитинов, на фоне которого Пушкин запоминается лишь дурачеством, а затем внешним сходством со своим геро-

¹ Пушкин А.С. Медный всадник: Петербургская повесть, 1833 // Указ. собр. соч. Т. 5. С. 147-148.

ем – Евгением Онегиным. В то же время устойчивые аттестации, которые даются в рассказах Пушкину и его произведениям – *«творец “Руслана и Людмилы”»*, *«знаменитый поэт»*, *«восхищался его “Кавказским пленником” и “Людмилой”»* – свидетельствуют о том, что для рассказчиков Пушкин не существует вне своей имманентной всеопределяющей сущности поэта.

Такое художественное решение образа Пушкина не делает его фигурой центрального плана ни в повествовании, ни в изображенном мире произведений. Пушкин на равных с остальными персонажами вписан в исторический быт своей эпохи, который является во всей прозе Садовского не фоном изображенных событий, а единственно возможной, онтологически и художественно обусловленной формой существования прошедшего времени. Как точно и емко отмечено В.Э. Вацуру, *«исторический быт для Садовского – не тема, а мировоззренческая категория»*¹.

Все это не исключает, а быть может, и, наоборот, конституирует у Садовского сложную систему взаимоотношений дискурсивного порядка: автор – рассказчик – читатель. И, пожалуй, одно из системных звеньев этой цепи предполагает несовпадение позиции автора и позиции читателя, при котором за маской рассказчика угадывается *«лукаво подмигивающий ироник»* (Д. Голышко).

Действительно, читатель вправе ожидать, что Пушкин на квартире Соболевского, сменив ергак на *«щегольской черный фрак»*, предстанет во всем величии своего поэтического дарования. Однако Пушкин у Садовского предпочитает московскому литературному бомонду безымянную княгиню, к которой спешно отправляется *«читать “Бориса”»*. А уход его, как мы уже отмечали, никак не сказывается на атмосфере собрания.

В финале *«Трех встреч с Пушкиным»* читатель ждет от рассказчика, стоящего у гроба поэта, впечатлений и размышлений в духе В.А. Жуковского, а получает полностью лишённое каких-либо эмоций натуралистическое описание: *«Пушкин был бледен, как белый воск, посинелые губы его слегка искривились, вместо волос и бакенбард темнели неровные клочки»*. И вместе с тем с большим чувством сказано о гробе: *«Он был дубовый, на винтах, прекрасной работы»*.

¹ Вацуру В.Э. Послесловие к роману *«Пшеницы и плевела»*.

Разумеется, речь в данном случае должна идти не вообще о читателе, а читателе, посвященном в общие места биографии Пушкина; читателе, который в каждом новом для себя мемуарном источнике хочет видеть или ранее не известные свидетельства современников, или документы, уточняющие и дополняющие ранее известные факты, принимая на веру и то, и другое и предъявляя, пусть и не всегда осознанно, такие же требования к историческим произведениям о Пушкине. А потому в сферу иронических интенций автора попадает помимо читателя и сама мемуарная литература. Яркое тому подтверждение – стилизация семейной хроники в рассказе «Черты из моей жизни» (опубликован в «Весах», №12, 1907 г.), выдана за подлинный документ начала XIX века, и самодовольная реакция Садовского, что в подлинность этого текста безоговорочно поверил ни кто-нибудь, а сам П.И. Бартенев¹.

Ирония у Садовского, обживая только эти, дозволенные ей автором территории, не допускает какого-либо превратного толкования самой личности Пушкина, становясь по отношению к ней едва ли не защитным средством. В большей степени такое качество иронии свойственно рассказу «Петербургская ворожея», написанному по кальке романтической новеллы XIX века.

В основе сюжета рассказа – эпизод из жизни Пушкина, известный по целому ряду мемуарных источников, о предсказании поэту петербургской гадалкой Кирхгоф его судьбы². И здесь, как и в произведениях, о которых речь шла выше, мы не видим Пушкина как поэта. Более того, в отличие от предыдущих рассказов, он даже не имеет в повествовании репутации поэта. Строго говоря, здесь нет и Пушкина; главного героя зовут Сверчок. Однако и само это прозвище («Арзамасское» литературное «имя» Пушкина), и портрет героя, и изображенные события, и дружеский круг сверчка свидетельствуют о том, что перед нами действительно Пушкин, по прихоти автора

¹ По воспоминаниям Б. Садовского, П.И. Бартенев «...долго не хотел ... верить, что это сочинено: – Какой подлог: в Англии вам бы за это руки не подали. Насилу я убедил его. Старик захромал к шифоньерке, достал автограф Пушкина (вариант к “Русалке”), отрезал огромными ножницами последние два с половиной стиха и подарил мне: – Вот вам за вашу прекрасную прозу». – *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 58.

² См., например, воспоминания Л.С. Пушкина, П.В. Нащокина, С.А. Соболевского.

лишенный своего настоящего имени. Но прямо автор причины этой прихоти читателю не объясняет, заинтриговав его выдуманной сюжетной линией о предстоящей дуэли Сверчка с *белокурым* кавалергардом Васей. Суть интриги в том, что ворожея накануне дуэли кавалергарду предсказывает скорую смерть, а Сверчка призывает опасаться белого коня и белого человека. Предсказание сбывается: в назначенный день дуэли кавалергард убит солдатом. Но вместе с этим известием уничтожается и интрига – читатель знает, когда и от руки какого *белого* человека умрет Пушкин. Стремительный и напряженный сюжет внезапно разряжается в ничто.

*Борис Садовской в образе «Пушкина-лицеиста».
Москва, номера гостиницы «Дон». 1910-е годы*

Читатель, поддавшись этой динамично развивающейся интриге, выпускает из фокуса своего внимания главную суть предсказания

ворожеи Сверчку, не спроста данную в тексте иноязычным вкраплением: «...ваша судьба не есть простая. “Du wirst der Abgott deiner Nationen werden” (“Вы станете кумиром своего народа”. нем.)».

Логика повествования совершенно не обнаруживает никаких потенций к такому повороту судьбы Сверчка, который вместе сотоварищи – Юрьевым и Черкесом-Мансуровым – кажется, выступают в рассказе только в одной ипостаси, заданной эпиграфом первой главы: «...рыцари лихие Любви, свободы и вина».

Автор тем самым исподволь сопоставляет настоящее Пушкина, где он «повеса вечно праздный», Сверчок, не имеющий своего шестка, и будущее, где Пушкин действительно «кумир своего народа», обнажая при этом колоссальное мировоззренческое отличие юного поэта от зрелого.

Таким образом Садовской прежде всего как бы снимает с пушкинского образа привнесенный извне налет агиографического персонажа (а мемуарная литература над этим постаралась), оставляя в подтексте рассказа мысль о Пушкине-поэте, путь которого к вершине национального призвания сложен, неоднозначен и многотруден.

В 1921 году в своем эссе «Святая реакция» Садовской в продолжение этой мысли назовет и главную, с его очки зрения, причину жизненной трагедии Пушкина: *«В “Гаврилиаде” Пушкиным осмеян Иосиф, обручник Богоматери. Поэт насмешливо просит у него “беспечности, смирения, терпения, спокойного сна, уверенности в жене, мира в семействе и любви к ближнему.” Тогда еще он не подозревал всей ценности этих скромных благ. Из них ему как есть ничего не досталось, но этого мало, – жена невинна, а он – патентованный рогоносец. Так хитрый сатана разыграл над своим поэтом тему “Гаврилиады”».*

Впрочем, это уже *другой Садовской. И, соответственно, другой Пушкин.*

ЕЛЕНА МУСАТКИНА

Студентка филологического отделения истфила АГПИ. Победитель в конкурсе на разработку уникального контента, посвященного году учителя в России. Дипломант творческого конкурса П.В. Еремеева 2011 года в номинации «Журналистика». Дипломант конкурса студенческих научных работ «Творчество Сергея Есенина глазами молодых исследователей» VII межрегионального фестиваля научного и литературно-художественного творчества «Есенинская весна».

«ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ РАССТАВАНЬЕ ОБЕЩАЕТ ВСТРЕЧУ ВПЕРЕДИ»: О МОТИВЕ УХОДА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА

Прекрасно и благородно в Есенине то, что он был бесконечно правдив в своем творчестве и перед своей совестью, что во всем доходил до конца, что не побоялся сознать ошибки, приняв на себя и то, на что соблазнили его другие, - и за все захотел расплатиться ценой страшной.

В. Ходасевич

«История Есенина есть история заблуждений»¹ - такой, всем известной словесной формулой, на наш взгляд, можно выразить отношение к поэту в современном литературоведении. Но и среди этих заблуждений остается то, что притягивает к Есенину, словно «проходит какая-то громадная, драгоценная правда».²

Однако скептицизм в отношении Есенина, особенно масштабности и глубины его образного мира со стороны поклонников творчества так называемых

¹ Сергей Есенин: Научные статьи и материалы. Киев., 1996. – С. 23-29.

² Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926. С. 76.

«сложных» поэтов еще довольно силен: не хотят они «пускать» лишком «простого» Есенина на поэтический Олимп даже XX века, не говоря уже о многовековой всемирной истории литературы.

Есенинская поэзия, по верному суждению В.И. Хазана, «не так легко доступна, как это подчас рисуется неискушенному читателю, введенному в заблуждение внешней простотой и безыскусной ясностью многих стихов поэта. Есенин по самому высокому счету философичен, экзистенциален, хотя философия эта чаще всего скрыта, она, как косточка в плоде, облечена плотью художественного образа, изнутри питая его жизненные силы. Поэт, какой бы темы он не касался стремится к построению целостного художественного универсума, превращению хаоса в космос».¹

С.А. Есенин и Н.А. Клюев, 1916 г.

Отдав определенную дань бунту и богоборческим мотивам в раннем творчестве, поэт приходит в конце своей жизни к мысли, заключающей в себе ценностные смыслы христианского мировоззрения, а именно - смирение, терпение и всепрощение: *«Жить нужно легче, жить нужно проще, // Все принимая, что есть на свете»; «И простим, где нас горько обидели // По чужой и по нашей вине»; «Помирись лишь в сердце со врагом - // И тебя блаженство ошаф-*

¹ Хазан В.И. Проблемы поэтики С.А. Есенина. – М.; Грозный, 1988. – С. 168.

ранит».¹

В современном есениноведении тема «ухода» рассматривается как часть художественно-философской концепции «пути», определяющей стержневые мотивы творчества Есенина. В поэзии 1924-1925 г.г. эта тема, только намеченная в ранних произведениях, получает логическое «сюжетное» завершение в мотиве «возвращения к истокам»².

Нельзя здесь не отметить и очевидного контекстного параллелизма, зримо объединяющего начало и финал творческого пути поэта:

*Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть...
(«Край любимый! Сердцу снят-
ся...», 1914 (I,39))*

*В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.
(«До свиданья, друг мой, до сви-
данья...», 1925 (IV,244))*

Как известно, в центре любого художественного произведения находится человек. Исключением не стали и стихотворения 20-х годов: «Не жалею, не зову, не плачу...», «Мы теперь уходим понемногу...» и «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

Все три стихотворения объ-

¹ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М., 1995-2002. Т.1. С. 281, 216, 261.

² Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура // Научное издание. - Рязань: Узорочье, 2002. - С.417. См. также: Шокальский Е. / Shokalsky E. Предназначенное расставанье... Об устойчивости есенинской модели мира. От мира к дому // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II. М., 1995. С. 155-167; Дзущева Н.В. Прощание с пасторалью (Пасторально-идиллический дискурс в лирике С. Есенина) // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: Материалы Международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С.А. Есенина. Рязань, 2006. С.89-99; Пяткин С.Н. Пушкин в художественном сознании Есенина. Арзамас, 2010.

единяются, с нашей точки зрения, в «микроцикл», так как центральной темой выступает предназначение человека, его зрелый взгляд на прожитую жизнь, ее осмысление. Эти произведения вполне, на наш взгляд, можно считать «сильными текстами», наиболее полно характеризующими «*уход*» как художественную проблему творчества Есенина.

Общий настрой лирики 20-х годов - умиротворение, кажущаяся монотонность вкупе с размеренным повествованием - способствует дальнейшим размышлениям читателя, позволяет додумывать, соотносить доминанты идейного содержания есенинских произведений с ценностными координатами своего мира.

Так, например, стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу» написано в 1921 году. В ту пору поэту исполнилось всего двадцать шесть лет, а в его творчестве уже появились грустные философские размышления о скоротечности жизни. Немного несвоевременно, не так ли? Ведь по-настоящему у поэта не наступил еще полдень жизни, а он уже грустит о ее закате. Но сам Есенин так объясняет мотивы печали и грустных размышлений: *«Поэту необходимо чаще думать о смерти, и что только памятуя о ней, поэт может особенно остро чувствовать жизнь»*.¹

Это стихотворение - монолог поэта, который делится своими самыми сокровенными думами и чувствами, заведомо предполагая в

¹ С.А.Есенин: Материалы к биографии. М., 1993. – С. 13.

собеседнике друга, на понимание которого он вполне может рассчитывать. Основная интонация стихотворения, свойственная всей лирики 20-х годов, исповедальная, доверительная, грустная, прощальная и в то же время благодарная за счастье жить на этой земле. Высказанные мысли и выплеснувшиеся, прорвавшиеся наружу чувства захватывают, пленяют и покоряют своей простотой и искренностью. Может быть, потому, что Есенин здесь представляется частью природы. Если пользоваться словами М. Пришвина, это «видение души человека через образы природы».¹

В последние годы жизни (как мы уже отмечали выше) особое значение в есенинской лирике приобретают «мотивы покаяния, вины, пафос утверждающего всепрятия жизни и мироблагословения».² Произведения Есенина – это оригинальная художественная философия, выявляющая такие мотивы, как смена поколений, мотив одиночества, духовного разлада, мотив подведения жизненных и творческих итогов. Наиболее значимым, в нашем понимании, представляется **мотив подведения итогов**, увядания, прощания с жизнью. Лирический герой 20-х годов воспринимает утрату юности, свежести, радости жизни спокойно, как должное. Недаром в этот период творчества Есенина возникает образ-метафора «осень в природе» - «осень жизни». Осень жизни - это период зрелости, готовности благодарно принять свой уход. Эта тема прослеживается не только в стихотворении: «Не жалею, не

¹ Пришвин М. Избранное. – М., 1977. – С. 274.

² Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура // Научное издание. - Рязань: Узорочье, 2002. – С.412.

зову, не плачу...», но и в произведении «Мы теперь уходим понемногу», несмотря на то, что некоторые строфы этого текста явно воспринимаются как гимн жизни.

Стихи Есенина 20-х годов Владислав Ходасевич очень точно назвал «покаянным циклом»¹. Как убедительно замечает О.Е. Воронова, анализируя лирику поэта последних лет: *«Раздумья о собственном несовершенстве, раскаяние в слишком легком порой отношении к жизни составляют важный духовный стержень есенинского творчества этого времени, наряду с живыми откликами на быстро меняющуюся новь»*².

Говорят, перед концом человек вспоминает всю свою жизнь. Лирический герой Есенина 20-х годов словно оглядывается перед уходом и смотрит на то, что оставляет в этом мире. Он сожалеет лишь о двух ценностях: о неповторимых красотах природы, которых, увы, нет в той «благодатной стране», и о людях...

Таким образом, смерть - это закон жизни, неизбежность, но в то же время жизнь продолжается. Едва ли не каждое стихотворение последних лет кончается предсказанием близкой смерти. Поэт сделал вывод и провел черту:

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Дружеское обращение усиливает мотив тоски и печали. Мы прощаемся, расстаемся с близким для нас другом, который при этом не прощается с нами окончательно: «Предназначенное расставанье // Обещает встречу впереди».

Жизнь и смерть словно начинают существовать у Есенина по законам сна, что, кстати, имеет устоявшуюся традицию в русской художественной культуре, где мы в первую очередь должны назвать имена Батюшкова, Пушкина, Гончарова, Достоевского, Толстого...³.

У Есенина сон, как нам кажется, - это уже отдельный мотив с завуалированным значением, где художественно актуализированы смыслы тленности и бренности человеческой жизни, пронизывающие лирическую канву стихотворений последних лет.

¹ С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. М., 1986. Т1. – С. 87

² Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура // Научное издание. - Рязань: Узорожье, 2002. – С.415.

³ См. подробнее об этом: Кондратьев Б.С., Суздальцев Н.В. Пушкин и Достоевский. Миф. Сон. Традиция. Арзамас, 2002.

Посмертная фотография С.А. Есенина

23 декабря 1925 года Есенин едет в Ленинград, едет, чтобы работать. Однако в ночь на 28 декабря произошла трагедия: Есенина не стало. Завершает жизненный путь лирического героя и самого поэта. Последнее стихотворение, написанное кровью за день до трагического конца: «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Погиб Есенин-человек, но началось бессмертие Поэта...

АРЗАМАС ПРАВОСЛАВНЫЙ

ЕВГЕНИЙ ТИТКОВ

Родился в Орловской области в 1951 году. Ректор АГПИ, профессор, доктор исторических наук, Заслуженный работник Высшей школы РФ, член Высшего творческого совета Союза писателей России, автор и соавтор многих книг по истории Отечества, среди них: «Образовательная политика Екатерины Великой», «Подвижник русского просвещения», «Духовный меч великой победы», «Тьма не победит света», и другие.

КРЕСТ СЯТИТЕЛЯ ГОНИМОЙ ЦЕРКВИ

(К 145-летию со дня рождения
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Сергия)

ПАРАДОКСЫ ЮБИЛЕЯ

Совсем недавно, 24 января 2012 г., исполнилось 145 лет со дня рождения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского), великого церковного деятеля, нашего земляка. К сожалению, город Арзамас на редкость равнодушно прошел мимо этой даты, и даже церковная общественность не удостоила, насколько мне известно, эту дату соответствующим молебном с привлечением православных людей в храмы нашего города.

Увы, иными заботами живет город, живет наш обыватель, пребывая в суете повседневных забот о материальном благополучии, в лихорадке политических страстей и в поисках новых, все более изощренных и ярких зрелищ. Последние времена Древнего Рима напоминает нам сегодняшняя жизнь нашего общества, озабоченного, как и тогда, лишь заботами о хлебе и новых зрелищах. Но не будем забывать, что в то время это закончилось падением Римской империи под ударами варваров. Как бы и нам не удостоиться подобной печальной и трагической участи.

А ведь даже пять лет назад ситуация была несколько иной. Нижегородский край, нижегородский люд достаточно активно отмечал тогда 140-летие со дня рождения Патриарха Московского и всея Руси Сергия. И вполне оправданно. Ведь Святейший Патриарх Сергий – наш земляк, нижегородец. Он родился, вырос и учился в Арзамасе, окончил в Нижнем Новгороде Духовную семинарию, в трагические годы гонений на Церковь он в течение десяти лет возглавлял Нижегородскую епархию (1924-1934 гг.). Благодаря его усилиям летом 1944 года вновь был открыт Воскресенский кафедральный собор в Арзамасе.

Пять лет назад эпицентром празднования Юбилея Патриарха Сергия заслуженно был город Арзамас. Ведь здесь он родился в семье священника. Дед его был Благодичным Арзамасского округа и свыше 50 лет являлся настоятелем главного собора – Воскресенского. 72 года служил он на ниве Христовой. Отец его, протоирей Николай, был священником одного из монастырей в Арзамасе. Тетушка – игуменья Евгения – являлась настоятельницей первоклассного общежительного Алексеевского монастыря. Василий Страгородский, родной брат деда будущего Патриарха, многие годы исполнял должность Благодичного второго округа в губернском городе – Нижнем Новгороде¹.

¹ Об арзамасских истоках рода священников Журавлевых-Страгородских см. подробнее: Титков Е.П. Патриарх Сергий (Страгородский) подвиг служения Церкви и Родине. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 4-9.

Таким образом, род священнослужителей Страгородских являлся весьма авторитетным на Нижегородской земле. И этот род дал Патриарха Московского и всея Руси Сергия.

В 2007 г. назад в нашем городе, благодаря усердию владыки Георгия, архиепископа Нижегородского и Арзамасского, было немало сделано для увековечивания памяти Патриарха Сергия. Начал создаваться Музей русских Патриархов. Был заложен камень в основание памятника Патриарху Сергию и скоро он должен быть установлен. В центре города открылась площадь Сергия Страгородского, на которую радиально сходятся улицы Урицкого, Володарского, Ленина. В нашем институте была проведена научная конференция, московский кинорежиссер сделал документальный фильм о Сергии, написана и опубликована книга «Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине». Были выставки, конкурсы, фестивали. В общем, юбилей тогда получился на славу.

В этом году у нас пока царят мир и покой. Властные лица нашего города находятся в эйфории от «победы» на выборах в Государственную Думу, упиваются удачным голосованием жителей при выборах президента. О великом прошлом, о славных земляках вспомнить, видимо, некогда. Молчат, к сожалению, и наши средства массовой информации, прохладно встретила юбилей школа. Лишь мы в институте, еще как-то пытаемся будить память людей и напоминаем им о славном прошлом нашего города, о людях, вписавших свое имя в историю России. Вот и эта моя публикация преследует отмеченную цель: напомнить уважаемым читателям о том, какую роль в спасении Русской Православной Церкви сыграл наш земляк, арзамасец, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Это ведь помимо всего прочего важно еще и потому, что роль этого человека и в истории Церкви, и в истории нашего Отечества, трактуется весьма неоднозначно. Более того, до сих пор продолжают нападки на Патриарха Сергия и в научной среде, и в среде церковной. Некоторые деятели не просто стремятся принизить его роль, а нередко обвиняют Сергия в предательстве церковных интересов, в сдаче позиций Православия ненавистным богоборцам – большевикам во главе с тов. Сталиным.

МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ ПЕТР И ОГПУ

7 апреля 1925 года завершился земной путь Патриарха Тихона. Эта кончина предстоятеля Русской Православной Церкви подводила итог целому периоду существования Церкви в советском государстве, когда усилиями Патриарха Тихона была выработана определенная модель церковно-государственных отношений, способствующих сохранению церковных структур в условиях воинствующего атеизма. В связи с этим следует обратить внимание на воззвание Патриарха Тихона, подписанное им в день своей кончины. В нем, в частности, говорилось: *«В годы гражданской разрухи по воле Божией, без которой ничего в мире не совершается, во главе русского государства стала советская власть, принявшая на себя тяжкую обязанность – устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода... Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устроятся» и принять все происшедшее как выражение воли Божией. Не прегрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами советской власти и явную или тайную агитацию против нее.*

...Призываем и церковно-приходские общины, и особенно их исполнительные органы не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что советская власть – действительно народная рабоче-крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая...»¹

Отметим лишь, что последние научные изыскания российских историков не оставляют сомнений в его подлинности².

Оставим в стороне спор вокруг подлинности этого документа.

¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917-1943: Сб. в двух частях / сост. М.Е. Губонин. – М., 1994. – С. 362-363.

² См., например: Лобанов В.В. Патриарх Тихон и Советская власть (1917-1925 гг.). – М.: Русская панорама, 2008. – С. 157-198.

Отметим главное: Патриарх Тихон считал необходимым подписать этот документ для улучшения условий существования Православной Церкви в Советском государстве.

Патриарху Тихону не суждено было реализовать то соглашение, которое имело место в результате многотрудных его переговоров с представителями советской власти. Это выпало на долю его преемников.

Преемником же Патриарха по завещанию стал Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Ему исполнилось тогда 63 года. Он был ближайшим соратником Патриарха Тихона и вместе с ним активно боролся против обновленческого раскола в Русской Церкви. Он настойчиво и твердо проводил в жизнь канонически строгую церковную политику.

Государственную политику в отношении Церкви в то время формировало ОГПУ – прямой наследник советской ЧК тов. Держинского. Оно и являлось основным «куратором» религиозных организаций. Непосредственно функцию надзора за Православной Церковью осуществляло 6-е отделение секретно-политического отдела ОГПУ, возглавляемое Евгением Александровичем Тучковым.

Несколько месяцев после кончины Патриарха Тихона власть выжидала, оценивая, какую линию будет проводить Местоблюститель. Тактика же последнего в целом была прямым продолжением линии Святителя Тихона.

Летом 1925 г. сотрудник ОГПУ Евгений Александрович Тучков, курировавший Церковь по линии своего ведомства, неоднократно

Митрополит Сергей и патриарх Тихон

но от имени правительства приглашал к себе митрополита Петра и вел с ним переговоры о положении Церкви в обществе, о принципиальных основах взаимоотношений между ней и государством. Дело в том, что Церковь как организация не являлась юридически признанной советской властью организацией, т.е. она находилась на нелегальном положении и потому находилась вне закона. В качестве условий легализации Церкви он выставлял следующие требования: издание декларации о политической лояльности Православной Церкви; исключение из иерархии неугодных советской власти епископов; осуждение заграничного духовенства; поддержание контактов с советскими властями по вопросам назначения духовенства и принятия наиболее важных вопросов по церковной деятельности.

*Архиепископ Андрей, архиепископ Сергей, митрополит Николай,
епископ Питирим*

Митрополит Петр весьма тяготился контактами с ОГПУ. Он был твердым церковным деятелем, но не обладал дипломатическими и политическими качествами, столь необходимыми в переговорах с советской властью, от которой зависела судьба Церкви. Поэтому некоторые его поступки весьма болезненно воспринимались властью. «Главная цель для Местоблюстителя, – считал Петр, – быть со Хри-

стом, т.е. возглавлять Церковь и находиться с большинством пастырей». При обсуждении церковных вопросов митрополит Петр нередко советовался с настоятелем Данилова монастыря архиепископом Феодором (Поздеевским). А Феодор занимал довольно жесткую позицию по отношению к советской, «безбожной» власти. Еще при жизни Патриарха Тихона он возглавлял в Церкви так называемую Даниловскую оппозицию. Он вообще не одобрял контакты с безбожниками и с властью в целом. Консультировался Петр также с видным дореволюционным общественным и церковным деятелем А.Д. Самариным, который за антисоветскую деятельность ранее уже был осужден Ревтрибуналом.

В целом тактика Местоблюстителя была прямым продолжением церковной политики Святителя Тихона. Вместе с тем, не отказываясь от переговоров об урегулировании положения Церкви с властями, митрополит Петр старался уклониться от настойчивого стремления властей активно влиять на внутреннюю административную жизнь Церкви. В частности, от Петра требовали тем или иным образом устранить неугодных власти епископов, обещая неприкосновенность тех, чье назначение будет одобрено сверху, т.е. советской властью. Наиболее тяжелым условием было поддерживать тесный контакт с карательными органами. Крайнее неудовлетворение властей вызывало и то, что митрополит разными путями помогал многим церковнослужителям, находившимся в заключении и ссылке.

Сохранился проект послания Патриаршего Местоблюстителя Советскому правительству, в котором он в духе Патриарха Тихона свидетельствовал о политической лояльности, но вместе с тем призывал власть прекратить административное давление на Церковь и точно выполнять изданные центральными органами узаконения, регулирующие религиозную жизнь населения.

После серии бесед с Местоблюстителем Е.А. Тучков пришел к заключению, что выбор Патриарха Тихона крайне «неудачен» и предложил вышестоящим властям заменить митрополита на более покладистую фигуру. Он получает сверху «добро», начинает искать среди архиереев подходящую кандидатуру и продумывает возможные меры по низложению Патриаршего Местоблюстителя Петра.

АРХИЕПИСКОП ГРИГОРИЙ И МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Такая кандидатура была вскоре найдена. В качестве противовеса митрополиту Петру был использован бывший архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), арестованный ГПУ в августе 1922 г. по делу о сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Владыка отсидел во Владимирской тюрьме три года и сильно подорвал там свое здоровье. На этом и сыграли чекисты, предложив Григорию возглавить оппозицию «контрреволюционному» митрополиту Петру и подобрать для этого дела себе помощников. По распоряжению председателя ОГПУ В.Р. Менжинского архиепископа Григория (Яцковского) выпускают из тюрьмы на семь дней. Он должен был в течение этой недели подобрать себе команду единомышленников. В условленный срок Григорий представил Тучкову список, в котором значились епископ Можайский Борис (Рукин), архиепископ Константин (Булычев) и еще семь имен. После согласия Григория сотрудничать с чекистами и представления списка своих помощников Тучков отправляет «гражданина Яцковского» во Владимирскую тюрьму досиживать оставшийся срок, чтобы не вызывать преждевременных подозрений в церковных кругах, и наказал ему ожидать вызова в столицу ориентировочно осенью 1925 года.

Группа духовенства во главе с Митрополитом СЕРГИЕМ
(митрополит НИКОЛАЙ, архиепископ СЕРГИЙ, архиепископ ИОАНН)

Устранение Местоблюстителя Петра было осуществлено по сценарию ОГПУ. В октябре 1925 г. на III-м съезде обновленцев лидер этого движения Александр Введенский пошел на беспрецедентную политическую провокацию по дискредитации митрополита Петра. Он огласил некий документ, состряпанный в кабинетах Лубянки, который позволял обвинить Патриаршего Местоблюстителя в нелегальных связях с зарубежным православным духовенством и моральной поддержке его антисоветской деятельности. Этот ход был призван придать видимость и обоснованность подготавливаемых репрессий по отношению к митрополиту Петру и его сторонникам, а заодно и припугнуть оставшихся на свободе «тихоновцев» и подтолкнуть их к примирению с обновленцами.

В результате акций ОГПУ к концу 1925 г. практически все наиболее авторитетные иерархи Православной Церкви, проживавшие в Москве, были арестованы. Стало очевидным, что кольцо вокруг Патриаршего Местоблюстителя сжимается и уже в ближайшее время он будет арестован.

Митрополит СЕРГИЙ в кругу архиепископов (митрополит АЛЕКСИЙ, митрополит НИКОЛАЙ, митрополит СЕРГИЙ, архиепископ НИКОЛАЙ)

Предвидя свой арест, митрополит Петр в декабре 1925 г. составляет два документа о преемниках, отдельно на случай кончины и на случай ареста. Наряду с другими кандидатами в обоих документах

упомянут митрополит Сергей (Страгородский).

На следующий день после подписания второго документа, т.е. распоряжения на случай ареста, 10 декабря 1925 года, митрополит Петр был арестован, доставлен на Лубянку, а спустя несколько дней начались его интенсивные допросы. Впоследствии в письмах из тюремных застенков митрополит Петр неоднократно подчеркивал: *«Вообще я противником Советской власти никогда не был. Советскую власть я признаю, ее распоряжениям подчиняюсь»*. Однако слова его в расчет чекистами не принимались. После серии допросов он был отправлен в ссылку в Сибирь. Участь Петра разделили несколько архиереев, проживавших в тот момент в Москве: архиепископы Владимирский Николай и Черниговский Пахомий, епископы Херсонский Прокопий, Иркутский Гурий, Ананьевский Парфений, Глуховский Дамаскин, Гомельский Тихон, Каргапольский Варсонофий и другие¹.

С 10 декабря 1925 г. распоряжение митрополита Петра вступило в силу. С этого момента Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) обрел права Предстоятеля Русской Православной Церкви, каковым ему суждено было оставаться (за небольшим перерывом нахождения в тюрьме) до своей кончины 15 мая 1944 года, т.е. почти 18 лет.

Следует заметить, что такой способ передачи прав и обязанностей Патриарха (по завещательному распоряжению), не предусмотрен церковными канонами. Однако в тех, исключительных условиях существования Русской Церкви, это был единственный способ сохранить высшее церковное управление, что и было поддержано большинством епископата.

Уже в первые дни исполнения обязанностей главы Русской Церкви митрополит Сергей столкнулся с враждебной по отношению к нему позицией власти: ему не разрешили выехать из Нижнего Новгорода в Москву. Органы НКВД и ОГПУ изолировали Сергея от церковного мира, чтобы реализовать свою идею и дать возможность заявить о правах на власть в Церкви группе иерархов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским). Так начинал-

¹ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). – 2-е изд. – М., 2006. – С. 412

ся известный в истории Церкви задуманный в недрах ОГПУ «григорьевский» или «григорианский» раскол, который был преодолен митрополитом Сергием лишь после упорной, напряженной деятельности, потребовавшей от него принципиальности, преданности делу единства Церкви и целеустремленности.

А надо сказать, что претензия архиепископа Григория на власть в Церкви была весьма серьезно подготовленной. С помощью ГПУ Григорий посетил арестованного Местоблюстителя Петра, ввел его в заблуждение в отношении действительной ситуации в Церкви и тем самым вынудил его передать власть Местоблюстителя – коллегии из трех человек, Временному высшему церковному совету (ВВЦС) с участием того же архиепископа Григория. Таким образом, этим актом Митрополит Сергей был лишен права главы Церкви. Митрополиту Сергию пришлось проявить исключительные упорство и целеустремленность, дабы раскрыть перед Местоблюстителем Петром всю пагубность его решения. Дело в том, что григориане совершили поступки, которые противоречили апостольскому правилу. Это правило запрещает епископам предпринимать какие-либо действия, превышающие их власть, без рассуждения первого епископа. А первым епископом в тот момент был митрополит Сергей. И григориане свои действия не согласовывали с Сергием, они это делали в тайне от него. Временный высший церковный совет во главе с архиепископом Григорием был немедленно легализован органами советской власти. Уже 2 января 1926 года он получил уведомление об официальной регистрации в качестве единственного официального церковного органа «тихоновцев». Центральные советские газеты оповестили об этом весь народ.

Выступив против григориан, Митрополит Сергей выступил таким образом и против официальной власти. Более того, он выступил против воли Местоблюстителя Петра, который передал власть незаконному церковному органу – ВВЦС. Надо было доказать правильность своей позиции, убедить Местоблюстителя в ошибочности его действий.

Митрополит Сергей проявил удивительную настойчивость, оперативность по предотвращению церковного раскола, по ликвидации григорианства. В этом проявился талант прекрасного организатора и блестящего глубокого богослова, что в конечном итоге и решило судьбу григориан.

В нашей литературе, особенно в современной, эту решительную борьбу с григорианами часто подают как стремление Сергия к власти. Вот мол, любил владыка власть¹. Однако дело отнюдь не в этих честолюбивых устремлениях Сергия. Он прекрасно понимал, что власть, основанная на обмане, на лжи, – ввергнет Церковь в хаос, власть не может долго держаться на обмане и фальсификации.

Только 22 апреля 1926 г. окончательно разобравшись в ситуации, митрополит Петр аннулировал «григорьевский» Временный высший церковный совет (ВВЦС), поддержав деятельность владыки Сергия, наложившего запрет на раскольников. О попытке григорианского раскола в Русской Церкви и о упорной борьбе с ним митрополита Сергия можно подробно прочитать в моей книге «Патриарх Сергей (Страгородский): Подвиг служения Церкви и Родине».

После энергичных действий митрополита Сергия григорианский раскол начал медленно агонизировать и вскоре сошел с исторической сцены. Еще раз отмечу, что за григорианской авантюрой стояло ОГПУ и победа Сергия над григорьевским расколом: это был несомненный успех Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия.

ИНТРИГИ ОГПУ И ПОЗИЦИЯ СЕРГИЯ

Казалось, митрополиту Сергию удалось добиться некоторого успокоения в Церкви. Однако в этот момент в очередной раз в опасную для судеб Церкви игру включилось ведомство советского политического сыска – ОГПУ. И вновь главную роль политического интригана сыграл руководитель 6-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Е.А. Тучков.

В апреле 1926 г. он выводит на арену внутрицерковной схватки за высшую власть ярославского митрополита Агафангела, отбывавшего ссылку в Перми. Тучков сумел убедить Агафангела заявить о своих правах на высшую власть в Церкви и обещал поддержку властей в этом деле. Тучков уверял владыку, что ему будет легче добиться легализации церковного управления, чем другим архиереям.

¹ См., например: Фирсов С.Л. Время в судьбе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века – С. Петербург: Сатис, Держава, 2005.

рям, включая митрополита Сергия.

Опираясь на определение Поместного Собора 1917-1918 гг. и другие документы, митрополит Агафангел заявил о принятии на себя обязанностей Патриаршего Местоблюстителя и вступлении в управление Русской Православной Церковью.

ОГПУ и ее верный чекист Тучков могли ликовать: план децентрализации Православной Церкви воплощался в жизнь. Законный глава Церкви митрополит Петр – в застенках. Права его заместителя митрополита Сергия оспаривают архиепископ Григорий и митрополит Агафангел. Вдобавок церковный корабль, который активно раскачивают двое последних, готовы взять на абордаж обновленцы.

Опуская подробности схватки Сергия и Агафангела, отмечу, что митрополиту Сергию удалось одержать верх, и вскоре Ярославский митрополит Агафангел окончательно отказался от местоблюстительства, о чем письменно известил гражданские власти. Он ограничился управлением своей епархией. Это была еще одна победа митрополита Сергия, которая нанесла сильный удар по планам ОГПУ и, в частности, по замыслам Тучкова.

Являясь заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Сергей вел борьбу против двух раскольнических группировок: с одной стороны против обновленчества, с другой – против «григорианства». И те, и другие имели несомненные преимущества: статус официально признанных государством. Демонстрируя свою лояльность и проклиная врагов Советской власти (в том числе «церковных контрреволюционеров»), они могли действовать, укрепляя свои церковно-административные органы, получая поддержку со стороны верующих и пользуясь их финансовой поддержкой. У Сергия ничего подобного не было. Он и его сподвижники находились вне закона. Опираясь на тогдашнее законодательство, власть могла в любой момент разорить их церковные органы, приходы и храмы. Теснимый недругами, митрополит Сергей принимает единственно верное в тех условиях решение: выбить главный козырь оппонентов, обвинявших его в «незаконности». Он должен был добиться легализации той части Православной Церкви, которая шла за ним как за заместителем Патриаршего Местоблюстителя Петра.

Митрополит Сергей начинает попытки сплотить вокруг себя епископат и открыть деятельность церковного органа управления, который он намеревался создать при себе. Оставалось главное пре-

пятствие: чтобы Синод мог приступить к легальной работе, он должен быть зарегистрирован Советской властью. Наркомат внутренних дел, ведавший тогда этими вопросами, выставил Сергию те же условия легализации, которые в свое время выставлял и Патриарху Тихону: осуждение контрреволюционного прошлого Церкви; отказ от участия в политической деятельности; провозглашение курса лояльности и признания государственных актов, регулирующих деятельность религиозных организаций; осуждение эмигрантской ветви РПЦ («карловацкого раскола»).

*Покой Митрополита Сергия в г. Ульяновске.
Митрополит Сергий (в центре) среди близких*

В июне 1926 г. митрополит Сергий обращается в НКВД с просьбой легализовать высший церковный орган управления и зарегистрировать его канцелярию и епархиальные советы, разрешить проведение Архиерейских Соборов и издавать церковный журнал. Одновременно он представляет проект обращения к всероссийской пастве, в котором подчеркивалась лояльность Церкви к гражданской

власти, хотя и не затушевывались мировоззренческие различия между христианством и материализмом.

Однако проект митрополита Сергия был отвергнут официальными властями, ибо его сдержанность не устраивала советское руководство: не было запрещено священнослужение русских зарубежных епископов, митрополит Сергей не был согласен на беспрепятственное перемещение политически неугодных властям иерархов. Проект не разрешили даже опубликовать.

Победа Сергия, сумевшего отстоять единство и целостность патриаршей Церкви, вынудила Тучкова пойти на переговоры с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Однако эти переговоры велись трудно, дело доходило до острых конфликтов. Временами Сергию казалось, что достигнуть какого-либо компромисса не удастся. Наиболее трудно разрешимым был вопрос о власти в Церкви. Сергей настаивал на проведении Поместного Собора для избрания Патриарха, увязывая с положительным решением этого вопроса и остальные: заявление о лояльности, нормализацию государственно-церковных отношений. Тучков придерживался иных позиций: созыв Собора и избрание Патриарха должны зависеть от выполнения выдвинутых условий легализации.

Создалась тупиковая ситуация, когда договаривающиеся стороны не могли прийти к единому варианту соглашения. И в этот момент в церковной среде возник план проведения тайных выборов Патриарха. Митрополит Сергей после некоторых колебаний присоединился к сторонникам этого проекта и благословил акцию. Но за этой акцией с самого начала следили советские чекисты. И в определенный момент группа организаторов этих тайных выборов была арестована.

После неудачной попытки тайного избрания Патриарха, когда к ноябрю 1926 г. было собрано 72 подписи об избрании всероссийским Патриархом митрополита Казанского Кирилла, чекисты произвели массовые аресты архиереев, поставивших свои подписи под избирательными бюллетенями. В тюрьмы, лагеря и в ссылку было отправлено 40 архипастырей. В Нижнем Новгороде в ноябре 1926 г. был арестован и брошен в тюрьму заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей. Кроме обвинений в проведении нелегального выбора Патриарха, его обвинили еще и в связях с эмиграцией, которые были усмотрены в его посланиях к Зарубежному Си-

ноду. В одном из посланий Сергей предлагал зарубежным собратям либо воздержаться от всяких нелояльных выступлений против советского правительства, либо, если это неприемлемо, войти в юрисдикцию зарубежных Православных Церквей, освободив тем самым Московскую Патриархию от ответственности за свои действия¹.

После ареста митрополита Сергея временное управление Русской Церковью взял на себя митрополит Петроградский Иосиф (Петровых). В распоряжении митрополита Петра он был назван третьим после Сергея кандидатом в Заместители Местоблюстителя. Сам Иосиф был в «стесненном положении» – он отбывал административную ссылку в одном из глухих мест Ярославской области. Предвидя, что и его вскоре лишат возможности управлять Церковью, митрополит Иосиф 8 декабря 1926 г. издал акт, которым назначил временных заместителей Местоблюстителя – архиепископов Корнилия (Соболева), Фаддея (Успенского) и Серафима (Самойловича).

Через несколько дней после издания этот документ вступил в силу, а поскольку архиепископы Корнилий и Фаддей не были на свободе, обязанности заместителя принял на себя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). В течение четырех месяцев архиепископ Серафим управлял Церковью. Но реально влиять на ситуацию он не мог, ибо власти запретили ему покидать пределы Угличского викариатства. Не было при нем ни Синода, ни другого какого-либо органа, способного обеспечить устойчивую связь с оставшимися на свободе епископами. Да и авторитета у Серафима было недостаточно, чтобы стать во главе сил, объединяющих Церковь.

Тучков присматривался к этому иерарху, вызывал его в Москву, предлагал переговоры о легализации Церкви. Но поскольку и сам Серафим не считал для себя возможным обсуждать проблемы общецерковного масштаба, то и Тучков не увидел в нем достойной кандидатуры для продолжения контактов. Когда Тучков и следовательно заинтересовались у Серафима, кого он оставит своим заместителем, если его не выпустят с Лубянки, то архиепископ ответил: «Господа Бога». – «Все оставляли себе заместителей, – сказал раздраженный следователь, – и Тихон Патриарх, и Петр митрополит». – «Ну а я на Господа Бога оставлю Церковь», – повторил архиепископ Серафим.

¹ Цыпин В. Указ. соч. – С. 420.

Через три дня допросов заместителя Местоблюстителя отпустили с миром в Углич.

Находившемуся в тюрьме митрополиту Сергию вновь было предложено начать переговоры об условиях легализации Церкви. Причем на условиях, выдвигавшихся ранее Патриарху Тихону, а затем митрополиту Петру. Это было нечто новое в тактике ОГПУ. Ведь все годы после смерти Патриарха Тихона линия деятельности этого органа политического сыска была направлена исключительно на поддержку противостоящих друг другу церковных групп, течений и недопущение возрождения патриаршей Церкви. Результатом этой линии было то, что к началу 1927 года тринадцать иерархов претендовали на главенство в Русской Православной Церкви.

Изменения в планах ОГПУ было обусловлено тем, что советское руководство готовилось отметить свое десятилетие. Политическому руководству страны хотелось продемонстрировать как своим гражданам, так и всему зарубежью, что не только рядовые верующие, но и Церковь в целом лояльно относится к советской власти. Для государственных органов и спецведомств было ясно, что «собрать» Патриаршую Церковь мог лишь весьма авторитетный в церковных кругах иерарх. И таким человеком был митрополит Сергей. В этом они убедились на практике последних лет.

Перед митрополитом Сергием встал очень серьезный вопрос: как быть? Он мог отказаться от переговоров с ОГПУ. Но это наверняка могло повлечь за собой очередные репрессии, которые окончательно погубили бы Церковь. И тогда власть могла бы к своему юбилею рапортовать не о политической лояльности Православной Церкви, а о «преодолении религиозных пережитков» и естественном распаде всех церковных структур. Только урегулирование отношений с государством могло дать шанс спасти Церковь со всем ее богослужебным укладом, местными и центральными органами управления, от поглощения обновленцами, иными раскольниками, спасти как цельный и самостоятельный институт и тем самым дать ей шанс на благоприятное будущее.

Если бы Церковь не была расколота, если бы в ней не происходила борьба за власть, тогда на переговорах можно было бы Сергию выдвигать и отстаивать более благоприятные условия, чем ей предлагали в тот момент. Однако этого не было. И условия диктовала власть. Митрополит Сергей мог лишь надеяться на выполнение да-

ваемых властью обещаний и – прежде всего – на разрешение собрать Поместный Собор и избрать Патриарха. Необходимо было считаться и с еще одним очень важным обстоятельством: большинство рядовых верующих страны осознавали себя гражданами Советского Союза. Они не за страх, а за совесть работали на благо страны. Политические симпатии народа, верующих к тому времени были на стороне советской власти. И игнорировать этот факт было бы неправильно. Церковь в таком случае противопоставляла бы себя не только властям, но и всей многомиллионной пастве, которой трудно было понять, почему церковное руководство не идет на признание реальной политической ситуации в стране, почему не выражает открыто своего отношения к ней.

В данной ситуации митрополит Сергей, как и ранее Патриарх Тихон, не стал уклоняться от тяжелого креста, посланного ему судьбой. Он сделал шаг навстречу Советской власти. И это было не малодушное стремление извлечь лично для себя какие-либо блага. Он сделал шаг, который лично ему не мог принести ни славы, ни почести. Но этот шаг давал шанс выжить всем тем, кто был рядом с ним, кто пришел бы в Церковь в эти и последующие годы, и вместе с тем, не дал бы прерваться тысячелетней нити Русского Православия. Еще раз подчеркнем, что шаг навстречу Советской власти давал такой шанс. И этот шаг вряд ли следует оценивать как «полную и безоговорочную капитуляцию» митрополита, как оценивает его современный весьма авторитетный историк С.Л. Фирсов¹.

ДЕКЛАРАЦИЯ 1927 ГОДА: СПОРЫ И ДИСКУССИИ

30 марта 1927 г. митрополит Сергей был освобожден из четвертого в своей жизни заключения и с разрешения властей поселился в Москве, в Сокольниках. 7 апреля архиепископ Серафим передал ему бразды церковного правления. 7 мая он обратился в НКВД с ходатайством о легализации церковного управления. В тюрьме от него требовали сделать заявление в поддержку Советской власти, осуждения контрреволюционных выступлений внутри страны и за рубежом, церковных прещений эмигрантскому духовенству, устранения неугодных властям епископов от управления епар-

¹ Фирсов С.Л. Указ. соч. – С. 157.

хиями. Настаивали на том, чтобы выбор кандидатов на архиерейские кафедры согласовывался с НКВД и др. В ответ Сергей просил о легализации высшего и епархиального церковного управления, о решении на созыв Поместного Собора и выборов Патриарха, об освобождении заключенных и сосланных священнослужителей, о решении на восстановление духовных школ и издание церковного журнала.

18 мая Сергей созвал совещание епископов, на котором был образован Временный Патриарший Священный Синод. В августе 1927 г. Патриарший Синод был официально зарегистрирован и утвержден Наркоматом внутренних дел. Легализация высшего церковного управления дала повод Восточным патриархам Дамиану Иерусалимскому и Григорию Антиохийскому отправить послание митрополиту Сергию с благословением ему и его Синоду и с признанием его временным главой патриаршей Русской Церкви. В декабре 1927 г. к Заместителю Местоблюстителя обратился Вселенский патриарх Василий III. Он призвал митрополита Сергия к примирению с обновленцами ради восстановления единства Церкви.

Первое заседание Синода состоялось 25 мая, в этот же день по епархиям было разослано Постановление, в котором правящим архиереям предлагалось создать при себе временные епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Так началась долгая и трудная работа по воссозданию на гражданских законных основаниях всей церковно-административной структуры Московского Патриархата.

29 июля 1927 г. митрополит Сергей и восемь членов Времен-

ного Священного Синода, образованного при заместителе Патриаршего Местоблюстителя, подписали «Послание к пастырям и пастве», получившее в литературе название «Декларация 1927 г.». Вскоре текст «Декларации» опубликовали центральные советские газеты. Так что летом 2012 г. мы будем отмечать 85-летие со дня опубликования знаменитой «Декларации» Сергия, которая заложила основы нормализации взаимоотношений Церкви и Советского государства.

Накануне этого события Сергий встретился с корреспондентом «Известий» и, передавая ему текст для публикации, подчеркнул: *«Советскую власть мы признаем нормальной и законной. И мы подчиняемся всем ее постановлениям вполне искренне. В случае войны наши симпатии всецело на стороне Советского Союза: ведь мы служим родине, а всякие интервенты борются только в своих интересах, чтобы эксплуатировать русский народ и русскую землю. Поэтому и деятельность заграничного духовенства, выступающего в проповедях и статьях от имени Церкви против советской власти, ни в коем случае не соответствует нашим интересам. Мы требуем от них письменных обязательств о полной лояльности в церковно-общественной деятельности по отношению к советской власти. Им дан недельный срок, и если они не подчинятся, то будут уволены и тем самым ничего общего с нашей организацией не будут иметь»*. Это было самым уязвимым местом Декларации. Оно было чревато церковным расколом, ибо было ясно, что такое обязательство большинство эмигрантского духовенства откажется давать: они не были гражданами СССР. Это требование также противоречило решениям Поместного Собора 1917-1918 гг. и посланию Патриарха Тихона от 8 октября 1919 г. о невмешательстве Церкви в политические симпатии ее духовенства и мирян. Это требование митрополита Сергия можно рассматривать как чисто политическое, и угроза наказания была политического, а не канонического порядка.

В «Послании пастырям и пастве» подчеркивалась патриотическая позиция Церкви в новых исторических условиях: *«Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»*¹.

¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона. – С. 510.

Именно это высказывание вызвало бурю протестов в широких кругах духовенства и мирян как в СССР, так и в эмиграции. Однако почему-то никто не обратил внимания на то, что, употребляя форму женского рода «которой», митрополит Сергей говорил о радостях и успехах Родины, а не Советского Союза. Впоследствии глава Русской Церкви объяснял, что этим фразеологическим оборотом он имел в виду преданность Родине, а не режиму. Относительно радостей и неудач митрополит Сергей пояснял: «Ясно, что, если Церковь будут преследовать, мы радоваться этому не будем». Критикам митрополита Сергея адресовалось самое главное, покрывающее все вынужденные моменты в «Декларации» убеждение, что *«изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются неизблемыми»*.

Следует иметь в виду, что позиция Сергея значительно отличалась от позиции обновленцев и «григориан». Сергей нигде не восхвалял советскую идеологию и общественный строй. Он просто заявлял, что это должно быть принято как факт, что *«для христианина нет случайностей»*, следовательно, советский режим существует по воле Божией, и было бы безумием бороться с режимом или стараться продолжать жить, как если бы ничего не произошло. Тех, кто был согласен с этой позицией, он просил, *«оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры»*, тем же, кто не мог себя переломить, он предлагал, по крайней мере, *«временно отойти от активного участия в церковных делах»*.

Появление «Декларации 1927 г.» вызвало самые различные отклики и оценки, хотя, по существу, она не намного отличалась от компромиссных заявлений Патриарха Тихона. А если сравнивать ее с «Завещанием» Патриарха, то можно обнаружить прямую преемственность этих документов (правда, по мнению некоторых исследователей, оспаривающих подлинность «Завещания», эта схожесть обусловлена тем, что над их окончательной редакцией работал один и тот же сотрудник ОГПУ). Епископат в своем отношении к ней постепенно разделился на три группы. Одна из них, надо сказать, меньшая, резко осудила Сергея и разорвала с ним всяческие отношения. В их числе был ленинградский митрополит Иосиф (Петровых), положивший начало так называемому иосифлянскому движению.

Другая группа иерархов, хотя публично и не осудила Сергея,

не протестовала открыто, однако под благовидными предлогами стала проситься «на покой» и в «отпуска». Часть этих епископов, не отвергая правомочности власти Сергия, в то же время не поминала его имени во время богослужения, продолжая возглашать имя Местоблюстителя Петра.

Третья группа, наиболее многочисленная, объединившая почти половину епископата, решительно поддержала митрополита Сергия.

Сам Сергий в переписке и в переговорах с несогласными с ним неоднократно разъяснял причины, побудившие его сделать такой шаг.

Патриарший Местоблюститель Петр (Полянский), находившийся в то время в Тобольской ссылке, воспринял Декларацию как необходимое явление того времени, а, следовательно, и новая церковная политика митрополита Сергия была им признана как явление, не противное Христовой вере. Соловецкий епископат, отвергнув отдельные положения «Декларации», в принципе согласился с его общей политикой. А в церковной среде епископы, находившиеся в ссылке на Соловках, были очень авторитетны.

Этот разброс оценок, разномыслие среди церковной иерархии, конечно же, отразились и на взглядах приходского духовенства и верующих. Они разделили их на сторонников и противников Декларации Сергия. Однако абсолютное большинство тех и других встало на сторону митрополита Сергия. Исследователь Михаил Одинцов отмечает, что «встречающиеся в литературе утверждения о том, что почти 90% православных приходов вернули в Синод текст послания, не желая оглашать его в церквях из-за несогласия с позицией Сергия, не имеют под собой какого-либо документального подтверждения». А между тем, и в современных публикациях миф о массовом возвращении текста послания в Синод продолжает жить. Сошлюсь на книгу Петербургского историка Сергея Львовича Фирсова «Время в судьбе», недавно переизданную¹. Современные изыскания исследователей подтверждают правильность выводов М.И. Одинцова².

Острые споры и дискуссии по поводу «Декларации 1927 г.»

¹ Фирсов С.Л. Указ. соч. – С. 173.

² См., например: Полищук И.С. Православие и Церковь в общественной жизни русской деревни (1917-1937 гг.). – Тверь, 2010. – С. 173.

вспыхнули в среде русской эмиграции, расколотой на два непримиримых политических лагеря. Оба эти лагеря были едины в неприятии большевизма и жаждали падения Совдепии. Однако они по-разному представляли будущее политическое и общественное устройство России. Представители обоих политических лагерей стремились опереться на церковные структуры, образовавшиеся на Западе, в которых они видели своих естественных союзников.

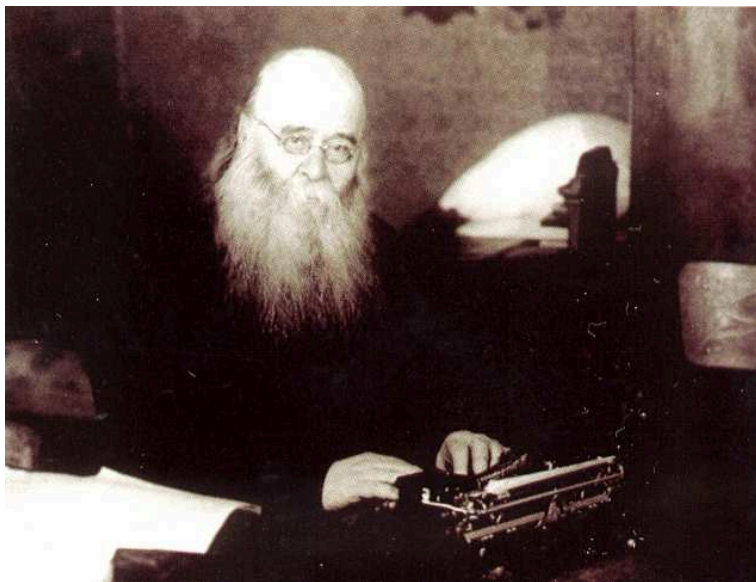
Острая, часто ожесточенная и нелицеприятная полемика, звучавшая на заседаниях приходских собраний и епархиальных съездов, волной прокатившихся по европейским странам, где компактно проживали русские эмигранты, завершилась в конечном итоге победой митрополита Евлогия и его сторонников. В послании Сергию (Старгородскому) он сообщил общую позицию, сформировавшуюся в спорах: требования дать подписку о лояльности отвергаются, курс на «невмешательство Церкви в политическую жизнь» остается неизменным, а также сохраняется прочная организационная и духовная связь с Московской Патриархией при обещании «не допускать, чтобы в подведомственных... храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну».

Иную позицию заняли иерархи Русской Зарубежной Православной Церкви «карловацкого» направления. Архиерейский Собор вынес постановление о разрыве связей с митрополитом Сергием. Декларация его была осуждена и отвергнута по причине того, что она «составлена не свободно, а под сильным давлением безбожной советской власти». Собор осудил «раскольническую деятельность» митрополита Евлогия, запретил его в священнослужении и отстранил от управления православными приходами в Западной Европе.

Появление Декларации стало удобным поводом к открытому разрыву с Московской Патриархией православной зарубежной иерархии «карловацкого» направления. Провозглашенная ранее цель – борьба с советской властью всеми возможными средствами – была еще раз подтверждена «карловчанами», которые активно включились в нараставшую на Западе мощную волну борьбы против Советской России.

Внутри страны с критикой действий первосвященника Церкви выступили многие представители православного епископата. Одни были недовольны частыми перемещениями архиереев с кафедры на кафедру и их увольнениями, считая, что митрополит Сергей слиш-

ком далеко пошел по пути компромисса. Другие выступали против Сергия и изданной им и Синодом Декларации, потому что не видели нужды торопиться, надеясь, что пройдет еще некоторое время, и политическая ситуация изменится и все вернется на круги своя. Третьи в исключительно трудных условиях потеряли чувство духовного равновесия, исполнились апокалиптической тревоги и уже не считали важным делом сохранение церковной структуры. Они готовы были уйти и даже уходили в катакомбы, т.е. переходили на нелегальное положение. Между тем митрополит Сергей главную цель своей церковной политики видел в том, чтобы сохранить для многомиллионной российской паствы православные приходы и храмы, сохранить церковную структуру, сохранить Церковь как организацию. Он не хотел ставить православный народ Советской России перед жестким выбором между катакомбами и обновленческой схизмой.

В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: стояла ли за деятельностью митрополита Сергия какая-то церковно-государственная модель, или же эта деятельность носила хаотичный характер? У церковного историка В. Цыпина имеется ответ на этот вопрос. Он сводится к следующему: в советскую эпоху, когда ми-

трополит Сергей реально возглавлял Церковь, он уже не занимался теоретическими построениями в этом направлении. В своей реальной церковно-государственной практике, в политике взаимоотношений с государством он исходил из насущных потребностей времени и из заботы о выживании Церкви. Никакая более-менее удобная, благоприятная для Церкви модель не могла быть осуществлена в те годы, когда он был предстоятелем Церкви. Он исходил не из отвлеченных идеологических соображений, а просто из потребностей дня.

Позиция Сергея проста и ясна: хотя государство по отношению к Церкви до крайности неудобно, но оно есть, и поскольку оно на тот момент не объявляет Церковь вне закона, пренебрегать возможностью легального существования никак не следует, поэтому необходимо идти на компромиссы. А что касается компромиссов, то в истории их было множество, но именно компромиссов, не затрагивающих веру. Бывали и компромиссы, затрагивающие веру, но они буквально отвергаются церковным сознанием¹.

Причины перехода значительной части духовенства и мирян в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителю во многом носили субъективный характер. Нужно иметь в виду, что личности Патриарха Тихона и митрополита Сергея во многом по-разному воспринимались церковным сознанием. Несмотря на определенный авторитет владыки Сергея (Страгородского), он был несоизмерим с авторитетом законно избранного Патриарха. И то, что произошло Святителю Тихону, со всей пристрастностью ставилось в вину митрополиту Сергию, его преемнику. Влияло также и то, что митрополит Сергей в свое время уклонялся в обновленческий раскол. В этом отношении характерно свидетельство протопресвитера Василия (Виноградова) из письма к владыке Иоанну (Шаховскому): «Меня глубоко удивляет, – пишет о. Василий, – то, что всю вину за церковную примирительную с большевистской властью политику возлагают на покойного Патриарха Сергея и не хотят знать, что ведь это собственно политика самого Патриарха Тихона в последний момент его правления, именно после освобождения его из тюрьмы.

Бранят патриарха Сергея за то, например, что будто бы он ввел

¹ Цыпин В. Актуальные проблемы канонического права: государственно-церковные отношения // Альфа и Омега. – 2003. – №4(38). – С. 137-140.

поминование властей за богослужением. Но ведь это же совершенно неправда. Это поминование ввел именно патриарх Тихон тотчас после освобождения из тюрьмы и установил не единолично, а со своим Временным Синодом... А указы об этом по приходам рассылал именно я как Председатель Московского Епархиального Совета»¹.

Разномыслие относительно церковной жизни тех лет нашло яркое отражение и в историографии. «Антисергианская» точка зрения наиболее ярко сформулирована в исследовании эмигрантского историка Л. Регельсона. Автор резко негативно расположен к митрополиту Сергию и его церковному курсу. Более того, он подвергает сомнению сам объем прав Патриаршего Местоблюстителя, а тем более его Заместителя. По мнению Регельсона, если строго следовать постановлениям Поместного Собора и Патриарха Тихона, то после ареста митрополита Петра должен был вступить в действие патриарший указ от 7(20) ноября 1920 г. о децентрализации церковных структур и самоуправлении епархий². То есть, по существу автор предлагал добровольно отказаться от высшего церковного управления, называя аргументы митрополита Сергия в защиту его сугубо «бюрократическими».

Между тем митрополит Сергей в послании к пастве от 18(31) декабря 1927 г. пояснял свою позицию следующим образом: *«Господь возложил на нас великое и чрезвычайно ответственное дело править кораблем нашей Церкви в такое время, когда расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предала, и церковный корабль почти не имел управления.*

Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии, и даже приходы, которые, блуждая как бы оцупью среди неосведомленности, жили отдельную жизнь и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и пагубных заблуждений, какое обширное поле для всякого самочиния»³.

Кроме того, следует иметь в виду, что вакуум церковной вла-

¹ Цит. по: Лобанов В.В. Патриарх Тихон и Советская власть. – С. 216.

² Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. – 3-е изд. – М., 2007. – С. 103.

³ Акты Святейшего Патриарха Тихона. – С. 548.

сти был бы немедленно заполнен имеющими легальный статус обновленческими и подобными им структурами. Это подтверждает и немедленное появление после ареста митрополита Петра (Полянского) самочинного «григорьевского» Временного Высшего Церковного Совета, тут же поддержанного ГПУ. И ведь только оперативная и бескомпромиссная деятельность митрополита Сергия позволила оттеснить «григорьевцев» от управления Церковью.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЦЕРКОВЬ

Провозглашение Декларации митрополита Сергия пришлось на тот момент, когда в партийно-политических кругах Советского Союза столкнулись две тенденции во взглядах на развитие церковной политики государства. Среди руководства страны выделялась группа лиц, выступавшая за относительное смягчение жесткого курса по отношению к Церкви (М.И. Калинин, А.И. Рыков, А.В. Луначарский). Однако во второй половине 1927 г. верх стали брать сторонники жесткого курса по отношению к Церкви (Н.И. Бухарин, Е.М. Ярославский, В.М. Молотов и др.). Закончился период относительного затишья на антирелигиозном фронте, и в 1928 г. – первой половине 1929 г. началась подготовка к новому наступлению на Церковь. Были созданы и приведены в действие средства массовой информации и центры по подготовке пропагандистских кадров, массовые антирелигиозные организации. Были разработаны всеохватывающее антицерковное законодательство и система мер, благодаря которым не только духовенство, но и члены их семей, а также приходской актив лишались политических прав и социальной защиты. В результате предусмотренных мер большинство храмов подлежало закрытию, а духовенство должно было быть арестовано и выслано.

Русская Православная Церковь разделила судьбу своего народа, и ее на этот раз не миновала горькая чаша ужесточения репрессий. В начале 1929 г. за подписью Л.М. Кагановича на места была направлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Духовенство объявлялось политическим противником ВКП(б), выполняющим задание по мобилизации всех «реакционных и малограмотных элементов для контрнаступления на мероприятия Советской власти и ком-

партии». Этой директивой фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией.

Гонения на Церковь – так можно оценить политику советской власти с 1929 года. Началось массовое закрытие церквей. Если в 1927 г. было закрыто 134 молитвенных здания, то в 1928 г. – 542 церкви, то в 1929 г. – уже 1000¹, в 1930 г. упразднение православных церквей продолжалось с нарастающим темпом. Закрытые храмы использовались под производственные цеха, склады, квартиры и клубы, а монастыри – под тюрьмы и колонии. Многие храмы уничтожались, разрушались православные святыни русского народа. Иконы сжигались тысячами. Уничтожались иконы древнего письма. Сжигались богослужебные книги. При разгроме монастырей жгли рукописные книги, археологические памятники, представлявшие исключительную культурную ценность, драгоценная церковная утварь переплавлялась на лом.

Закрытие храмов и уничтожение святынь сопровождалось арестами священнослужителей, их высылками и ссылками, этапированием в места заключения, где уже томились тысячи священников и десятки архиереев.

Идя на предельный компромисс с властью, заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей надеялся добиться освобождения всего арестованного духовенства, восстановить богословские курсы, периодику, прицерковные организации.

Митрополит Сергей надеялся, что в ответ на его Декларацию о лояльности советское правительство разрешит Церкви расширить ее общественную, культурную и просветительскую деятельность. Была составлена специальная программа, в которой рассматривались вопросы о религиозном воспитании детей, о пастырских и богословских семинарах для родителей, о церковных спортивных организациях, экскурсиях и публичных лекциях. Но новое советское законодательство положило конец этим надеждам.

Однако Сергей не складывал руки и продолжал стучаться в высокие властные кабинеты. В 1930 г. он пишет памятную записку П.Г. Смидовичу, который занимал видное положение в советской

¹ Шкаровский М.В. Русская Церковь в XX веке. – М.: Вече, 2010. – С. 119.

иерархии – он был председателем Комиссии по делам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. В этой записке подробно перечислены разные виды гонений на Церковь и митрополит Сергей требует их отмены. Он требует отмены или сокращения страховых сборов с религиозных общин, отмены обложения церковью натурой и особыми сборами на индустриализацию, на тракторизацию и пр. Он требует отмены приравнивания по налогам Церкви, ее служителей и служащих к кулакам; защиты прав верующих судебными инстанциями наравне с защитой прав остальных граждан от посягательств административных органов.

И надо сказать, что его просьбы и требования принимались во внимание. Выполнению, хотя и очень неполному, некоторых из требований способствовало появление в марте 1930 г. в газете «Правда» знаменитой сталинской статьи «Головокружение от успехов». В результате, начиная с июня 1930 г. появляется целый ряд секретных циркулярных писем ВЦИК и Наркомфина об упорядочении обложений духовенства. В 1930 г. было разрешено издание ежемесячного «Журнала Московской Патриархии», который выходил тиражом в 3 тыс. экз.

В целом следует признать, что, несмотря на то, что омут компромиссов затягивал Русскую Православную Церковь все глубже, но активные выступления митрополита Сергия в защиту верующих СССР помогли добиться приостановки фронтальной атаки на Церковь.

Процесс закрытия храмов временно был приостановлен, в ряде случаев были отменены неправомерные решения. Во многом было упорядочено налогообложение священнослужителей и церковных общин.

Однако передышка была краткой. Новый виток коллективизации привел к автоматическому возобновлению репрессий против духовенства и закрытию храмов. За 1929-1933 гг. было арестовано около 40 тыс. верующих и священнослужителей. Только в Москве и Московской области было арестовано 4 тыс. человек.

Многие отечественные историки датируют начало нового этапа массовых гонений на Православную Церковь 1932 годом. Этот этап соответствовал так называемой «безбожной пятилетке». Высшая власть ставила задачу, чтобы к 1 мая 1937 года имя Бога было забыто на всей территории СССР.

Гонения этого периода по силе сравнимы с таковыми в 1922 году. В 1932-1936 гг. только среди епископата было арестовано 116 человек. В 1935-1936 гг. была запрещена деятельность Синода, закрыт «Журнал Московской Патриархии». Под тотальным контролем находился почти каждый православный приход.

Митрополит Сергей оказался в изоляции, один на один с атеистической вакханалией, масштабы которой все более расширялись. Вслед за снятием колоколов разрушению стали подвергаться храмы. Началось массовое уничтожение культовых зданий. С 1930 по 1934 гг. их число сократилось на 30%. На слом шли даже часовни, не говоря уже о лучших творениях великих зодчих России.

Одновременно с закрытием храмов проводились массовые репрессии верующих. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в 1931-1932 гг. по церковным делам было арестовано около 60 тыс. человек. Из них 5 тыс. человек были расстреляны.

Митрополиту Сергию очень трудно приходилось в эти годы. Ему грозили судебным преследованием за то, что он благословил сбор пожертвований на нужды пострадавших от стихийных бедствий. Предпринималась попытка отобрать Богоявленский кафедральный собор в Москве, в котором служил Заместитель Местоблюстителя.

Однако вопреки всем нападкам, положение самого заместителя Местоблюстителя укреплялось. Синодальным решением от 24 апреля 1934 г. ему был присвоен титул «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский» с правом ношения двух панагий. Это произошло с разрешения властей.

После роспуска Патриаршего Синода в мае 1935 г. управление всеми епархиями Русской Церкви заместитель Местоблюстителя осуществлял с помощью своего викария епископа Сергея (Воскресенского) и канцелярии, в штат которой входили один секретарь и одна машинистка.

Сергий вынужден был отрешать от кафедр тех епископов, чья власть, инкриминирующая им политические и уголовные деяния, осуждала на тюремное заключение. Заменить их было нечем: немногие в те трудные годы решались на пастырское служение.

И все же в церковной среде положение Сергия постепенно упорчивалось. Более половины иерархов и духовенства остались ему

верными. Вокруг него объединялись – кто раньше, кто позже – те, кто еще недавно пребывал в «расколах», порвал с ним отношения, был среди «непоминающих».

В 1936 г. заканчивался очередной срок заключения Патриаршего Местоблюстителя Петра (Полянского). Но выйти на свободу ему не позволили. В Московскую Патриархию поступило сообщение о кончине Местоблюстителя в заключении 11 сентября 1936 г. В связи с этим 27 декабря Патриархией был издан «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Русской Православной Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)».

В это же время усиливаются личные угрозы в адрес митрополита Сергия. Известный в 1930-х годах безбожник Б.П. Кандидов в 1937 г. открыто обвинял владыку в шпионаже в пользу Японии. Из арестованных архиереев выбивали показания о «шпионской деятельности» Сергия (Страгородского). По воспоминаниям близких ему людей, митрополит Сергей во второй половине 1930-х годов постоянно ожидал ареста. Из документов известно, что в это время готовился процесс над «Всесоюзным контрреволюционным центром церковников» во главе с митрополитом Сергием (Страгородским).

Однако Божиим промыслом суждено было иное и митрополиту Сергию, и Русской Православной Церкви в целом.

ПРОВАЛ АТЕИСТИЧЕСКОГО НАТИСКА

Атеистический натиск на Церковь не удался. Об этом провале «безбожной пятилетки» свидетельствовали итоги переписи населения 1937 г. Пятый пункт опросного листа был сформулирован следующим образом: «Являетесь ли Вы верующим? Если да, то какой религии?» Треть городского и две трети сельского населения назвали себя верующими. Таким образом, более половины населения Советского Союза (56,7%), несмотря на всю идеологическую работу коммунистов и открытый террор против Церкви, объявили себя верующими. Декретом от 25 сентября 1937 г. результаты переписи были объявлены неправильными, а сама перепись – недействительной. На 17 января 1938 г. была назначена новая перепись. На этот раз ни один из 16 пунктов опросного листа не касался религии.

Таким образом, опыт 1930-х годов свидетельствовал, что даже в самых неблагоприятных для Церкви условиях, при полной монополии антирелигиозной печати, успехи воинствующего атеизма, несмотря на всестороннюю помощь со стороны власти, оказались весьма скромными. Русская Православная Церковь, возглавляемая митрополитом Сергием, выстояла.

Вместе с тем в результате жесточайших гонений и открытого террора Церковь как организационная структура к 1939 году была почти разрушена. Только в 1937 г. было закрыто более 8 тыс. церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев.

В 1938 г. из примерно 37 тыс. православных храмов всех течений, действовавших на начало 1930 г., оставалось формально незакрытыми 8302, из них 3903 – на Украине и 3617 – в РСФСР. Однако лишь небольшая часть из них реально действовала, т.к. в результате репрессий возникла острая нехватка духовенства.

О количестве репрессированных иерархов существуют различные мнения. Так, по подсчетам публициста и историка Р. Медведева, в 1936-1938 гг. было арестовано около 800 архиереев (в том числе обновленческих). Историк А. Левитин полагал, что в 1937-1939 гг. погибло 670 епископов (280 – патриарших и 390 – обновленческих). Но эти оценки завышены, считает М.В.

Шкаровский. Более точен канадский исследователь Д. Поспеловский, оценивающий число до 1956 г. скончавшихся насильственной смертью архиереев в 300 человек¹.

¹ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995. – С. 170-171.

В значительной степени был разгромлен епископат. К лету 1939 г. в Московской Патриархии оставалось лишь четыре правящих архиерея – Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями и архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский), занимавший с 1937 г. должность управляющего делами Московской Патриархии. Еще около 10 уцелевших архиереев находились на покое или совершали богослужения в качестве настоятелей храмов.

Церковь выстояла и не была полностью уничтожена: ни самого Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея, ни трех его ближайших помощников не арестовали. Советская власть не рискнула ликвидировать Московскую Патриархию, ибо в условиях приближающейся войны с фашизмом вынуждена была думать о будущих союзниках и не отталкивать их в лагерь своих недругов. Надвигавшаяся стремительно Вторая мировая война начинала играть существенную роль. Советское руководство было озабочено единством нации в условиях грядущей войны. Гонения на Церковь раскалывали нацию и угрожали потерей внутренних союзников в случае войны. Была и еще одна внутренняя причина, по которой Патриаршему Местоблюстителю удалось сохранить к концу 1930-х годов несколько сот приходов и сокращенное до минимума церковное управление. Это связано было с существованием в стране тайных «катакомбных» приходов. «Советское правительство, очевидно, боялось, чтобы вся Церковь не ушла в подполье, т.к. официальная и строго контролируемая Церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная», – считает историк М.В. Шкаровский.

Переломным моментом в отношении власти к Церкви стали события сентября 1939 г., когда советские войска вступили на территорию Польши и к Советскому Союзу были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия. Советское правительство оказалось перед фактом включения в государственную жизнь страны территорий с нетронутой гонениями религиозной жизнью.

В связи с продвижением границ Советского Союза на Запад и расширением юрисдикции Русской Православной Церкви Московская Патриархия получила возможность реально управлять епархиями Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молда-

вии. Двух из четырех действующих архиереев Местоблюститель направил на воссоединенные территории: архиепископа Сергия (Воскресенского) – на Воынь, а затем – в Прибалтику, экзархом Западной Украины и Белоруссии стал митрополит Николай (Ярушевич).

Изменения международной обстановки существенно изменило положение Московской Патриархии. Была полностью снята угроза ее ликвидации. Очень осторожно, но убирались некоторые запреты. Патриарший Местоблюститель вновь стал совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры.

Крест Святителя гонимой Церкви был в высшей степени тяжек. Можно было вытерпеть и клевету, и даже непонимание собратий. Но беда заключалась в том, что принесенные жертвы, казалось иногда, принесены были напрасно. Они не давали видимых плодов. Только позднее станет ясно, что уступало и безбожное государство. Да, тоталитарное, насквозь идеологизированное безбожное государство уступало гонимой Церкви. И уступало в главном, стержневом. Оно вынуждено шло на идеологическое соглашение... Советская власть шла на временный компромисс с Церковью только в ту меру, какой Церковь продолжала пользоваться народной поддержкой.

Имеет смысл задуматься над оценкой русского философа Н.А. Бердяева, который размышляя о судьбе Русской Церкви в эпоху гонений и внутренних разделений, заметил: «...Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России...

есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергей – не отдельные частные лица, которые думают только о себе. Перед ними всегда стоит не личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес Патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергей. Некогда ее принес св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву...»¹

Верность Русской Православной Церкви намеченному Декларацией митрополита Сергея патриотическому курсу была не на словах, а на деле подтверждена в суровые годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. советского народа с фашистской Германией. И этот курс был провозглашен митрополитом Сергием уже в первый день войны, когда он обратился к пастырям и пасомым Православной Русской Церкви с призывом встать на защиту священных рубежей своего Отечества.

¹ Бердяев Н.А. Вопль Русской Церкви // Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). Жертвенный подвиг стояния в истине Православия. – М.: Правило веры, 2003. – С. 316.

ВАЛЕНТИН СТЕПАШКИН

Родился в п. Сатис Дивеевского района. Окончил техникум и экономическое отделение института советской торговли. Сейчас - начальник отдела исторических исследований МУК «Городской музей». Благодаря его работам, посвящённым Серафиму Саровскому, родовая святого расширена до 170 имен, на карте города Курска указано место расположения родительской усадьбы и обоснована дата рождения преподобного Серафима Саровского, что позволило руководству Русской Православной Церкви объявить 2004 год годом празднования 250-летия со дня рождения великого подвижника. Литературный труд дважды удостоен благодарности и памятной медали Комитета и Фонда по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Лауреат первой степени Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского (Санкт-Петербург, 2010). Живет и работает в г. Саров. Член Союза писателей России.

Основные публикации: «Преподобный Серафим Саровский: предания и факты», Саров, 2002, 2003, 2008; «Саровская святыня», Нижний Новгород, 2004 (в соавторстве с игуменом Тихоном (Затекиным) и О. Дестевой); «Преподобный Серафим Саровский. История рода», Курск, 2009; «Преподобный Назарий Валаамский – подвижник Саровской пустыни», Нижний Новгород, 2009; «Саров – это мы!», Саров, 2009 (в соавторстве).

РАССКАЗ О ПОДВИЖНИКЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПЕРВОНАЧАЛЬНИКЕ САРОВСКОМ, СТАРЦЕ ИОАННЕ

Имя Первоначальника Свято-Успенской Саровской пустыни иеросхимонаха Иоанна известно многим, кто интересуется историей и духовным становлением Русской Православной Церкви. Впервые читающая публика узнала о подвижнике из обстоятельного труда саровского постриженника иеромонаха Авеля «Общезительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся», изданной в 1854 году.

Более солидный труд саровские монахи подготовили и издали в Муроме в 1892 году под названием «Житие и подвиги иеросхимонаха Иоанна, основателя и Первоначальника Саровской пустыни». Несмотря на большую работу по собиранию сведений о Первоначальнике и наличию в монастырском архиве нескольких дел, посвященных старцу, следует признать, что в его биографии остается еще много неясного.¹ Все попытки саровских

монахов рассказать о последних годах жизни следует признать не всегда достоверными, так как не имели под собой документальной основы. Даже известный историограф Русской Православной Церкви И. Чистович подготовивший в 1868 году к изданию замечательную

¹ ЦГА РМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 73 «Дело о производстве следствия, об аресте и ссылке Первоначальника и других иеромонахов за сочинение раскольничьих книг»; там же. Д. 357 «Записи игумена Нифонта об аресте Первоначальника монастыря в 1734 году»; там же. Д. 529 «Биография Первоначальника монастыря иеромонаха Исаакия».

книгу «Феофан Прокопович и его время»,¹ в которой он ссылается на архивные материалы Тайной канцелярии, многое не сумел нам рассказать. Вероятно, это можно объяснить некоторыми цензурными препонами, а так же тем, что автор работал с материалами Тайной канцелярии, которые хранились в Санкт – Петербурге и совершенно оставил без внимания «московское» дело.

Мирское имя и отчество Первоначальника - Иван Федорович.² Родился в 1669 году в селе Красном, что расположилось в трех верстах от города Арзамаса, в семье приходского дьячка Федора Степановича. После поступления Федора Степановича в Арзамасский Введенский монастырь и пострижения его в великую схиму с именем Феофан за отцом последовал и сын. Произошло это в 1687 году. Спустя два года 6 февраля 1689 г. послушник Иван пострижен в монахи с именем Исаакий.³

В это время пришел в Введенский монастырь монах Филарет из Санаксарского Рождественского монастыря, который и рассказал молодому монаху о Старом городище на месте слияния речек Сатис и Саров и о его явно избранном Богом предназначении. В начале 90-х годов Исаакий начинает постепенно обживать городище. В первое посещение он устанавливает крест в знак своего серьезного намерения утвердить в глухих мордовских лесах оплот православия. В следующий раз строит временное жилье.

2 февраля 1692 г. Исаакий по рекомендации настоятеля Санаксарского монастыря и благословению святейшего Адриана, архиепископа Московского и Всея Руси и северных стран Патриарха, рукоположен в иеромонаха митрополитом Сарским и Подонским Евфи-

¹ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб. 1868.

² В некоторых источниках указывается фамилия Кучин. Фамилия приписана о. Иоанну ошибочно при подготовке к печати материалов под названием «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующаго Синода. Том XIV. 1734 год», изданного в Санкт-Петербурге в 1910 году. По делу саровского монаха Георгия Зварыкина было арестовано несколько человек, среди них иеросхимонах Иоанн и монах Иаков. Мирское имя монаха Иакова - Иван Кучин. В именном списке к XIV тому читаем: «Иван Кучин – иеросхимонах, быв. строитель Саровской пуст. Лишен монаш-ва по важному делу». К имени и фамилии одного прибавлен послужной список другого.

³ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-2.

мием. Возвратясь на Саровское городище Исаакий положил основание монастырским пещерам, как бы в подражание пещерам Киево-Печерской лавры. Несколько лет Исаакий с переменным успехом продолжал осваивать премудрость пустынножительства. Редкие посетители долго не задерживались в лесной келье. В 1700 г. на соседней мельнице, располагавшейся на почтовом тракте у реки Сатис, Исаакий повстречал старообрядца Иоанна Карелина и после долгих бесед сумел обратить его в православие и постриг в монашество с именем Иринея.

В этом году братия Введенского монастыря убедила о. Исаакия вернуться в родной монастырь и выбрала его настоятелем. Оставив на Саровском городище Иринея одного, Исаакий переселился в Введенский монастырь и был там настоятелем в продолжение шести лет. За это время он преуспел в деле обращения представителей старой веры. Специально для этой миссии ездил за Волгу и вернул в лоно православной церкви три скита в полном составе, всего 65 человек.

Тем временем на Саровском городище к Иринею присоединились шесть пустынножителей, четверых из которых Исаакий постриг в монашество. Один из новопостриженников – Афиноген - так понравился Исаакию, что он взял его с собой в Введенский монастырь, с надеждой передать ему настоятельскую должность.

Долгое и безуспешное освоения Саровского городища можно объяснить несовершенством юридической базы того времени: первые монахи поселились на порожней земле, но оформить ее для строительства монастыря могли только при посредничестве светского человека. Такой помощник нашелся – крещеный татарский мурза Даниил Кугушев. В 1705 г. Кугушев, провел «ыск» порожней земли «обрубей с землею Дмитрия Полоченинова». По окончании осмотра лесной чащи, земля была отказана «вышеписанному челобитчику Даниле Ивановичу Кугушеву в поместье к старому ево поместью в его оклад»,¹ которые он передает монашествующим. Получив в подарок 30 десятин земли, о. Исаакий пишет в Москву челобитную о разрешении построить церковь.

7 января 1706 г. о. Исаакий получает долгожданную благословенную грамоту и антиминос для новой церкви. Сдав Афиногену Вве-

¹ Там же. Д. 27. Л. 14.

денский монастырь, он возвращается на Саровское городище, и начинает заготавливать лес для строительства церкви. А когда весеннее тепло растопило снега, и отогрело землю, приступили и к самому строительству.

Первый храм возводили всем миром: вместе с иноками трудились, и жители окрестных сел и деревень. Работа спорилась и к 16 мая остались не отделаны только глава и внутреннее убранство. В монастырской летописи отмечены и чудесные явления, которые наблюдали все участники строительства. После водружения на главу храма деревянного креста «Господу Богу благоугодно было чудесным знамением проявить благоволение свое как к избранному месту, так и к воздвигаемому храму! В ночь на 17-е число вдруг раздался на горе «велий» колокольный звон и оный слышали все случившиеся тогда в пустыне и хорошо знавшие, что при строящемся храме и вообще в пустыне сей не было ни единого колокола! Но вот наступило и 17-е число. Кровельный мастер Стефан Феодоров взшел на верх храма ко кресту, для окончательной обивки главы деревянною чешуею, а другие занялись внутреннею отделкою во храме. Все шло обычным порядком. Но около полудня вдруг осветил всех необычный свет и вместе с ним, раздался опять сильный колокольный звон, «аки во многие колокола звонящий». Приостановив работу, все стали благоговейно прислушиваться к необыкновенному звуку колоколов, надеясь узнать, из какого места он исходит; но звон слышался и внутри храма и вне его «повсюду того места», где была церковь, и явление сие продолжалось около часу».¹

Так с Божьей помощью, трудами всех участников строительства и подношениями благотворителей, церковь была обустроена, и подготовлена к чину освящения, которое и состоялось 16 июня (или 29 июня по новому стилю летоисчисления) 1706 года. Торжественное освящение храма во имя Пресвятой Богородицы, Живоносного Её Источника провел архимандрит Арзамасского Спасского монастыря Павел. С этого великого события и принято считать отсчет истории Сатисо-градо-Саровской пустыни, правда, с небольшой оговоркой – обитель считалась еще некоторое время приписанной к Введенскому монастырю.

¹ ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 83-83 об.

Через три недели после торжества немногочисленная братия, всего восемь человек, собралась и приняла монастырский общежительный устав, проект которого подготовил о. Исаакий. В работе над уставом он использовал общежительные правила святого Василия Великого, Устав церковный, Номоканон, Скитский патерик и отдельные положения из уставов древне-русских монастырей.¹ Получился настоящий сплав силы духа, веры и любви. Впоследствии устав обители был известен во многих уголках России.

«Особенно мне нравится Саровская трезвость, безмолвие, молитва, труд и братолюбие, - писал к игумену Нифонту епископ Саратовский Иаков (Вечерков). - Желательно, чтобы сии добродетели процветали во всех монастырских обителях. За воздержание уважают Вашу Святую обитель не только православные, но и раскольники».²

«Не жалейте Вашего семени, - говорил владыка Феофил (Раев). – Пусть оно развеивается по России к славе Божией!».³ И расходились саровские иноки и разносили саровское благочестие по всей стране, занимая должности настоятелей и казначеев. Монастыри: Валаамский, Клопский, Козмин, Тихвин Новгородский, Чуркинский Астраханский. Пустыни: Высокогорская, Борковская, Санаксарская и Флорищева. Троице-Сергиева лавра. Вот не полный список обителей, где потрудились саровские иноки.

Согласившись с доводами своего духовного вождя и утвердив устав, принялись иноки за построение обители. Прослышав о новом братском содружестве среди мордовских лесов и болот, стали приходить из разных мест монахи и послушники. Каждому хватало работы: кто службу ведет, кто новые кельи строит, кто грибы собирает, а если в немощи лежишь, то по желанию можешь и лапти плести.

Вскоре вокруг нового храма вырос целый городок – прообраз монастыря. Вот как он описан монастырским летописцем. «На горе, к стороне северного ее склона и почти в северо-западном углу, стоял храм Живоносного Источника, за ним по северной и юго-восточной сторонам расположились братские кельи. В юго-западной стороне

¹ Романенко Е.В. Устав Саровского монастыря. // Преподобный Серафим Саровский. Агиография, почитание, иконография. Москва. 2004. С. 223.

² ЦГА РМ. Ф. Оп. 1. Д. 590. Л. 3 – 3 об.

³ Там же. Д. 135. Л. 25.

стояли хозяйственные здания, а по восточной расположены были амбары, погреба и проч. На западной стороне, по городовому валу, стояла ограда со святыми воротами, продолжавшаяся и вокруг всех поименованных монастырских строений».¹

Прошло совсем немного времени и стало ясно, что единственная церковь уже не вмещает в своих стенах всех желающих. Поэтому решено было просить в духовном ведомстве о разрешении строительства двух новых храмов: первого в честь Преображения Господня и второго в честь Архистратига Михаила над святыми воротами. К этому времени назрел и вопрос о самостоятельности новой обители. Монашествующие и благотворители на общем собрании составили челобитную об утверждении отца Исаакия строителем Саровской пустыни. Копия этой челобитной сохранилась в монастырском архиве, и представляет интерес еще тем, что содержит первый список монашествующих обители. Челобитную подписали лично или при помощи грамотных собратьев монахи: Иоарам (казначей), Иннокентий, Гервасий, Акакий, Иуст, Гаврил, Серафим, Геласий, Симон, Фома, Арсений, Феолог, Феогност, Софроний, Иоанникий, Иосия, Савватий, Сергей, Тихон, Корнилий. Всего двадцать человек.²

Утвердительная грамота, подписанная Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном, выдана 5 февраля 1709 г.: «Велеть ему, иеромонаху Исаакию, в той пустыне быть строителем».³

Жизнь в пустыни была сурова и скудна. Многие приходящие в обитель пробовали испытать свои духовные и физические силы, и не у каждого получалось пройти это испытание даже на начальной стадии. Около четырех лет жила обитель по уставу, составленному Исаакием, взявшему за основу все самое лучшее из трудов святых отцов. Так называемый общежительный устав устанавливал равенство всех друг перед другом и в еде и в одежде и в послушании, но в тоже время присутствовало строгое подчинение младшего - старшему. В ноябре 1710 г. братья общим собранием принимают решение об официальном признании устава, и составляет новую челобитную на

¹ ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 91 об.

² ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. л. 43 об.

³ ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 95 об.

его утверждение.

Среди монашествующих, вслед за Исаакием, появились подвижники бравшие на себя дополнительные испытания, «которые ревнуя о больших подвигах ко своему спасению» уединялись на время Великого поста в пещеры. Подземные галереи, продолбленные в толще доломита, представляли уже небольшой комплекс, состоящий из нескольких маленьких келий и большего по размеру зала, в котором монашествующие собирались на общую молитву. И задумано было обустроить на этом месте подземную церковь в честь Антония и Феодосия Киево-Печерских чудотворцев.

Для решения этих жизненно важных вопросов и отправился Исаакий в Москву. Находясь в столице, Исаакий в поисках благодетелей дошел даже до апартаментов родных сестер Петра I - Марии и Феодосии. Высокопоставленные покровительницы оказали Исаакию содействие в получении разрешения на освящение пещерной церкви, пожертвовали иконостас с иконами, облачения для священнослужения, богослужебные книги и предметы. Кроме этого Мария и Феодосия передали для обители четырнадцать частиц мощей некоторых Киево-Печерских чудотворцев. Осветили пещерный храм по церковному чиноположению 30 мая. Первое время храм этот использовался также и для проведения служб по умершей братии.¹

В этот же день при общем собрании братии была прочитана и благословенная грамота на общежительный устав, присланная митрополитом Стефаном. Все присутствующие со вниманием и «со слезами на глазах» выслушали особое завещание в стихах сочиненное самим преосвященным митрополитом Стефаном:

«Божию милостию Смиренный Стефан Митрополит Рязанский

Стефан Яворский

¹ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. л. 48.

и Муромский, Саровской пустыни Настоятелю и иже о Христе с братиею.

Блюдитесь братие черну нося ризу,
Имейте смирение, око держа низу.
Избегайте гордыни, тщеславия злого,
Еже погубляет всем небесное благо.
Славолюбие, зависть и гнев отлагайте,
Постом и молитвою оных прогоняйте.
Лицемерства, лености лишатися тщитесь,
Но смиренно постясь, в молитвах трудитесь.
Едино общее все вам всем да будет:
Несумнитесь, понеже Бог вас не забудет.
Высший брат над низшим невысокомудрствуй,
Но всегда себе равна быти умствуй.
Сице образ показа и Христос Собою,
Аще, рек, кто в вас вящший да будет слугою.
Сего ради благодать, мир в вас да пребывает,
Кротость, воздержание в вас да водворяет.
Имейте же наипаче любовь между собою –
Истину, а не лестну, совестью благою.
Сия бо вас представит Небесному Трону
И даст нескончаемой радости корону.
В окончании же сего моего завещания
Мир и благословение оставляю вам.
Аминь».¹

Весь многостраничный устав изложил владыка в своем стихотворении, перед вступлением в обитель стоило прочитать эти 23 строки, и становилось понятным, что ждет тебя в монастырских стенах. Самое же главное, что утверждал устав обители – это ее самостоятельность.

Тут же на общем собрании монашествующие пришли к заключению, что невозможно существовать обители без расширения земельных владений. Пустынь просто зачахнет на своем клочке земли в 30 десятин. Уже сейчас хозяйственные постройки начали тесниться на приграничных землях. Для разрешения этого вопроса Исаакий

¹ Там же. Д. 988. Л. 13.

взял на себя самую ответственную часть – юридическую – поиск владельцев земель, составление договоров купли-продажи. Из способных монахов и послушников подобрали сборщиков пожертвований, и направили их по городам и селам. В скором времени достигнут и первый результат.

22 января 1712 года совершена первая купчая крепость на проданную Саровской пустыни жителем Темникова Ананием Борисовичем Немцовым землю «по обе стороны речек Сарова и Сатиса и по обе стороны Арзамасской дороги, с вотчинными и бортными ухажеями и рыбными ловлями и всякими угожьями». Купчая составлена и подписана в городе Темникове «крепостных дел надсмотрщиком», а за землю заплачено десять рублей.¹ До 1729 года Исаакий совершил более шестидесяти сделок с землей и заплатил 664 рубля, 7 гривен, 29 алтын и 4 деньги.² Сумма не малая, но и владения монастыря раскинулись на многие километры. Так стараниями Исаакия Саровская пустынь стала крупнейшим землевладельцем России. И хотя земля в основном покрыта была лесами, и лесами заповедными, почему первые несколько десятилетий монашествующие по указу Петра I не могли их разрабатывать, все же о. Исаакий оказался дальновидным хозяйственником – в конце 18 столетия в указе Петра I появились некоторые послабления, и монашествующие получило право продавать строевой и корабельный лес.

А пока монастырь существовал только благодаря труду своих иноков на огородах и хозяйственных дворах, поступали в кассу деньги от выполнения церковных треб. Но все же основной статьей дохода было поступление различными вкладами от благодетелей. Известно, например, высказывание графини Анастасии Матвеевой: «Для богомолия во оной пустыне она бывала не пооднажды, потому что в той пустыне имеются пещеры наподобие Киевским и в тех де пещерах имеется церковь».³

В монастырских документах обнаружена интересная запись от 4 ноября 1759 г. «по благословению отца строителя начал писать

¹ ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 105 об.

² ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 991. Л. 47 об.

³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 370. Л. 238.

благодарные письма к благотворителям. И написал 115 писем».¹ Благотворителей у Саровской пустыни всегда было много.

На протяжении всего своего существования, леса доставляли монастырю и массу неприятностей: это и покража его крестьянами окрестных деревень, и притязания смежных землевладельцев и самое страшное – лесные пожары. В 1712 г., кажется, только обитель начала крепнуть, как весной, а она выдалась сухая и без единого дождя, в глубине леса возник пожар. Сильный ветер уже через сутки принес пламя к монастырю. Сплошной лес стоял прямо у стен обители, и огонь беспрепятственно перекинулся на деревянные строения. «В малом времени труды и заботы многих лет пожертвы были пламенем. Сгорели: ограда вокруг монастыря, церковь Архистратига Михаила со святыми воротами, келии и проч., и всякое монастырское имущество со всею рухлядью, в том числе и многие документы. Целыми остались только – недостроенная Преображенская церковь и храм Живоносного Источника. Но, последний получил значительные повреждения: из него была выбрана вся церковная утварь, иконы «и даже по скорости во св. алтаре с Престола одежду и срачицу сняли. Велико было это несчастье для обители! Тяжело испытание и для основателя ее!».² Но видимо не зря Господь избрал в основатели Саровской пустыни такого крепкого духом инока как Исаакий. Не успело остыть пожарище, а саровские иноки приступили к восстановлению монастыря: заново отстраивались кельи, исправлялись повреждения в храме Живоносного Источника, и с благословения архиерейского его вновь освятили.

Прослышав о постигшем Саровскую пустынь несчастье, благотворители удвоили свою помощь, а некоторые пожертвовали даже семейные реликвии. Так помещица села Лемети Ардатовского уезда боярыня Мария Васильевна Соловцова принесла в дар на престольный крест со многими мощами, частицами Животворящего Древа Креста Господня, багряницы Спаса и ризы Пресвятой Богородицы.

Спустя два года после пожара, трудами монашествующих, монастырь стал краше прежнего. И, как это всегда бывает, соседей начала обуревать зависть. Досушая молва распространяла слухи, что

¹ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243. Л. 44.

² ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 106 об.

монахи нашли большой клад и на это золото строят храмы, кельи, скупают земли. Первую попытку поживится чужим добром, воровские люди предприняли в сентябре, но просчитались – на праздник Воздвижения Креста Господня пришло большое количество паломников, с помощью которых незваных гостей и выпроводили вон.

Все же разбойники не теряли надежды поживиться и, выждав, когда монастырь опустел от богомольцев и наемных работников, 30 ноября в глухую полночь, монахи были разбужены громкими криками. Выбежав на монастырскую площадь, они тут же были окружены нападавшими. Связав монахов по рукам и ногам, разбойники развели костры и приступили к пыткам, выясняя, где спрятаны два котла денег, да тысяча семьсот «рублев», привезенных из Москвы. Ну, а так как ничего этого не было, разбойники приступили к грабежу. Из церквей и келий вынесли и погрузили на монастырские же подводы все, что попадалось под руку: начиная с церковных облачений и заканчивая рукавицами и косами. «Одним словом, пишет монастырский летописец, грабеж обители был полный, как говорится – дотла, от малой до великой вещи».

Под утро, когда грабители уехали, через разбитые ворота в монастырь вернулись те немногие, кто успел укрыться в лесу. Их глазам предстала ужасная картина: вся монастырская площадь усыпана телами избитых до полусмерти монахов. А иеромонах Дорофей, оставшийся на время отсутствия настоятеля за старшего, так и лежал у догорающего костра. По счастью все оказались живы, хотя изрядно покалечены, а у отца Дорофея на всю жизнь остался красно-бронзовый цвет лица от пыток на костре, брови и ресницы так больше и не выросли. Разбойники вскоре были пойманы, это оказались жители ближайших сел. Вернуть имущество не удалось, и для острастки грабителей примерно наказали.

Хлопоты о земле, да и многие другие хозяйственные вопросы требовали постоянной отлучки настоятеля Исаакия. Вот и в наступившем 1715 году он отправился в столицу. По прибытию в Москву приключилась с Исаакием тяжелая болезнь. Состояние больного ухудшалось, и уже не было надежды на выздоровление. Чтобы встретить смерть подобающим монаху образом, саровский инок решил принять великую схиму и попросил об этом строителя Красно-гривской пустыни из Гороховского уезда Макария. Тот согласился, но выставил условия: «Строителем и ни в каком начальстве у братии

не быть, и не священнодействовать и из монастыря не выходить, и братию в церкви от Писания не учить, и в пении церковном и за трапезою с братиею простою стояти и сидети в последних». Получив согласие, Макарий 8 февраля 1715 года¹ совершил пострижение с наименованием Иоанном. Под этим именем саровский инок и прославился впоследствии.

Видимо рано еще было умирать Исаакию – Иоанну и спустя некоторое время здоровье его пошло на поправку и он возвратился в Саров. Связанный принятыми на себя обетами иеросхимонах Иоанн практически отошел от руководства монастырем, хотя братия по прежнему обращалась к нему за советом. Но эта неопределенность в руководстве монастыря имела отрицательные последствия, и в молодой обители начались неурядицы и разногласия. Отец Иоанн не мог спокойно смотреть, как его творение разрушается прямо на глазах.

В Красногривскую пустынь к настоятелю Макарию с посылным отправлено письмо с просьбой отеческого совета. Но Макарий своими ответами только еще больше связывает Иоанна по рукам и ногам. Весь 1715 год прошел в тягостном ожидании. Наконец, братия собралась и решила обратиться с челобитной к Государю и Архиепископу за разрешением возникшей проблемы.

Преосвященный Стефан в очередной раз оказал неоценимую услугу Саровской пустыни: 13 марта 1716 г. он подписывает указ, в котором, ссылаясь на примеры из древней истории, когда монастырями управляли и схимонахи – наиболее известный из них преподобный Пафнутий Боровский, архипастырь предписывает Иоанну быть вновь настоятелем и управлять ею по прежнему.²

Приведя в порядок внутренние дела, Иоанн приступил к делам земельным. Вопрос о приобретении и оформлении земель очень важный и хлопотный, требующий постоянных разъездов по всей округе, поэтому в Арзамасе и Темникове куплены хозяйственные дворы для строительства подворий.

Это оказалось как нельзя кстати: в 1721 году началась большая земельная тяжба с братьями Полчениновыми, которые подали в Вотчинную коллегию прошение с доказательством якобы самовольного

¹ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л.100.

² Там же. Д. 27. Л. 110.

захвата саровскими монахами земли, принадлежавшей еще их отцу^{22 1}.

При покупке земельных владений о. Иоанн всегда делал выписки из всех источников, которые могли служить доказательством правомерности совершаемой сделки. Не опасаясь притязаний Полочениновых, Первоначальник продолжал приобретать все новые участки земли вокруг обители, с каждым разом все более и более расширяя свои владения. Последние три купчие на землю оформлены в 1729 г., всего в монастырском архиве хранилось 63 купчих, дарственных и прочих документов. Саровскую пустынь можно было назвать крупнейшим землевладельцем – в ее собственности первоначально (до секуляризации) находилось более 45000 десятин.

Следует сказать, что влияние Саровского монастыря на духовную и экономическую жизнь этого лесного захолустья заметно возросло. Владельцы окрестных сел и деревень давно поняли благотворное воздействие иноческой обители на местное население. Когда весть о притязаниях братьев Полочениновых разнеслась по округе, на защиту молодой обители встало не только русское население, но и представители других вероисповеданий.

Да и центральной власти необходим был оплот православия среди большого количества татар – мусульман, языческой мордвы и ревнителю старой веры. Тем более, что древняя Санаксарская пустынь, основанная еще в далеком 1659 г. и расположившаяся на берегах реки Мокши, близ Темникова, пришла в запустение. Указом Святейшего Синода оскудевший Санаксар в 1723 г. первый раз присоединен к Саровской пустыни.² Четыре года Санаксар находился под опекой Саровской братии. В 1727 г. указом Синода, приписанным монастырям возвращалась самостоятельность. Настоятелем монастыря назначен иеросхимонах Петр, а с ним шесть человек братии. При передаче хозяйства Санаксарскому монастырю излишне передали денег 6 рублей 4 алтына, хлебных запасов 13 четвертей, 23 улья с пчелами, корову и две телки. Вернувшийся из поездки Иоанн обнаружил это упущение, но оставил без изменения, как благотворительный вклад.

¹ Там же. Д. 56.

² Там же. Д. 37.

В 1729 г. земельная тяжба медленно, очень медленно, с большой натугой, но все же выходит на финишную прямую. Иоанн в поисках защиты дошел со своей челобитной до Верховного Тайного Совета, который предписал Вотчинной коллегии во всем разобраться. И закрутилась бюрократическая машина: «Оное дело записать... описать... принять... отдать по повиытию... расписать дачи... выписать из указов и предложить Коллегии немедленно». Решение, которое было доведено до спорящих сторон, было неожиданным как для Полочениновых, так и для насельников Саровской пустыни.

Притязания первых были признаны необоснованными, но оказалось, что и настоятель монастыря по закону 1649 г. не имел права покупать земли от иностранцев. Поэтому все земли подлежали передаче в казну. Вот такое обескураживающее решение, которое любого повергнет в уныние. Но не таков был иеросхимонах Иоанн, он продолжал борьбу за существование монастыря и обращается в Сенат. В октябре 1730 г. сенаторы Михаил Голицын, Алексей Черкасский, Иван Барятинский, Андрей Ушаков и Василий Новосильцев (все эти люди заслуживают поименного упоминания, так как благодаря их заступничеству и ходатайству Саровская пустынь продолжила свое существование)¹ подготовили доклад на имя императрицы Анны Иоанновны. Они «дерзнули» сделать предложение «не соблаговолит ли Ваше Императорское Величество, для не имущества доходов и крестьян и руги, те земли за оною Пустынью утвердить вечно, другим не в образец». Доклад был поднесен императрице 25 октября. Ознакомившись с ним, государыня собственноручно надписала: «Учинить по сему».

Так воля императрицы, наконец, поставила точку в этом очень важном вопросе. Опережая настоятеля, в Саров полетела депеша с радостной вестью. Настоятель Иоанн объявил 25 октября праздничным днем и как бы в напоминание о том, что более чем на 90 процентов земельные владения покрыты лесом, монашествующие назвали торжества «Лесным праздником». В Саровской пустыне ежегодно в этот день совершалась торжественная служба с всеобщим бдением и благодарственным молебном.

Покончив с таким важным делом, Иоанн принялся за установ-

¹ Там же. Д. 58. Л. 1 об.

ление порядка внутри монастыря. Частые и долговременные отлучки имели и отрицательные последствия. Нашелся среди монашеской братии Саровской пустыни один, кто возомнил себя настоятелем, способным заменить постаревшего о. Иоанна. Им оказался иеромонах Иосия, в миру Яков Михайлович Самгин. «Иосия в Саровскую пустынь пришел в 708 году бельцом и сказывал о себе, что он москвитянин посацкой человек»¹ девятнадцати лет от роду. Пострижен в монашество с именем Иосия в первый же год.² В 1711 г. он рукоположен во иеродиакона, а в 1715 г. во иеромонаха. Иосия сразу зарекомендовал себя истинным служителем православной церкви. На монастырской звоннице находился колокол «Правильный» весом в 27 пудов и 25 фунтов, на котором была вырезана следующая надпись: «Вылит сей колокол в Сатисо-градо-Саровскую пустыню при строителе Иеросхимонахе Иоанне, тцанием тоя же пустыни Иеромонаха Иосии на собранные деньги».³ Во время своих отлучек настоятель оставлял за себя иеромонаха Дорофея, а казначеем был поставлен Иосия. Спустя десять лет, пользуясь многодневными отлучками о. Иоанна, Иосия самовольно построил для себя в четырех верстах от монастыря на левом берегу реки Саровки пустынную келью.

Спустя еще три года, оставшись за настоятеля, Иосия пытается обустроить свою пустынку, и построить на ней церковь, но, не имея поддержки среди монашествующих и за отсутствием благотворителей, отказывается от этой затеи.

В 1730 году происходит событие, которое имело далеко идущие последствия для монашествующих нескольких обителей и для многих высокопоставленных лиц. Первоначальник Иоанн, находясь в Москве по земельным делам, зашел к купцам Максиму и Ивану Шелягину, как к возможным благотворителям. Увидев у них тетради, в которых были написаны рассуждения о русском монашестве, выпросил их на время и отправил записки в Саров с монахом Аароном для снятия копии. В обители Иосия, исполнявший обязанности временного правителя, призвал к себе монашествующих Сильвестра, Георгия, Ефрема и Феофилакта и распорядился сделать копию.

¹ РГАДА. Ф. 7 Оп. 1. Д. 370. Ч. 2. Л. 51.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 5. Л. 295 об. – 296.

³ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1128. Л. 19.

Следует сказать, что автором записок о монашестве являлся архимандрит Маркелл Родышевский, пытавшийся полемизировать с официальной церковью по поводу проводимых реформ, за что оказался в опале, а его сочинения были запрещены. Обо всех этих тонкостях, о. Иоанн, вероятно, не догадывался. Тетради взял «...спроста для того, что де в тех писано о монашестве». По получении тетрадей из Сарова, вернул их хозяину, и за хозяйственными заботами забыл об их существовании...

Одним из главных действующих лиц в этой трагической истории является монах Георгий. Мирское имя его Григорий Авраамович Зварыкин. Родился в Костромском уезде в сельце Погорелках в обедневшей дворянской семье. Отец погиб в 1709 году во время битвы под Полтавой. Отличаясь любознательностью, получил неплохое образование, самостоятельно овладел латинским и немецким языками. По рассказу самого Георгия, в монахи он пострижен в 1726 году, когда заболел во время путешествия в Киев.¹ В действительности монашеское одеяние и монашеское имя Зварыкин присвоил самовольно.

Обладая способностями чтения и письма, Георгий был поставлен на послушание делопроизводителя. Нередко Первоначальник брал его с собой в длительные поездки как помощника.

Был у Георгия один изъян – он страдал «падучей» болезнью и душевной неуравновешенностью. Георгий несколько раз порывался покончить жизнь самоубийством, но до греха дело не дошло. Своему духовному отцу Иосии Георгий поведал о главном прегрешении – что он отрекся от Бога, и показал расписки бесам, написанные углем и кровью. Иосия принял покаяние, и выдал разрешительное письмо Георгию. Шел 1730 год.

По возвращении о. Первоначальника в Саровскую пустынь, конфликт его с Иосией достиг критической точки. После серьезного разговора, Иосия принимает решение покинуть Саровскую пустынь для приискания себе другой обители. Перед отъездом, сложив в деревянный бочонок тетради о монашестве, расписки Георгия, Иосия закопал компрометирующие бумаги в алтаре храма Живоносного Источника Пресвятой Богородицы. 26 октября, взяв годовой паспорт,

¹ Там же. Д. 70 Л. 6 об.

Иосия отправился в Москву, якобы, по монастырским делам – получить лампы, приготовленные благотворителями. В Москве он остановился у священника Петра – вкладчика Саровской пустыни. В это время к Петру пришел иеромонах Берлюковской пустыни и пожаловался, что уже долгое время у них нет настоятеля. Иосия приложил максимум усилий и при помощи о. Петра в январе 1731 года вступил в должность настоятеля подмосковной обители.¹

Сразу после отъезда Иосии из обители, Первоначальник Иоанн принимает решение о передаче управления обителью достойному преемнику – иеромонаху Дорофею.

В миру Дмитрий Анисимович Замятнин родился в 1678 г. в селе Саватьма Шацкого уезда в крестьянской семье, принадлежавшей князю А.Д. Волконскому. В 1705 г. поступил в монашескую общину к Исаакию. Спустя три года пострижен в монашество. В 1710 г. рукоположен в иеродиакона, а затем и в иеромонаха.²

В октябре 1731 г. вся монастырская братия собралась в трапезной келье для решения вопроса о новом настоятеле. С сожалением просьба Иоанна была удовлетворена, хотя братия все же оговорила, что прежний настоятель будет во всем помогать вновь избранному. Это решение, за подписью всех монашествующих, и было отослано по инстанции. 4 декабря 1734 года новый настоятель приведен к присяге.³

Спустя год - 13 декабря 1732 г. Дорофей окончательно утвержден в должности, причем в указе оговаривалось наименование Иоанна почетным званием «Первоначальник» и о согласованном с ним руководстве обителью.

К этому времени уже два года братия заготавливала кирпич для строительства новой каменной церкви. В сентябре 1733 г. было получено разрешение на строительство храма, но очередная напасть постигла Саров.

Чем больше вчитываешься в обнаруженные архивные документы, тем больше становится понятным – страх перед тайной канцелярией послужил толчком к началу следственных действий. Тай-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 5. Л. 534 об.

² ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1000. Л. 2-9.

³ Там же. Д. 65. Л. 6 об.

ная канцелярия – страшное ведомство, своего рода российская инквизиция, в которой правила система дыбы и кнута, дававшая заключенным практически только два выхода – на плаху или в Сибирь на каторжные работы.

Дело началось таким образом. В ноябре 1733 года Первоначальник отправился с группой монашествующих, среди которых находился и Георгий Зварыкин в Москву. Не выполнив до конца своей миссии, саровские монахи 29 декабря отправились восвояси. В паспорте канцеляристом духовного ведомства сделана запись: «По сему пашпорту показанныя Темниковскаго уезду Саровския пустыни Первоначальник иеросхимонах Иоанн с братиею в Москве в духовной дикастерии явились, которые от оной духовной дикастерии кроме монаха Георгия отпущены по прежнему во оную пустынь».¹

Монах Георгий был арестован, и заключен под стражу. А всему начало положил визит монаха Георгия 13 декабря 1733 года к архиепископу Ростовскому Иоакиму с прошением о принятии его покаяния и успокоении его души, как замученного совестью грешника, продавшего душу бесам.

Текст прошения: «Премилостивейший Государь, Владыко Преосвященнейший.

В прошлом 1724 году согрешил аз окаянный отвергался от Христа, а в прошлом 1725 году в том моем согрешении покаялся, и дадеся мне от отца моего духовнаго заповедь еже не причащаться мне все живота моего время Святых Христовых Тайн даже до смерти. И аз грешник хранил оную заповедь и поныне, но токмо в нынешнем 1733 году я в болезни при смерти сподоблен был причаститься Святых Христовых Тайн другим отцем моим духовным которой и прочия отцы мои духовныя прежняго моего вышеозначенного духовнаго отца означенную мне данную заповеди никто и поныне неразрешили. И я грешный вельми стужаем есмь и снедаем от совести моея, и едва не приходя в отчаяние спасения моего, яко чужд сотворится Святых Тайн причастия: и боялся да не како вельми боля душею о том, в конечное приду спасение моего отчаяния: Приидош до твоего Государя Преосвященства, твоего владыко святяга разсуждения просити архипастырскаго. И еже ты Государь разсудиши оное

¹ Там же. Д. 73. Л. 24.

здесь подписать да соблагоизволиши: прошу и молю тя владыко Преосвященнейший, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа ради.

Твоего Государя Преосвященства всепокорнейший послушник и раб всенижайший, Саровския синодальной области Темниковскаго уезда пустыни Георгий монах недостойный, паче всех грешных грешнейший. Писал сие своеручно декабря в день 1733 года».¹

Прочитав письмо, владыка, вероятно, испугавшись, как бы человек, знающийся с нечистой силой, не навредил ему, разорвал прошение, и прогнал прочь волшебника. На этом бы и закончилось все дело, но... Народная почта донесла до Иосии весть о том, что саровский монах Георгий явился с покаянием к владыке в Синодальную контору. Что делать? И Иосия решил действовать на опережение – пишет письмо, в котором, как духовный отец монаха Георгия, доносит о том, что тот является волшебником. Явление Иосии как свидетеля в Синодальной канцелярии было замечено и владыке Иоакиму ничего не оставалось делать, как отправить солдат на розыск саровского монаха Георгия.

За арестом Георгия уже 25 января 1734 года последовал арест монахов Берлюковской пустыни: Иосии, Иакова, Боголепа и Сильвестра. Одновременно вторая команда оправилась в Саровскую пустынь для ареста Ефрема с Феофилактом, а затем и Первоначальника с Аароном. Руководителям команд предписывалось «в кельях и чуланах книги и тетрати и письма, все что есть неоставливая ни единого лоскута забрать и за печатью прислать в Москву».²

Прибыв в Саров обер-офицер сразу приступил к обыску в церкви. Действительно, как и говорил Иосия, нашли липовый боченок с бумагами, только не под престолом, а в притворе – под полом. Дополнительный компрометирующий материал дали обыски по кельям монахов. У Первоначальника обнаружили запрещенные сочинения Маркелла Радышевского «О монашестве» и «Житие Феофана Прокоповича». В келье иеромонаха Ефрема также найдены подобные тетради. Всего 46 книг и тетрадей конфисковали московские

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 5. Л. 5.

² Там же. Д. 5. Л. 444 об.

следователи.¹ Опросив монахов, комиссия с арестантами и опечатанными рогожными кулями с бумагами уехала.

Арестованы были и купцы братья Максим и Иван Шелягины. Основных фигурантов по делу было одиннадцать человек. 9 марта 1734 года начато дело «О монахе Саровской пустыни Георгии Зварыкине, сужденном за сношения с нечистою силою, и о прикосновении к делу строителя Берлюковской пустыни Иосии, имевшем тетради Маркелла Родышевского против Феофана Прокоповича, о Тайном Советнике Алексее Макарове, о княгине Марье Одоевской, князе Иване Одоевском и других лицах».

Уже 4 апреля Феофан Прокопович направляет письмо руководителю Тайной канцелярией генералу А.И. Ушакову, в котором говорит о «возжжении смуты». О ходе следствия доложено императрице.

Для того, чтобы к основным подозреваемым по делу можно было применять пытки, было принято решение о лишении монашеского звания и священства Георгия, Иосии, Иакова и Сильвестра. В ходе следствия допрошены сотни человек, многие потеряли средства к существованию, несколько человек расстались с жизнью. Открыл скорбный список монах Саровской пустыни Аарон, неграмотный человек, не читавший запрещенных тетрадей, выполнивший поручение своего настоятеля - скончавшийся 5 апреля 1735 года.²

17 июля 1736 года «Содержащийся под караулом иеродиакон Феофилакт умер. Тело погребено при церкви Преображения Господня».³

Содержание в заключении не способствовало продлению дней жизни Первоначальника и, в декабре 1737 г. он умирает.

«№792 Подано и докладывано декабря 20 дня 1737 года в Канцелярию Тайных разыскных дел Доношение... стоящей в Тайной Канцелярии на карауле Лейб-Гвардии Измайловского полку ... Иван Хрущев а об чем мое доношение тому явствует ниже сего: 1. Декабря 19 дня содержа... в Та...елярии колодник иеро...волею Божию умре скоропостижно. 2. А до смерти оной Иван исповедован и святых

¹ Там же. Д. 73. Л. 12-15 об.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 370. Ч.3. Л. 371.

³ Там же. Д. 370. Ч. 5. Л. 2.

Тайн приобщен. 3. Тайная Канцелярия об оном благоволила ... о сем моем доношении решение учинить. Декабря 20 дня 1737 года Иван Хрущов».¹

Следующая страница архивного дела, изъеденная временем, повествует: «И того ж числа повышеписанной помете при стоящем в Тайной Канцелярии на карауле вышеозначенном подпорутчике Иване Хрущове вышепомянутого колодника иеросхимонаха Ивана мертвое тело осматривано. И по осмотру оное мертвое тело яви...занного иеросхимонаха Ивана...ом мертвом теле ран и других ...ных знаков никаких нея...».²

Долгое время ставилось под сомнение предположение о захоронении Первоначальника Саровской пустыни иеросхимонаха Иоанна рядом с храмом Преображения Господня на Колтовской стороне и вот обнаружено неоспоримое подтверждение: «1737 году декабря 20 дня по Указу Ея Императорскаго Величества церкви Преображения Господня что на Санкт Питербурхском острове священником с причетники посланное от Канцелярии Тайных розыскных дел мертвое тело колодника иеросхимонаха Ивана по...погребсти...».³

В северо-западной части Петроградской стороны Санкт-Петербурга, между Малой Невской и Ждановской, располагалась местность под названием «Колтовская». Свое название она получила по имени начальника Невского полка, квартировавшего на этом пустынном полуострове. От этого получила свое название и Колтовская церковь. Первоначально была выстроена деревянная, а в 1862 году состоялась закладка каменного храма. На нижнем этаже был освящен придел во имя св. Димитрия Ростовского, а на верхнем во имя Преображения Господня. Рядом с храмом располагалось кладбище, на котором хоронили с 1730-х на протяжении двух или трех десятков лет умерших узников Тайной канцелярии. 27 февраля 1932 года храм был закрыт, а в ноябре снесен.⁴

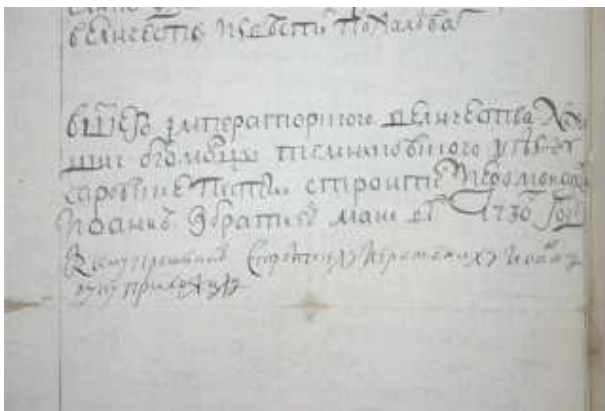
¹ Там же. Д. 370. Ч. 5. Л. 131.

² Там же. Д. 370. Ч. 5. Л. 132.

³ Там же. Д. 370. Ч. 5. Л. 133 об.

⁴ Коновалов П. На этом месте возвышался храм. // Невский богослов. №1.2009. С. 46-49.

Так закончил свой земной путь человек, положивший начало одной из самых замечательных иноческих обителей России, заложивший духовную колыбель, в которой впоследствии выросли такие подвижники благочестия как Ефрем, Пахомий, Назарий, Исайя, Марк, преподобный Серафим и многие другие. Сохранившаяся до сих пор пещерная церковь является памятником Первоначальному Иоанну. Литературные труды старца служат и сейчас напоминанием о его праведной жизни. «Доброе имя во веки пребывает».

Автограф старца Иоанна

P.S. После смерти Феофана Прокоповича расследование дела Берлюковских и Саровских монахов закончилось в 1738 году. Громкого дела не получилось, но участники были примерно наказаны, чтобы другим неповадно было идти поперек власти даже в мыслях. Самгина и Зварькина приказано бить кнутом нещадно и вырезав ноздри сослать первого на Камчатку, второго в Охотский острог в работы вечно. Кучина и Ефрема бить кнутом нещадно, и сослать первого на сибирские казенные заводы в работу, второго - в оренбургские шахты вечно.

Боголепа и Викторова бить нещадно кнутом, и отправить на военную службу. Братья Шелягины как раскаявшиеся и уничтожившие тетради Родышевского до начала следствия, помилованы, и под подписку о молчании отправлены домой.¹

¹ Там же. Д. 370. Ч. 5. Л. 137.

РУССКИЙ ХРОНОГРАФ

Рубрику ведет кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России АГПИ им. А.П. Гайдара О.Е. Андреев.

Уважаемые читатели! В новом номере «Арзамасской стороны» мы обращаемся к знаменательным событиям в истории нашего Отечества, даты которых отмечаются в нынешнем 2012 году. 770 лет назад князь Александр Ярославич Невский разгромил немецких рыцарей у Чудского озера, положив конец экспансии крестоносцев в русские земли. В этом году отмечается 200-летие Победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Приближается 70-летие самого грандиозного сражения Второй мировой войны – Сталинградской битвы, в ходе которой обозначился коренной перелом в борьбе с фашизмом, ставший залогом будущей Великой Победы. Не удастся обойти стороной и мрачные страницы нашей недавней истории. 50 лет тому назад в Новочеркасске произошли массовые выступления советских рабочих против произвола властей, которые были жестоко подавлены при помощи войск.

1242 год

18 апреля в России празднуется День воинской славы. День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 год).

Александр родился в семье князя Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии, дочери князя Мстислава Удатного

(Удалого). Внук Всеволода Большое Гнездо. Первые сведения об Александре относятся к 1228, когда Ярослав Всеволодович, княживший в Новгороде, вступил в конфликт с горожанами и вынужден был отъехать в Переяславль-Залесский, свой родовой удел. Несмотря на свой отъезд, он оставил в Новгороде на попечении доверенных бояр двух своих малолетних сыновей Федора и Александра. После смерти Федора Александр становится старшим сыном Ярослава Всеволодовича. В 1236 он был посажен на новгородское княжение, а в 1239 женился на полоцкой княжне Александре Брячиславне. В первые годы своего княжения ему пришлось заниматься укреплением Новгорода, поскольку с востока грозили монголы-татары. На реке Шелони Александр построил несколько крепостей.

Тревожным было положение северо-западной Руси в начале XIII в. В июле 1240 г. 100 шведских кораблей с десантом встали на стоянку в устье Невы. Новгородский князь Александр Ярославич с дружиной и ополченцами, совершив стремительный переход, внезапно напал на лагерь шведов. В жаркой сече 5-тысячный лагерь шведов был разгромлен. За эту блестящую победу народ нарек 20-летнего полководца Александра Невским. Осенью того же года начали свое наступление рыцари немецкого Ливонского ордена, обосновавшегося в Прибалтике. Немецкие рыцари воспользовались отвлечением русского войска на борьбу со шведами. Они захватили Изборск, Псков и стали продвигаться к Новгороду. Однако войска под командованием Александра Невского, перейдя в контрнаступление, взяли штурмом крепость Копорье на побережье Финского залива, а затем освободили оплот рыцарей — Псков. Решающее сражение, окончательно освободившее русскую землю, произошло в апреле 1242 г. на скованном льдом Чудском озере.

Битва на Чудском озере, вошедшая в историю под названием

«Ледовое побоище», началась утром 11 (5) апреля 1242 года. На восходе солнца, заметив небольшой отряд русских стрелков, рыцарская «свинья» устремилась на него. Стрелки приняли на себя основной удар «железного полка» и мужественным сопротивлением заметно расстроили его продвижение. Все-таки рыцарям удалось прорвать оборонительные порядки русского «чела». Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. И в самый ее разгар, когда «свинья» полностью втянулась в бой, по сигналу Александра Невского по ее флангам во всю мощь ударили полки левой и правой руки. Не ожидавшие появления такого подкрепления русских, рыцари пришли в замешательство и под их мощными ударами стали понемногу отступать. А вскоре это отступление приняло характер беспорядочного бегства. Тут внезапно из-за укрытия в бой кинулся конный засадный полк. Ливонские войска потерпели сокрушительное поражение. Русские гнали их по льду еще 7 верст до западного берега Чудского озера. Было уничтожено 400 рыцарей и взято в плен 50. Часть ливонцев потонула в озере. Вырвавшихся из окружения преследовала русская конница, завершив их разгром. Спаситься удалось лишь тем, кто находился в хвосте «свиньи» и был на коне: магистру ордена, командорам и епископам.

Значение победы русских войск под руководством князя Александра Невского над немецкими «псами-рыцарями» было поистине историческим. Орден запросил мира. Мир был заключен на условиях, продиктованных русскими. Орденские послы торжественно отреклись от всех посягательств на русские земли, которые были временно захвачены орденом. Движение на Русь западных захватчиков было остановлено. Западные рубежи Руси, установленные после Ле-

дового побоища, продержались целые столетия. Ледовое побоище вошло в историю и как замечательный образец военной тактики и стратегии. Умелое построение боевого порядка, четкая организация взаимодействия отдельных его частей, особенно пехоты и конницы, постоянная разведка и учет слабых сторон противника при организации сражения, правильный выбор места и времени, хорошая организация тактического преследования, уничтожение большей части превосходящего противника - все это определило русское военное искусство как передовое в мире.

Победа укрепила моральный дух русских людей, вселила надежду в успех борьбы с чужеземными захватчиками. Александр Невский был причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

1812 год

Великому сражению предшествовал ожесточенный бой в районе деревни Шевардино, который разгорелся 24 августа. 11-тысячный отряд под командованием А.И. Горчакова с 36 орудиями, поддержанный частями 2-й гренадерской и 2-й сводно-гренадерской дивизий, был неоднократно атакован превосходящими силами противника. Со стороны Наполеона в этом бою участвовало около 40 тысяч человек при 186 орудиях. До наступления темноты русские удерживали позицию у Шевардинского редута, который был возведен накануне как передовой опорный пункт для защиты левого фланга русской армии. Уже в ночи по приказу главнокомандующего генерал-лейтенант Горчаков отвел остатки своих войск к основной позиции у деревни Семеновское. Потери в этом бою с каждой стороны составили до 6 тысяч убитыми и ранеными. 25 августа в районе Бородинского поля активных боевых действий не велось. Обе армии готовились к решающему, генеральному сражению, ведя разведку и возводя полевые укрепления. По диспозиции, подписанной М.И. Кутузовым 24 августа, 114 тысяч воинов регулярных войск армии при 624 орудиях вместе с 9500 казаками и почти 22-тысячным Московским и Смоленским ополчениями расположились по фронту на 8 км с северо-востока на юг от места впадения реки Колочи в Москву-реку до деревни Утица. Позиция правого фланга, состоящего из войск 1-й Западной армии (около 86 тысяч человек) под командова-

нием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли, проходила от реки Москвы вдоль высокого правого берега реки Колочи через Новую Смоленскую дорогу и заканчивалась у батареи Раевского в центре Бородинского поля. Левый фланг, состоявший из соединений 2-й Западной армии (около 34 тысяч человек) под командованием генерала от инфантерии П.И. Багратиона, начинался от батареи Раевского (включительно) и заканчивался в Утицком лесу, где проходила Старая Смоленская дорога. Главная квартира М.И. Кутузова разместилась в усадьбе Татариново восточнее села Бородина. Наполеон решил нанести главный удар по левому флангу русской позиции. Роль вспомогательных ударов отводилась атакам на село Бородино и на корпус генерала Тучкова-1, защищавшего позицию на Старой Смоленской дороге. 26 августа уже к пяти часам утра французская армия, имея в своем составе около 135 тысяч человек и 587 орудий, расположилась следующим образом. На правом фланге, в Утицком лесу на Старой Смоленской дороге, – польский корпус генерала Понятовского, между Утицким лесом и рекой Колочью – корпуса маршалов Даву и Нея, генерала Жюно, Старая и Молодая гвардия, а также три резервных кавалерийских корпуса маршала Мюрата. На левом фланге, за рекой Колочью, – итальянский корпус вице-короля Евгения Богарне, пасынка императора Наполеона, приданные ему в день сражения две пехотные дивизии и кавалерийский корпус генерала Груши. Штаб Наполеона расположился у де-

леса, в Утицком лесу на Старой Смоленской дороге, – польский корпус генерала Понятовского, между Утицким лесом и рекой Колочью – корпуса маршалов Даву и Нея, генерала Жюно, Старая и Молодая гвардия, а также три резервных кавалерийских корпуса маршала Мюрата. На левом фланге, за рекой Колочью, – итальянский корпус вице-короля Евгения Богарне, пасынка императора Наполеона, приданные ему в день сражения две пехотные дивизии и кавалерийский корпус генерала Груши. Штаб Наполеона расположился у де-

ревни Валуево на северо-западной окраине Бородинского поля, а командный пункт – у Шевардинского редута.

Около 6 часов утра 26 августа началось знаменитое Бородинское сражение. Дивизия генерала Дельзона из корпуса Богарне внезапно атаковала село Бородино и к 7 часам утра вытеснила защитников этого села – лейб-гвардии Егерский полк, который отступил и занял позицию на правом берегу реки Колочи. На помощь лейб-егерям подоспели три егерских полка, и все попытки неприятеля прорвать здесь оборону русских оказались безуспешными. Почти одновременно главный удар был нанесен на русский левый фланг, на Семеновские (Багратионовы) флеши, которые являлись передовыми артиллерийскими укреплениями общей системы обороны левого фланга. Ожесточенные бои на этом направлении длились почти до полудня. Десятки тысяч людей при нескончаемом грохоте 800 орудий сошлись в кровавом единоборстве. В едином стремлении одолеть противника русская пехота, артиллерия и кавалерия отразили несколько атак; при этом флеши неоднократно переходили из рук в руки. После ранения князя Багратиона около 10 часов утра командование войсками принимает генерал-лейтенант П.П. Коновницын, который, оценив обстановку, отдает приказ об оставлении флешей и отходе их защитников за Семеновский овраг на пологие высоты. После полудня Наполеон, одержимый стремлением во что бы то ни стало прорвать оборону левого фланга русских войск, бросил в атаку кавалерийские корпуса Латур-Мобура и Нансути. В это время по приказу Кутузова командование войсками левого фланга принял генерал-лейтенант Д.С. Дохтуров – как его называли в русской армии, «железный генерал», который сумел вовремя и грамотно организовать оборону Семеновских высот. На некоторое время деревня Семеновское оказалась в руках противника, но его попытки прорвать оборону левого фланга так и не увенчались успехом. Лейб-гвардии Измайловский, Литовский и Финляндский полки при поддержке лейб-гвардии Артиллерийской бригады доблестно отразили яростные атаки неприятеля, «покрыв себя в виду всей армии неувядаемой славой».

Центр русской позиции – батарея Раевского («Большой редут») – в первой половине дня был дважды атакован пехотинцами Богарне и Даву, но обе атаки противника были отбиты. В боях за Утицкий курган на левом фланге войска корпуса Н.А. Тучкова 1-го мужест-

венно сдерживали натиск польского корпуса генерала Понятовского, пытавшегося обойти оконечность левого фланга и зайти в тыл русской армии.

К полудню, когда создалась напряженная ситуация в центре русской позиции и на ее левом фланге, гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова и части Войска Донского атамана М.И. Платова по приказу Кутузова совершили рейд на левый фланг противника. Эта диверсия отвлекла часть сил армии Наполеона от главных ударов, обеспечив временную передышку изнемогавшим от атак неприятеля войскам левого фланга. Во второй половине дня эпицентром событий вновь стала батарея Раевского. Кавалерия генерала О. Коленкура обрушилась на центральную высоту и заняла ее. Пытаясь развить успех, неприятель атаковал русские полки восточнее захваченной батареи, за ручьем Огник. Но русские драгуны и кирасиры, включая лейб-гвардии Конный и Кавалергардский полки, опрокинули французов. Боевые действия продолжались до 9 часов вечера. В финальной части сражения отличилась русская артиллерия, которая «заставила замолчать французскую артиллерию». К концу дня 26 августа обе армии остались на поле сражения. Наполеону не удалось сломить боевой дух русской армии и уничтожить ее.

«Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю», – такую высокую оценку русскому воинству в день 26 августа дал М.И. Кутузов.

1942 год

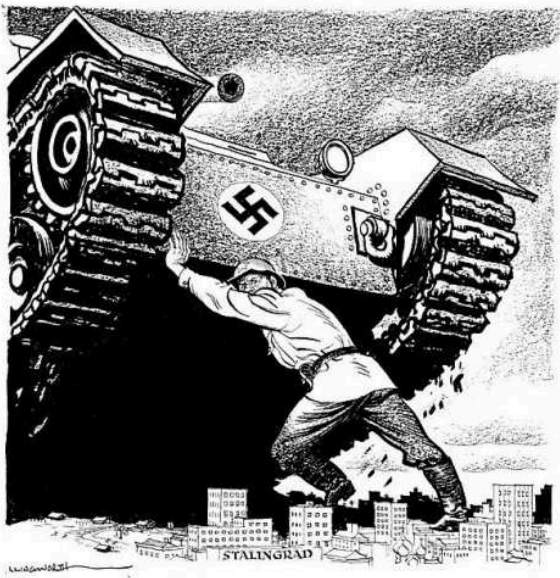
В Российской истории есть события, золотом горящие на скрижалях её ратной славы. И одно из них – Сталинградская битва (17 июля 1942–2 февраля 1943 гг.)

Гигантское по масштабам сражение ВОВ развернулось во второй половине 1942 года на берегах Волги. На отдельных этапах в нём с обеих сторон участвовало более 2 млн. человек, около 30 тыс. орудий, более 2 тыс. самолётов и такое же количество танков. За время Сталинградской битвы Вермахт потерял четверть своих сил, сосредоточенных на Восточном фронте. Его потери убитыми, пропавшими без вести и ранеными – составили около полутора миллионов

солдат и офицеров.

Для защиты города советским командованием был образован Сталинградский фронт во главе с маршалом С.К. Тимошенко. Сталинградская битва кратко началась 17 июля, когда в излучине Дона подразделения 62-й армии вступили в бой с авангардом 6-й армии Вермахта. Оборонительные бои на подступах к Сталинграду продолжались 57 дней и ночей. 28 июля нарком обороны И. В. Сталин издал приказ №227, известный больше как «Ни шагу назад!». К началу решительного наступления немецкое командование заметно усилило 6-ю армию Паулюса. Превосходство в танках было двукратным, в самолётах –

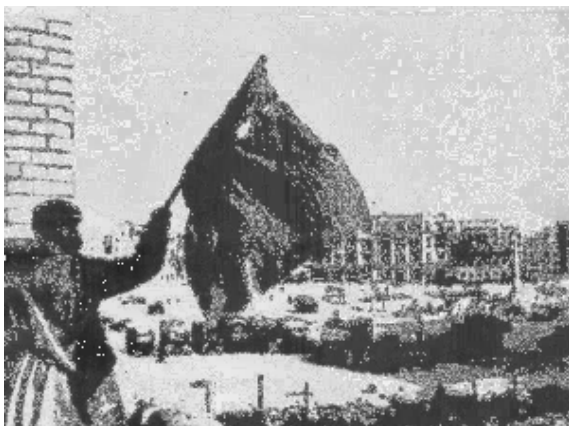
почти четырёхкратным. А в конце июля с кавказского направления сюда ещё была переброшена 4-я танковая армия. И, тем не менее, продвижение фашистов к Волге нельзя было назвать быстрым. За месяц им под отчаянными ударами советских войск удалось преодолеть лишь 60 километров. Для укрепления юго-западных подступов к Сталинграду был соз-

дан Юго-Восточный фронт под командованием генерала А. И. Ерёменко. Тем временем гитлеровцы приступили к активным действиям на кавказском направлении. Но благодаря самоотверженности советских воинов наступление немцев вглубь Кавказа было остановлено.

19 августа стало чёрной датой Сталинградской битвы – танковая группировка армии Паулюса прорвалась к Волге. Причём, отрезав с севера от главных сил фронта оборонявшую город 62-ю армию. Попытки уничтожить образованный войсками противника 8-километровый коридор успехом не увенчались. Хотя советские воины являли примеры удивительного героизма. 33 бойца 87 стрелковой

дивизии, оборонявшие высоту в районе Малые Росошки, стали неодолимой твердыней на пути превосходящих сил противника. В течение дня они отчаянно отбивали атаки 70 танков и батальона гитлеровцев, оставив на поле боя 150 убитых солдат и 27 подбитых машин. 23 августа Сталинград подвергся жесточайшей бомбардировке немецкой авиации. Несколько сотен самолётов наносили удары по промышленным и жилым кварталам, превращая их в руины. А немецкое командование продолжало наращивать силы на Сталинградском направлении. К концу сентября в составе группы армий «Б» насчитывалось уже больше 80 дивизий. На помощь Сталинграду из резерва Ставки Верховного Главнокомандования были направлены 66-я и 24-я армии. 13 сентября штурм центральной части города начали две мощные группировки, поддерживаемые 350 танками. Началась беспри-

мерная по мужеству и напряжённости борьба за город – самый страшный этап Сталинградской битвы. За каждое здание, за каждую пядь земли бойцы стояли насмерть, обагрив их кровью. Генерал Родимцев назвал бой в здании самым тяжёлым боем. Ведь здесь нет привычных понятий флангов, тыла, за каждым углом может таиться враг. Город беспрерывно подвергался обстрелам и бомбёжкам, горела земля, горела Волга. Из пробитых снарядами нефтебаков нефть огненными потоками устремлялась в блиндажи и окопы. Примером беззаветной доблести советских воинов стала почти двухмесячная оборона дома Павлова. Выбив врага из четырёхэтажного здания на улице Пензенской, группа разведчиков во главе с сержантом Я. Ф. Павловым, превратила дом в неприступную крепость. На штурм города противником было направлено ещё 200 тыс. обученного пополнения, 90 артиллерийских дивизионов, 40 сапёрных батальонов... Гитлер истерично требовал любой ценой взять волжскую «цита-

дель». Командир батальона армии Паулюса Г. Вельц впоследствии писал, что вспоминает это как страшный сон. «Утром пять немецких батальонов уходят в атаку и почти никто не возвращается. На следующее утро всё повторяется снова...». Подступы к Сталинграду действительно усеивали трупы солдат и остовы сгоревших танков. Не зря немцы прозвали путь к городу «дорогой смерти».

Советским командованием был разработан план «Уран» по разгрому гитлеровцев под Сталинградом. Он состоял в том, чтобы мощными фланговыми ударами отсечь ударную группировку противника от основных сил и, окружив, уничтожить. Группа армий «Б», возглавляемая генерал-фельдмаршалом Бокком, включала в себя 1011, 5 тыс. солдат и офицеров, более 10 тыс. орудий, 1200 самолётов и т.д. В состав трёх советских фронтов, оборонявших город, входили 1103 тыс. личного состава, 15501 орудие, 1350 самолётов. То есть преимущество советской стороны было незначительным. Поэтому решающей победы можно было достичь лишь путём военного искусства. 19 ноября подразделения Юго-Западного и Донского фронтов, а 20 ноября и Сталинградского – с двух сторон обрушили на расположения Бока тонны огненного металла. После прорыва

вражеской обороны войска стали развивать наступление в оперативной глубине. Встреча советских фронтов произошла на пятый день наступления, 23 ноября, в районе Калач, Советский. Не желая мириться с поражением в Сталинградской битве, гитлеровское командование предприняло попытку деблокировать окружённую армию Паулюса. Но инициированные ими в середине декабря операции «Зимняя гроза» и «Удар грома» окончились провалом. Теперь были созданы условия для полного разгрома окружённых войск. Операция по их ликвидации получила условное название

«Кольцо». Из 330 тыс. попавших в окружении гитлеровцев к январю 1943 осталось не более 250 тыс. Но группировка не собиралась капитулировать. Она имела на вооружении более 4000 орудий, 300 танков, 100 самолётов. Паулюс позднее писал в своих воспоминаниях: «С одной стороны были безусловные приказы держаться, обещания помощи, ссылки на общую обстановку. С другой – внутренние гуманные

мотивы – прекратить борьбу, вызванные бедственным состоянием солдат». 10 января 1943 года советские войска приступили к осуществлению операции «Кольцо». Сталинградская битва вступила в свою завершающую фазу. Прижатая к Волге и рассечённая на две части вражеская группировка вынуждена была сдаться.

Победа в Сталинградской битве имела для СССР огромное ме-

ждународное и военно-политическое значение. Она наметила коренной перелом в ходе Второй мировой войны. После Сталинграда наступил период изгнания немецких оккупантов с территории СССР. Став триумфом советского военного искусства, Сталинградская битва способствовала укреплению лагеря антигитлеровской коалиции и вызвала разлад в странах фашистского блока.

1962 год

От трагических событий в Новочеркасске нас отделяет 50 лет. 1 июня 1962 г. в СССР было объявлено о повышении примерно на 25—30% государственных цен на мясо, молоко и яйца. На крупном заводе электровозов в Новочеркасске (НЭВЗ) это повышение особенно больно ударило по рабочим, т. к. только что на треть были понижены расценки на их работу.

Взволнованные рабочие окружили директора завода и спрашивали его, как же им теперь свести концы с концами. Директор Б. Курочкин грубовато отвечал: «Если не хватает зарплаты на мясо и колбасу, кушайте ливерные пирожки».

Эти слова, быстро разошедшиеся по цехам, вызвали всеобщее возмущение. Рабочие восклицали: «Да они ещё издеваются над нами, сволочи!».

Раздался заводской гулок. На площади у заводоуправления начался стихийный митинг. Первый секретарь Ростовского обкома А.В. Басов попытался успокоить митингующих, рассказывал о своём беспризорном детстве. Его не слушали, и ему пришлось уйти. На следующий день было решено идти к горкому партии, чтобы высказать свои требования. На другие предприятия Новочеркаска и Ростова послали делегатов за поддержкой.

Вечером на заводской площади запыхавшись из собранных

со всего завода портретов Н. Хрущёва.

На следующий день многотысячная колонна рабочих с красными флагами и портретами Ленина под пение «Интернационала» направилась к горкому. Несли лозунги: «Дайте мясо, масло!», «Нам нужны квартиры!», «Хрущёва на мясо!». К этому времени в город уже вошли войска, а многие активные участники вчерашнего митинга были арестованы. В Новочеркасск негласно прибыли члены Президиума ЦК Анастас Микоян и Фрол Козлов, чтобы руководить подавлением волнений.

Площадь Ленина у горкома заполнилась людьми, начался митинг. Дети сидели на крышах и деревьях, чтобы наблюдать за событиями. Толпа заняла здание горкома партии. С его балкона стали выступать ораторы. Все выступавшие

призывали не выходить на работу, пока не восстановят прежние расценки на заводе и не снизят цены на мясо и молоко. Митингующие требовали освободить арестованных, пригласить в город членов Президиума ЦК.

Тем временем к площади подъехали танки. Раздалась стрельба из автоматов. Первые очереди солдаты дали над головами толпы, и они пришлось по деревьям, с которых стали падать убитые и раненые подростки.

Очевидец событий А. Симонов вспоминал: «Солдаты открыли

огонь из автоматов. Началась паника. Люди постарше, видимо фронтовики, падали и ползли по площади по-пластунски. Что было дальше, помню плохо. Долго пытались смыть кровь с площади. Сначала пожарной машиной, потом ещё какой-то со щётками и, наконец, пригнали каток — заасфальтировали всё толстым слоем». По последним данным всего было убито 24 человека и около 30 ранено. Точное количество погибших до сих пор не установлено. Погибших тайно похоронили.

В Новочеркасске воцарилось «спокойствие». В газетах о происшедшем не было сказано ни слова. А в городских магазинах наступило неожиданное «изобилие»: прилавки заполнились продуктами. Выступление советских трудящихся стало свидетельством провала политики Н. Хрущева, ускорившего его смещение с поста руководителя партий и правительством в 1964 году.

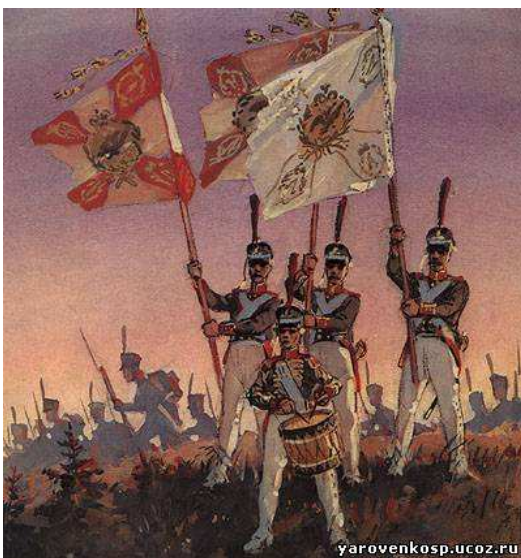
В августе над «зачинщиками беспорядков» (в основном уличными ораторами) состоялась серия судов. Для «главного» из этих процессов в Новочеркасск специально прибыла коллегия Верховного суда России. Из 14 подсудимых 7 были приговорены к смертной казни и расстреляны. Всего же осудили около 105 человек.

О.Е. АНДРЕЕВ

РАТНЫЙ ПОДВИГ РУССКОГО ВОИНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

*(На документах и материалах по истории Отечественной войны
1812 года, изданных Виленской комиссией)*

Навечно вписаны золотыми страницами в славную историю Российской армии события Отечественной войны 1812 года. На тему войны отечественными и зарубежными историками изданы многочисленные труды. Интерес к событиям в настоящее время связан, прежде всего, с тем, что нынешнем году отмечается 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года, а также с открывшейся возможностью привлечения большого числа опубликованных документальных материалов в отечественной дореволюционной печати. О ратном подвиге русских солдат и офицеров в годы Отечественной войны написано немало. Серьезного внимания со стороны исследователей и всех интересующихся читателей заслуживают документы и материалы по истории Отечественной войны 1812 года, изданные к 100-летию событий Виленской комиссией для разбора древних актов¹.

¹ Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г./ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. XXXVII. Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1912

Особо следует отметить рапорты командиров о представлении к награждению, повышению в званиях низших и офицерских чинов, а также сведениях о кадровом составе, должностных перемещениях в ходе боевых действий русской армии против французов. Многочисленные примеры, свидетельствующие о доблести и храбрости воинов, приводятся в документальном материале третьей части «Списки отличившихся и награжденных знаком военного ордена»¹, в разделе «Распоряжение русских властей военных и гражданских» указанного выше издания.

В число донесений о наградах, упомянутых в издании, включены далеко не все военные подразделения русской армии. В данном случае в сферу нашего внимания попали рапорты, донесения, представления, ведомости и другие отчеты командиров Ахтырского гусарского, Новороссийского драгунского, Киевского драгунского, Черниговского драгунского, Харьковского драгунского, Литовского уланского полков.

В рапорте полковника Васильчикова, командира Ахтырского гусарского полка от 1 сентября 1812 года за номером 912² на имя генерал-майора 4-й кавалерийской дивизии графа Сиверса сообщается следующее: «Долгом поставляю представить Вашему Сиятельству о отличившихся в сражении 24-го числа августа м-ца господ обер и унтер офицеров, также и рядовых. 24-го числа поставлены были два эскадрона под командованием господ ротмистров Александровича и Каризны 1-го для подкрепления 6-ти орудиев на левом фланге. Господин майор Неверовский приказал им ударить на пешую колонну, что они исполнили с отличной храбростию и мужеством и тем удержали колонну покусившуюся напасть на нашу батарею; после сего посланы оне были в атаку на левом фланге орденского Кирасирского полка, где храбростию и мужеством поразили кавалерийскую колонну в сих двух атаках. По представлению господ ротмистров отличились штабсротмистр Платанович, поручик Козаков 2-й, корнеты

¹ Ссылка на опубликованные материалы этой части издания дается на фонд, хранившийся в то время в рукописном отделе Виленской публичной библиотеки. (Шк.2, №144). Далее в тексте приводятся ссылки на указанные материалы.

² См.: № 195. Рапорт полковника Васильчикова /Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г./ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. XXXVII. Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1912. – С. 63

Шошин и Игнатъев; так же по приказанию был послан господин ротмистр Бибиков с фланкерами в лес удержать на левом фланге стрелков, кои посланы были обойти наш левый фланг; ротмистр Бибиков с большею отвагою кинулся и, дав пример храбрости его подчиненным, удержал быстрое движение стрелков неприятельских до прибытия нашей пехоты; батальонный адъютант корнет Трофимов и корнет Малявин 2-й были посланы во весь день с приказаниями в самые опасные места и исполняли с отличным рвением и неутомимостию возложенные на них препорученности. О отличившихся унтер офицерах и рядовых в сем деле при сем представляю Вашему Сиятельству список»¹ (№144, л.15). В донесении говорится о боях, развернувшихся в районе деревни Шевардино 24 августа 1812 года, накануне Бородинского сражения.

¹ Здесь и далее приводятся тексты документов с сохранением стиля и орфографии того времени.

Упомянутый Ахтырский гусарский полк под командованием полковника Васильчикова прошел славный боевой путь в кампанию 1812 года, о чем свидетельствует Ведомость¹, составленная его командиром. В документе, датированном 13 ноября 1812 года (№144, л.115) сообщается: «Июня 28-го под местечком Миром, за которое дело нижние чины 26 человек знаки получили. Июля 7-го под селением Дашковкою. Августа 24 и 26 под селением Бородиным. Августа 29 в ретиредах от г. Можайска к городу Москве. Сентября 15-го в ретиреде от Сатина к селу Чирикову. Сентября 21 и 22 в ретиреде от села Воронова к Таругину. Октября 6-го под селением Инковым. Октября 22-го под городом Вязьмою. Подпись: Полковой командир полковник Васильчиков».

К данному документу прилагается отдельная Ведомость² за подписью полковника Васильчикова от 13 ноября 1812 года (№144, л.116) с отчетом о количестве награжденных за указанный период времени нижних чинов подразделения. Отчет представлен следующим образом:

«За 24-е число августа под селением Бородиным:
Унтер офицеров 4
Рядовых 11
За 26-е под тем же Бородиным:
вахмистров 4
квартирмейстер [квартирмейстер – прим. авт.] 1
унтер офицеров 6
музыкант 1
рядовых 29
За 29-е в ретиреде от г. Можайска к г. Москве.
унтер офицеров 3
музыкант 1

¹ См.: №226. Ведомость Ахтырского Гусарского полка с показанием где и когда оной полк находился в деле противу неприятеля в течении всей настоящей кампании/ Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г./ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. XXXVII. Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1912. – С. 86-87.

² См.: №226. Ведомость сколько в ахтырском гусарском полку за какое дело представлено к награждению знаками нижних чинов/ Там же. – С. 87.

рядовых	6
За 15-го Сентября в ретирате от Сатина к селу Чирикову.	
унтер офицеров	1
рядовых	2
За 6-е октября под селением Инковым.	
унтер офицеров	2
рядовых	4
За 22-е под городом Вязьюю	
квартирмейстер	1
унтер офицер	1
штаб трубач	1
рядовых	4

Итого всех:

вахмистров	4
квартирмейстров.	2
унтер офицеров	17
музыкант	3
рядовых	56
Полковник Васильчиков».	

В Ведомости¹ командира Литовского уланского полка подполковника Лопатина сообщается о дислокации и действиях подразделения летом-осенью 1812 года. Командир полка составил документ 15 ноября 1812 года (№ 144, л. 124-125). В нем содержатся следующие сведения о боевом пути полка: «Июня 22-го. Под местечком Миром и Романовым. Июня 15-го, между городами Старым Быховым и Могилевым, при селении Дашковке. Августа 4-го и 5-го, при городе Смоленске в действительном сражении. Августа 13-го, под городом Дорогобужем, а с сего числа по 15-е находился в арьергарде, имея разные шармации [столкновения – прим. авт.]. Августа 15-го смоленской губернии при селении Лужках, и отселе до Гжатской

¹ См.: № 230. Ведомость Литовского Уланского полка с показанием где и когда именно оный полк находился в деле против неприятеля в течении всей настоящей кампании/ Там же. – С. 88-89.

пристани в арьергарде в первой линии. Августа 21-го, под городом Гжацкой пристанью, а оттуда до колоцкого монастыря в арьергарде же, не преставая иметь с неприятелем разных шармаций. Августа 23-го, под колоцким монастырем, а от оногo в арьергарде до Можайска. Августа 24 и 26-го, под городом Можайском, при селении Бородине. С 26-го августа по 2-е число сентября месяца, находясь в арьергарде, имел разные сильные сопротивления с неприятелем. С 2-го по 4-е число сентября месяца от Москвы по Коломенской дороге удерживал сильное наступление неприятеля. С 4-го по 10-е сентября в арьергарде и онагож числа за

деревнею Дисною имел сильное сопротивление с неприятелем. Сентября 17-го, при деревне Чирикове был в действительном сражении. Сентября 19-го под селением Вороновым сильное сопротивление удерживал; а с 19-го по 22-е сентября одерживая, вел неприятеля до Тарутинской позиции к батареям и онагож числа вступил в действительное сражение при селении Черничном. Октября 6-го был в атаке при разбитии

неприятеля у села Черничного и преследовал его до селения Воронова. Октября 13 – 14-го, под городом Мадерославцем (Малоярославцем). Октября 20-го под Царевым Займищем, откуда преследовал до города Вязьмы. Октября 22 под городом Вязьмой имел сражение и город взял приступом, откуда преследовал неприятеля до города До-

рогобужа. Октября 26-го, под городом Дорогобужем, каковой взят приступом, преследовал полк неприятеля до Соловьева перевоза. С 3-го по 8-е число ноября, находясь при деревне Микулине, препятствовал неприятельскому движению по большой дороге и несколько крат вступал в сражение».

О героическом боевом пути отдельных боевых подразделений русских войск также можно судить по Ведомости¹, составленной командиром Харьковского драгунского полка полковника Юзефовича (№144, л. 117). В донесении говорится: «Августа 2-го под Красным, где сей один полк, заключая в себе всю кавалерию отряда генерал-майора Неверовского, действовал против наступавшего к городу Смоленску авангарда большой Французской армии.

Августа 4 и 5 при обороне города Смоленска, находясь в жарком огне во все продолжение оной, сперва, под начальством генерал-лейтенанта Раевского, а потом генерала Дохтурова, двукратно атаковал с успехом неприятельскую кавалерию, и был в числе последних войск, прикрывавших отступление и переправу на правый берег Днепра.

Августа 20-го полк, состоя в ариергарде, под начальством господина генерал-лейтенанта Коновницына, прикрывал ретираду последних войск чрез город Гжацк совместно с отрядом войска Донского, и смелыми маневрами удерживал наступление неприятеля на сей город до тех пор, пока весь ариергард не вступил в новую позицию.

Августа 23-го в том же ариергарде полк содействовал к удержанию стремившейся на Бородинскую позицию всей неприятельской Большой армии.

Августа 24 и 26 в сражениях при Бородине, где полк в первый день изрубил неприятельскую пехотную колонну. Овладел и одним орудием с невыстреленным картечным снарядом, а в последний день удачною атакою на кавалерию отбил своих шесть орудий роты подполковника Кандибы.

¹ См.: № 228. Ведомость Харьковского драгунского полка о том, где оной находился в действительных сражениях с неприятелем в продолжении настоящей кампании/ Там же. – С. 87-88.

Полк, находясь непрерывно в арьергарде и в действиях, особенно 22-го числа сентября, будучи откомандирован с Генерал-Адьютантом Графом Орловым-Денисовым, для поисков на левом неприятельском фланге, отличил себя двукратною атакою против сего фланга, где под сильным картечным и ружейным огнем занял и удержал важнейшие высоты.

Октября 6-го, в сем первом наступательном маневре полк действовал на левом нашем фланге с великою пользою. Под начальством господина Генерал Адьютанта Васильчикова.

Октября 22-го, под начальством господина Генерал Адьютанта Васильчикова полк в сей день на рассвете произвел тот решительный удар, коим неприятельския войска приведены были в совершенную конфузию и, наконец, были разорваны и поражаемы до самого города Вязьмы.

Полк знаков отличия военного ордена еще ни один раз удостоен. Шеф полковник Юзефович».

В Ведомости¹ Киевского драгунского полка полковника Эмануеля от 11 ноября 1812 года (№144, л.112) приводятся сведения о дислокации подразделения в составе 2-й армии Багратиона в ходе Отечественной войны. В документе сообщается: «...Июня 28-го при местечке Мире и деревне Симонове в сражении. Июля 11-го при селениях Новоселке и Салтановке в сражении. За означенные два сражения получено знаков отличия военного ордена Св. Георгия 26. Августа 12-го в деле при селениях Большом и малом Болотне, в ретираде. Августа 14-го в деле при селении Лужках, в ретираде. Августа 20-го и 22-го в деле, в ретираде вправо, мимо города Гжацкой пристани к Колоцкому монастырю. Августа 23-го и 24-го в деле, ретираде до Колоцкого монастыря и от оногo на позицию до селения Бородина. Августа 24-го и 26-го в сражении при селении Бородин[о]м. Августа 28-го и 29-го в деле у прикрытия ретирующей армии, по большой дороге от города Можайска к Москве. Сентября 13-го в ретираде, равно и содержании переправы при селении Мамонове. Сентября 17-го в деле в ретираде, при селении Чирикове. Сентября 22-го в

¹ См.: № 224. Ведомость Киевского драгунского полка с показанием, где полк и когда находился в деле против неприятеля в сей настоящей компании и сколько за оные полк получил знаков отличия для нижних чинов значит ниже/ Там же. – С. 86.

сражении при селении Воронове. Октября 6-го в атаке от селения Тарутина к Воронову. Октября 22-го в сражении под городом Вязью. Ноября 4-го в деле при селениях Червонном и Большом Червонном. Шеф полковник Эмануель».

На примере только Ахтырского гусарского, Киевского драгунского, Харьковского драгунского и Литовского уланского полков можно представить себе масштаб и значение всех войсковых операций, проводимых командованием русской армии в летние и осенние месяцы кампании 1812 года. В строгих и лаконичных донесениях командиров содержится важная информация о дислокации русских войск, которая способствует формированию представления об общем стратегическом замысле нашего военного командования и его реализации в ходе Отечественной войны 1812 года.

Следует особо отметить, что командиры подразделений настойчиво добивались от вышестоящих военных чинов своевременного награждения своих офицеров и солдат за подвиги и отличия, проявленные в боях с неприятелем. Нередко, некоторые из отличившихся были удостоены награждения по несколько раз. Однако случалось, что награды так и не доходили до героев. В этом случае полковые командиры подавали новые рапорты о представлении к наградам. Об этом свидетельствует рапорт командира Литовского уланского полка подполковника Лопатина¹, поданный на имя командира 4-го Кавалерийского корпуса генерал-адъютанта Васильчикова (№ 144, л.174). В рапорте говорится: «Во исполнение приказа Вашего Превосходительства сочиненную ведомость, где и когда командуемой мною Литовский уланский полк во всей настоящей компании был в деле противу неприятеля, равно и список отличившимся всем нижним воинским чином в разных сражениях и действительно заслужившим по несколько раз награждение военного ордена С-го Георгия, при сем Вашему Превосходительству представляя, почтеннейше донести честь имею, что с начала сей компании и по сие время никаких знаков отличия военного ордена не назначено и не поступило в полк. Подполковник Лопатин».

¹ См.: № 238. Рапорт подполковн. Лопатина/ Там же. – С. 96

Нельзя не упомянуть его же рапорт¹ с ходатайством на имя корпусного генерала Васильчикова о награждении полкового лекаря, отличившего в ходе боев с неприятелем (№ 144, л.176). В рапорте в частности говорится: «В командуемом мною полку, штаб-лекарь Иван Корнилович во время продолжения всей нынешней компании при всех сражениях, в коих только полк находился, был безотлучно при нем и по своему искусству помогал страждущим раненым не только своего полка, но и многих других с особенною деятельностью и рачением. Уважая его таковые отличные труды, понесенные в сию компанию, за долг поставляю высокопочтительше просить Ваше Превосходительство о исходатайствовании ему должного награждения. Подполковник Лопатин».

Из сухих донесений представляется вполне отчетливая картина массового подвига русских воинов в Отечественной войне. В этой связи весьма примечателен один многочисленных документов о награждении отличившихся Именной список о представлении к награждению нижних чинов киевского драгунского полка² (№ 144, л. 105-110) от 10 ноября 1812 года. Например, сообщается об отличии унтер-офицера Семена Демиденко, удостоенного военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия: «1812 года июня 28 дня в сражении при местечке Мире особенною храбростию, мужеством подавал, во первых собою пример при двоекратном врублении в неприятельские линии, где получил две тяжелые раны, за что достоин к производству в офицеры»³.

Подвиг вахмистра Станислава Дубицкого послужил причиной следующего представления о награждении: «1812 года августа 24 дня в сражении при селении Бородиным, когда была батарея окружена неприятельской пехотою, в атаке на пехоту первый, ободряя нижних чинов, кинулся примером всем своим сотоварищам на бата-

¹ См.: № 239. Рапорт его же/ Там же. – С. 96-97

² См.: № 223. Именной список Киевского драгунского полка нижним чинам за отличия в сражениях против французов с начала кампании по сне число, представленных к награждению знака отличия, но еще не награждены, кто же когда отличил себя и где значит ниже / Там же. – С. 79-85.

³ Там же. – С. 79.

рею, чем недопустил неприятеля ими воспользоваться нашими орудиями»¹.

В Бородинском сражении отличились унтер-офицеры Мина Руденок, Иван Бондарь и рядовые Киевского драгунского полка Яков Шалаев, Архип Кузьмин, Емельян Дьяченко. В донесении о подвиге воинов сообщается: «1812-го года августа 26-го дня, в сражении при селении Бородиным, во весь день находились в флангирах в непрерывной перестрелке с неприятелем, с храбрым и мужественным духом несколько раз были посылаемы нападать на выходящую из леса пехоту и кавалерию неприятельскую, что удачно совершили – где взят Руденком и Шалаевым неприятельский принц, который неизвестно какими пехотными стрелками с офицером взят. – отобранный от принца российский план вручен Генералу графу Строганову»².

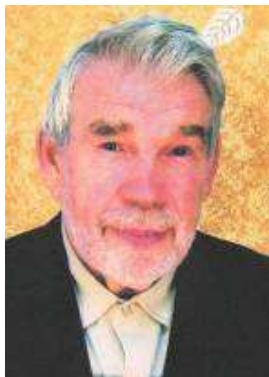
¹ Там же. – С. 79.

² Там же. – С. 82.

Нижние чины полка также отличились в сражении при селении Чирикове: «1812 года сентября 17-го дня, в сражении при селении Чирикове, были посланы из полка в патрули, где в разъезде увидели генерала с двумя адъютантами; поскакав унтер офицер Дубенок вперед, ободряя своих товарищей, кинулся храбро на него и взял в плен той колонны генерала Ферце и адъютанта, а другой адъютант спасся бегством, который генерал с адъютантом представлен в главное армии дежурство»¹.

Беспримерное мужество, самоотверженность и героизм русского воинства стали главным фактором в разгроме войск неприятеля. Доселе непобедимая «Великая армия» была сокрушена и изгнана из России. Отечественная война завершилась победой русского духа.

¹ Там же. – С. 83.

ВАЛЕНТИН МЕЖЕНИН

Родился в мае 1938 г. в д. Сенюково Вачского района. По окончании технического училища № 1 г. Горького работал фрезеровщиком, затем служил в армии в Арзамасе. Окончил исторический факультет ГГУ и аспирантуру по кафедре всеобщей истории под руководством Н.П. Соколова. Кандидат исторических наук, доцент. С 1969 по 1988 г. преподавал на историческом факультете ГГУ, до 2000 г. был зам. декана и деканом исторического факультета НГПУ, с 2000 г. работает в вузах г. Дзержинска, где и проживает.

ОТ ПИКТОГРАФИИ ДО ПОДВИГА СОЛУНСКИХ БРАТЬЕВ

*Не верь, не верь чужим,
 родимый край
Их ложной мудрости,
 иль наглым их обманам,
И как святой Кирилл, и, ты
 не покидай
Великого служения славянам!¹*

Начать разговор по теме в преддверии Дня Славянской письменности позволительно с некоторых общих наблюдений. В мире природы и деятельности человека было сделано много замечательных открытий, кардинально повлиявших на развитие цивилизации. Некоторые открытия, достаточно узкие по определению хода истории, тем не менее, способствовали ее прогрессу. В таком ключе можно говорить о материальной культуре, прогресс которой, начавшийся с примитивных орудий, достиг уровня, за которым может последовать цивилизационный взрыв с непредсказуемыми последствиями. Знаковым по результатам было возникновение мышления и речи, определившее ипостась человека как природного феномена. Уникальным явлением в истории человечества было

¹ Ф.И. Тютчев. Стихотворения. М.,1986. с.255

открытие тайны плодородия поверхностного тонкого (в несколько сантиметров) слоя земной поверхности, который и сейчас поддерживает жизнь семимиллиардного человечества. Это открытие называется «неолитическая революция», которая дала людям хлеб и масло. Возможно ли представить комфортную жизнь человека без этого величайшего открытия? Даже в условиях гипертрофированного ныне до опасных пределов сверхпотребления (консюмеризм).

Человек на земле социализировался не только настоящими потребностями преодоления тайн обретаемого им мира, но и посредством речевой коммуникации. Последней было явно недостаточно для осуществления многообразной деятельности, выражения многоплановых отношений с миром и себе подобными, для физической фиксации возникающих озарений ума и души. И через тернии многовековых попыток и смелых опытов, достойных восхищения экспериментов и величия порывов безвестных экспериментаторов коллективной практики были изобретены особые знаки-буквы, блистательно транслировавшие мысль-слово в материальную оболочку – вещественный субстрат с записанными мыслями и знаниями: пальмовые листья, ленты-свитки, пергамент, палимпсест, полиптих, кодексы, книга. Из гениально изобретенного в результате многовековых опытов плотного ядра – созвездия букв алфавита родился неисчерпаемый космос постигаемого человечеством письменного мира. С надеждой понять это мы попытаемся пройти по части пути, по «верстовым» обретениям эпохального изобретения, резко расширившего необъятные возможности человеческой практики, духа, мыслей и чувств.

Письмо как способ выражения мыслей – сложный и удивительный роман, чтение которого применительно к разным этапам исторического процесса представляется поучительным. В течении тысячелетий человечеством были испробованы разнообразные приемы, фиксирующие попытки передачи своих мыслей. Первым этапом в развитии письма был рисунок, который совершенствовался и достиг поразительного мастерства и выразительности. В основе рисунчатого «пиктографического» письма работал принцип, кардинально отличный от современного фонетического. Когда-то человек оперировал не буквами, из которых строятся слова, а рисунками – пиктограммами, изображавшими предметы, явления и жизненные ситуации. Рисунки были понятны людям, разговаривающим на разных языках. Такая форма письма используется и сейчас: в дошкольной

литературе, в рекламе, карикатуре, в комиксах. Бесспорно, что человек каменного века был талантливым рисовальщиком (писателем?). Вспомним знаменитые пещеры Альтамиры (Испания), Фрески Тасии (Сахара), на берегах Лены и т.д. Это был первый, долгий и определенно талантливый шаг на пути изобретения письма. Он был неотделим от искусства. Слово «изобретение» употребляется здесь в несколько ином контексте по сравнению с более поздними временами, когда изобретения стали делом талантливых одиночек; разумеется, что и тогда это были особо талантливые люди, но всегда ли одиночки? Некоторые североамериканские индейцы пользовались такой формой письма в XIX в. Элементы такого письма сохранились у коряков и юкагиров. Такая форма письма обеспечивала диалог по многим вопросам. Но его конкретность не была способна обеспечить передачу некоторых сложных явлений и особенно абстрактных понятий, например, собственных имен.

Следующий этап в развитии пиктографического письма – его дезинтеграция, когда рисунок стал распадаться на отдельные элементы, образные знаки, отдельные понятия, а далее – слова. Соединенные вместе, эти знаки стали восприниматься уже не рисунком, а текстом. Это изменение, видимо, было связано с логическим течением мысли. Данные структурные изменения можно определить как трансформацию пиктографии в логографическое письмо. Решающей здесь была тенденция универсальных типовых условных знаков, обозначающих определенные понятия. У индейцев знак «X» - скрещенные руки обозначал понятие «обмен», «торговля», изображение луны, как предполагают, фиксировало понятие «месяц». Вспомним скороговорку: «вышел месяц из тумана.....», главное на этом этапе – стабилизация пиктограмм, утрачивающих изобразительный элемент и превращение их в графические символы, которые и называются логограммами. Последняя утратила необходимость внешнего сходства с предметом, но она еще и далека от фонетического элемента слова.

Логограмма занимала среднее положение между пиктограммой и буквой.

И в наши дни логография употребляется в Китае, например, как основная форма письма. Главное достоинство логограммы в краткости и понятности каждому человеку. Эти достоинства не перевешивают недостатков логограмм. За каждым понятием должен быть

закреплен специальный знак. У китайцев не менее пятидесяти тысяч иероглифов. При очевидной сложности этого вида письма очевидны также его консерватизм и живучесть. При наличии множества языков и диалектов в Китае переход к более удобному фонетическому виду письма грозит нарушением сложившегося культурного единства этой страны с оригинальными традициями.

Переход к логографическому письму был связан с переходом к раннеклассовому обществу и государствам. Истоки этого письма находятся на Древнем Востоке – в долине Нила (Египет) и в Месопотамии (Шумер), где с середины IV тысячелетия до н.э. сложились первые рабовладельческие государства. Независимо от этого, но несколько позднее этот процесс происходил в долине Инда, на Крите, в Греции и в Китае.

В Египте основой иероглифов, как и во всех логографических системах, было рисуночное письмо. Ранние иероглифические надписи соседствовали с пиктографическими, отчасти разъясняющими их: постепенно иероглифика, оторвавшись, начала «жить» самостоятельно. Египтяне могли передавать иероглифами и абстрактные понятия. Иероглиф, изображавший скипетр, выражал понятие «могущество», «управлять». Для этих понятий рисунок скипетра стал условным знаком (логограммой). Но были понятия, которые трудно было изобразить графически. Их египтяне стали изображать иероглифами, соответствующими схоже звучащим словам. Например, иероглиф изображающий жука (хепер), стал употребляться и для выражения глагола «быть», также звучащего «хепер». В сущности, это шаг к фонетическому принципу. Эта задача облегчалась тем, что в языке древних египтян гласные играли второстепенную роль и их просто не учитывали. Опустим некоторые внутренние и довольно сложные элементы перехода к фонетическому письму у египтян. Назовем только два выдающихся открытия на этом пути. Во-первых, они придумали детерминативы – ключевые иероглифы, стоящие рядом с основными, значимыми словами. Во-вторых, по сути, они придумали фонетическое письмо, не изобретая для букв новых знаков, а использовали уже имеющиеся иероглифы. Это означало, что иероглиф, означавший ранее целое слово, в данном случае стал соответствовать лишь первому звуку этого слова. Например, иероглиф, обозначающий ранее понятие «вода» («нев») стал обозначать либо понятие «вода» («нев»), либо звук «н».

Тем не менее, в Египте не было сделано даже попытки перехода на фонетическое письмо. Элементы фонетического варианта привлекались только как вспомогательный вариант. Но в течение многих веков египтяне шли по пути упрощения иероглифических знаков с переходом на скоропись. Более упрощенное иератическое (жреческое) письмо состояло из 600 логограмм. И наконец, «демотическое» (народное) письмо – образец скорописи – сложилось к V в. до н.э. Египтяне в движении к фонетической системе письма сделали только полдела, они остановились на полпути. Достижение конечного результата, переход к фонетическому принципу – полный волнующих тайн, заблуждений и находок. Чего стоит только дешифровка египетской иероглифики, считавшейся каббалистической, астрологической и гностической загадкой. Скажем, что на пути открытия секрета египетского письма особняком стоит мощная фигура Шампольона с его гениальным прозрением, что иероглифические рисунки – это «буквы», точнее говоря, обозначения слов. К дешифровке привел разрыв с предшествующей гор-аполлоновской традицией.¹

Пальма первенства в деле изобретения более адекватной формы передачи мыслей посредством фонетических знаков принадлежит древним финикийцам. В самом начале XX в. на Синайском полуострове были обнаружены памятники письменности, оказавшиеся недостающим звеном между египетской иероглификой и алфавитом. Изобретенная в Финикии система письма передавала человеческую речь посредством 22 знаков-букв. Каждая буква выражала определенный звук. Буквы в алфавите расставлены в определенном порядке: aleph, beth, qimel, daleth, he и т.д. В этом алфавите не было гласных, были лишь согласные и полусогласные. Как и египтяне, финикийцы писали справа налево и давали буквам название, соответствующие названиям предметов: как будто эти буквы были логограммами. Но они употребляли их только как фонемы, беря за основу первый звук соответствующего слова. У финикийцев высокого уровня достигли ремесло и торговля, и отсюда следовала необходимость в совершенствовании форм учета, отчетности, фиксации всех этапов практической деятельности.

Сейчас вопрос об «авторстве финикийцев» в изображении бук-

¹ (К. Керам. Боги, гробницы, ученые. М., 1960. с. 111).

венного письма однозначно решен в их пользу. Хотя еще столетие назад такой авторитарный востоковед как Б. Тураев в статье «Финикия» в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона выражал в этом деле сомнение.¹ В Советском энциклопедическом словаре, изданном в 1987г. приводится устоявшаяся точка зрения: «Финикийское письмо, разновидность древнесемитского консонантного (система письма, состоящего из букв, которые обозначают согласный с произвольным или нулевым гласным), употреблялась в Финикии, Палестине и Карфагене с XIII в. до н.э.» (стр. 149). Финикийское письмо легло в основу почти всех известных алфавитов. Известно, что язык финикийских надписей относится к семитской ветви афразийских языков. Неспешный ход истории тех далеких эпох успешно и верно вел к письменной ипостаси языка.

Вернемся к страницам той эпохи, когда европейцы первыми стали использовать финикийский алфавит. По мифологической традиции, в Грецию алфавит привез финикийский купец Кадм. Имя этого купца на финикийском языке означает «восток». Исследователи убеждены, что в этой легенде есть зерно истины, так как по-гречески слово «книга» звучит как «библион» и, видно, происходит от названия торгового города Финикии – Библа. Финикийское происхождение греческого алфавита подтверждается начертанием греческих букв и их семиотическими названиями: альфа, бета, гамма, дельта. Греки, как и финикийцы, писали справа налево. Позднее этот принцип письма был греками изменен зеркально. Например, финикийское **Ж** стало греческий К. Кроме того, для обозначения гласных греки добавили в алфавит семь букв. Для этого они использовали и финикийские буквы. Так, буква «алеф» стала у греков использоваться в алфавите для выражения звука а (альфа), буква «иод» - для греческого звука «йота».

Переход от одного уровня в ступени развития письменности к другому, более совершенному, представляет самое замечательное явление в движении этой стороны цивилизации. В результате развития сравнительно-исторического языковедения стало возможным в своё время утверждение В. Гумбольдта (1767 - 1835), что «язык является не *ergon* (сделанное, нечто данное), а *energeia* (изменяющееся и

¹ Том 70. 1902. с.899.

развивающееся), что в развитии исторических изменений проявляется сущность языка».¹ Сама греческая письменность как основа для последующих форм фактического письма – многофакторный процесс. На Кипре найдены печати с рисуночным письмом с датировкой 2100-1900 г.г. до н.э.² К 1900-1600 г.г. до н.э. относятся находки с более курсивным видом письмен.³ Речь идет о крито-минойской культуре. Самым великим духовным вкладом минойского Крита в мировую культуру было создание последовательно-звукового (фонологического) принципа письма. Видимо, не случайно, что первые памятники предбуквенного (протоалфавитного) и буквенного (алфавитного) письма находятся в восточно-средиземноморских областях, непосредственно относящихся или прилегающих к минойскому культурному ареалу. Крито-минойское письмо В является самой древней звуковой системой письменности на индоевропейском (греческом) языке. Старше его только смешанная (идеографически-фонетическая) хеттская клинопись XVIII – XIII в.в. до н.э. Складывание греческого алфавита проходило в сложных перипетиях племенных миграций: архейское и дорийское завоевание Греции и связанные с ними трансформации в языковой сфере. Синтез греческого алфавита, как было уже упомянуто, связан с царем Фив Кадмом, сыном царя финикийского города Сидора Агенора. Кадм высадился на острове Санторин. Именно здесь и найдены самые древние (VIII в. до н.э.) греческие буквенные письма. Начертанье большинства восточно-средиземноморских (греческих, малоазийских и финикийско-палестинских) букв сходно, и почти все греческие названия букв имеют финикийско-палестинское происхождение. Дополненный и приспособленный к выражению звуков индоевропейских языков древнегреческий алфавит начал свое шествие по Европе. Древнейшими письменными памятниками греческого языка являются крито-микенские надписи XV – XIII в.в. до н.э. и Гомеровские поэмы.

Дальнейшее развитие письма выходит на латинский язык; латинское письмо восходит к греческому. Греческие грамматики еще в

¹ О.С. Широков. История греческого языка. Изд. МГУ, 1983. с.6-7.

² Пиктографическое письмо А.

³ Пиктографическое письмо В.

I в. до н.э. считали, что латинский язык представляет собой ответвление от эолийского диалекта греческого языка, искаженного в результате многочисленных смешений с другими языками. Наблюдения над сходством латинского языка с греческим привели в рамках сравнительно-исторического языкознания в XIX в. к гипотезе греко-италийского единства. Рим был городом со смешанным населением, в его формировании принимало участие несколько племен. Однако, язык римлян оставался латинским, хотя в V в. до н.э. зона его влияния занимала площадь не более чем 2000 кв. километров. Латинский алфавит, как и другие алфавиты - греческого происхождения. Он восходит к западно-греческому алфавиту. В его происхождении, согласно мнениям лингвистов, есть две струи: заимствование у кампанских греков и этрусское посредничество. Данные, приведенные здесь, принципиально важны для нас в контексте обстоятельств рождения алфавита нашего старославянского (или древнецерковнославянского) языка. Речь идет о предпоследней ступеньке «лестницы», по которой исторически совершалось восхождение к нашему алфавиту. Латинский алфавит, возникший в VII в. до н.э., сейчас используется народами обеих Америк, Австралии, Европы (кроме восточных и части южных славян и греков), многими африканскими и азиатскими народами. На Западе, в рамках Западной римской империи, сложилась традиция пользоваться латинскими буквами, а на Востоке в основу целого ряда систем письма лег греческий алфавит. В том числе, в IX в. н.э. сформировались два славянских алфавита – глаголица и кириллица. Славянская азбука-глаголица почти полностью совпадает со второй славянской азбукой – кириллицей. Это совпадение касается состава, расположения и звукового значения букв. О древнейшем виде глаголического письма судят лишь предположительно, ибо дошедшие до настоящего времени глаголические памятники не старше конца X в., например, Киевские листки. Допускают, что глаголица была первоначально способом тайнописи для кириллического письма.

Древнейшие памятники кириллического письма возникли, как считается, одновременно с глаголическим письмом. Но судьба кириллицы оказалась более счастливой. Во-первых, понятно, что свое название эта форма письма получила от имени славянского просветителя середины IX в. Кирилла, Константина до принятия монашества, который в 863 г. создал первую славянскую азбуку и с помощью

брата Мефодия перевел с греческого на славянский язык христианские богослужебные книги. Во-вторых, древнейшие памятники кириллицы возникли, вероятно, одновременно с первыми опытами глаголицы. В-третьих, многие считают, что Кирилл создал глаголицу, а кириллица была составлена в Восточной Болгарии, в Преславе в конце IX в. для сближения славянского письма с торжественным строем византийского. В-четвертых, Кириллица и глаголица употреблялись параллельно, но впоследствии кириллица вытеснила глаголицу. И, наконец, на основе кириллицы построен алфавит не только южных и восточных славян, но и большинства народов бывшего СССР. Упомянем и о любопытном факте: на юго-западе Хорватии, в г. Сень еще в XVIII в. существовала типография, печатавшая глаголические книги на сербо-хорватском языке. Это своеобразное и трудное славянское письмо было для них средством сохранения своего национального самобытного сознания в борьбе с гнетом западных порабитителей и с римской католической церковью. У Западно-славянских народов в 9-10 в. были славянские рукописи, но они не сохранились. До нас дошли только средневековые рукописные книги западных славян, написанные уже латиницей.

Письмо кириллических рукописных книг сохранилось в алфавитах современного русского, украинского, белорусского, болгарского, сербского и македонского языков. Кириллица сохранилась также в алфавитах тех неславянских народов, которые создавали свою письменность на основе русской графики. Кириллицей в средние века пользовались также на территориях современной Румынии, Молдавии, и частично Венгрии, где богослужение совершалось на славянском языке.

Линия развития фонетического письма на временном срезе древнегреческий язык - латинский язык, иллюстрирует не только процесс образования алфавитов европейских языков. Наша культура скреплена крепким «цементом» прежде всего славянского единства и многообразных связей с Византией, оплодотворивших русскую культуру, искусство, литературу и идеологическое развитие России на все оставшиеся времена с православным фундаментом. Во всех этих областях скрепляющим фактором был и воспринятый нами от греков язык.

Первоначально древнегреческий язык распадался на множество диалектов, четыре из которых были главными: эолийский, дори-

ческий, ионико-аттический и аркадо-кипрский. Аттический диалект считается ныне «классическим» древнегреческим языком. Заметим, что поэмы Гомера написаны на ионическом диалекте. Аттический диалект в эллинистическую эпоху стал основой для слияния в III в. до н.э. всех диалектов в единый древнегреческий язык, так называемый «койнэ диалектос», т.е. общий диалект. Из «койнэ» выработался среднегреческий, византийский язык, время существования которого определяется с эпохи Юстиниана (VI в) до падения Византийской империи под напором турок-османов. Византийский язык еще и сейчас употребляется греческой православной церковью, а современные греки говорят на новогреческом языке.

Обратимся к историческим обстоятельствам, развитие которых привело к образованию славянской азбуки и построенной на ней письменности. На рубеже VI – VII в.в. славяне и протоболгары осели на Балканском полуострове, войдя в соприкосновение с Византией и ее культурой, где письменность была высокоразвитым элементом последней. Следствием этих контактов было распространение византийского влияния и не в последнюю очередь посредством культурных византийских традиций, в том числе и языка. В 861 г. возникло Первое Болгарское царство, а в 865 г. болгары были крещены по греческому обряду. В середине X в. сложилось первое государство в Сербии, которая также стала христианской в восточных, т.е. византийских формах. Среди предков современных словенцев и хорватов в VIII – IX в.в. христианство внедрялось в западном варианте в результате активной миссионерской деятельности служителей римской церкви.

Западные славяне, жившие в IX в. на территориях от Балтики до Южных Карпат, создали несколько государств: Великоморавское (IX в.), Чешские княжества (IX – X в.в.), Польское государство (X в.). Все западнославянские народы приняли христианство по западному, римско-католическому варианту. Вместе с религией они переняли и латинское письмо, приспособив его к особенностям своих языков. Большинству народа латынь оставалась непонятной и чуждой. Другим было положение у южных и восточных славян. Языком письменности у них стал старославянский, который в своей основе был южнославянский. В то время все славянские диалекты были близки друг другу и здесь не сложилось того двуязычия, которое было характерно для средневековой культуры остальной части Европы, где

латынь была далека от местных наречий. В южно- и восточнославянских землях такого резкого контраста между письменным и разговорным языком не было. Здесь славянская письменность возникла в связи с принятием христианства в IX – X в.в. При этом оказались воспринятыми и традиций дохристианской культуры, уже к этому времени создавшей зачатки каких-то систем письма.

Об этом свидетельствует такой достоверный источник, как сказание черноризца Храбра «о письменах» (конец IX – начало X в.в.). Здесь говорилось о создании азбуки Константином Философом. О первоначальном, дохристианском этапе развития славянского письма черноризец Храбр свидетельствует: «*Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтеху и гатааху¹ погани суще*»². Храбр сообщал, что после принятия христианства славяне «*римскими и гречьскими письмены нуждахуся (писати) славенску речь без устроения*». Значит, славяне начали применять для письма известные им латинские и греческие буквы, но без «устроения», т.е. без приспособления к фонетическим особенностям славянской речи. Такое использование продолжалось долго: «*И тако бещу многа лета*».

Создание славянской азбуки связано с именами византийских миссионеров, солунских братьев Константина-Кирилла (ок. 827-869) и Мефодия (815-885). История азбуки началась с визита в 862 г. в Константинополь послов Моравского князя Ростислава к императору Михаилу и патриарху Фотию. Они просили прислать в Моравию проповедников для установления христианства, для наставления ее населения в истинах веры на его собственном языке. Заметим, что сюда христианство было принесено латинскими миссионерами из Южной Германии, естественно, и на латинском языке совершавшими богослужение. Посылая братьев, император напутствовал их: «Вы – солуняне, а все солуняне чисто говорят по-славянски». «Слаб я и болен, но рад идти пеш и бос, готов за христианскую веру умереть», – ответил Кирилл. Ясен и политический смысл этой акции: Моравия стремилась опереться на Византию, чтобы ослабить натиск восточнофранкского королевства (после Верденского раздела 843 года, т.е. Германии) и западной церкви. Выбор братьев для этой миссии не

¹ То есть, читали и гадали

² Л.И. Владимиров. Всеобщая история книги. М.1988 с.49

был случайным. Константин имел высокий уровень подготовки в богословии и в «эллинских художествах». Он был патриаршим библиотекарем, преподавал философию в высшем учебном заведении. Отсюда его уважительное прозвище – Философ. Он владел несколькими языками, в том числе, и местным славянским диалектом. Мефодий был облечен высокими административными полномочиями одной из славянских провинций империи. У обоих был большой дипломатический и миссионерский опыт. За 11 лет до описываемого события в составе византийского посольства Константин ездил к арабам для ведения переговоров о мире и одержал там победу в диспуте с местными теологами об истинной вере. Константин был отправлен в Херсонес и в Хазарию, в Хазарии миссия Константина проходила в условиях мирной обстановки¹. Знаковым является факт крещения Константином-Кириллом во время этой миссии части хазар. Их потомки до сих пор живут около развалин древнего Семендера и называются гребенскими казаками². Семендер – древний город на северном Кавказе, бывший до 723г. столицей Хазарского каганата. В X в. этот город был разрушен руссами.

Перед поездкой в Моравию Кирилл (и далее - Кирилл) спрашивал императора, имеют ли славяне азбуку? Учить без азбуки и без книг все равно, что писать беседу на воде. Братья уверяли императора, что для успеха христианской пропаганды в Моравии, как и в других славянских странах, необходимо создать славянскую азбуку и перевести греческие церковные книги на славянский язык... Есть убеждение, что с согласия императора Кирилл перед отъездом составил славянскую азбуку, устроив письмена из 38 букв. Часть букв была взята из греческого алфавита, а часть придумана специально для передачи специфических звуков славянских диалектов. Греческий алфавит не имеет ряда букв, соответствующих некоторым славянским звукам. На это указывал Храбр: *«Но како может ся писати добре греческими письмены: бог или живот или зело или церковь или чаяния или широта или ять или юность или язык и инаа подобна сим?»*³

¹ Лев Гумилев. Открытие Хазарии. М., 2003. с.230.

² Лев Гумилев. Открытие Хазарии. М., 2003. с.234.

³ Всеобщая история книги, стр.49

С помощью славянского алфавита Кирилл осуществил перевод Евангелия и некоторых других церковных книг, распространявшихся не только в Моравии, но и в других славянских странах. Первым заинтересовался деятельностью братьев славянский князь в Паннонии, которая занимала часть современной Венгрии, Югославии, Австрии Коцел, исходя также из политических соображений. Успех миссии Кирилла и Мефодия определялся близостью народу языка, на котором велась пропаганда христианства. По католической традиции богослужение должно было вестись только на латыни, греческом или древнееврейском языках. Для литургии у моравов и южных славян папа Иоанн VIII сделал исключение, в 873 г. Мефодий даже был назначен архиепископом Паннонии. Двумя годами раньше славянское богослужение было введено в Чехии. Его ученики проникли в Силезию и Польшу, он обучил около двухсот пресвитеров-славян. Уступки папы, правда, носили половинчатый характер. Хотя богослужение и велось на славянском языке, но при чтении Евангелия по-славянски предварительно требовалось читать его по-латыни. Активная деятельность продолжалась уже без брата, умершего в 869 г. Перед смертью Кирилл говорил брату: «Мы с тобой как два вола вели одну борозду. Я изнемог, но ты не подумай оставить труды учительства и снова удалиться на свою гору...». Миссионерская деятельность Мефодия проходила в жестком противостоянии с латинскими церковными иерархами. Самые сложные испытания он перенес во время трехлетнего заключения в тюрьме в Швабии, стойчески преодолев унижения и истязания.

«Для нас, в частности русских, во время перевода святыми Кириллом и Мефодием священных книг на славянский язык достопримечательно еще то, что оно поначалу своему едва ли не в точности совпадает со временем основания нашего Отечества».¹ Можно отнести начало перевода священных книг на славянский язык к 862г., когда началось и царство русское. Митрополит Макарий (Булгаков) после тщательного анализа всех обстоятельств жизни и подвигов апостольских братьев и по-настоящему профессионального исследования специальной «языковой ткани» приходил к выводу, что на пе-

¹ Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви в 12-ти книгах. Книга 1 м.1994 с.173

реводах Кирилла и Мефодия лежит печать наречия болгарского. Он согласен с тем, что перевод, начатый в Константинополе, продолжен в Болгарии, а окончен уже в Моравии, где долго был архиепископ Мефодий, которому и принадлежит окончание перевода.

В связи с проблемой создания алфавита обозначаются некоторые позиции принципиального свойства. Ключевой является проблема православного характера излагаемого в переведенных книгах вероучения. Самым осязаемым доказательством православного характера проповедей и переводов первоучителей служит сохранившееся в одной из рукописей «написание о правой вере, изученное Константином блаженный философ, учителем о Бозе славянскому языку». Замечательнее всего здесь то, что о святом духе намеренно против папистов сказано: «Верую ... и во единого Духа святого, от Единого Бога-Отца Исходящего; от единого - прибавление, которого в прежних исповедях восточных не встречается».¹ Это - проблема филиокве, т.е. исхождения святого духа не только от Бога-отца, но и от сына». Добавление филиокве было сделано «в VII в. католической церковью» к христианскому «Символу веры». Православная вера не приняла филиокве, что послужило одной из причин более позднего в 1054 г. разделения церквей.

С установлением буквенных письмен связан воедино и вопрос о том, что и как, с какого языка и на какое из славянских наречий они переведены. Прежде всего, братья занялись богослужебными книгами. За четыре с половиной года они перевели все книги, необходимые для церковного чина. Среди переведенных книг митрополит Макарий называет Евангелие и Апостол. Они перевели также и Служебник вместе с Требником – два самых необходимых для архиерея, священника и диакона. Кирилл и Мефодий не могли бы со своими учениками отправлять повседневных богослужений без Часослова и Псалтыри. Для клироса и пения на клиросе была переведена книга Октоих (Осмогласник). Была переведена на славянский язык также и Минея Общая. В числе выполненных переводов было собрание чтений из Ветхого, частично из Нового Завета – Паремейник. Наконец их благословенными трудами был составлен общий чин православного богослужения на дни всего года – Устав. Бесспорно также, что

¹ Макарий (Булгаков) с.178

все было переведено с греческого. Из Болгарии они перешли к нам и с некоторыми исправлениями дошли до настоящего времени известна ссылка на ученика и биографа Мефодия: «*Он переложил все эти книги сполна, кроме Маккавейских*» «*от гречьска языка в словеньск*». Допускается, что Кирилл и Мефодий при своем великом труде могли иметь под руками и латинский перевод Иеронима в качестве пособия, как пользовались они, несомненно, переводом готским епископа Ульфилы.¹

Прочные основания имеет факт перевода Кириллом и Мефодием указанных книг на болгарский диалект. Язык нашей Библии и богослужебных книг схоже с тем, какой употреблялся в Болгарии в X в. Язык нынешних болгар, несмотря на перемены за много веков, довольно близок к нашему богослужебному языку и языку Священного писания. Не только в книжном, но и в разговорном языке современных болгар слышны слова и выражения древнеславянские, церковные и библейские: аз, есмь, еси, есть, есмы, есте, суть, живот (жизнь), градъ, злато, сынове, единонадесятый, двенадесятый и др. Буква «юос», характерна для древних церковно-славянских рукописей в живом произношении не встречается больше ни в одном из славянских языков. Скорее всего, это произошло потому, что это наречие солунские братья знали лучше. Естественно, понимать и употреблять этот содержащийся в переводе диалект, кроме болгар, легко могли читать все прочие славяне, так как славянские диалекты в то время не имели между собой таких различий, как сейчас.

Следствия составления славянского алфавита и перевода на славянский язык книг, как результат просветительско-подвижнической деятельности Кирилла и Мефодия, также далеко выходят за рамки того времени и имеют благотворные и судьбоносные, особенно для русских, итоги. Отметим несколько глобальных по глубине и влиянию на будущее тенденций. Зримым и осязаемым было влияние проделанной работы на распространение православия среди славян. Славянский мир был для Восточной Римской империи варварским, как для Западной Римской империи варварами были многочисленные германские племена и племенные союзы. Варвары-славяне переходили через Дунай и вторгались в империю. Предпри-

¹ Митрополит Макарий. С.189

нимаемые империей попытки остановить их не только мечом, но и проповедью христианства на непонятном для славян языке не были успешными. Такая ситуация существовала не одно столетие, пока славяне не попросили для себя учителей, которые стали возвещать Евангелие на понятном славянам языке. С того времени за несколько десятилетий христианство распространилось среди славян быстрее, чем за несколько предыдущих столетий.

У этого процесса есть еще одна сторона, и как кажется, имеющая провиденциальную составляющую. Славянский перевод священных книг объективно «сработал» на выбор святого Владимира, склонившегося к крещению Руси по православному варианту. Та историческая «развилка» предохранила нас от исламизма и папизма, привязав к православной вере, и дала русскому народу святое религиозное направление на тысячелетие вперед. Вспомним фанатизм последователей ислама в опыте с самим Владимиром. История подводила Русь к этой «развилке» еще не единожды. Судьбоносным для страны было решение Святого Благоверного князя Александра Невского, которого сейчас некоторые не в меру оголтелые западники клянут за выбор пути не в сторону папства, а на союз с Ордой, прозорливо сделавшего этот политический шаг, сохранив православие. Настойчиво Запад со своей очевидной целью «стучался» в ворота православной России в XVI в. Тогда Иван IV с присущей ему твердостью выгнал прельстителя-иезуита как нечестивца. Православная вера привязала нас и внутренним своим достоинством, и внешней своею блестящей одеждою, и тем глаголом, который вещал богооткровенные истины. Заключение в переведенных книгах мудростью питались и утешались сердца и умы неисчислимых поколений.

Сделанное солунскими братьями стало вехой и в истории образования славянского народа. Не будем отрицать, что славяне и прежде были знакомы с просвещением и образованностью, некоторые даже с греческими науками и ученостью. Но это были скорее исключения из общего правила, народ пребывал в плену языческих суеверий и невежества. С переводами божественных книг и отправлением службы народ получил откровение из чистого источника. Он начал просвещаться понятиями о мире, о Боге, о человеке. Истины эти объяснялись на понятном языке и поэтому легко воспринимались. С известной гордостью заметим, что переводы Библии на европейские языки в западных странах появились только в эпоху Рефор-

мации. Наши предки с IX – X веков уже слушали толкования священного писания. Значит, мы были впереди Европы всей не только в области балета, но были на 5-6 столетий впереди Европы в кардинальных позициях, определявших мироощущение. Полтысячелетия нравственного опыта много стоит.

Рисуем утверждать, что истины, прививаемые каждой мудростью, необходимо явились светом, толчком для разума, побуждая его к активности, выводя за пределы, ограждаемые темнотой и суеверием. Показателем этого стали основанные в Болгарии и Моравии училища, как и в других славянских странах. К концу IX и в начале X в. у славян появились ученые мужи, которые переводили для соотечественников полезные и назидательные книги и начали писать свои сочинения на своем языке. Эту мысль несколько торжественно, с религиозным трепетом, но с чувством достоинства и должного наполнения некоторых истин нашим хулителям выразил митрополит Макарий (Булгаков): «Народная письменность у славян зачинается прекрасною зарею в такое время, когда в других, ныне просвещеннейших странах Европы: Англии, Франции, Германии – и мысли о том еще не имели».¹ Работа солунских братьев переводами и проповедничеством способствовала развитию в славянской речи правильного благозвучания и гибкости. Они подготовили язык для выражения мыслей, оставили для последующих писателей достойный образец, которому подражали в других странах и чтут за высокое и сейчас.

Возникает еще одно соображение, навеянное, оценкой величия подвига славянских просветителей... Это соображение касается области пробуждения народного духа, подъема самосознания. Услышав звуки родного слова в стройной и облагороженной речи, обзревая написанное «своими» письменами, поколения одного за другим чувствовали, насколько величественен и прекрасен язык их предков. Написанные священные книги и молитвы, тексты, сочинения, книги пробуждали мысли о родстве и братстве. Последняя мысль крайне важна в наше время, когда деструктивные силы сделали много для подрыва заветного и освященного общим религиозным порывом и общей письменной мудростью единства. Многие русские люди и славяне-соплеменники уже давно чувствовали острую боль и про-

¹ Митрополит Макарий с.192

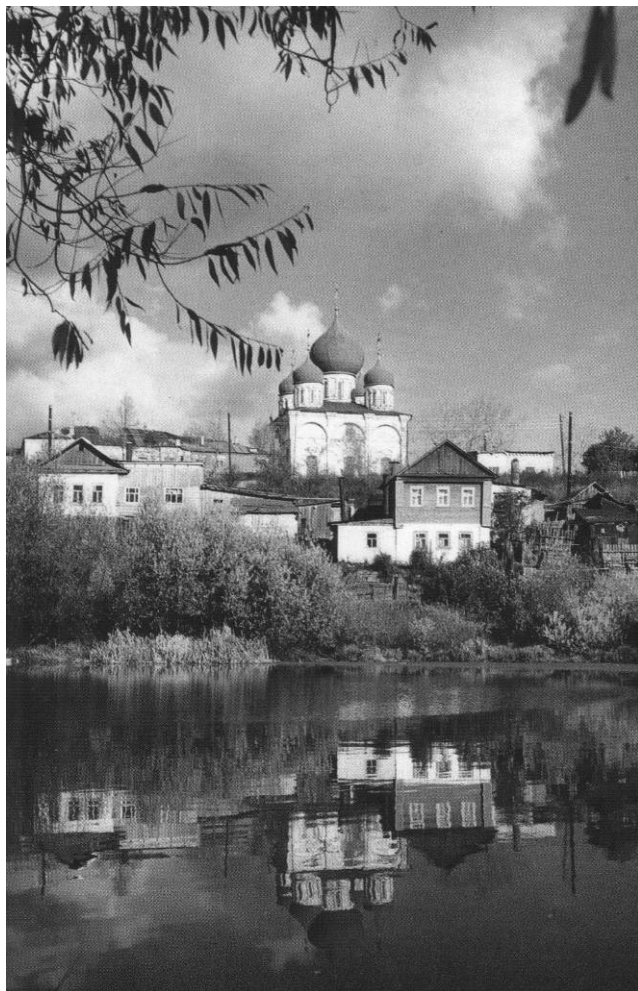
мыслительно говорили о реальной опасности утраты славянского единомыслия и общности. Во второй половине 19 в. об этом пронзительно написал Ф.И. Тютчев:

Хотя враждебно судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!
Вот, вот, что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия
России – не прощают Вас.

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод.
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?
Мы ждем и верим Провиденью –
Ему известны день и час.

Долгим был путь от рисунка, изображавшего зверя, до отдельных считавшихся магическими букв-звуков, комбинации которых, выстроенные по законам разума, воли и чувств, выражают сложнейшие процессы индивидуальной и коллективной воли людей и могут управлять миром. Трудно отрешиться от осознания промыслительной воли, по-своему определившей этот созидательный процесс. Промыслительной же является и логика, объединившая воедино три элемента в этом процессе. Первый из этих элементов – это образование древнерусского государства. Второй – это почти адекватно точные по времени принятие христианства и приобщение Руси к Божественному Откровению. И третий судьбоносный элемент глубинной для России триады – это изобретение славянской азбуки и перевод на славянский язык Священных христианских книг гениями апостольского уровня Кириллом и Мефодием. Состоялся ли бы русский народ без этих сущностных фундаментов? «Русский народ есть основная стихия Евразийской культуры»¹.

¹ Г.В. Вернадский. Начертание русской истории. М. 2002 с.297

***КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ***

МАРГАРИТА АНИКИНА

Выпускница факультета русского языка и литературы АГПИ. Кандидат филологических наук, заведующая музеем истории и кабинетом гайдароведения. Автор монографии «Аркадий Гайдар в критике и литературоведении», а также серии статей по краеведению и истории Арзамасского учительского института.

«БЫТЬ ПО СЕМУ» К 150-летию Арзамасской Екатерининской женской гимназии

Краткая справка: В России до XVIII в. грамотная женщина была редкостью. И только в середине XVIII столетия создаются частные пансионы для девиц из привилегированных сословий. Первое женское учебное заведение – Смольный институт благородных девиц был основан в 1764 году в Петербурге. Институт предназначался для обучения и воспитания девушек из дворянских семей. При Екатерине II для мещанок открываются школы, обучающие главным образом различным ремёслам. Сословный характер женские учебные заведения носили очень долго. Первое в России «всесословное» училище для девушек было открыто в столице в 1853 году. Им стало Мариинское женское училище, в котором «к обучению допускались девицы ...без различия сословий». Всесословными раньше других стали начальные школы, и только в 1858 году объявлены всесословными и средние женские школы Министерства народного просвещения. Среднее образование девушки получали в женских гимназиях, епархиальных училищах, институтах.

В конце прошлого века в России было около 200 женских гимназий, где обучалось чуть более 80 тысяч девушек.

Институтами назывались закрытые средние учебные заведения, в которых по-прежнему обучались «девицы из привилегированных сословий». Подобных заведений было три десятка, причём половина из них – в Москве и Петербурге. Кроме того, открывалось достаточно много специальных учебных заведений для представительниц средних сословий. Как правило, это были различные медицинские и педагогические курсы, художественные училища и различные «профессиональные», «реальные», «ремесленные», «хозяйственные» и прочие школы. В большинстве из них ограничивались обучением традиционным женским занятиям, но были и специальные, вроде телеграфной школы или «курсов для приготовления учительниц гимнастики».

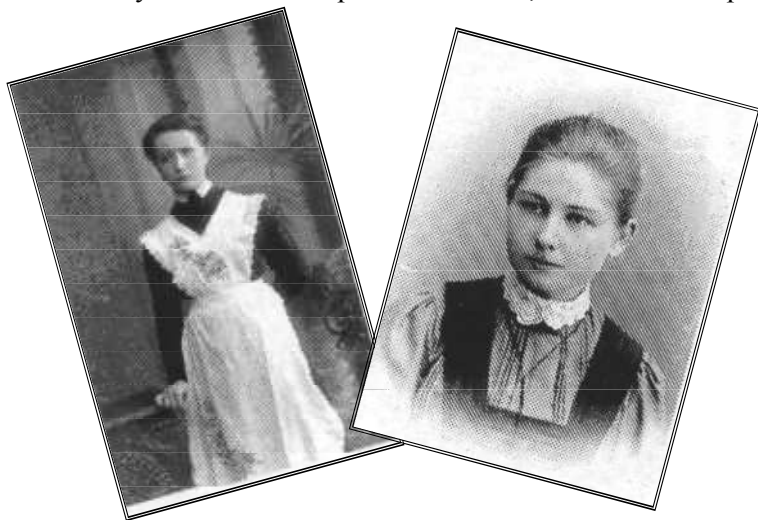

19 ноября 1864 года Александр II утверждает устав гимназии и прогимназии, начертав на нём *«Быть по сему»*, дав жизнь бесконечным параграфам, на долгие годы определившим распорядок русской средней школы.

Одним из первых женских средних учебных заведений в Нижегородской губернии стало Арзамасское Екатерининское училище 2-го разряда, открытое в сентябре 1862 года благодаря посредничеству ардамовского помещика Александра Николаевича Карамзина (сына знаменитого историка) и его жены Натальи Васильевны (урожденной княжны Оболенской). Училище, взятое под покровительство принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским¹ и в память его рано

¹ Принц П.Г. Ольденбургский (1812 – 1881) – генерал от инфантерии, шеф Стародубского кирасирского его имени полка, сенатор, член Государственного Совета и

умершей дочери принцессы Екатерины, названо Екатерининским. В 1872 году Екатерининское училище было преобразовано в прогимназию, размещавшуюся в доме Ханькова по улице Прогонной (ныне улица Советская). В 1897 году для него приобретён собственный дом на Сальниковой улице – деревянное здание, ранее принадлежавшее помещице Полуэктовой. 25 апреля 1901 года, «вследствие преобра-

зования прогимназии в гимназию, произведена закладка каменного для неё здания», рядом с уже существующим деревянным. 23 сентября 1902 г. новое здание было освящено.

По различию предметов и целей обучения, гимназии разделялись на классические и реальные. Классическая гимназия была семи-

председатель департамента гражданских и духовных дел, почётный опекун и председатель С.-П. Опекунского Совета, главный начальник женских учебных заведений Ведомства Императрицы Марии, Попечитель Императорского училища правоведения, почетный член различных учебных и благотворительных обществ, председатель Российского Общества международного права, попечитель Киевского дома презрения бедных, покровитель Глазной лечебницы. Принц Ольденбургский был одним из крупных благотворителей, его средствам и активному попечению были обязаны своим возникновением и развитием: женский институт принцессы Терезии Ольденбургской, детская больница и приют в память Екатерины, Марии и Георгия, Свято-Троицкая община сестёр милосердия, больницы Обуховская, Марининская, Петропавловская, воспитательный дом.

классным учебным заведением с восьмилетним сроком обучения – в последнем классе учились два года. Едва ли не треть времени отводилась «мертвым» языкам – латыни и греческому. Чуть больше половины учебного плана приходилось на занятия языками: русским, французским и немецким, словесностью, историей и географией, оставшееся время было занято математикой, физикой, космографией и прочими науками.

В реальной гимназии, где учились на год меньше, значительно больше времени отводилось математике и физике, преподавалась и химия. Древним языкам реалисты не обучались, но французский и немецкий были обязательными.

Выпускники классической гимназии имели право поступать в университет, причем медалисты принимались вне конкурса. Реалистам же это было позволено лишь в начале XX века и только на естественные факультеты с обязательной досдачей латыни. Желающие обучаться на филологическом или юридическом факультетах сдавали экзамены за весь курс гимназии.

Родители, желающие определить своих дочерей «на учение в гимназию», писали прошение, которое рассматривалось и утверждалось членами педагогического совета.

Из документов архива:

*«Госпоже Начальнице
Арзамасской Екатерининской женской гимназии*

*От инспектора Арзамасской школы ремесленных учеников
Алексея Михайловича Колесникова*

Прошение

Желая определить в Арзамасскую Екатерининскую женскую гимназию *воспитанницу* мою дочь крестьянина Ярославской губернии Анну Чернову родившуюся 14 января 1896 года и до сего времени обучающуюся дома честь имею покорнейше просить ходатайства Вашего пред Педагогическим Советом о зачислении ея в тот класс, в который она по своим познаниям и возрасту может поступить.

При этом прилагаю свидетельства о возрасте и звании и медицинское свидетельство.

(Подпись) А. Колесников

*Местоожительство: Арзамас, Сальниковая улица у ремесленного училища*¹

К этому прошению прилагалось также свидетельство от врача «о привитии оспы» и указывались *обязательства*, которые брали на себя родители будущей ученицы: *одевать* по установленной форме (тёмное шерстяное платье с высоким воротником-стойкой, чёрный фартук – по будням, белый – в праздничные дни); *снабжать* всеми учебными пособиями и вносить плату за обучение²; *гарантировать*, что их дочь (или воспитанница) будет выполнять все распоряжения начальства гимназии³.

Вступительные экзамены в учебное заведение проходили в мае, при обязательном участии комиссии, состоящей из руководства гимназии и педагогического совета.

Долгое время гимназию возглавляла А.М. Матвеева, председателем педагогического совета был И.А. Смирнов (директор Арзамасского реального училища), секретарём П.П. Цыбышев. Основные предметы преподавали (в разное время): Закон Божий – П.И. Введенский, священники – О.Н. Левашов, М.П. Никольский; русский язык и словесность – О.Н. Закс, М.Т. Шилова, З.С. Покровская, математику – Е.И. Южилина, Р.К. Малицкая, М.С. Эпштейн; чистописание – К.В. Лебедева; рисование – Е.А. Юкина; географию – К.И. Калиновский, В.Г. Буренина; естествознание – П.П. Цыбышев; физику – И.П. Иванова; педагогику – Н.А. Сокольский. Обязательным предметом в гимназии считалось и рукоделие, помимо основного аттестата об образовании, преподавателю рукоделия необходимо было иметь свидетельство об окончании специального курса учительниц рукоделия при Обществе распределения практических знаний между образованными женщинами в Москве, либо других специальных курсов.

¹ Государственный архив Нижегородской обл. № 2. г. Арзамас. (ГУ ГАНО № 2. г. Арзамас). – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 6.

² Плата за обучение колебалась в зависимости от нумерации класса: 15 руб. в год в I – IV классах; 30 руб. – в подготовительном и в V – VIII классах. Отдельная плата вносилась за обучение французскому и немецкому языкам (по 10 руб. в год за каждый), а также за обучение музыке и танцам. Девочки из бедных семей учились бесплатно.

³ ГАНО № 2. г. Арзамаса. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 7.

Для гимназисток была установлена шестидневная учебная неделя. Занятия начинались в девять часов с общей «предклассной» утренней молитвы. Каждый урок продолжался один астрономический час. Перерыв между уроками составлял десять минут, большая перемена – тридцать минут. Каждый день, в зависимости от нумерации класса, в среднем было по два-четыре урока¹.

В 8 классе основные предметы преподавались с методиками: Закон Божий с методикой преподавания, педагогика и методика, методики обучения русскому языку и арифметике. Главным в то время считалось религиозно-нравственное воспитание, «без Бога только до порога», – любили говорить благочестивые арзамасцы, поэтому и к преподаванию Закона Божьего относились особо. В воскресные и праздничные дни воспитанницы посещали приходские храмы и ежегодно «говели на первой неделе Великого Поста». Запрещались в учебных заведениях под праздничные и в воскресные дни, в пост спектакли, концерты и тому подобные увеселения. Ученицы, исповедующие другую веру, экзамен по Закону Божьему не сдавали. В книге протоколов за 1908 год имеется следующая запись: «Ученица Шапиро Хаве-Хассе испытанию по Закону Божьему не подвергается, т.к. она иудейского вероисповедания».

Образование в женской гимназии было полным и разносторонним. Методика предметного обучения строилась от простого к сложному. Например, до 3 класса практиковались устные диктанты и сочинения, развивающие самостоятельность, фантазию, речь. С 3 класса начинали писать легкие сочинения описательного и повествовательного характера.

В 1915 году гимназия состояла из подготовительного, восьми «нормальных» и семи параллельных классов. На 1 января 1916 года в ней обучалось 625 учениц.

Сословное деление гимназисток было следующим: детей потомственных дворян – 14, чиновников – 57, лиц духовного звания – 65, почётных граждан и купцов – 36, мещан – 240 и крестьян – 213. Из общего числа учениц – 395 являлись жительницами Арзамаса, 84

¹ГУ ГАНО № 2. г. Арзамас. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 10.

– Арзамасского уезда, 99 гимназисток из других уездов Нижегородской губернии и 47 – из различных губерний России¹.

Преподаватели строго подходили к оценке знаний гимназисток и очень часто выставляли оценки с дробными, что наиболее точно определяло ответ учащихся. Дробные отметки учитывались и при награждении лучших учениц медалями, для получения которых необходимо было иметь следующие баллы по учебным предметам: золотая – средний балл $4 \frac{8}{9}$, серебряная – $4 \frac{2}{9}$; $4 \frac{5}{9}$.

В конце каждого учебного года гимназистки всех классов сдавали переводные экзамены по всем предметам курса, кроме необязательных.

Предложение Министерства народного просвещения от 2 марта 1907 года за № 5970.

Обсуждено и постановлено:

1. *Считать учениц тех классов, где производятся переводные испытания, малоуспевающими, если они имеют более двух неудовлетворительных отметок за год по обязательным учебным предметам, и оставлять таких учениц на повторительный курс в тех же классах.*

2. *Испытания проводить в экзаменационных помещениях, состоящих из 3 лиц каждая: преподавателя или преподавательницы соответствующего предмета, ассистента из учительского персонала, старшего по службе среди членов комиссии.*

3. *Письменные испытания начинать во всех классах с 9 часов утра и исполнение работ назначить для учениц 3-4 классов два часа, а для учениц 5-6 классов – три часа.*

4. *Оценку письменных работ производить таким образом: сначала работа исправляется и оценивается преподавателем, затем ассистентом, наконец, председателем комиссии, по согласованию членов комиссии, а в случае разногласия рассматриваются большинством голосов комиссии.*

5. *Устные испытания производятся в комиссиях преподающими, при чём остальные члены комиссии предлагают вопросы по желанию.*

¹ ГУ ГАНО № 2. г. Арзамас. Отчет Арзамасской Екатеринбургской женской гимназии за 1915 год. – Ф. Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1077. – Л. 323 – 327.

Большую помощь педагогическому совету в решении учебных и воспитательных задач оказывал существовавший в гимназии родительский комитет. Неоднократно комитет обращался к руководству с прошением рассмотреть вопросы, в числе которых были и такие: *«чтобы начальство гимназии:*

- *объявило о воспрещении в учебное время ученицам младших классов, до 4 включительно, посещать танцевальные и семейные вечера в клубе, а ученицам старших классов оставаться на этих вечерах позже 1 часа ночи, причем ученицы старших классов могут посещать эти вечера не иначе, как с родителями, взрослыми родственниками или семьями членов клуба, а те, кои не имеют в городе родственников – не иначе, как с ведома учебного начальства;*

- *приняло возможные и доступные ему меры к тому, чтобы ученицы гимназии гуляли только в определенные часы в зимнее время никак не позднее 8 часов вечера, а после этого времени гуляли бы по улицам города только в сопровождении старших лиц;*

- *каким-либо путём осведомлялось о содержании имеющих даваться в Арзамасских общественных собраниях, клубах спектаклей, предупреждало учениц, на каких они не должны присутствовать;*

- *чтобы, посещая разрешённые спектакли, непременно ученицы имели бы билет и занимали не чужие места, а означенные в билете.*

Следует заметить, что Екатерининская женская гимназия никогда не была в стороне от общественной и культурной жизни не только города, но и России. В «Реестре исходящих бумаг АЕЖГ» имеется запись: *«12 октября 1910 года в комиссию при Боровичской Городской Управе, города Боровичи, Новгородской губернии, на сооружение памятника Генералиссимусу Суворову, от Арзамасской женской гимназии, поступило 2 рубля 50 копеек».*

Знаменательные события отмечались в гимназии особо, составлялись программы празднований специально для старших и младших учениц. В книге протоколов за 1919 год можно ознакомиться с программой праздника, посвященного войне 1812 года:

- *исполнение гимна и кантаты;*
- *очерк о значении событий 1812 года;*

- *рефераты учениц об эпохе отечественной войны по «Войне и миру» Л. Толстого;*
- *чтение отрывка из «Войны и мира», описание Бородинского боя;*
- *чтение стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» в костюмах с декорациями;*
- *чтение о 1812 г. с Волшебным фонарём;*
- *исполнение гимна;*
- *раздача портретов главнейших героев 1812 года;*
- *во время праздника зал должен украшаться портретом Александра I;*
- *экскурсия в Москву для осмотра памятников старины и музея 1812 года.*

По окончании полного курса обучения гимназисткам выдавался аттестат и свидетельство:

- на звание домашней наставницы по определённым предметам (только ученицам, награжденным медалями за семилетний курс гимназии);
- на звание домашней учительницы.

Согласно Положению Министерства народного просвещения «имеют право поступать в частный дом для воспитания детей или в какое-либо учебное заведение только те:

- а) кто закончил полный курс обучения в 7-ми классах женской гимназии;
- б) дополнительный курс 8 класса с указанием звания (домашняя учительница, наставница);
- в) кто заплатил установленный взнос за свидетельство на звание.

«Я РОС В ГОРОДКЕ АРЗАМАСЕ...»

Стоит на бывшей Новоplotинной улице (ныне ул. Горького) небольшой деревянный домик, окружённый густым садовым кустарником. Рядом с многоэтажными зданиями он выглядит робко и потерянно, и кажется, будто из трёх его низеньких окон смотрит на нас усталым взглядом стародавняя арзамасская провинция. На фасаде дома установлена мемориальная доска «Здесь с 1912 по 1918 год жил писатель Аркадий Петрович Гайдар»...

Мемориальный музей А.П. Гайдара

В жизни каждого человека есть уголок, который наиболее близок и дорог сердцу. Для замечательного писателя Аркадия Гайдара таким уголком стал город Арзамас. Неустанно путешествуя из края в край нашей страны, открывая всё новые и новые красоты необъятной Родины, писатель навсегда оставался по-сыновьи преданным этому небольшому старинному русскому городу. Арзамас он всегда считал своей родиной: здесь прошло его беспокойное детство, здесь впервые испытал он муки творчества, отсюда четырнадцатилетним мальчишкой ушёл воевать на гражданскую войну, сюда приезжал уже будучи известным писателем. Его постоянно влекло в родной город, словно на свидание с детством, быстро промелькнувшим, но навсегда оставшимся в памяти.

«Я рос в городке Арзамасе. Там громко гудели колокола тридцати церквей, но не было слышно заводских гудков», – писал Аркадий Гайдар в своей автобиографии.

В Арзамас семья Голиковых приехала из Нижнего Новгорода летом 1912 года, сменив до этого уже несколько мест жительства. Поселились они в доме на бывшей Новоplotинной улице. Интересна судьба этого дома: построен он более 130 лет назад и долгое время им, в числе других построек, владел дворянин П. П. Щербаков. В 1875 году дом поменял своих хозяев и пять лет он являлся собственностью арзамасской мещанки У. С. Соколовой. В 1880 году Соколова обращается к нотариусу В.А. Терновскому с целью оформления акта купли-продажи мещанке А.И. Бабайкиной «собственно принадлежащего двухэтажного деревянного, на каменном фундаменте, с двумя деревянными флигелями и надворными строениями и землёю дом на углу Новой и Новоplotинной улиц». Вводный лист за № 4494 свидетельствует о том, что с 20 августа 1880 года полноправной владелицей дома становится мещанка Бабайкина. Один из флигелей дома и снимает семья Голиковых по приезду в Арзамас.

Фасад флигеля окнами выходил на Новоplotинную улицу, вокруг него была земляная завалинка, укреплённая досками. К нему примыкал большой двор с обширными постройками: сараями, баней, погребом, чуланом и ледником. Вход в дом был через веранду и сени. По лестнице, поставленной в углу сеней, можно попасть на подволоку – чердак, где развешивались на зиму веники, лежали ненужные – авось пригодятся! – вещи. В прихожей стоял большой кованный сундук, в котором хранились наиболее ценные вещи: одежда, ткани, платки. Над сундуком висела медицинская аптечка с разными мазями, склянками с лекарствами, бинтами и нюхательной солью. Вешалка в прихожей сделана руками Петра Исидоровича. *«Отец любил отдохнуть за верстаком. Мастерил он табуретки, скамеечки для ног, полочки для книг и разные мелкие вещи»*¹.

Самой большой комнатой в доме была *гостиная*. За столом, покрытым белой вязаной скатертью собиралось всё многочисленное семейство Голиковых. *«Бывало, в долгие зимние вечера, после того,*

¹ Полякова (Голикова) Н. Наше детство / Жизнь и творчество А.П. Гайдара. – Сост. и общ. ред. Р.И. и В.С. Фраерман. – М.: Детская литература, 1964. – С. 261.

как выучены и проверены родителями уроки, мы часто усаживались за столом, папа сажал младших девочек на колени, мы с Аркадием лепились к нему по бокам, мама, если она не была дежурная, усаживалась тоже возле стола с каким-нибудь рукоделием или штопкой, а старенькая тётя Даша, присаживалась потеплее к печке. Папа часто читал нам вслух интересные книжки: про охотников на диких зверей, про Робинзона Крузо, про реку Нил, в которой водятся страшные крокодилы, или же рассказывал смешные басни, а мы декламировали знакомые нам стишки. Порой мы все пели песни. Отец очень любил «Горные вершины»¹.

На столе в гостиной стоял большой медный самовар по прозвищу «Мокрый» (по названию любимого места отдыха семьи – Мокрого оврага). Летом по воскресеньям в хорошую погоду Голиковы вместе с друзьями и соседями отправлялись на целый день в лес. Обычно, поутру, когда ещё не так жарко, запрягали лошадь, укладывали в телегу большую плетёную корзину с необходимыми для путешествия предметами: самоваром, заварным чайником, коробкой с сахаром и бутербродами; усаживали на телегу маленьких детей с тётушкой и всем шумным «табором» двигались к Мокрому оврагу. Дети постарше вместе с взрослыми шли пешком. Благодаря пылкому воображению Аркадия, знакомая дорога оказывалась необыкновенно интересной. В конце улицы стояли два старых дворянских дома с заколоченными окнами. Подбегая к ним, мальчик уверял друзей, что здесь живут бродяги и разбойники. С замиранием сердца дети заглядывали сквозь щелочки в заброшенные комнаты, но кроме поломанной мебели, ничего и никого не видели. Разочарование приходило ненадолго. Впереди уже сверкала слепящая белизной берёзовая роща, за ней глубокий овраг с крутыми склонами. Сколько радости и веселья доставляли детям эти походы! С каким удовольствием вспоминались они потом в зимние вечера!...

Слева у стены в гостиной стояла фисгармония, старинный музыкальный инструмент, принадлежавший хозяевам дома Бабайкиным. Наталия Аркадьевна не раз играла на нём, разучивая детские

¹ Встречи с прошлым. А.П. Гайдар в воспоминаниях, документах, фотографиях, письмах. Материалы фондов Арзамасского государственного музея А.П. Гайдара. – Арзамас, 1994. – С. 15.

песенки ребят, «озвучивая» спектакли, которые ставились в доме очень часто, особенно в зимнее время – под Новый год и на Рождество. Самыми любимыми были спектакли «Мцыри» по Лермонтову и удивительно добрая и поучительная сказка «Среди цветов». А как забавно изображал Аркадий старого отставного солдата, обучавшего грамоте деревенских ребят: в старой шинели, с большими усами и бородой, он с азартом размахивал указкой и «твердил» своим ученикам: «буки-аз, буки-аз – счастье в грамоте для нас». Но особенно запомнился зрителям спектакль «Мцыри». Распределили роли (Аркадий играл Мцыри), началась репетиция, вдруг заминка: кто же будет играть барса? Ведь в Арзамасе зверинца нет, зоопарка тоже, а без барса какой спектакль? И выход нашли. Решили привлечь к участию в представлении ...соседского кота. Кот, правда, был не пятнистый, а весь рыжий, но что самое главное – огромный и толстый. Во время спектакля коту бросили сырую кость, он рычал от удовольствия, помахивая пушистым хвостом. Ну, совсем как у Лермонтова! Но когда Аркадий задел его тихонько рогатиной, «барс» истошно завыл и вцепился когтями в главного героя. Аркадий чуть не закричал от боли. Очень хотелось отбросить кота, но тогда бы зрители, с таким восторгом наблюдавшие за борьбой Мцыри с разгневанным хищником, конечно, разочаровались и спектакль провалился. Аркадий упал на пол и продолжал «борьбу». Но вот враг стал изнемогать и уже совсем жалобно запищал. Аркадий сжалился и отпустил кота. «Барс» недовольно фыркнул, поднял хвост и удрал, сверкнув зелёными глазами. Главный герой ликовал с гордым видом победителя под восторженные аплодисменты зрителей. Ещё целую неделю он показывал мальчишкам искусанные котом руки и царапины на шее и с пафосом декламировал: «Ты видишь на груди моей следы глубокие когтей...»

В семье Голиковых родители никогда не стесняли детей в подвижных играх и забавах. В доме разрешалось перевернуть всё хоть вверх дном, но при условии, чтобы после игры все вещи были расставлены по своим местам. И это условие выполнялось, как закон.

Спальня родителей была отгорожена от гостиной тонкой перегородкой. Кровать, шкаф для одежды, сверху коробки из-под шляп. На старинном комодике маленькие, изящные, прямоугольной формы, каретные часы. Эти часы, да серебряная чарка из походного сундучка поручика А.Г. Салькова, деда Аркадия, были реликвией всей семьи. У стены стоит швейная машинка марки «Зингер», – не-

пременный атрибут любого дома горожан. Наталия Аркадьевна часто была занята на работе, однако всегда находила время для рукоделия и шитья: вязала салфетки, скатерти, помогала детям мастерить костюмы для представлений и спектаклей. Старшая дочь Наташа, училась в Екатерининской женской гимназии, где одним из основных предметов считалось рукоделие, поэтому мама обучала Наташу шить на машинке, вязать и вышивать.

Следующая комната в доме – *детская*. Книжный шкаф, заполненный книгами: Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Н.В. Гоголь, энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона и мн. др.

«В доме всегда было много книг: они стояли на полках, лежали на столе в спальне, и даже у Аркаши с Талочкой в то время были свои собственные книги с картинками, к которым мама сама сочиняла стихи. Но особенно любил Аркадий листать толстые тома энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. На всю жизнь сохранилась у него потом привычка читать «насквозь» энциклопедические словари».

За письменным столом, что стоит у окна, Аркадий учил уроки, делал торопливые скупые записи в дневнике, мучился над стихотворной строкой. *«Тетради со стихами он носил с собой, в ранце, и иногда читал их на переменах. Выступал Аркадий и на школьных вечерах, хотя больше любил читать в классе. Нам, товарищам, иногда подолгу приходилось упрашивать Аркадия почитать стихи. Он застенчиво улыбался, краснел от смущения, но в конце концов нам почти всегда удавалось его уговорить».*

Он поражал нас своей памятью. Аркадий мог буквально часами читать наизусть целые главы из повестей Гоголя, стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и многих других поэтов»¹.

На столе, кроме книг, лежит перекидной календарь, открытый на страничке 1 августа 1914 года. Эта дата навсегда осталась в памяти Аркаши – начало первой империалистической войны с Германией. Вскоре по мобилизации отца забирают на военную службу. *«Забегал он из казармы прощаться: серая шинель, кованые сапоги... За*

¹ Гольдин А.М. Невыдуманная жизнь. – М.: Детская литература, 1972. – С. 13.

окном трещали барабаны, гремела военная музыка и с маршевой ротой ушёл на вокзал мой отец»¹.

Через месяц после проводов отца Аркадий исчез. Ушёл утром в реальное училище и не вернулся. Дома – переполох, плачет мама, тетушка, сестрёнки. Сообщили в полицию: «Пропал светловолосый мальчик с родинкой за ухом». Наталия Аркадьевна целый день провела в бесплодных поисках. Аркадий за это время прошёл пешком вёрст десять, потом пристроился к обозу, что вёз в соседнюю деревню крикливых гусей. За два последующих дня он прошагал вёрст пятьдесят и наконец, усталый и голодный, добрался до станции Кудьма. Там-то беглец и был «схвачен». В дневнике Аркадий позже написал так: «Когда меня усталого и голодного привели домой, то и на фронт мне уже не хотелось, а сильно хотелось есть. Но самому вернуться было стыдно, да и фронт оказался совсем в другой стороне»².

Над кроватью, что стоит в детской у левой стены, висит географическая карта – это путеводная звезда всех многочисленных путешествий в «дальние страны», игры, в которую так часто любили играть Аркадий и сёстры. Начиналась она так: составляли и связывали стулья в виде паровозика, рассаживались пассажирами, а Аркадий садился всегда во главе «состава» – основного паровоза. Перед тем, как отправиться в очередное путешествие, Аркадий-паровоз, начинал свистеть, пыхтеть, гудеть и тянуть «состав» по комнате, выкрикивая воображаемые города и страны. Приехав в одну из таких стран, сестрёнки слезали со стульев, и тут начиналась всегда разная игра. «Если это был тропический лес, то Аркадий шёл впереди, всё время от чего-то отмахиваясь, как бы раздвигая кусты, распутывая лианы, расчищая путь. Временами он заставлял выше поднимать ноги, чтобы не наступить на змею... А иногда перекинутый через плечо шарф изображал шкуру тигра, пантеры или других знакомых по картинкам зверей»³.

¹ Гайдар А.П. Обыкновенная биография в необыкновенное время. – Собр. соч. в 4 т. М.: Детская литература, – Т. 1. – С. 35.

² Там же. – С. 35.

³ Встречи с прошлым. А.П. Гайдар в воспоминаниях, документах, фотографиях, письмах. Материалы фондов Арзамасского государственного музея А.П. Гайдара. – Арзамас, 1994. – С. 13.

Последняя и самая маленькая комната в доме – кухня. Русская печь, на шестке – глиняные горшки, сковородки, в углу стоят ухваты, кочерга. У окошка медный умывальник, под ним такой же таз на высоких металлических ножках. У стены стоит кухонный стол. Часто Аркадий с товарищами ходил на рыбалку на Сорокинские пруды и приносил много мелкой рыбёшки, из которой тётушка Дарья Алексеевна варила вкусную уху...

В сентябре 1914 года Аркадий Голиков поступил в 1-й класс Арзамасского реального училища, а спустя четыре года, в ноябре 1918 году, в возрасте 14-ти лет ушёл сражаться «за светлое царство социализма»...

«Мама! Прощай, прощай! Уезжаю в группу славного товарища Сиверса, который бьется с белыми войсками корниловцев и календинцев. <...> Голова у меня горячая от радости. Всё, что было раньше, – это пусьтки, а настоящее в жизни только начинается...»¹.

Минули годы. Одной из страниц прошлого стал для арзамасцев и гостей города этот маленький деревянный домик, на входной двери которого когда-то висела металлическая, окрашенная в белый цвет табличка с надписью: «Акушерка Н.А. Голикова»... Он по-прежнему хранит тепло и уют семейного очага, создаёт ощущение присутствия хозяев, только на несколько минут покинувших его стены.

В 1964 году, в канун празднования 60-летия со дня рождения А.П. Гайдара, в доме открылся мемориальный музей.

¹ Гайдар А. Собр. соч. в 4-х т. – М.: Детская литература, 1979. – Т. 1. – С. 159.

«СОСЛАН БЫЛ ПОД НАДЗОР ПОЛИЦИИ...»***К 110-летию арзамасской ссылки А.М. Горького***

*Арзамасские вязы, тополи
Бронзу листьев роняли в грязь.
Здесь мещане к обеду ишлёпали
На кресты всех церквей молясь.
Шли чиновники постнолицы,
Бабы плакали у суда.
Сослан был под надзор полиции
Наш великий земляк сюда.*

Так предельно кратко охарактеризовал данный факт биографии писателя Максима Горького арзамасский поэт А.И. Плотников.

Из предписания жандармского управления по Нижегородской губернии:

«В город Арзамас в скором времени прибудет на жительство состоящий под гласным надзором Алексей Максимов Пешков. По прибытии в г. Арзамас поручаю подчинить его гласному надзору и принять все меры к тому, чтобы при встрече Пешкова не было никаких беспорядков»¹. Предписание датировано 3 мая 1902 года, а спустя два дня, 5 мая «ссылный нижегородский цеховой» прибывает к месту своего назначения². Дорога в поезде заняла около 7 часов. Алексей Максимович потом вспоминал, что это была довольно «скверная дорога».

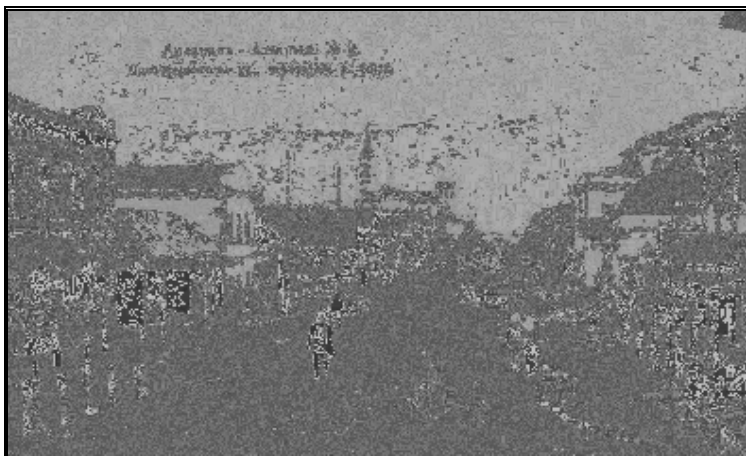
В Арзамасе Горький снимает старинный купеческий дом на улице Сальниковой (ныне К. Маркса). Эта улица, вымощенная известковым бутовым камнем ещё в 1875 году при городском голове Колесове, по праву считалась местными жителями главной улицей

¹ Отношение Нижегородского вице-губернатора в Нижегородское жандармское управление. – См.: Революционный путь Горького. – ГИХЛ, 1933. – С. 60.

² М. Горький, находясь под следствием по делу о распространении воззваний среди сормовских рабочих, был выслан из Н. Новгорода в Арзамас, где провёл четыре месяца – с 5 мая по 3 сентября 1902 года.

города. Широкая, прямая, она оживлялась зелёными массивами садов, в которых, кроме берёз, лип, черёмух, росли плодовые деревья и кустарники.

Дом, в котором поселился писатель со своей семьей, принадлежал Меланье Павловне Подсосовой. Построен он в стиле провинциального ампира, деревянный, на каменном фундаменте, с большими сдвоенными окнами, одноэтажный с улицы, двухэтажный со двора.

«Вот я и в Арзамасе, – писал Горький Пятницкому, – и очень доволен этим. Славный город. 36 церквей и – ни одной библиотеки. По улицам, мощённым огромными обломками каких-то серых скал, ходят свиньи, полицейские и обыватели, ходят медленно, имея вид существ, совершенно лишенных каких-либо активных намерений.

Уличная жизнь очень развита – обыватели бьют жён своих на тротуарах.

Тихо здесь, славно. Окрестности – мне нравятся, широко, гладко. Вообще должен сказать, что, если начальство думало, посылая меня сюда, причинить мне неприятность, – оно ошиблось. Заведу себе на днях стол, начну работать и накоплю здоровья лет на пять.

Квартира хорошая»¹.

«О жителях слышал, что они меня боятся, – сообщает писатель в следующем письме. – О моём появлении говорят так: «Вот не было печали, так черти накачали! Пойдут теперь у нас прокламации с революциями.

Патриархальность здешняя граничит с удивительной тупостью. Нередко группа дам в шляпах и со всеми знаками принадлежности к высокому слою местного общества останавливается на дороге, смотрит в окна и рассуждает: «Какой худой! Страшный. Сразу видно, что за дело его сослали. Сначала я ничего – терплю. Потом спрашиваю: «Сударыни, вам милостыню подать? После этого они уходят...»².

В конце мая возле дома Подсосовой был поставлен полицейский пост. Горький сообщает Леониду Андрееву: «Полиция принимает меня за фальшивого монетчика, и когда я нищему гривенник дам, полицейский, стоящий под окном моим, гривенник-то этот зубом пробует...»

¹ Архив А.М. Горького. Письма к К.П. Пятницкому. – М.: Художественная литература, 1954. – С. 78.

² Там же. – С. 89 – 90.

Несмотря на слежку и придирки полиции, дом писателя всегда был полон гостей. Его доброта и отзывчивость, искренность и гостеприимство, постоянная готовность помочь человеку, душевное радушие, служили как бы мощным светильником, на который слетались многочисленные друзья и знакомые. М.В. Гоппиус, жившая в Арзамасе на одной улице с Горьким, вспоминала: «К нему приходило и приезжало много народа. Приезжая публика была у него от поезда до поезда. Иногда оставались ночевать».

Сам А.М. Горький писал Н.Д. Телешову о своей жизни в Арзамасе: «Снимаю за 35 руб. целый дом. Население в нём на 90% поднадзорное, что крайне волнует местное начальство, не привыкшее, очевидно, к такому обилию неблагонадёжных».

Как позже вспоминала Е.П. Пешкова: «В доме постоянно бывали гости. Под вечер мы часто сидели на крылечке, выходящем во двор. Из открытых окон антресолей неслось пение Л. Сулержицкого или Скитальца, который аккомпанировал себе на гусях».

Перед чаем в 5 часов ходили купаться на речку Тёшу, стараясь не замечать её грязную воду. Иногда по вечерам ходили в городской сад, где играл военный оркестр, смотрели там приезжавших в Арзамас артистов»¹.

В середине июля к Горькому в Арзамас приехал Леонид Андреев с женой Александрой Михайловной. В очерке «Волга и Кама» Андреев юмористически описал поездку из Нижнего в Арзамас по недавно построенной железной дороге: «Поезд из подержанных вагончиков идёт с такой степенной медлительностью, как будто для него не окончательно выяснился вопрос: стоит идти в Арзамас или не стоит... Кругом луга, лес, тишина»². На писателя Арзамас произвёл впечатление глубокого захолустья: «Так же тих и самый Арзамас. Мы ходили по его улицам днём и встречали столько народу, как и ночью, а ночью встречали одних сторожей и городских. Город застывший и тихо стареющий... Церквей в нём 36 (на 12 000 жителей), и все они старье-старые...

¹ Пешкова Е.П. Дом Подсосовых в Арзамасе / А.М. Горький нижегородских лет. Воспоминания. Сост. А.И. Елисеев. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. – С. 142.

² Андреев Л. Волга и Кама / Л. Андреев. Избранное. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1979. – С. 288.

В Арзамасе почти все колокольни имеют часы и, помимо четвертей, некоторые часы отбивают и минуты. Странное получается впечатление! Ночь, тихо умирающий городок, и над ним – каждую минуту – тихий стон колокола. Ещё минута прошла»¹.

1 августа в Арзамас приехал Скиталец (Степан Гаврилович Петров) – один из учеников и друзей Горького. Человек одарённый, обладатель хорошего голоса (он несколько лет был бродячим певцом), знающий народную жизнь, бунтарски настроенный – он вошёл в литературу как автор талантливых стихов и рассказов. Особенную известность принесла ему повесть «Октава», опубликованная при помощи Горького в 1900 году в одном из столичных журналов. Скиталец гостил в Арзамасе недели две. Живя в квартире Горького, он работал над своими сочинениями, а по вечерам часто пел, сопровождая себя на гуслях. Под окнами квартиры всегда собиралась толпа любопытных.

Хорошо пел и другой гость – ялтинский врач А.Н. Алексин, тоже приезжавший навестить Горького². Человек с фигурой медведя, любитель шутки и розыгрыша, Алексин ещё больше оживлял гостеприимный дом Пешковых. «Хорошая душа!» – писал о нём Горький. Сохранился любопытный снимок, относящийся к лету 1902 года. На нём запечатлены А.Н. Алексин, Е.П. Пешкова, В.Н. Кольберг, М. Горький, Ф.И. Владимирский. Все улыбаются и неспроста: Алексин полотенцем, стянутым в петлю, изображает повесившегося татарина...

Тогда же, в августе у Горького жил талантливый художник, ученик Репина, Савелий Абрамович Сорин. Он написал портреты Алексея Максимовича, Екатерины Павловны и Скитальца, а вскоре сделал иллюстрации к некоторым рассказам Горького.

С первых же дней пребывания в Арзамасе Горький приглашал к себе в гости и А.П. Чехова. В письме он шутливо писал в Ялту:

¹ Там же. – С. 289.

² Алексин Александр Николаевич (1863 – 1923) – известный в своё время ялтинский доктор. В первый свой приезд в Ялту Горький познакомился с ним, лечился у него. Алексин стал большим другом писателя, и дружба их продолжалась всю жизнь. В *Архиве Горького* в музее А.М. Горького (Москва) хранятся фотографии и книги с дарственными надписями, одна из них сделана на т. I собр. соч. М. Горького в изд-ве «Знание»: «Другу милому Александру Алесину, души и тела моего лекарю».

«Клятвенно уверяю Вас – здесь во всех отношениях лучше, чем у Вас, только моря нет. Но зато – есть пруды и в них такие лягушки, что диву даешься! Со светлейшего князя Ливена величиной – право!»¹.

Арзамасская ссылка, как бы глубоко отрицательно не влияла на настроение писателя, явилась для него периодом напряжённых творческих исканий и плодотворной работы. В письмах из Арзамаса Горький писал, что Арзамас – «тихий городок и не мешает работать», «живу очень недурно, много работаю». О плодотворной работе Горького говорит и сам факт окончания им в те дни пьесы «На дне». Первый и второй акты пьесы Горький писал в Олеше в период с декабря 1901 по апрель 1902 года. Потом в связи с переездом из Крыма в Н. Новгород и Арзамас в работе над пьесой наступил небольшой перерыв. Но уже 21 мая Горький сообщает Пятницкому: «Начал работать... Теперь я пишу третий акт». 15 июня пьеса была закончена.

10 августа к Горькому в Арзамас приехал В.И. Немирович-Данченко, он гостил у писателя 3 дня. Горький читал пьесу в своём рабочем кабинете.

– Как находите? – спросил в конце Горький застывшего в паузе режиссёра.

В ответ Немирович-Данченко улыбнулся и тихо повторил последние слова пьесы.

– Это участь людей «дна», – заметил автор.

Потом они говорили об исполнителях ролей, о декорациях, костюмах, о фотоснимках ночлежек. Беседа между ними, начатая утром 11 августа, затянулась за полночь 12 августа. «В двенадцать часов, – вспоминал режиссёр, – продолжать нашу, всё ещё неоконченную беседу мы ушли на какую-то пыльную, пустынную площадь, за которой из пустой тёмной рощи мелькали белые кресты кладбища».

Горький остался доволен встречей с Немировичем-Данченко. Он был уверен, что «умница Данченко», как он называл его однажды в письме к Чехову, передаст со сцены образы пьесы в их настоящем

¹ Переписка М. Горького в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 217.

смысле. И он не ошибся. Вскоре после премьеры «На дне» Горький с радостью сообщил Пятницкому: «В.И. Немирович-Данченко – так хорошо растолковал пьесу, так разобрал её – что не пропадает ни одного слова. Игра – поразительна! Москвин, Лужский, Качалов, Станиславский, Книппер, Грибунин – совершили что-то удивительное»¹.

Удовлетворён был встречей с Горьким в Арзамасе и Немирович-Данченко. Он увёз с собой полезные советы автора пьесы по воплощению её образов на сцене.

Любопытно заметить, что источником для создания писателем образов босяков подвала Костылёва служила не только нижегородская «Миллионка». Босяков, нищих ночлежки, костылёвых, он наблюдал и в Арзамасе. Здесь было несколько ночлежек, сотни нищих. Таким образом, арзамасские ночлежки дорисовывали общую типическую картину жизни босяков.

Ещё в процессе работы над пьесой «На дне» в Арзамасе, Горький начинает писать «Дачников». Здесь же была задумана и философско-лирическая поэма «Человек». «Учусь играть на пианино, дабы научиться играть на фисгармонии, – пишет Горький Пятницкому, – уверен, что научусь. Сие мне необходимо, ибо я задумал одноактную пьесу «Человек». Действующие лица – Человек, Природа, Чёрт, Ангел. Это требует музыки, ибо должно быть написано стихами»².

Кроме музыки, Алексей Максимович живо интересовался живописью, архитектурой, высоко ценил работы учеников Арзамасской школы живописи, основанной академиком А.В. Ступиным. Прогуливаясь по городу, писатель с интересом рассматривал роспись Воскресенского собора.

По наблюдениям за арзамасской жизнью Горький написал повесть «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», рассказы «Городок», «Как сложили песню».

Из письма Горького Груздеву (февраль, 1929 г.)³ «У меня где-то есть рассказ «Как сложили песню». Это подлинное описание факта, песню сложила в Арзамасе прислуга моего соседа председателя

¹ Архив А.М. Горького. Письма к К.П. Пятницкому. – М.: Художественная литература, 1954. – С. 107.

² Там же. – С. 95.

³ Груздев Илья Александрович (1892 – 1960) – критик и литературовед, биограф и редактор произведений Горького.

земской управы Хотяинцева».

Действие рассказа относится к лету 1902 года – периоду жизни автора в Арзамасе. В рассказе рисуется подлинно арзамасский пейзаж: пруд с квакавшими в нём лягушками «за садом нашей улицы», колокольный звон, который «назойливо плетётся в жаркой тишине», поля за рекой Тёшей. Пруд, некогда вырытый на месте пересохшего русла оврага «Сорока», он как раз находился против дома, в котором жил Горький. Его было видно из окон квартиры писателя. Соседом Горького действительно был земский начальник Хотяинцев, занимавший большой деревянный дом слева. На этой фактической основе Горький и развернул в рассказе типическую картину творческого рождения песни в устах простого народа.

Две женщины-подруги – Устинья и Мария, – жившие по соседству в прислугах, вышли в свободный час под окна дома и, сидя на лавочке, с грустью вспоминали родных в деревне с их постоянной нуждой, а потом в тон настроению запели песню, поочерёдно сочиня её куплеты...

В двадцатых числах августа Горькому сообщают, что он освобожден от особого надзора полиции ввиду прекращения дела. «Мне объявили о прекращении дела. Стало быть, и о прекращении всяких ограничений, – если рассуждать по законам. Но – законы не в фаворе. Увидим, что будет»¹. Это из письма Пятницкому, датированному 25 августа. А 3 сентября 1902 года писатель навсегда покидает Арзамас.

«Провижу в будущем тихоходов-арзамасцев смятенными и быстро бегающими по улицам города, <...> ищущими ту точку опоры, с коей они могли бы перевернуть вверх тормашками всю систему жизни своей»².

¹ Архив А.М. Горького. Письма к К.П. Пятницкому. – М.: Художественная литература, 1954. – С. 97.

² Там же. – С. 80.

Музей М. Горького. Гостиная и кабинет писателя

Насколько же пророческими оказались слова писателя, сказанные более ста лет назад!

Нет больше «Арзамаса старого» с его невежеством, отсталостью и косностью. Город сегодня – один из крупнейших промышленных, культурных и научных центров Нижегородчины. А в память о великом писателе в Арзамасе его именем названа одна из улиц в старом центре города (бывш. ул. Новоплотинная). При пересечении улицы Горького с Первомайской и Советской разбит небольшой горьковский сквер с памятником, созданным арзамасским скульптором М.М. Лимоновым. В 1982 году в Арзамасе открылся литературно-мемориальный музей, в котором, благодаря воспоминаниям Е.П. Пешковой, воссоздана подлинная обстановка дома периода арзамасской ссылки М. Горького¹.

¹ Е.П. Пешкова приезжала в Арзамас 21 апреля 1958 года в качестве почётного гостя горьковской конференции. Тогда же была записана и беседа с ней на их бывшей съёмной квартире (воспоминания опубликованы в сб. А.М. Горький нижегородских лет. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978). Отличная память Екатерины Павловны запечатлела даже цвет обоев и занавесок в каждой комнате, вид и расстановку мебели и пр. В заключение своего рассказа Е.П. отметила, что «приятно было побывать в этом доме и вспомнить время ссылки Алексея Максимовича в Арзамасе...».

СВЕТЛАНА СКРЯБИНА

Родилась 11.07.1975 г. в г. Арзамасе. Окончила историко - филологический факультет АГПИ, аспирантуру МПГУ по кафедре русской литературы XX в. Кандидат филологических наук, есениновед. С 2007 г. работает в историко-художественном музее г. Арзамаса в должности научного сотрудника. Является автором ряда научных статей, посвященных исследованию музейных коллекций золотной вышивки, деревянной резьбы, облачения церковно- и священнослужителей г. Арзамаса, обуви к. 19 - начала 20 века.

ИСКУСНЫХ РУК ЧУДЕСНОЕ ТВОРЕНЬЕ... (ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ МОНАХИНЬ И ПОСЛУШНИЦ АРЗАМАССКИХ МОНАСТЫРЕЙ)

Культура Арзамаса - прежде всего православная культура. Город зародился как база распространения христианства и укрепления власти Московского государства. В нем было два женских монастыря - Николаевский (образован в 1580 году) и Алексеевский (образован в 1634 г.), среди монахинь и послушниц которых было много мастериц-золотошвей.

В фондах Арзамасского историко-художественного музея хранится немногочисленная (около 100 предметов), но интересная по своему составу коллекция золотного шитья, выполненного руками сестер Алексеевской и Николаевской общин, а также светских мастериц города Арзамаса и окрестных сел. Сотрудниками музея несколько десятилетий ведется работа по пополнению и изучению коллекции. Так, в 1990-х годах Н. А. Спирина¹

¹Спирина Н.А. Обзор коллекции золотного шитья Арзамасского историко-художественного музея. На правах рукописи. - Арзамас, 1994.;

посвятила этой теме глубокое и интересное исследование, а Т. М. Ильченко затронула ее в своей статье, посвященной истории Алексеевского монастыря¹. Данная тематика отражена также в работах арзамасских краеведов и историков П.В. Еремеева², А.С. Петряшина³ и других. Многие показательные факты, характеризующие в целом развитие золотного рукоделия арзамасских мастериц, описаны в работах этих и других исследователей.

При этом нельзя не отметить, что документы, содержащиеся в фондах Государственного архива Нижегородской области г. Арзамаса⁴, исследованы явно недостаточно, а между тем в них содержатся любопытные детали, обойденные вниманием историков, но важные для воссоздания полной картины развития золотной вышивки в женских монастырях нашего города. Книги прихода и расхода, описи имущества монастырских церквей, а также другие документы Николаевского и Алексеевского монастырей, счета за золотошвейные материалы, расписки в получении материалов для золотной вышивки и записи об уплате тех или иных сумм мос-

ковским фабрикам и заводам условия и процесс изготовления золотошвейных изделий. Большой интерес для исследования представляют также архивные документы, отражающие хозяйственную деятельность мужских монастырей г. Арзамаса, и прежде всего Спасо-Преображенского, так как они также содержат сведения о том, какие предметы, украшенные золотной вышивкой и в каком количестве,

1Ильченко Т.М. Разоренная обитель // Арзамасская правда. 1991. 28 ноября. С. 2-3

2Еремеев П.В. Арзамасские мастера. - Н.Новгород, 1992 г.

3Петряшин А. С. Арзамасские монастыри. - Арзамас, 2003 г.

4Здесь и далее: ГАНО г. Арзамас

были изготовлены монахинями Арзамаса для монастыря.

Как известно, золотное шитье представляет собой декоративную орнаментальную вышивку металлическими позолоченными и серебряными нитями. Средоточие золотошвейного искусства в Арзамасе и Арзамасском уезде были, разумеется, монастырские мастерские, откуда и распространялось искусство золотной вышивки.

Монахини вышивали не только церковное облачение, оклады к иконам, элементы церковного убранства, но и светские наряды: головные уборы, оплечья, передники, рубахи, сарафаны и т.д., а кроме того, обучали сложной и дорогостоящей технике рукодельниц города и близлежащих сел.

Именно монастыри закупали дорогостоящие материалы для золотной вышивки, которые затем могли приобрести у них светские мастерицы - ткани, золотную нить, бисер, блестки, бить, канитель, тесьму, витейку. Распоряжалась золотошвейным материалом старшая среди сестер-золотошвей, она хранила его, выдавала сестрам для работы, определяла, сколько необходимо приобрести золотной нити, бахромы, канители для работы, и направляла заказ к настоятельнице монастыря.¹

Если предстояла длительная работа над крупным изделием, старшая золотошвея заранее рассчитывала потребность в золотошвейном материале, который закупали в нужном количестве. Например, в конце 1899 года мастерицы Николаевского женского монастыря получили заказ из Вятки на изготовление плащаницы. Уже в январе 1900-го года монастырь приобрел золотошвейных материалов, предназначенных для плащаницы, на общую сумму в 178 рублей. При этом изготовление плащаницы продолжалось до октября

1900-го года.¹

В Москве существовал торговый дом золотошвейных материалов братьев Вишняковых, который стал постоянным поставщиком Николаевского женского монастыря². В архивах сохранились изящно оформленные счета, которые купец присылал в монастырь для оплаты. В качестве примера приведем счет от 1903 года:

«Счет от Московского Товарищества Торговли и Золотоканительного производства Соединенных фабрик «Владимир Алексеев» и «П. Вишняков и А. Шамшин» (...)

послано почтою для
Игумении Евфросинии:

Бахромы серебряной
вязальной - 8 аршин на 16, 80
руб.

Кисти - 4 шт. - 8,40 руб.

Блесток $\frac{1}{4}$ - на 8, 00
руб.

Серебряной ните-
бумажной бахромы - на 2,30
руб.

Треблик пришивной -
15 на 6, 90 руб.

карточный -
на 13, 30 руб.

Дублик - на 11,80 руб.

Грани - на 12, 50 руб.»³

В счет включали и почтовые расходы - 2-5 копеек. Нужно отметить, что монастырь как правило получал существенную скидку на блески, серебряную бахрому, картон и др. - от 20 до 40-50 %.⁴

Товары традиционно приобретали на Макарьевской ярмарке, куда Вишняков приезжал торговать, а позднее стали выписывать по почте. При этом, как свидетельствуют записи в монастырских кни-

¹ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 50, л. 5-40

²ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 14, л. 2

³ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 52, л. 6

⁴ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 52, л. 6

гах прихода и расхода, дорогой золотошвейный товар нередко брали в долг, иногда расплачивались по частям, по мере поступления оплаты за работу от заказчиков, которая тоже могла предполагать рассрочку на все время выполнения заказа. Так, плащаницу для заказчиков из Вятки изготавливали в течение 9 месяцев и оплата за нее поступала частями; частями же монастырь отправлял в Москву деньги за купленные для этой плащаницы материалы.

Деньги за приобретенные золотошвейные материалы передавали с оказией, через арзамасских купцов, отправлявшихся в Москву. Так, в 1858 году в книге прихода и расхода монастыря имеются записи такого рода: «через арзамасского купца Хитрова купцу Вишнякову в Москве уплачено 200 рублей за золотошвейный материал»¹.

Проанализировав информацию, указанную на этих счетах, можно убедиться, что золотоканительная промышленность и торговля развивалась достаточно активно: в 1858 году действует завод братьев Вишняковых и лавка «Торговый дом братьев Ивана и Семена Вишняковых»; к 1900-му году появляется «фабрика господина Алексеева», при этом наследник братьев Вишняковых П. Вишняков уже начальник правления «Московского товарищества торговли и золотоканительного производства соединенных фабрик «Владимир Алексеев» и «П. Вишняков», а в 1907 году к Товариществу присоединилась и фабрика А. Шамшина; можно заметить также, что в середине 19 века в лавке появился те-

¹ ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 14, л. 11

лефон, номер которого стали указывать на документах, и что к концу 19 века из четырехзначного он превратился в пятизначный. 1

Золотная вышивка требовала достойного фона, поэтому в качестве основы для вышивки брали самые дорогие ткани нарядных тонов: парчу, бархат, яркий шелк, кисею. Для золотошвейных работ приобретали дорогие ткани на Макарьевской ярмарке. 2

Тесьма «Бородка», фрагмент

Вышивали так называемой золотой нитью - металлической нитью, покрытой тонким слоем сусального золота, или серебряной нитью. Арзамасские мастерицы шили в технике в прикреп по карте - специальной подложке, имеющей форму вышиваемого орнамента, на которую сверху ровно, в несколько рядов наматывали золотную нить. В результате рельеф вышивки получался высоким. Готовый орнамент пришивали к ткани мелкими стежками тонкой шелковой, льняной или хлопчатобумажной нитью. Цвет нити-прикрепа мог быть разным в зависимости от художественной задачи: в тон вышивке или контрастным. На рисунке представлены несколько цветовых решений прикрепа - как можно заметить, оттенок нити-прикрепа во многом влияет на общий цветовой тон всего издания, меняет его

1 ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп.1, д. 52, л. 6

2 ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 50, л. 14

восприятие.

Золотошвейная работа требовала особой чистоты и тщательности и была не скорой.

Так, монастырские книги сохранили записи о том, что работа над плащаницей, заказанной из Вятки, длилась около 9 месяцев, с января по октябрь; соответственно частями шла оплата от заказчиков: в феврале получено 100 рублей, в августе - 100 рублей, и в сентябре «присланы из Вятки остальные за плащаницу, вышитую золотом, 50 рублей»¹. При этом мастерицы постоянно выполняли многочисленные, более мелкие заказы для церквей и монастырей Арзамаса и Арзамасского уезда. Работа была индивидуальной, иначе говоря, каждая мастерица выполняла изделие от начала до конца. Это не касалось таких крупных изделий, как, скажем, плащаницы - над ними могли одновременно трудиться все мастерицы монастыря.

У каждой золотошвейки был свой «почерк», свой индивидуальный художественный стиль, который проявлялся в вариативности основного орнамента, специфике использования типа ткани-основы, ее цвета и рисунка, в выборе тех или иных дополнительных украшений (канитель, блески, тесьма, самоцветные камни и т.д.), их количеству, расположению на рисунке и т.д. Наконец, существовало большое количество способов прикрепа: как цветовой оттенок хлопчатобумажной нити для прикрепа, так и особенности шва-прикрепа несли дополнительную эстетическую нагрузку. Как известно, отличительная черта арзамасской золотой вышивки - изобретение здешних мастериц - шнурвитейка. При этом единый стиль вышивки гарантировался использованием типичных орнаментов, стандартных «карт» для изготовления вышивки.

¹ ГАНУ г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1., д. 50, л. 5-40

Заказы на изготовление изделий разной стоимости и разной степени сложности шли со всех концов страны, как от монастырей, так и от частных лиц. В монастырских Книгах прихода и расхода, например, есть записи такого рода:

Повязка девичья, конец XIX века

«Прислано из Симбирска от Черноусовой за воздухи, вышитые золотом, 25 рублей»¹; «за плащаницу из села Кухарки Вятской губернии - 103 рубля»², и т.д. За шитую золотом плащаницу в те годы монастырь получал в среднем 200-300 рублей серебром, за воздух - 50-70 рублей.³ Ежегодный доход Николаевского монастыря от золотошвейных работ составлял в конце 19 века около 1000 рублей в год - примерно четверть общего дохода⁴. И не случайно в списке «способов содержания» Алексеевской женской общины за 1866 год первым пунктом указано «шитье золотом и серебром плащаниц, риз и всякого рода церковных вещей»⁵.

¹ ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 60, л. 42

² ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 50, л. 95

³ ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 50, л. 5-40.

⁴ ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 52, л. 2-56

⁵ ГАНО г. Арзамас, Ф. 11, оп. 38, д. 1, л. 38

Далеко не все монахини допускались к золотному ремеслу, это послушание было элитным. Так, в 1907 году среди монахинь Николаевского женского монастыря всего семеро «ходили золотошвейное послушание», в то время как общее число монахинь и послушниц составляло более 4001.

Оплечье, фрагмент

Искусство золотного мастерства монахинь Николаевского и Алексеевского монастырей славилось по всей России. Павел Иванович Мельников-Печерский отмечал в 1838 году, что рукоделия в Алексеевской общине, «особенно вышивание золотом, доведено до возможного совершенства», и работа сестер Николаевской обители «по чистоте своей, высоко ценится покупателями».

В 1885 году игуменья Николаевского женского монастыря Паисия за золотные изделия монахинь, представленные на Нижегородской Кустарно-промышленной выставке, признана достойной за вышитый платок – почетного отзыва, за шитые туфли – бронзовой медали. Вещи эти были преподнесены царской семье, которая с бла-

годарностью приняла их от монастыря.

Искусство золотошвей Алексеевского монастыря также высоко ценилось. Как отмечено в «Историческом описании Алексеевской женской общины за 1866 год», «из рукоделий в общине особенно замечательно и наиболее развито шитье золотых и серебряных плащаниц, облачений и других церковно-богослужебных вещей и отделка и украшение образов золотым шитье, жемчугом, фольгой и цветами.

Стихарь, XIX век

За вышивку плащаницы и хоругвей в Храм Христа Спасителя в Москве¹ начальница общины Евгения Страгородская была награждена золотой на Александровской ленте медалью, выпущенной в память освящения храма, а старшая золотошвея - серебряной медалью². В 1900 году за свои золотошвейные работы, выставленные в кустарном отделе международной выставки, мастерицы Алексеевского монастыря получили гран-при³. В 1907 году за мастерство зо-

¹ГАНО г. Арзамас, Ф. 11, оп. 1, д. 136, л. 59

²ГАНО г. Арзамас, Ф. 11, оп. 1, д. 136, л. 60

³Ильченко Т.М. Разоренная обитель // Арзамасская правда. 1991. 28 ноября. С. 2

лотошвей монастыря игуменья Евфросинья «всемиловнейше жалована золотым наперстным крестом из кабинета Его Императорского Величества»¹.

Воздух, XIX век

Как отмечает П.В. Еремеев, имена многих мастериц-золотошвей сохранились, так как по монастырскому уставу за сестрами сохранялись мирские имена². Например, среди 217 монахинь и 185 послушниц Николаевского женского монастыря лишь семеро «ходили золотошвейное послушание», как отмечено в монастырских Ведомостях за 1874 год:

«Илария, 60 лет. Девица духовного звания. Весьма хороших качеств, трудолюбивая.

Валерия, Ямской слободы крестьянка. Умеет читать. Очень хороших качеств.

Евсевия (Евпраксия Васильева), 43 года. Умеет читать и писать, духовного звания, Ямской Слободы.

Ангелина (Анна Петрова), 42 года, из Вятской губернии

Предислава (Анастасия Васильева), 36 лет, мещанка села Троицкое Княгининского уезда

¹ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, оп. 1, д. 50, л.95

²Еремеев П.В. Арзамасские мастера. - Н.Новгород, 1992, с.238

Анемаиса (Елизавета Алексеева), 31 года, духовного звания, с. Русское Княгининского уезда».1

Женский головной убор «сорока», шитьё «вллом»

Необходимо отметить, что все золотошвеи характеризуются как монахини «хороших качеств» или «очень хороших качеств», как отличающиеся трудолюбием, и что показательно - почти все они умеют читать или писать, а некоторые и то, и другое. По тем временам грамотность - весьма прогрессивная черта, особенно если учесть что большинство монахинь - крестьянского или мещанского сословия. Нужно отметить, что при составлении краткой характеристики на монахиню ее личные качества оценивались беспристрастно и весьма объективно. В «Ведомостях» очень часто можно встретить такие нелюбимые характеристики некоторых монахинь, как «к послушаниям неспособна по ленивости духа», «непокорная, неспособная к послушаниям», «слаба духом» и т.д.2 . Монахини-золотошвеи выгодно отличаются в этом отношении.

1ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, Оп. 1, Д. 50, Лл. 2-16

2ГАНО г. Арзамас, Ф. 32, Оп. 1, Д. 50, Лл. 2-16

Многие имена монастырских золотошвей на слуху у арзамасцев. Так, сохранились сведения о том, что до 1878 года старшей в золотошвейной келье была будущая игуменья Евгения Ивановна Страгородская, а после ее избрания сестрой-казначеей на это место «определена купеческая дочь Евдокия Николаевна Бебешина»¹.

Кокосник

Известна в нашем городе и фамилия другой золотошвей - Александры Петровны Подсосовой, женщины с трагичной судьбой. Ее история неоднократно описана в работах арзамасских краеведов². Дочь богатого и влиятельного арзамасского купца П.И. Подсосова, она полюбила простого приказчика, и не получила позволения отца на этот брак. Влюбленные поклялись хранить верность друг другу и приняли постриг - Александра Ивановна в Алексеевском монастыре, а ее любимый в Саровской пустыни.

П. И. Подсосов тяжело переживал уход дочери в монастырь, и осознавая свою вину в этом, много жертвовал монастырю денег, золота, драгоценностей, дорогих тканей. В монастырских книгах имеются записи о регулярных пожертвованиях, поступавших от этой семьи.

¹ГАНО г. Арзамас, Ф. 11, оп. 1, д. 136, л.

²Еремеев П., Петряшин А.

Так за период с июня по ноябрь 1849 года Подсосовы передали в Алексеевский монастырь около 400 рублей - деньги по тем временам немалые¹. Александра Петровна стала золотошвейей и изготовила многочисленные предметы церковного обихода, плащаницы, облачение. Среди ее работ - чудотворная икона Казанской Божьей матери, украшенная золотой вышивкой и драгоценными камнями, которая и по сей день хранится в Арзамасском Воскресенском соборе².

Повойник, шитьё «на проём»

Золотошвейная работа общины настолько развита, что она получает заказы не только из разных концов европейской России, но и из Сибири; были заказы из-за границы: из Молдавии, Греции, Константинополя, Иерусалима³ Разумеется, храмы и монастыри Аразамаса пользовались услугами мастериц-золотошвей особенно часто. Известно, что монахини шили облачение арзамасским церковно- и священнослужителям, изготавливали церковную утварь, а также при необходимости вышивали их золотом. В церковных книгах тех лет

¹ГАНО г. Арзамас, Ф. 31, оп. 1, д. 75, л.1

²Петряшин А. С. Арзамасские монастыри. - Арзамас, 2003 г. С. 150-151

³ГАНО г. Арзамас, Ф. 11, оп. 1, д. 128, л. 8

можно встретить записи о том, например, что мастерицы Алексеевской или Николаевской общины изготовили и вышили новые парчовые ризы, стихари, епитрахили, поручи, орари, воздухи. 1

Женский головной убор «сборник»

В документах имеются сведения о том, что монахини Николаевского монастыря изготовили для Спасо-Преображенского мужского монастыря уникальную архимандрическую шапку, представлявшую собой одну из главных монастырских ценностей. Шапка была перешита из пришедшей в негодность праздничной ризы из «позолоченной парчи с серебряными большими травами»². Свидетельство этому находим в книге записи приходов и расходов Спасо-Преображенского мужского монастыря: «выдано Арзамасского Николаевского девичьего монастыря игумении Евсевии за устройство ею архимандрической ... шапки из всех ее материалов ... 200 рублей»³.

Баснословная по тем времена стоимость золотого головного убора объясняет тот факт, что после революции шапка бесследно исчезла. Однако сохранилось ее описание: она была искусно вышита

1 ГАНО г. Арзамас, Ф 31, оп. 1, д. 60, л. 8

2 ГАНО г. Арзамас, Ф.31, оп.1, д.52, л.14

3 ГАНО г. Арзамас, Ф. 31, оп. 1, д. 38, л. 6

«по малиновому бархату золотом и половинчатыми зернами с золотой бахромой» и украшена девятью серебряными образами с позолотой, а также восемью серебряными с позолотой изображениями херувимов»¹. Риза была унизана жемчугом, который и перенесли на шапку. Как указано в церковных документах, на архимандритской шапке было всего 850 зерен жемчуга, среди них «камней больших и малых - 45, в том числе 6 бирюзов, половинок - 123». Шапку украшал образ Спасителя, под которым было пришито 19 жемчужин.²

Пояс женский

Говоря об оформлении облачения священнослужителей, нужно иметь в виду, что подбирались преимущественно те материалы и техники, которые могли подчеркнуть величие и великолепие православного богослужения. В результате одевания церковнослужителей становились почти предметами искусства, значимой частью в литургическом православном богослужении, в котором, как известно, упор делался на синтез, соработание разных средств эмоционально-образного воздействия на участников литургии – и свет, и звук, и ароматы, и «услаждение взоров». Ризы шили из благородных тканей - шелка, бархата, парчи и т.д. Такие ткани приобретали в лавке арза-

¹ ГАНО г. Арзамас, Ф. 31, оп. 1, д. 38, л. 6

² ГАНО г. Арзамас, Ф.31, оп.1., д.52, л.14

масского купца Ивана Михайловича Сухарева. 1 В облачении церковнослужителей Арзамасского уезда золотная вышивка чаще всего встречается на головных уборах, а также в виде аппликаций, выполненных в прикреп по карте, обычно в виде стилизованного креста – были распространены несколько вариантов таких крестов.

Передник

Золотная вышивка несла не только эстетическую функцию, улаждая взоры, но и идеологическую, подчеркивая роскошь церковного облачения, а также обозначала собой один из важнейших символов православной эстетики. Металлизированные нити золотистого и серебристого цвета на желтом, оранжевом или темно-синем фоне создавали эффект ассиста – имитацию тонких лучей света, символизовавших Славу Божию, напоминая о том духовном состоянии, к которому должны стремиться все чающие спасения в Боге. Ассист в церковном обиходе создавался и на иконах и фресках с помощью красок, и на одежде священников посредством тканей и украшений, и на позолоченных иконостасах, которые украшали тонкой орнаментальной резьбой. Этой же цели служила и золотная вышивка. В мо-

настырской среде была хорошо развита и вышивка икон¹.

Золотная вышивка также активно использовалась при украшении других предметов церковной атрибутики: покровцы и воздухи, оклады к иконам, покрывала на престол, украшения к Евангелиям.

Так, в «Летописи» Алексеевского монастыря за 1867 год находим запись о том, что «мая 24 окончена и возложена на образ Божией матери Скоропослушницы риза, шитая золотом, на каковое украшение пожертвовано (жителями города - С.С.) 300 рублей серебром и камнями. Убрус низан бусами»²

Как указывает П.В. Еремеев, монахини вышивали также и светские наряды - прежде всего головные уборы и различные атрибуты женского крестьянского праздничного костюма³. В фондах музея хранятся праздничные женские головные уборы, богато украшенные золотной вышивкой. Это шапочки-сороки, повойники и сборники, ленки, кокошники, а также платки-«головки». Орнамент золотной вышивки, которой украшены эти шапочки, содержит характерные для монастырской вышивки мотивы: это узоры растительного характера, напоминающие травы и цветы, которые можно увидеть в среднерусской природе.

В Нижегородской губернии были распространены кокошники с овальной лопастью надо лбом, по очертаниям напоминающей лопату. Отсюда и название кокошника - лопата. Узор вышивки представляет собой симметричный гибкий куст, на плавных стеблях которого расцветают фантастические пышные цветы. Известны два вида золотной вышивки «вллом», когда гибкие растительные побеги равномерно заполняют собой всю декоративную плоскость, и «на проем», когда ткань хорошо просматривалась сквозь вышивку⁴.

Сверкающими узорами расшивали женский праздничный костюм. Украшением костюма являются и такие предметы музейной коллекции, как пояса, оплечья рубах, передники. Использовалась золотная тесьма, которая могла быть разнообразной, в том числе и тесьма с бахромой - «бородка», которую могли носить как самостоя-

1 Еремеев П.В. Арзамасские мастера. - Н.Новгород, 1992, с.239

2 ГАНО г. Арзамас, Ф. 31, оп. 1, д. 136, л. 42

3 Еремеев П.В. Арзамасские мастера. - Н.Новгород, 1992, с.2389

4 Спирина Н.А. Обзор коллекции золотного шитья Арзамасского историко-художественного музея. На правах рукописи. - Арзамас, 1994

тельное украшение, например вместо бус или как декоративную отделку шитым золотом нарядов¹.

Образцы крестьянских нарядов и головных уборов, священнического облачения и церковной атрибутики, имеющиеся в фондах музея, дают представление о развитии русского декоративно-прикладного искусства в Арзамасе и Арзамасском уезде, в частности золотной вышивки.

Итак, очевидно, что Николаевский и Алексеевский женские монастыри были центрами изящного золотного ремесла в нашем городе. Анализ архивных документов позволяет говорить о наличии в монастырях организованных мастерских, которые располагались в специально отведенных кельях. Работа мастериц была хорошо организована, труд был определенным образом регламентирован, регулярная закупка материалов и обеспечение монастыря постоянными заказами хорошо налажены. Среди мастериц существовала своего рода иерархия, которая отражала степень мастерства и уровень опыта золотошвей. Относительно золотошвейного дела в каждом монастыре велась четкая бухгалтерия, дающая представление о затратах на материалы и доходах, полученных как за выполнение крупных изделий, так и многочисленных более мелких. Данные такого рода содержатся в монастырских книгах прихода и расхода. Золотные мастерские были одним из главных источников дохода от монастырских рукоделий.

При этом роль Николаевского и Алексеевского женских монастырей в развитии золотошвейного искусства в Арзамасском уезде трудно переоценить. Именно монастыри создали и укрепили традицию золотной вышивки в городе и уезде, в монастырях обучились десятки искусных мастериц, руками которых созданы прекрасные образцы золотной вышивки.

¹Спирина Н.А. Обзор коллекции золотного шитья Арзамасского историко-художественного музея. На правах рукописи. - Арзамас, 1994

СВЕТЛАНА КАЗНИНА

*хранитель фондов
МБУК «Центр ре-
месел Арзамасского
района»*

ИЗ АРЗАМАССКОГО ОКРУЖЕНИЯ А.М. ГОРЬКОГО – САПОЖНИК А.П. ЗАБРОДИН

«**Е**сть здесь очень интересный поп и – сапожник. Сей последний - кривой на один глаз, занимается астрономией, берет уроки математики у профессора Костерина, живущего здесь, и мечтает о телескопе. Есть и другие сапожники, более земноводные и не менее интересные.»¹

Так о новом знакомом пишет в письме Алексей Максимович Горький своему другу К.П. Пятницкому из Арзамаса, куда прибыл как политический ссыльный 5 мая 1902 года из Нижнего Новгорода.

Человека, которого Горький не мог не упомянуть в своем письме, звали Алексей Петрович Забродин. Он был родом из Выездной Слободы, славившейся своими сапожниками. Село находится вблизи г. Арзамаса и отделяется от него рекой Тешей. Выездная Слобода возникла более 500 лет тому назад. Предание гласит «что

¹ [Письмо к К.П. Пятницкому от 20 или 21 июня [3 или 4 июля] 1902, Арзамас] // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. - 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906. - М.: Госуд. изд-во худ. лит, 1954. - С. 260.

основание слободы «Выездной» положили вскоре после основания города Арзамаса и покорения Казани 600 казаков, посланных царем Иоанном Грозным.для бдительного присмотра за мордвой и татарами и для охранения от них мирных жителей новопостроенного города Арзамаса». ¹ Впоследствии казаки стали сельскими обывателями дворцового ведомства, а в 1635 году слобода была пожалована царем Михаилом Федоровичем боярину Борису Михайловичу Салтыкову. ² Помещики рода Салтыковых владели Выездной Слободой вплоть до отмены крепостного права в 1861 году.

Алексей Петрович Забродин родился 1 февраля 1862 года в семье крестьянина Петра Николаевича и Екатерины Васильевны Забродиных. ³

В возрасте 22 лет Алексей Забродин женился на крестьянской девице Пелагее Ивановне Согоновой 30 лет от роду. ⁴ А таинство брака совершал иерей Николай Лузин, который впоследствии стал

¹ Лузин, Н. Письма Из Выездной Слободы. Письмо 1. / Н. Лузин // Нижегородские Губернские Ведомости. – 1896. - № 16,17,20,21,22.

² Полисадов, Г. Село «Выездная Слобода» Арзамасского уезда и достопримечательности оногo села/ Г. Полисадов// Нижегородские Епархиальные Ведомости. – 1891. - № 3,4.

³ Ф. 203 Оп.1. д.2. л. 271 об. – 272.

⁴ Ф. 203 Оп.1. д.7. л. 223 об. – 224.

одним из летописцев Выездной Слободы (Лузин Н. Письма из Выездной Слободы// Нижегородские губернские ведомости. – 1896. - № 16, 17, 20, 21, 22). В семье Забродиных родилось девять детей: дочери Анна (1888г.р.)¹, Елена (1894г.р.)², Екатерина(1898г.р.)³ и Олимпиада(1902г.р.)⁴; сыновья Владимир(1890г.р.)⁵, Иван(1894г.р.)⁶, Михаил(1895г.р.)⁷, Павел(1897г.р.)⁸, Николай. Семья жила на улице Погибаловка вблизи Брехова болота, названная так из-за постоянных грабежей и разбоя, совершаемых в прошлые века местным населением.⁹

Первую встречу с Забродиным Горький запомнил и подробно описал в рассказе «Как я учился».¹⁰ Однажды в праздник (на Троицу или в День Св. Духа), явился в дом к Алексею Максимовичу «кривой человек в поддевке, с узлом под мышкой», и предложил писателю купить сапоги. Горький отказался. Тогда кривой, подозрительно заглянув в дверь соседней комнаты, тихонько спросил, нет ли у господина писателя хорошей книжечки, насчет законов жизни что-нибудь почитать. Горький дал ему книгу Дрейфуса «Мировая и социальная эволюция». Сапожник поблагодарил писателя за книгу и, пообещав прийти через несколько дней, ушел.¹¹

Не случайно Алексей Максимович называет своего нового зна-

¹ Ф. 203 Оп.1. д.7. л. 285 об. – 286.

² Ф. 203 Оп.1. д.8. л. 332 об. – 333.

³ Ф. 203 Оп.1. д.9. л. 195 об. – 196.

⁴ Ф. 203 Оп.1. д.10. л. 134 об. – 135.

⁵ Ф. 203 Оп.1. д.8. л. 107 об. – 108.

⁶ Ф. 203 Оп.1. д.8. л. 332 об. – 333.

⁷ Ф. 203 Оп.1. д.9. л. 22 об. – 23.

⁸ Ф. 203 Оп.1. д.9. л. 123 об. – 124.

⁹ Исторические сведения о городе Арзамасе собранные Николаем Щегольковым. Арзамас: тип. Н. Доброхотова, 1911г. [Репринтное издание. – г. Ярославль: Ярослав. полиграфкомбинат Мин. печати и информ. РФ, 1992]. – С. 135-136.

¹⁰ Впервые, под заглавием «О книгах», напечатано в газете «Новая жизнь (Петроград), 1918, № 102 , 29(16) мая с указанием от редакции: «читано на митинге 28 мая»; и в газете «Книга и жизнь», 1918, №1, 29 мая с подзаголовком «Рассказ». В июне 1918 г., когда обществом «Культура и свобода» готовилось отдельное издание рассказа, он получил название «Как я учился», был дополнен и подвергнут значительной правке. Новые поправки по сравнению с названным изданием внесены Горьким (в частности, изменено начало) при подготовке рассказа для отдельного издания Гржебина (Берлин –Петербург – Москва, 1922).

¹¹ Горький, М. Как я учился./ М. Горький // Горький М. Собр. соч.: в 25т. Т. 16. Повесть, рассказы, очерки, стихи. 1917-1924. - М.: изд-во «Наука», 1973. - С. 418-419.

когого «кривым». Ведь особенность внешности Забродина становится его нарицательным именем. В письмах Пятницкому Горький так и пишет - «кривой сапожник».¹

По воспоминаниям дочери Забродина Олимпиады Алексеевны (в замужестве Старинновой) ее отец окривел в детстве на левый глаз, когда взорвался «пистон». Жена сына Николая, Екатерина Германовна Забродина (в девичестве Куйзова), также запомнила «кривого» свекра. Софья Михайловна Андропова так описывает односельчанина: «он был среднего роста, кривой, круглолицый. Николай Забродин был очень похож на отца».

Говоря о физическом недостатке сапожника, Горький несколько не умаляет личностных качеств Забродина. Алексей Максимович в рассказе «Как я учился» изображает его человеком начитанным и мыслящим, чьи взгляды уже не могли укладываться в привычную картину жизни. Перед читателем предстает человек, который хочет отвечать за себя и свою жизнь, не «покорствуя высшим предначертаниям Божиим»²: «Я желаю отвечать, по примеру святых отцов, только иначе – не подчинением, а сопротивлением злу жизни!», «- Всякое подчинение – зло, потому что оно укрепляет зло! Я уж так решил для себя – отвечаю за все!»³. Горький отмечает, что формированию взглядов этого «милого» и «умного человека»⁴ способствовали книги, которые и в жизни самого писателя сыграли важную роль. «Так же, как и в кривом сапожнике, книги воспитали во мне чувство личной ответственности за все зло жизни и вызвали у меня религиозное преклонение перед творческой силой разума человеческого», – пишет Алексей Максимович.⁵ Зная увлечение Забродина астрономией, писатель просил Пятницкого прислать «какое-нибудь солидное сочинение по астрономии».⁶ В письме к своему другу он искренне вос-

¹ [Письмо к К.П. Пятницкому от 23-24 июня [6-7 июля по н.ст.] 1902, Арзамас]. // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906. - М.: Госуд. изд-во худ. лит, 1954. - С. 263.

² Горький, М. Как я учился./ М. Горький // Горький М. Собр. соч.: в 25т. Т. 16. Повесть, рассказы, очерки, стихи. 1917-1924. - М.: изд-во «Наука», 1973. - С. 419

³ Там же. С. 420.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 421.

⁶ [Письмо к К.П. Пятницкому от 20 или 21 июня [3 или 4 июля] 1902, Арзамас] // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906. - М.:

торгается тяге к знаниям Забродина: «Клейн, Юнг, Чемберс, Фламарион – все это читано им.Обладая страстью дележки своими знаниями, сей господин поглощает книги, как огонь».¹ Со слов сына сапожника Н.А. Забродина в доме было действительно много книг, и его отец читал даже по ночам.

Забродин А.П. произвел настолько большое впечатление на Горького, что послужил прототипом главного героя в повести «Городок Окуров» – Якова Захарова Тиунова. А прототипом описываемого места стал г. Арзамас и его окрестности. Картины жизни мещанства, нарисованные в этом произведении, напоминают картины жизни арзамасских мещан в начале XX столетия. С «Городком Окуровым» в русском языке появилось понятие «окуровщина» - как обобщение некоторых типичных явлений русской жизни, символ определенного миропонимания, символ дремотного бытия жителей провинциальных городков старой России.

Яков Тиунов – это человек «высокий, сухой, жилистый», с темным и сухим лицом, «выбитыми зубами». Походка его неспешная, движения солидные, голос спокойный и глуховатый, «речь его носит оттенок книжный, и это усиливает значение ее». Также как и Забродин, Тиунов - без одного глаза. Яков «...как все кривые» держал «голову всегда склоненною немного на бок». Еще одно сходство персонажа и Забродина – это страсть к книгам: «...дома кривой читал свои большие книги и порою разговаривал сам с собою...». К тому же из города Тиунов приносил газеты.²

Отношение Забродина к сапожному ремеслу и действительности вообще Горький выражает словами Тиунова: «Бумажный рубль есть, значит и – деревянный, али глиняный – можно сделать. А вот ежели ты сапог из бересты склеишь – это уж обман! Сапог есть вещь, а деньги – дрянь!».³

Многие черты сапожника Забродина здесь явно прослеживаются, но писатель многое и выдумал. Правда, теперь сложно достоверно сказать - что конкретно.

Госуд. изд-во худ. лит, 1954. - С. 260.

¹ Там же.

² Горький, М. Городок Окуров / М. Горький // Горький М. Собр. соч. Т. XI. 1909 - 1911. – Москва, Ленинград: Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1933. – С. 15 – 16, 24.

³ Там же. С. 17.

Во время арзамасской ссылки между Горьким и «кривым сапожником» завязались по-настоящему приятельские отношения. Забродин не раз бывал у писателя, и сам Горький к нему навещивался. Как вспоминает их современник К.М. Корнилов, в Ильин день Горький, глядя на р.Тешу и Выездную Слободу, сказал: «Завтра туда пойду - в Выездное.... У меня там приятель есть...».¹

Когда Алексей Максимович приходил к «кривому сапожнику», то заметил, что крыша его дома худая, протекает. Горький договорился так: «Ты Алексей Петрович, сад мне помоги обработать, а я тебе крышу устрою». Вскоре А.П. Забродин с братом жены А.И. Согановым выполнили просьбу Горького. Крыша же была покрыта новым железом.

Забродин очень ценил общение с писателем и, как потомственный сапожник, не мог не шить обувь новоприобретенному другу. Однажды Алексей Петрович сказал: «Надо шить сапоги одному хорошему человеку – писателю Максиму Горькому, на особый манер».² Именно этот особый манер выездновские сапожники долго помнили впоследствии и часто говорили: «сапоги на манер Горького».

Сапожный промысел на выездновской земле уже к 30-м годам 18 века был полным развитием. А на 1880-е гг. приходился его расцвет вследствие давности промысла и известности выездновских мастеров, новооткрытых путей сбыта и большого спроса на сапожный товар. Благодаря отечествоведу и фольклористу Андрею Васильевичу Карпову (1857 – 1885) история этого ремесла была освещена в статье «Сапожный промысел в Выездной слободе Арзамасского уезда» (Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, 1880, вып.3, отд.2. с. 29-44). Карпов выделял три категории сапожников: «около 25 домов крупных самостоятельных хозяев, около 75 домов мелких самостоятельных сапожников, и около 500 домов несамостоятельных сапожников».³ «Крупные хозяева» давали

¹ Корнилов, К.М. В Арзамасской ссылке / К.М. Корнилов// А.М. Горький нижегородских лет. Воспоминания. / сост. А.И. Елисеев, науч. ред. С.С. Зиминой. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. – С. 207.

² Плетнев, П. П. М. Горький в Арзамасе/ П.П. Плетнев. – Горький: Горьковское краевое изд-во, 1933. – С. 61.

³ Карпов, А.В. Сапожный промысел в Выездной Слободы Арзамасского уезда./ А.В. Карпов// Кустарные промыслы Арзамасского уезда/ ред.-сост. Е.П. Титков, Ю.А.

кроеные сапоги в работу несамостоятельным мастерам, мелкие самостоятельные сапожники работали только сами со своими семьями. Редкий сапожник работал один - обыкновенно ему помогли дети, женщины и ученики.

Забродину А.П. на время выхода статьи Карпова в 1880г. исполнилось 18 лет, поэтому черты описываемого ремесла и уклад жизни выездновцев были свойственны и семье его отца. К 1902 году Алексей Петрович вполне мог стать «самостоятельным сапожником» мелкой руки. Про социальное положение семьи А.П. Забродина Горький упоминает в письме к Пятницкому. Он пишет, что его знакомый не может покупать книги и что «он одиночка-кустарь, много-семеен и беден».¹ Со времени выхода статьи Карпова и до времени знакомства Горького и Забродина многое в условиях жизни и труда жителей слободы могло поменяться. Однако главные традиции ремесленного производства остались прежними. Так, Екатерина Германовна Забродина (1901г.р.) рассказывала: «раньше все работали на дому». Ее муж Николай Алексеевич вспоминал: «В 1902 г. я был мальчишкой, но уже учился сапожному ремеслу (у нас все село, и мужчины и женщины, шьют сапоги)».²

Время, в которое жил Забродин, было непростым для России. Начало XX века ознаменовалось значительным общественным подъемом, экономическим кризисом 1901-1903гг., явственно обозначились симптомы назревающего революционного кризиса. Недовольство существующими порядками охватывало уже широкие слои населения. И провинциальный город Арзамас не остался в стороне.

В 90-х гг. XIXв. в Арзамасе появились первые тайные революционные кружки, в состав которых входили, главным образом, представители передовой интеллигенции. Организатором социал-демократического движения в Арзамасе стала Мария Валерьяновна Гоппиус. Она приехала в Арзамас в 1899г. из Москвы, где была чле-

Курдин, А.В. Пряников; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. – С. 73

¹ [Письмо к К.П. Пятницкому от 20 или 21 июня [3 или 4 июля] 1902, Арзамас] // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906. - М.: Госуд. изд-во худ. лит., 1954. - С. 260.

² Плетнев, П. П. М. Горький в Арзамасе/ П.П. Плетнев – Горький: Горьковское краевое изд-во, 1933. - С. 61.

ном революционного кружка В.В. Воровского. Её муж, Евгений Александрович Гоппиус, был назначен главным инженером на строительство железной дороги Арзамас – Казань. М.В. Гоппиус с помощью учителя А.В. Кистанова организовала социал-демократический кружок и в Выездной Слободе. Поначалу в его составе были учителя, служащие и лишь двое рабочих-сапожников А.П. Забродин и Н.П. Бабилов. Позднее под руководством Забродина кружок расширился за счет рабочих.¹

Есть одно интересное письмо М.В. Гоппиус Горькому, приведенное Плетневым П.П.² в книге «Горький в Арзамасе»:

«Я свела к нему (М. Горькому – П.П.) тов. Забродина из Выездного, который служил у меня связью с кружком сапожников. С кружком этим я имела связь, насколько помню, с 1898 года. Давала я им книги и литературу через этого Забродина. Как развивались дальше отношения у А.М. Горького с Забродиным и кружком, я уже не знаю, т.к. уехала вскоре из Арзамаса».³

Из письма становится понятно, по какой причине все-таки произошло знакомство писателя и сапожника, и что их объединяло.

О характере встреч Горького, Забродина и других кружковцев Николай Забродин вспоминал: «отец приносил от Горького книги, а по вечерам к нам приходили соседи-сапожники и вместе с отцом читали и беседовали.»⁴ Иногда читать собирались у Н.П. Бабилова, летом уходили в сад или на пасеку к Аносову. При этом выставлялась сторожевая охрана от полиции.⁵

Николай Забродин часто рассказывал своей жене Екатерине Германовне об отце, кружке и Горьком. Муж говорил ей, что писатель ходил к Забродину – отцу, и они собирались в саду, в бане. Среди кружковцев она вспоминала садовода Соганова Алексея Ивановича-

¹ Иванов, А.А. Очерки и рассказы./ А.А. Иванов. – Чебоксары: РГУП «Чебоксарская типография № 1», 2001. - С.324-325.

² Плетнев Пантелеймон Петрович – преподаватель средней школы им. Ворошилова г. Арзамаса. Был среди арзамасской делегации на похоронах А.М. Горького.

³ Плетнев, П. П. М. Горький в Арзамасе/ П.П. Плетнев. – Горький: Горьковское краевое изд-во, 1933.- С. 60.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Иванов, А.А. Очерки и рассказы./ А.А. Иванов. – Чебоксары: РГУП «Чебоксарская типография № 1», 2001. - С. 325.

ча (родного брата жены Забродина А.П.), который впоследствии стал инициатором организации «Ленинского садика». Сосед Соганова - Бабиков Алексей Николаевич, Иван Сергеевич Кобызов (был приказчиком в книжной лавке), Казаков Василий Романович, Шапочкин Николай Васильевич со своим слепым братом Александром тоже были связаны с кружком «кривого сапожника». В 1936 году, уже после смерти Горького, в газете «Арзамасская правда» выйдет статья Кобызова И.С. о Горьком времен арзамасской ссылки. О встречах с писателем он напишет: «Однажды летом М. Горький пришел к нам в село Выездное, принес разной революционной литературы. Мы много беседовали, пили пиво, пели его любимые песни «Солнце всходит и заходит», «Отречемся от старого мира» и другие.»¹

Вряд ли деятельность кружка ограничивалась чтением и обсуждением книг. Скорее всего, они также распространяли листовки революционного содержания. Забродина Е.Г. вспоминала об опасениях жены «кривого сапожника» за мужа: однажды А.П. Забродин написал с друзьями какие-то листовки, но Пелагея Ивановна пригрозила, что расскажет всем, и листовки изорвали; когда утром пришел Горький, их уже не было.

В Арзамасском же кружке листовки и прокламации сначала размножали на гектографе, а с мая 1902г. они стали поступать из Понетаевской нелегальной типографии Нижегородского комитета РСДРП, созданной с помощью А.М. Горького. Впоследствии появление нелегальной литературы в Арзамасе и уезде весьма обеспокоило полицию. Н.А. Забродин вспоминал это беспокойное время: «В 1906 г., когда в Арзамасе и в Выездном шли повальные обыски и аресты, мой отец сжег все книги, которые он в прежние годы натаскал из города. Вероятно, среди этих книг были и книги, данные М. Горьким, поскольку позднее отец часто поминал А.М. Горького».²

Общение выездновских сапожников с таким незаурядным человеком как Алексей Максимович Горький, фигурой мирового масштаба, не могло не повлиять на них. В 1905г. многие выездновцы,

¹ Кобызов И.С. Незабываемые встречи / И.С. Кобызов // Арзамасская правда. – 1936. – 20 июня. – С. 2.

² Плетнев, П. П. М. Горький в Арзамасе/ П.П. Плетнев. – Горький: Горьковское краевое изд-во, 1933. - С. 61.

как например братья Кистановы, активно участвовали в революционных событиях, и один из них состоял членом местной организации большевиков.¹ Даже после отъезда, Алексей Максимович не забывал о новых товарищах в Выездной Слободе. Кобызов И.С. вспоминал, что в «1902 году нас [жителей Выездного], друживших с Горьким было 7 человек, а в 1905 году было уже больше 20.»² Несомненно, среди этих людей был и Алексей Петрович Забродин. Он, воодушевленный новыми знаниями и идеями, по словам Горького «действительно честно сопротивлялся злу жизни и спокойно погиб в 907-м году»³. В воспоминаниях же его невестки Е.Г. Забродиной, свекор умер в 1918 году. Однако, ни та ни другая дата архивными данными пока не подтверждается.

Горький также многое вынес из общения с его арзамасским окружением. Эти впечатления нашли отражение в его творчестве. Както он написал Пятницкому про обсуждение книги Мадзини «Об обязанностях человека» с попом (священником Ф.И. Владимирским) и сапожником Забродиным. Его собеседники были такого мнения: «Что есть лучше человека? Ничего нет, государь мой! Так и знайте - ничего нет! И другим поведайте - нет ничего, что было бы лучше человека в мире сем!»⁴ И Горький «поведал». Возможно, благодаря таким беседам в пьесе «На дне», законченной в Арзамасе, как главная мысль появились слова: «Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека».

¹ Там же.

² Кобызов И.С. Незабываемые встречи / И.С. Кобызов // Арзамасская правда. – 1936. - 20 июня. – С. 2.

³ Горький, М. Как я учился / М. Горький // Горький М. Собр. соч.: в 25 т. Т. 16. Повесть, рассказы, очерки, стихи. 1917-1924. - М.: изд-во «Наука», 1973. - С. 420.

⁴ [Письмо к К.П. Пятницкому от 23-24 июня [6-7 июля по н.ст.] 1902, Арзамас]. // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906.- М.: Госуд. изд-во худ. лит, 1954. - С. 263-264.

О ВРЕДЕ И ПОЛЬЗЕ

Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сборник / Авт. проекта Ю.А. Курдин; сост., вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ. – Арзамас: АГПИ, 2011. – 614 с.

Крепостное право в России – тема, которая еще долгие и долгие годы будет постоянно находиться в центре внимания отечественной научной и общественной мысли. Причины этого вполне понятны: крепостничество господствовало в России в течении нескольких столетий; с момента его отмены прошло всего 150 лет, а зримые элементы крепостничества сохранялись до начала XX века. Более того, в скрытой форме эти элементы воспроизводились и в советской социально-экономической системе (напомню, что сельским жителям в СССР только в 1958 г. разрешили свободно получать паспорта). Иначе говоря, не только наши далекие пращуры, но и вполне реальные деды и прадеды ощутили на себе тяжелую длань крепостного гнета.

Критические оценки крепостного права в русской общественной мысли начали звучать где-то с середины XVIII века. Сначала возникли сомнения в его экономической целесообразности, потом заговорили о его губительном влиянии на нравственную атмосферу русского общества, наконец, появились призывы к ликвидации крепостной системы насильственным путем. А уже на протяжении всей первой половины XIX столетия постоянно крепло и распространя-

лось убеждение в том, что крепостничество – это сугубо отрицательное явление русской жизни, которое необходимо обязательно уничтожить любым способом. Надо сказать, что подобное убеждение сохраняется и до сей поры. При этом отрицательное отношение к крепостному праву переносится на весь исторический период его существования, а не только на последние сто – сто пятьдесят лет. Иначе говоря, возникает впечатление, что с самого начала крепостная система играла в русской истории исключительно негативную роль.

Между тем в современной исторической науке оценки крепостного права в истории России давно уже изменились. Во-первых, признается, что крепостная система оказалась в России явлением неизбежным, ибо в условиях сурового климата России и низкодоходного характера хозяйствования, это была единственно возможная система насильственно-принудительного изъятия прибавочного продукта у населения для решения общегосударственных задач, охраны границ, содержания армии и господствующих сословий. Во-вторых, сама крепостная система рассматривается не как некое неизменное явление, а как явление развивающееся, изменчивое, в зависимости от изменения конкретно-исторических условий. При таком подходе оказывается, что крепостная система сыграла заметную *положительную* роль в отечественной истории, ведь именно она обеспечила превращение России в XVII–XVIII веках в могущественную мировую державу. К началу XIX столетия крепостная система достигла пика своего развития, а затем ее господство стало задерживать дальнейшее благодатное развитие государства и народа. Ну и, естественно, никакими «объективными» обстоятельствами невозможно оправдать бесчеловечного, безнравственного обращения помещиков со своими крестьянами, что, к сожалению, было очень распространено в России, особенно во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

Именно об этом, последнем столетии господства крепостного права в России, когда крепостничество уже откровенно превратилось в главное препятствие на историческом пути нашего народа, и рассказывает новая книга «Ярем барщины старинной...», выпущенная в Арзамасском государственном педагогическом институте им. А.П. Гайдара. Эта книга представляет собой сборник материалов и документов, подготовленных к изданию коллективом преподавателей АГПИ под руководством кандидата филологических наук, доцента

А.Ю. Курдина и под научной редакцией доктора исторических наук, профессора Е.П. Титкова.

Рассказ о крепостной системе имеет в этом сборнике некоторые, так сказать, географические рамки: в состав книги привлечены материалы, связанные с только регионом Нижегородского Поволжья, что вполне понятно, учитывая местоположение института. Зато авторский коллектив постарался дать читателям максимально полное представление о крепостничестве в своем историческом регионе – в сборнике опубликованы не только архивные материалы и документы, но также исследования, мемуары, произведения художественной литературы и народного фольклора.

В соответствии со спецификой материалов, сборник делится на тематические разделы. В первом разделе публикуются архивные документы, во втором – работы позднейших исследователей, в третьем – воспоминания современников о крепостном праве, в четвертом – литературные сочинения, наконец, в пятом разделе представлены материалы устного народного творчества.

Сами по себе материалы, представленные в сборнике, очень информативны, интересны и поучительны. Искусно подобранные, они в самом деле показывают, с одной стороны, противоречивый характер крепостной системы, которая сочетала в себе как положительные, так и отрицательные черты, но, с другой стороны, вполне наглядно демонстрируют процесс превращения крепостной системы в откровенно сдерживающий фактор исторического развития России. Иначе говоря, помогают нам, читателям порассуждать и подумать как о вреде, так и пользе крепостного права. Стоит, к примеру, только прочитать воспоминания крестьянина Н.Н. Шипова, отец которого, будучи крепостным, имел более чем преуспевающее хозяйство, «ворочал» немалыми капиталами, смог дать сыну вполне достойное образование, но все это хозяйство оказалось разрушено в самые короткие сроки из-за самодурства помещика и его присных.

Немало интересного можно найти в архивных документах. Здесь особенно яркой оказывается подборка свидетельств о повседневной жизни крепостной России, о взаимоотношениях помещиков и их крепостных, отношениях между крепостными крестьянами, иногда очень сложных для понимания даже в то время. Столь же полезной и информативной оказываются и публикация трудов исследователей XIX в. В.И. Снежневского и А.Ф. Можаровского. В частно-

сти, работы Снежневского представляют очень масштабную картину побегов крепостных крестьян, а также раскрывают характер трагических событий, сопровождавших отмену крепостного права в Нижегородской губернии. Художественную реконструкцию прошлого читатель найдет в публикациях рассказа П.И. Мельникова-Печерского «Старые годы» и повести П.В. Еремеева «Крик свободы». Ну а самый занимательный и оригинальный раздел во всем сборнике – это, наверное, раздел под названием «Из кладовой народной памяти», а именно тот, в котором собраны материалы устного народного творчества, в большинстве своем собранные студентами филологического факультета АГПИ во время фольклорных экспедиций по Арзамасскому краю или сообщенные учителями сельских школ южных районов Нижегородской области.

В целом же, думается, можно поздравить творческий коллектив арзамасских ученых с очередным удачным изданием, а всех нас – с новой книгой, столь интересно рассказывающей нам о нашем же прошлом.

*С.В. Перевезенцев,
доктор исторических наук*

**Протокол от 11 мая 2012г.
заседания Комиссии творческого конкурса
на лучшую просветительскую работу
имени Петра Васильевича Еремеева**

Присутствовали: Е.П.ТИТКОВ – ректор АГПИ, Председатель Комиссии; Т.М. ИЛЬЧЕНКО- директор департамента культуры администрации г. Арзамаса; Ю.А. КУРДИН – руководитель Арзамасского отделения Нижегородского писательской организации, член комиссии; Б.С. КОНДРАТЬЕВ – председатель Нижегородского отделения Общественного международного фонда славянской письменности и культуры, исполнительный секретарь Комиссии; С.Н. ПЯТКИН – проректор по научной работе и вопросам воспитания АГПИ, член комиссии; С.П. НИКОНОВ - начальник редакционно-издательского отдела АГПИ, член комиссии.

Слушали: Определение лауреатов и дипломантов творческого конкурса им. П.В. Еремеева

Постановили: Обсудив творческие работы, признать победителями следующих участников конкурса:

Лауреаты творческого конкурса П.В. Еремеева

Арефьев В.П. (Арзамас) - номинация «**Литература**» (**Проза**)

Поповский А.В. (с. Казаково Арзамасского р-на) - «**Литература**» (**Поэзия**)

Инжутов А.А. (Шатки) – номинация «**Краеведение**»

Шемяков Н.А. (Вознесенское) – номинация «**Журналистика**»

Меженин В.М. (Дзержинск) – номинация «**Публицистика**»

Климкова Л.А. (Арзамас) – номинация «**Мемуаристика**»

Коллектив детской театральной студии Воскресной школы при храме святого Духа (директор школы Шершова С.А.) (Арзамас) - номинация «**Театр, эстрада, танцы**»

Дипломанты творческого конкурса П.В. Еремеева

Гордеева Е.В. (Арзамас) - номинация «Журналистика»

Мартиросян А.А. (Арзамас) - номинация «Танцы, театр, эстрада»

Андронов А.С. (Арзамас) - номинация «Танцы, театр, эстрада»

Олейник М.А. (Арзамас) - номинация «Танцы, театр, эстрада»

Награждения победителей конкурса состоялось **24 мая в 10.00 ч**, в Большом Актовом зале АГПИ.

Председатель комиссии

Е.П. Титков

Секретарь комиссии

Б.С.Кондратьев

***Творческий конкурс имени П. В. Еремеева
продолжается.***

***Ждём Ваши работы, уважаемые авторы!
В следующем, 2013 году, будут подведены
итоги уже восьмого конкурса на лучшую про-
светительскую работу.***

Литературно-художественное и научно-популярное издание
АРЗАМАССКАЯ СТОРОНА
Альманах
Выпуск 6

Материалы альманаха представлены в авторской редакции
Технический и художественный редактор С.П. Никонов
Рисунки Е.В. Белянцевой, И.Ю.Лазунина
Вёрстка, оформление А.А. Исакова

Лицензия ИД №04436 от 03.04.2001. Подписано в печать 11.05.12
Формат 60x84/16. Усл. печ. листов 28,3. Тираж 200 экз. Заказ № 572

Издательство
Арзамасского государственного педагогического института
им. А.П. Гайдара
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. К. Маркса,36,
тел. (83147)3-10-35, 4-15-17, тел/факс 4-15-53, e-mail: agpi@nts.ru.

Типография Нижегородского государственного университета
им. Н.И.Лобачевского
603600, г. Н.Новгород, ул. Б.Покровская, 37.